Ассиро-вавилонский эпос

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК

ЛИТЕРАТУРНЫЕ ПАМЯТНИКИ

Ассиро-вавилонский эпос

Переводы с шумерского и аккадского языков
В. К. Шилейко

Издание подготовил В. В. Емельянов

Санкт-Петербург
«НАУКА»
2007

УДК 82:398
ББК 82.3(0)
А90

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ СЕРИИ
«ЛИТЕРАТУРНЫЕ ПАМЯТНИКИ»

В. Е. Багно, Н. И. Балашов (председатель), *А. Н. Горбунов, Р. Ю. Данилевский, Н. Я. Дьяконова, Б. Ф. Егоров* (заместитель председателя), *Н. В. Корниенко, Г. К. Косиков, А. Б. Куделин, А. В. Лавров, И. В. Лукьянец, А. Д. Михайлов* (заместитель председателя), *Ю. С. Осипов, М. А. Островский, И. Г. Птушкина* (ученый секретарь), *Ю. А. Рыжов, И. М. Стеблин-Каменский, Е. В. Халтрин-Халтурина, А. К. Шапошникова, С. О. Шмидт*

Ответственный редактор
И. М. СТЕБЛИН-КАМЕНСКИЙ

Федеральная целевая программа «Культура России»
(подпрограмма «Поддержка полиграфии и книгоиздания России»)

© В. К. Шилейко, перевод на русский язык, комментарии, 2007
© В. В. Емельянов, составление, статья, примечания, 2007
© Т. И. Шилейко, А. В. Шилейко, 2007
© Российская академия наук и издательство «Наука», серия «Литературные памятники» (разработка, оформление), 1948 (год основания), 2007

ТП 2007-II-293
ISBN 978-5-02-026463-2

ШУМЕРСКАЯ ЛИТЕРАТУРА

ЦАРСКИЕ НАДПИСИ

НАДПИСИ УР-НАНШЕ[1], ЦАРЯ ЛАГАША

I

Ур-Нанше,
царь
Лагаша,
сын Гуниду,
сын Гурсара[2],
храм Нанше[3]
построил,
дом[4] Гирсу
построил,
избранный Гирсу
канал
провёл[5],
купель
построил[6],
дом супруги[7]
построил.

II

Ур-Нанше,
царь
Лагаша,

сын
Гуниду,
храм Нингирсу
построил,
большую ограду[8]
построил,
храм Нанше
построил,
ки-нир[9]
построил,
Багару[10]
построил,
дом супруги
построил,
храм скиптра[11]
построил,
Шешгар[12]
построил,
рощу Тираш[13]
построил,
храм Гатумдуг
построил,
купель
построил.
В день, когда храм Нингирсу
он построил,
70 гуров зерна
в дом запасов он положил[14].
В Ма...
в горах,
деревья срубил он[15],
стену Лагаша
построил[16],
Нанше, свою госпожу[17],
изваял,
малую купель
построил.

НАДПИСЬ АКУРГАЛЯ, ЭНСИ ЛАГАША

Богу
Нингирсу
Акургаль,
энси[1]
Лагаша,
сын Ур-Нанше,
царя
Лагаша,
Антасурру
построил.

НАДПИСИ ЭАННАТУМА, ЭНСИ ЛАГАША

I

Эаннатум,
энси
Лагаша,
одарённый властью
Энлилем,
вскормленный святым молоком
Нинхурсаг,
чьё имя названо
Нингирсу,
избранник сердца
Нанше,
сын Акургаля,
энси
Лагаша.
Когда горный Элам
он поразил,

Уруа
он поразил,
Умму
он поразил,
Ур
он поразил —
тогда
богу Нингирсу
на его широком дворе
водоём Эдин-ингарра[1]
он построил;
его бог —
Шуль-Утуль[2].
Тогда
Нингирсу
Эаннатума
возлюбил.

II

Богу Нингирсу —
Эаннатум,
энси
Лагаша,
чьё имя назвал
Энлиль,
одарённый властью
Нингирсу,
избранник сердца
Нанше,
вскормленный святым молоком
Нинхурсаг,
названный добрым именем
Инанной[3],
одарённый премудростью
Энки,
любимец
Думузи-абзу,
прорицатель

Хендурсага,
любимый товарищ
Лугаль-урукара[4],
сын Акургаля,
энси
Лагаша[5].
Для бога Нингирсу
Гирсу
он обновил,
стену «святого квартала»[6]
построил,
для богини Наншe
Нину[7]
построил.
Эаннатум
грозный горный Элам
поразил,
гору трупов
насыпал.
Знамя Уруа
его
энси
вынес вперед —
он его поразил,
гору трупов насыпал.
Умму
он поразил,
гору трупов
насыпал;
богу Нингирсу
его любимое поле
Гу-Эденну
он возвратил.
Урук
он поразил,
Ур
он поразил,
Ки-Уту[8]

он поразил,
Уруаз
завоевал он,
его энси
убил,
Мишиме
завоевал он,
Аруа
он уничтожил.
Эаннатум,
чьё имя назвал
Нингирсу,
горным странам
разбил главу[9]
Когда царь Акшака[10]
вышел войной,
Эаннатум,
чьё имя назвал
Нингирсу,
Зузу,
царя Акшака[11],
до самого Акшака
гнал
и там уничтожил.
Тогда Эаннатум[12]
богу Нингирсу
выкопал новый канал,
Луммагимду[13]
по имени он его назвал.
Эаннатуму,
внявшему слово
бога Нингирсу,
Эаннатуму,
энси
Лагаша,
богиня Инанна,
его возлюбленная сердцем[14],
к энсиату

Лагаша
царство[15] над Кишем
прибавила[16].
Эаннатум
Эламу разбил главу,
прогнал Элам в его горы,
Кишу разбил он главу,
царя Акшака он
прогнал в его землю.
Эаннатум,
энси
Лагаша,
воитель
бога Нингирсу,
Элам и Шубур
поразил,
Киш, Акшак
и Мари
в Антасурре
бога Нингирсу
он поразил.
Богу Нингирсу
Луммагимду
выкопал он
и принес в подарок.
Эаннатум,
одарённый мощью
богом Нингирсу,
канал Луммагимду
в 3600 гуров воды
устроил;
Эаннатум,
внемлющий слову
бога Нингирсу,
чей бог
Шуль-Утуль,
дворец Тираша
построил;

он — сын Акургаля,
энси
Лагаша,
его предок
Ур-Нанше,
энси
Лагаша.

НАДПИСИ ЭНАННАТУМА I, ЭНСИ ЛАГАША

I

Богу Нингирсу,
воину[1] Энлиля,
Энаннатум,
энси
Лагаша,
воитель
бога Нингирсу[2],
сын Акургаля,
энси
Лагаша, —
богу Нингирсу
ступку для лука[3]
он изготовил
и за свою жизнь[4]
богу Нингирсу
в храме Э-нинну
её посвятил.

II

Энаннатум,
энси
Лагаша,
чьё имя названо

Инанной.
Когда большую ограду
он построил
и Эанну
странами одарил[5] —
тогда Лумматур,
сын Энаннатума,
энси
Лагаша,
выстроил террасу[6]
и для Эанны
её предназначил.

НАДПИСЬ ЭНМЕТЕНЫ[1], ЭНСИ ЛАГАША

По верному слову
Энлиля,
царя земель,
отца богов,
бог Нингирсу
с богом Уммы
страну поделил.
Месилим,
царь Киша,
по слову бога Иштарана[2]
разрезал поле[3]
и на границе поставил стелу.
Уш,
энси
Уммы,
по тёмным замыслам
стал поступать[4]:
эту стелу
он удалил,

в область Лагаша
он вторгся.
По правдивому слову
бога Нингирсу,
воина Энлиля,
Умме
сражение
было дано.
По слову Энлиля
упала великая сеть,
горы из трупов
были воздвигнуты в поле.
Эаннатум,
энси
Лагаша,
предок Энметены,
энси
Лагаша,
с Эннакале,
энси
Уммы,
страну поделили[5]:
от большой реки
до Гу-эденны
провёл он межу,
стелу на этой меже
он написал,
стелу Месилима
он поставил обратно,
в область Уммы
он не ходил;
в *имдуббе*
бога Нингирсу
и в Намнундакигарре
выстроил храм Энлиля,
храм Нинхурсаг,
храм Нингирсу
и храм Уту.

Урлумма,
энси
Уммы,
в пределах
Нингирсу
и в пределах
Нанше
разрушил межи,
стелу
он предал огню
и выбросил прочь;
храмы богов,
которые в Намнундакигарре
были построены,
он разрушил;
он вторгся в земли,
пределы Нингирсу
он перешёл;
Энаннатума,
энси
Лагаша,
на поле Угигга
в земле Нингирсу,
он одолел.
Энметена,
возлюбленный сын
Энаннатума,
разбил врага;
Урлумма
бежал
и в Умме
был он убит;
из его войска 60 человек
на канале Луммагирнунта
он оставил,
трупы этих солдат
бросил он в поле,
пять гор из трупов
нагромоздились.

Тогда Иль был
жрецом в Забаламе[6].
От Гирсу
до Уммы
победоносно
прошёл Энметена;
Иля он сделал
энси
Уммы.
В пределах
Нингирсу,
в пределах
Нины,
в *имдуббе*
Нингирсу,
идущей до берега Тигра,
в Намнундакигарре
Нинхурсаг
он уничтожил межи,
к посевам Лагаша
он прибавил 3600 гуров.
Энметена,
энси
Лагаша,
издал приказ:
Илю,
которому он дал царство,
Илю,
энси Уммы,
в область Каркар,
затеявший злое,
границы Нингирсу
и границы Нанше
установить он велел[7].
Энметена,
энси
Лагаша,

чьё имя назвал
Нингирсу,
по верному слову Энлиля,
по верному слову Нингирсу,
от берега Тигра
до великой реки
провёл границу.
Ложе[8] Намнундакигарры
выложил он камнями,
своему государю
богу Нингирсу,
своей государыне
богине Нанше
он его обновил[9].
Энметена,
энси
Лагаша,
одарённый скиптром
Энлилем,
одарённый разумом
Энки,
избранник сердца
Нанше,
великий энси
Нингирсу,
утвердивший слово богов.
Пусть его бог
Шуль-Утуль
за жизнь Энметены
в будущих днях
перед Нингирсу
и перед Нанше
предстанет.
Если люди Уммы
пределы Нингирсу
и пределы Нанше,
чтобы в свои руки
забрать эту землю,

преступят,
людей ли Уммы,
других ли людей
бог Энлиль
пусть уничтожит,
бог Нингирсу
великой сетью
пусть их накроет,
могучей рукою, могучей ногою
пусть их раздавит;
воины его града
пусть будут гневны,
пусть в его граде
ярость будет в сердцах[10]!

НАДПИСИ УРУКАГИНЫ[1], ЭНСИ ЛАГАША

I[2]

Нингирсу,
воителю Энлиля,
Урукагина,
Царь[3]
Лагаша,
дворец Тираша
построил,
Антасурру
построил,
храм Бау
построил,
бурсаг,
храм её приношений,
построил,
помещение для стрижки овец[4]
в её святом городе

построил,
богине Нанше
канал,
идущий до Нины,
её любимый канал,
провёл он,
её водоём
подобным морской пучине
он сделал,
стену Гирсу
выстроил он.
От древних дней,
изначально,
во все времена
мореходы
жили на кораблях,
погонщики
жили с ослами,
скотоводы
жили при овцах,
рыболовы
жили в затонах,
священник[5]
своим зерном
делился с казной,
овечий пастух
вместо белой овцы
уплачивал деньги,
волы богов
орошали[6]
уделы энси,
лучшее поле богов
было уделом,
было весельем энси;
жрецы отдавали зерно
людям энси;
какой-нибудь жрец
в чужом саду

рубил для себя деревья,
срывал для себя плоды;
когда мёртвого клали в могилу,
ему ставили 7 сосудов с питьём,
ему клали 420 хлебов;
120 ка[7] зерна,
одну одежду,
одного козлёнка,
одну постель
главный жрец похорон
забирал для себя;
60 ка зерна
могильщик
забирал для себя;
когда на кладбище Энки
хоронили человека,
ему ставили 7 сосудов с питьём,
ему клали 420 хлебов;
120 ка зерна,
одну одежду,
одного козлёнка,
одну постель,
одно кресло
главный жрец похорон
забирал для себя;
60 ка зерна
могильщик
забирал для себя;
дом энси,
поле энси,
дом жены,
поле жены,
дом детей,
поле детей
были свободны от платы;
в области
бога Нингирсу
до самого моря

были надсмотрщики,
рабство
существовало в те дни[8].
Когда Нингирсу,
воитель Энлиля,
Урукагине
вручил
царскую власть
над Лагашем
и над 36 000 людей
утвердил его власть, —
законы
прежних времён
изменил[9],
слово, которое царь его,
бог Нингирсу,
ему изрёк,
повсюду он водворил.
Корабельщиков
он отпустил с кораблей,
погонщиков
он отпустил от ослов,
скотоводов
он отпустил от овец,
рыболовов
он отпустил из затонов,
от прибытка зерна
священников
он удалил надзирателей.
От денег
вместо белой овцы
он удалил надзирателей;
от дани, какую жрецы

(1 стр. рукописи отсутствует, строки 126—156 утеряны.)

30 ка зерна
могильщик
забирает себе.

Никакие жрецы
больше не входят
в чужие сады.
Когда у царского подданного
родится
хороший осёл
и его старшина ему скажет:
«Я покупаю [осла]!» —
если он его купит,
пусть человек ему скажет:
«Плати мне деньги сполна».
Если же он не заплатит,
он не смеет отнять его даром.
Если дом вельможи поставлен
рядом с домом подданного царя
и этот вельможа
скажет ему:
«Я покупаю [твой дом]!» —
если он его купит,
пусть человек ему скажет:
«Плати мне деньги сполна!» —
если же он не заплатит,
то этот вельможа
у подданного царя
не смеет отнять его даром.
[Урукагина] повсюду
поставил свободу;
сироте и вдове
сильный отныне
не наносит обиды[10].
С богом Нингирсу
Урукагина
заключил этот договор.
В середине этого года
малый канал в Гирсу,
принадлежащий
богу Нингирсу,
он раскопал,

его прежнее имя
дал он ему:
«Канал Нингирсу,
князя в Ниппуре»
нарёк его Урукагина.
Канал, идущий до Нины,
он уровнял;
этому святому каналу
с чистым руслом
богиня Нанше
текучую воду
пусть принесёт!

II[11]

Люди[12] Уммы
Экибирру
предали пламени,
Антасурру
предали пламени,
унесли серебро и каменья;
во дворце Тираша
они убивали,
у «малой купели»
они убивали,
в храме Энлиля
и в храме Уту
они убивали,
в Ахуше
они убивали,
унесли серебро и каменья;
в храме «Светел Анзу»[13]
они убивали,
унесли серебро и каменья;
в гикане[14]
богини Нинмах,
в священной роще
они убивали,
унесли серебро и каменья;

в святилище Бага
они убивали,
унесли серебро и каменья;
святилище Дугру
они предали пламени,
унесли серебро и каменья;
в храме Абзу-е
они убивали,
храм Гатумдуг
они предали пламени,
унесли серебро и каменья;
статую в нём
они разбили;
ограду святилища Нинни
они предали пламени,
унесли серебро и каменья,
статую в ней
они разбили;
в Шагпадде
они убивали,
унесли серебро и каменья;
в Ки-эше,
во храме Ниндар,
они убивали,
унесли серебро и каменья;
Кинунир,
храм Думузи-абзу,
они предали пламени,
унесли серебро и каменья;
храм Лугаль-уру
они предали пламени,
унесли серебро и каменья;
в Э-энгуре
богини Нины
они убивали,
унесли серебро и каменья;
в храме Ама-гештинны
они убивали,

у Ама-гештинны
унесли серебро и каменья;
с Гинарбаниру[15],
с поля Нингирсу,
сколько засеяно было,
они собрали зерно.
Люди Уммы
тем, что Лагаш
они разорили,
грех совершили
против Нингирсу;
мощь, пришедшая к ним,
от них отойдёт[16].
Нет в том греха
Урукагины,
царя Гирсу;
что до Лугаль-заггиси,
энси Уммы,
его богиня,
богиня Нидаба,
понесёт этот грех
на своей голове[17].

НАДПИСЬ ЛУГАЛЬ-ЗАГГИСИ, ЦАРЯ УРУКА

[1]Когда Энлиль,
царь земель,
Лугаль-заггиси,
царю Урука,
царю страны,
священнику[1] Ану,
пророку[2]
богини Нисабы,
сыну Укуша[3],

энси Уммы,
пророка
богини Нисабы,
тому, на которого Ану
взглянул благосклонным оком,
царю земель,
великому энси
бога Энлиля,
одарённому мудростью
богом Энки,
чьё имя названо
богом Баббаром,
наместнику
Сина,
правителю
Баббара,
хранителю Инанны,
родному потомку
богини Нидабы,
вскормленному святым молоком
Нинхурсаг,
почитателю Меса, жреца Урука
...сыну
Нингиримы[4],
царицы Урука,
великому прозорливцу
богов,
когда Энлиль,
царь земель,
Лугаль-заггиси
господство
над страною
вручил,
когда пред страной
его поставил
и горные земли
подчинил его мощи
и когда от восхода

и до заката
всё покорил он, —
тогда
от нижнего моря
чрез Тигр
и Евфрат
до верхнего моря
его пути
он ему уготовил;
тогда от восхода
и до заката
Энлиль [все земли]
ему поручил.
Все земли в мире
он успокоил,
страну
водой ликованья
он оросил,
в святилищах Шумера,
в энси земель
и среди Урука
в верховные священники
был он поставлен;
тогда
город Урук
радостью
он озарил,
голову Ура
наподобие быка
поднял он до небес,
город Ларсу,
возлюбленный город
бога Баббара,
водой ликования
он оросил,
город Умму,
возлюбленный город
бога Баббара,

великою мощью
он превознёс,
город Нинни-эш,
как овцу с ягненком,
он убелил,
город Киан
главой до небес
он построил.
Лугаль-заггиси,
царь Урука,
царь страны,
для Энлиля,
царя земель,
в Ниппуре
хлебы Нинни
испёк
и возлил чистую воду.
Надпись:
«Бог Энлиль,
царь земель,
Ану, своему любимому отцу,
мою молитву
пусть передаст,
к моей жизни
новую жизнь
пусть он прибавит,
земли в мире
пусть успокоит,
столько воинов,
сколько травы,
пусть мне щедро подаст,
небесные стены
пусть он охранит,
на страну
благосклонно
пусть он поглядит;
благую судьбу,
которую мне уделили,
пусть не изменят!

Пастырем, стоящим во главе,
пусть я пребуду вовеки!»
За свою жизнь
Энлилю,
своему любимому государю,
он это посвятил.

НАДПИСЬ НА СТАТУЕ ГУДЕА, ЭНСИ ЛАГАША[1]

Во храме Нингирсу,
его государя,
статуя Гудеа,
энси
Лагаша,
который Э-нинну
построил;
1 ка пива,
1 ка хлеба,
1/2 ка муки,
1/2 ка ячменного хлеба
назначено в приношение.
Энси,
который отменит это,
который законы Нингирсу
нарушит[2], —
его приношения
из храма Нингирсу
да будут убраны прочь,
его законы[3]
да будут отменены.
Нингирсу,
могучему воителю
Энлиля,

Гудеа
вечного имени[4],
энси
Лагаша,
пастырь, избранный в сердце
Нингирсу,
на которого благостно взглянула
Нина,
одарённый мощью
Ниндар[5],
муж, держащийся слова
богини Бау,
родное дитя
Гатумдуг,
одарённый властью и скипетром
Игалимом,
одарённый дыханием жизни
Шульшаггой,
кому одному из многих дала просиять
Нингишзида,
его богиня[6].
Когда Нингирсу
благосклонно взглянул на свой город,
Гудеа
в пастыри страны он избрал
и среди 216 000 людей
утвердил его мощь, —
[Гудеа] очистил город огнём,
он поставил форму для глины
и жребием выбрал кирпич.
Страшных колдунов,
чародеев,
волхвов
и колдуний
он выгнал из города[7].
Женщины не носили ноши,
строили только мужчины.
Храм Нингирсу,

как Эриду[8],
он построил на чистом месте.
Никого не били бичом,
никого не били ремнями,
мать не наказывала ребёнка,
старший надсмотрщик,
младший надсмотрщик,
смотритель податей
никого не били руками.
В городе не копались могилы,
ни один труп
не был предан земле,
плакальщик не пел псалмов[9],
не испускал воплей,
плакальщица не пела заплачек.
Во всех пределах
Лагаша
ни один человек,
имевший тяжбу,
не являлся на место суда;
грабитель не вторгался ни в чьи дома[10].
Нингирсу,
своему государю,
пристойное сделал[11] [Гудеа]:
его Э-нинну «Светел Анзу»
он построил
и обновил;
там его любимый *гигуну*
из душистого кедра
он построил ему.
Когда он выстроил
храм Нингирсу,
Нингирсу,
его возлюбленный царь,
от верхнего моря
до нижнего моря
открыл ему все дороги.
В Амане, кедровых горах,

кедровые стволы
в 60 локтей длиной,
кедровые стволы
в 50 локтей длиной,
кипарисовые стволы
в 25 локтей длиной
сложил он в связки
и привёз их из гор[12].
Из кедров
большие дверные створки
он изготовил,
украсил их светлым художеством[13]
и принёс их в Э-нинну[14].
Из Уману,
гор Менуа,
из Басалла,
гор Амурру,
большие камни
принёс он,
стелы (изготовил)
и на дворе Э-нинну
он их воздвиг.
Из Тидану,
гор Амурру,
мрамор кусками
принёс он,
царские...
он сделал из него
и для...
поставил в храме.
В Абуллате[15],
в горах Кимаша,
он выкопал медь,
булаву, несносную странам,
сделал он из неё.
Из гор Мелуххи
принёс он дерево *ушу*
и сложил его в храме;

камень *хулаллу*
достал он,
булаву с тремя львиными головами
сделал он из него.
Золотой песок
из гор Мелуххи
принёс он.
Колчан
сделал он из него.
Из Губина,
гор дерева *хулуппу*,
дерево *хулуппу*
принёс он и...
для шарура
сделал он из него.
Из Мадга
асфальт
принёс он
для постройки фундамента Э-нинну.
В горах Барме
камень *налуа*
на большие суда
он нагрузил
и обнёс им фундамент Э-нинну.
Город Аншан в Эламе
он завоевал
и добычу оттуда
богу Нингирсу
в Э-нинну
принёс он.
Храма с изображениями
ни один энси
не строил
богу Нингирсу:
Гудеа построил его,
написал на нём своё имя
и сделал всё, что подобало;
повеления

бога Нингирсу
по правде выполнил он.
Из гор Магана
он принёс диорит,
статую
сделал он из него.
«Моему государю
его храм
я построил,
жизнь мне да будет наградой[16]!»
Это имя нарёк он ей
и в Э-нинну
её поставил.
Гудеа
статуе
отдал приказ:
«Статуя моего государя,
говори за меня[17]:
Когда [Гудеа] строил
Э-нинну,
свой возлюбленный храм, —
он был светел, он вымыл руки;
семь дней не слушались старших[18],
служанка была равна госпоже,
слуга
шёл рядом со своим господином;
в моём городе сильный и слабый
спали рядом друг с другом[19],
всякое зло от храма
он удалил,
к законам
богини Нины
и бога Нингирсу
он обратил свои очи.
Богатый не обижал сироты,
сильный не обижал вдовицы;
в доме, где не было сына,
дочь приносила

чистый елей,
подносила его
к устам статуи[20].
Эта моя статуя
не из серебра и не из лазури;
не из меди и не из свинца,
и не из бронзы
её изваяли,
эта статуя — из диорита[21]!
Пускай насильно
её никто не разрушит!
Статуя перед тобою,
о боже Нингирсу[22],
есть статуя
Гудеа,
энси
Лагаша,
который построил
Э-нинну
бога Нингирсу.
Кто из Э-нинну
её унесёт
или сотрёт
её надпись,
кто её разобьёт
или кто в новолетие
так же, как я — моим богом,
своим богом
бога Нингирсу,
моего государя,
объявит народу[23]
и преступит
мои заветы,
возьмёт обратно
мои дары,
из моих песен
истребит моё имя
и поставит своё,

кто во дворе Нингирсу,
моего государя,
поставит дары[24]
и не увидит,
что издревле,
с самого начала,
энси
Лагаша
построил Э-нинну
бога Нингирсу,
моего государя,
что он совершил всё пристойное,
что никто не нарушил
его законов,
не изменил его заветам, —
кто нарушит законы,
кто изменит заветам
Гудеа,
энси
Лагаша,
Ану,
Энлиль,
Нинхурсаг,
Энки, чьё слово твёрдо,
Син, чьё имя неизъяснимо,
Нингирсу,
владыка мечей,
Нина, владычица книги[25],
Ниндара,
царица сражений,
матерь Лагаша,
чистая Гатумдуг,
богиня Бау,
владычная дочерь Ану,
Нинни,
владычица битвы,
Уту,
царь, зажигающий свет,

Хендурсаг,
глашатай[26] страны,
Игалим,
Шульшага,
Нинмарки,
старшая дочерь Нины,
Думузи-абзу,
господин Кинунира,
и Нингишзида, моя богиня[27],
да извратят его судьбу,
как у быка,
да унизят они его дни,
как у буйвола,
да отнимут его силы,
трон, который он воздвиг,
да разобьют они в прах;
его надписи
и имена
пусть они истребят,
его имя из храма его бога,
из надписей пусть они выкинут;
его божество
да не смотрит на муки народа[28],
да прекратится небесный дождь,
да иссякнет земная вода,
пусть он погибнет как безымянный,
пусть позабудется его правление[29].
Этот человек,
словно тот, кто обидел праведника, —
да погибнет в небесах его доля[30],
да умрёт его сила!
Величество
вождя слов,
владыки Нингирсу,
да узнают все люди!»

СОН ГУДЕА[1]

Когда назначалися судьбы небес и земли,
высокая доля Лагаша вознеслась к небесам[2];
Энлиль на владыку Нингирсу благостный взор обратил:
«В моём городе нету порядка,
в нём не восходит прилив,
в нём не восходит прилив Энлиля,
в нём не восходит прилив!
Не сияют высокие воды, не являются в блеске,
не приносит прилив Энлиля, как Тигр, хорошей воды[3]!
Храм государь пусть обетует[4],
доля[5] Э-нинну да чтится в небе и на земле!»
Энси, обширный умом, склонил к совету свой разум,
все великие вещи принёс он в дар,
принёс он быка и козлёнка;
он поднял кирпич
судьбы, чтобы выстроить храм, его он воздвиг.
День и ночь к своему государю,
к господину Нингирсу, обращает Гудеа свой взор,
к тому, кто ему повелел выстроить храм свой;
к Э-нинну, высокому долей,
он обращает свой взор.
Гудеа с глубоким сердцем
жалобно стал говорить:
«Буду я говорить, буду я говорить,
принесу я слова!
Я — пастырь, которому власть даровали в подарок,
нечто в ночи мне объявилось,
что — я не знаю.
Моей матери сон понесу я:
ясновидица, зрящая трон мой[6],
Сестрица Нанше, богиня Сирары[7],
пусть разъяснит мне его».
Нина в свою ладью не ставит ноги,
в её городе Нине, в канале стоит ладья[8].
Река блестит и сверкает, утром и вечером блещет;
в Багаре, доме светлой реки, откуда берётся вода,
жертву Гудеа принёс, возлил он чистую воду.

Он пошел к государю Багары, ему принёс он молитву:
«Воин, яростный лев, не имеющий равных,
О Нингирсу, [возникший][9] из бездны,
о Нингирсу, царящий в Ниппуре,
воин, какие веленья верной рукой я исполню[10]?
Я построю, Нингирсу, твой храм,
я исполню твои повеленья;
сестра твоя, дочь Эриду,
божья пророчица, вещая в судьбах,
Сестрица Нанше, богиня Сирары,
да поставит ногу в ладью[11]!»
Был он услышан, Гудеа,
принял его государь молитвы Гудеа,
принял владыка Нингирсу молитвы Гудеа,
в Багару принёс он жертвы.
Энси во храм Гатумдуг, к её ложу приходит,
жертву приносит он там, возливает чистую воду,
к святой Гатумдуг он приходит,
говорит ей свои молитвы:
«Госпожа моя, дочерь светлого неба,
вещая в судьбах, высокая в небе,
дающая жизнь стране,
льющая свет на свой город[12],
о царица, ты — матерь, ты воздвигла Лагаш.
Ты глядишь на народ свой, — он во всём изобилен,
поглядишь ты на добрых — и продляется жизнь их.
Матери нет у меня, ты — моя матерь,
нет у меня и отца, ты — мой отец.
Обидел меня мой отец, ты родила меня в доме[13].
Гатумдуг, ты знаешь добро:
в ночи я уснул,
ты, мой великий меч, стала у правой руки,
ты зажгла мне горящий огонь,
ты дала мне дыхание жизни;
под материнским покровом, в твоей тени
буду я богобоязнен.
Своей могучей рукой, чья сила огромна,
моя госпожа Гатумдуг меня охранит!

Когда пойду в твой город, мои знаменья пусть будут благи,
В Нину, город, высокий над миром,
твой ангел-хранитель да идет передо мной,
твой дух-хранитель да ступает за мной.
Буду я говорить, буду я говорить,
произнесу я слова,
моей матери я поведаю сон мой.
Ясновидица, зрящая трон мой,
Сестрица Нанше, богиня Сирары,
пусть разъяснит мне его».
Был он услышан, Гудеа,
приемлет его госпожа молитвы Гудеа.
Нина в свою ладью не ставит ноги,
в её городе Нине, в канале стоит ладья.
Энси поднял до неба кровлю храма Сирары[14],
жертву принёс он там, чистую воду возлил;
к Нине пошёл он и принёс ей молитву:
«Нина, царица цариц, госпожа драгоценной судьбы,
госпожа, как Энлиль, назначаешь ты судьбы,
Нина, слово твоё справедливо,
оно превыше всего. Божья пророчица
ты, ты царица земель! Мать, растолкуй мне мой сон.
Был в моём сне человек, был небесам он подобен,
был он подобен земле;
был он в тиаре, как бог, на плече его — птица Анзу[15],
в ногах его был ураган,
справа и слева его лежало по льву.
Он повелел мне выстроить храм,
я не постиг его смысла.
Солнце взошло над землёй;
женщина — кто б это был? —
держала в руке священную трость,
была у неё таблица благих созвездий небес,
сама с собой она совещалась.
Был и второй человек,
таблицу из ляпис-лазури держал он в руке,
рисунок храма чертил он.

Передо мной положил он святую корзину[16],
положил он священную глину.
Осёл улёгся на землю
справа от моего государя»[17].
Отвечает энси мать его Нина:
«О мой пастырь, твой сон я тебе разъясню.
Человек, что подобен небу,
что подобен земле,
головою подобный богу,
с птицей Анзу на плече, с ураганом у ног,
у которого справа и слева лежало по льву,
был это брат мой Нингирсу;
повелевал он тебе построить храм свой Э-нинну.
Солнце — то, что взошло над землёй,
это твой бог, Нингишзида;
над землёй он восходит как солнце.
Женщина — та, что в руке держала священную трость,
у которой была таблица благих созвездий,
та, что совещалась сама с собою,
сестра моя это, Нидаба;
звезду построения храма
она возвещала тебе.
А тот, другой человек,
таблицу из ляпис-лазури державший в руке,
бог это был Ниндуб; он чертил тебе образ храма.
Корзина, которую он положил пред тобой,
и священная глина,
и положенный в глину кирпич судьбы —
это чистый кирпич для Э-нинну;
а осёл, что улёгся на землю справа от своего государя,
это сам ты; в Э-нинну так ты возляжешь[18].
В Гирсу, во храме Лагаша, поставишь ты ногу;
сними печати с подвалов, вынеси дерево прочь,
изготовь колесницу своему государю,
осла в неё запряги,
золотом эту повозку изукрась ты и ляпис-лазурью,
дышло её да блестит наподобие дня.

Меч божественной силы ты изготовь,
пристойные знаки на нём поставь,
напиши на нём своё имя.
Воеводе, что любит дары,
своему государю Нингирсу,
лиру Ушумгалькаламма[19]
с приятным звуком, веселящую думы,
в Э-нинну ему принеси;
твоё малое слово, как высокое слово,
примет он у тебя;
владыка, глубокий, как небо,
Нингирсу, чадо Энлиля,
тебе ниспошлёт покой.
Образ своего храма он тебе возвестит,
владыка, великий судьбою, подарит тебе покой».
Праведный пастырь Гудеа
был велик и рассудком, и делом:
к словам, промолвленным Нанше,
склонил он свою главу.
Снял печати с подвалов,
вынес он дерево прочь;
дерево вынес Гудеа,
дерево *э-са-лим*,
дерево *месу* принёс он,
дерево *хулуппу* принёс он,
колесницу построил он дивно,
осла по имени «Лев на дороге»
в неё он запрёг.
Меч священный он изготовил,
написал на нём своё имя.
Воеводе, что любит дары,
своему государю Нингирсу,
лиру Ушумгалькаламма
с приятным звуком, веселящую думы,
в Э-нинну ему принёс,
в его радостном храме её он принёс.
Не выходит Гудеа из храма Э-нинну,
снова и снова ходит он в него днём,
ходит он в него ночью.

Он заровнял канавы, он разрешил все тяжбы,
слюну он убрал с дороги.
В страшном Шугуламе, месте суда,
Там, где Нингирсу смотрит на страны,
барана и козлёнка заклал энси,
козу, не знавшую брака, там он принёс.
Кипарис и *азаллу* положил он в огонь,
с благовонного кедра для курений богам
смолу он собрал.
Своему государю принёс он молитву,
в Убшукенну пошёл он, на землю пал:
«Господин мой Нингирсу, смиряющий полую воду[20],
святейший владыка, чадо Великой горы,
смелый, не знающий страха,
Нингирсу, твой храм я построю,
только знамений нет у меня.
Герой, ты вещаешь, что надо,
о владыка Нингирсу, чадо Энлиля,
я не знаю смысла пророчеств.
Как морская пучина, ты страшен,
как дерево *ушу*, ты крепок,
как вода в половодье, ты мчишься,
ты, как буря, сметаешь землю врагов.
Мой царь, твоё сердце — вода,
оно никогда не спокойно;
о герой, глубокий, как небо,
о владыка Нингирсу, чадо Энлиля,
ничего я не знаю!»
Снова у спящего, спящего
бог стоит в головах:
«Тот, кто построит, построит,
энси, что храм мой построит, —
это Гудеа;
для построения храма
знаменье дам я ему,
чистою звездою небес
пред храмом моим Э-нинну,
возведённым ввысь до небес,

чьи судьбы — великие судьбы,
перед храмом, чей царь далеко прозревает,
перед храмом, где светел Анзу,
склонится горнее небо[21],
храм этот блеском ужасным достигнет небес.
Светом моего храма покроются страны,
его имя от края небес наполнит все земли,
в землях Маган и Мелухха он прозвучит.
Я — Нингирсу, смиряющий полую воду,
великий воитель земли Энлиля,
государь, не имеющий равных,
храм Э-нинну, где я, владыка земель, обитаю;
меч мой Шарур покоряет все земли,
моего... не выносит земля,
моего нападения никто не избегнет.
Владыка бури Энлиль,
его гневного взора не выносит земля,
„Нингирсу — воин Энлиля" —
так назовите мой меч;
„Ану — владыка богов,
Нингирсу — владыка судеб земли" —
так назовите мой двор;
Тираш наподобие бездны
пусть будет дивно построен;
там в дни новолуний
великие судьбы небес
будут чудесно свершаться;
Э-хуш, моё страшное место,
как дракон построено будет:
в день, когда распалится мой дух,
как змея я ужалю врагов.
Э-баббар, дом прорицаний,
обитель светлейшая солнца...»

(Стихи 260—329 утеряны.)

не била госпожа по лицу.
Перед энси, который построил Э-нинну,

перед Гудеа, никто с жалобой не приходил,
энси очистил город,
зажёг в нём огонь,
колдунов и злых чародеев
из города он удалил;
положил он оракул в корзину,
оракул отметил кирпич;
на этот кирпич обратил он благосклонное око.
Пастырь, избранный Ниной, великолепное сделал:
из заповедной корзины
кирпич он дивно поставил,
как своё знамя Анзу,
он заставил его просиять.
Сверху до самых основ осветил он свой город,
сверху очистил его,
кипарисы и горный *азаллу* побросал он в огонь,
смолу ароматного кедра превратил он в куренье богам.
Днём раздавались молитвы,
ночью горели мольбы;
к Ануннакам Лагаша,
чтобы выстроить храм Нингирсу,
вознёс Гудеа молитву.
Чтобы выстроить храм Нингирсу,
приходил эламит из Элама,
приходил сузиец из Суз,
Маган и Мелухха из гор приносили деревья;
чтобы выстроить храм Нингирсу,
в своем городе Гирсу собрал их Гудеа.
В кедровых горах, где никто не бывал,
Гудеа, священник Нингирсу,
путь проложил;
кедры он разрубил на большие брёвна,
для Шарура, десницы Лагаша,
для меча своего государя,
брёвна он предназначил.
В каменных горах, где никто не бывал,
Гудеа, священник Нингирсу,
путь проложил;

камни оттуда принёс он большими кусками:
барки с камнями *хауна*, барки с камнями *налуа*,
гипс и асфальт
из горной Мадга,
словно как барки с зерном,
Гудеа, жрецу Нингирсу,
были привезены;
энси, строителю храма,
доставлено было всё это.
В медных горах, в Кимаше,
была осмотрена глина,
копали корзинами медь.
Энси, строителю храма своего государя,
золото с гор
приносили как пыль;
из гор серебро добывал Гудеа.
Порфир — в Мелуххе
он добывал, из мраморных гор привозил он мрамор.
Пастырь украсил храм благородным металлом,
златокузнецов в нём поселил;
он украсил Э-нинну дорогими камнями,
резчиков камня в нём поселил;
медью и оловом храм он украсил,
кузнецов, посвящённых Нинтудкаламме,
для этой работы привёл он.
Избранный оком Нанше,
человек по сердцу Энлилю,
великий энси Нингирсу,
Гудеа, рождённый в алтаре Гатумдуг,
кому Нидаба
дала премудрость,
к храму, которого план был начертан Энки,
к храму, которого блеск возносится к небу,
которого доля прекрасна в небе и на земле,
чей государь есть владыка, поднимающий страшные взоры,
воитель Нингирсу, мудрый в сраженьях,
к Э-нинну, в котором светел Анзу,
Гудеа отправился снизу,

дошёл до верхней страны,
отправился сверху, дошёл до низовий.
Гудеа во храме Гир-нун
успокоился сердцем;
утром водой он умылся,
поставил свой трон;
когда солнце всё показалось,
пошёл Гудеа в священный город,
принёс он в жертву быка и козлёнка;
во храм пошёл он,
склонился долу;
бог Лугалькурдуб шёл впереди,
бог Игалима шёл позади,
его бог Нингишзида
держал его за руку;
в форму для глины вылил он воду,
подал воды он энси в медном сосуде,
мёда и лучшего масла.
Гудеа глину выложил в форму,
всё, что надобно, он совершил.
В храме заставил просиять он кирпич,
страны елеем он окропил,
кедровым маслом он окропил их.
Когда в его граде Лагаше
день просиял,
форму разбил он, вынул на свет он кирпич,
над кирпичом, положенным в форму,
солнце светло поднялось.
Поднял кирпич он из формы
будто тиару, вознесённую к небу,
вынес кирпич он народу.
Храмовый план начертил он,
будто Нидаба, мудрая в числах.
Будто юноша, внове строящий дом,
он ушёл от всех развлечений;
как корова, к телёнку обратившая взор свой,
обращал он любовь свою к храму;
как человек, мало едящий,

не уставал он ходить;
сердце своего государя
сделал он ясным как день.
Гудеа по слову Нингирсу
поставил священную сваю,
во время строения храма
в сердце он мыслил благое,
радостно он поступал.
Знаменья он вопрошал,
его знаменья были благими;
к построению храма своему государю,
чтобы закончить Э-нинну небес и земли,
он обращал свои взоры.
Радостно он поступал:
божье веленье свершал он,
духов-хранителей он поставил на окнах.
Основание храма выстроил Энки,
Нина, дочь Эриду,
на оракулы храма обратила заботы;
Гатумдуг святая, матерь Лагаша,
изготовила все кирпичи;
Бау, владычица, дочерь Ану,
кропила кедровым маслом.
В храме поставлен был жрец, поставлен был служка,
установлен божественный чин,
поселились в нём Ануннаки.
Гудеа, построивший храм,
подобно чистой тиаре,
ношу внёс на главе своей в храм;
заложил он фундамент, построил стены.
Молитву сказал он: «Кирпич...»
Вторую молитву над храмом сказал он:
«Он — как сосуд, несомый на голове».
Третью молитву над храмом сказал он:
«Он — как Анзу, как юный орёл».
Четвёртую молитву над храмом сказал он:
«Он — как пантера вознесся, как страшный хищник».
Пятую молитву над храмом сказал он:

«Он — как ясное небо, полное блеска».
Шестую молитву над храмом сказал он:
«Он — как жертвенный день, полный величья».
Седьмую молитву над храмом сказал он:
«Э-нинну — утренний луч».
В воротах поставил он арку
наподобие ясного неба;
месяц, накрытый тиарой,
над аркой он укрепил.
Подобно вселенскому храму,
возносящему к небу главу,
выстроил храм свой Гудеа
и удалил леса.
Храм он построил, как гору,
засветил, как звезду в небесах,
дал ему бычьи рога,
он, как дерево бездны, его
вознёс высоко над горами,
этот храм, подобно горе,
устремил он главою на небо.
Наподобие кедров, растущих в пустыне,
Э-нинну из глины Шумера
наполнил он всяческим блеском.
Деревья, внесённые в храм,
подобно драконам из бездны,
проливали повсюду свой блеск.
Ка-анна, стоявшая в храме,
походила на Лаббу, порождение гор.
Энси выстроил храм,
как великую гору его он построил;
его глубокий фундамент
укрепил он, как... в земле.
У водоёма богов,
из которого пьют они воду,
укрепил он... Э-нинну.
В своём городе он посадил
прекрасное дерево *сарбат*,
далеко простиравшее тень.

Меч Шарур, как Дракона,
он поставил в Лагаше.
Шугалам, ужасное место,
он воздвиг и заставил сиять.
Гирнун, обитель суда,
воздвиг гранитель Лагаша,
будто рог большого быка.
Большие разбитые камни
в один доставил он год,
в один обработал он год.
Во дворе поставил он стелу:
«Это стела Лугаль-кисальси;
Гудеа, священник Нингирсу,
её опознал в Гирнуне» —
этим именем назвал он стелу.
В Касурре поставил он стелу:
«Господин непогоды Энлиль,
не имеющий равных,
благосклонно глядит на Гудеа,
священника Нингирсу» —
этим именем назвал он стелу.
В Шугаламе поставил он стелу:
«Царь, которым держится мир,
укрепил престол для Гудеа,
священника Нингирсу» —
этим именем назвал он стелу.
В... поставил он стелу:
«Гудеа, священник Нингирсу,
получил благую судьбу» —
этим именем назвал он стелу.
В приделе Бау поставил он стелу:
«Э-нинну, облик небесный, —
твоё жилище, о Бау,
одарившая жизнью Гудеа» —
этим именем назвал он стелу.
Храм своего государя
он правосудно построил,
праведный пастырь Гудеа

на земле и в небе построил,
наподобие новой луны
он возвысил его тиару,
его имя среди всех земель
сделал он знаменитым.
Храму Нингирсу Гудеа
дал сиять, будто солнцу меж звёзд;
будто гору лазури,
его он построил,
будто гору светлого мрамора,
на диво его он поставил;
его... как льва положил он;
его кладбище, будто бы бездну,
на чистом месте он вырыл,
его сваю заставил сиять он,
как священную лань океана.
Храм Нингирсу, как новый месяц,
стоящий высоко в небе,
на диво поставил Гудеа[22].
Дубла, поставленный в храме,
был, как Лахаму в пучине;
ка-гидда этого храма
был, как ужасный шакал;
э-дулла этого храма
был, как лучи в небесах;
царские двери были,
как... поднимающий взоры...
нагруженный блеском
был, как чудо для божьих очей...
светлый *а-мер* в этом храме
был, как гора лазури
от земли до самых небес;
кинги в великом приделе
был, как чистый сосуд
для вина и для мёда на небе.
Праведный пастырь Гудеа
был велик рассудком и делом:
в зале *ку-лаль*, за «дверью сражений»,

он поставил героя, убийцу,
козла с шестью головами;
перед городом, в светлом месте,
он воздвиг семерых героев;
в Шугаламе, в светлых вратах,
он поставил благого дракона;
на востоке, на «месте судьбы»,
укрепил он эмблему солнца;
в Касурре, чудесной очам,
льва он поставил,
ужас богов;
в *силь-сирсир*, на месте прорицаний,
он поставил «небесных друзей»;
в зале Бау, на месте совета,
он поставил корабль «магилу»
с мощным быком посреди;
для своих убитых героев
он поставил алтарь возлияний,
имена их между богов
Гудеа, энси Лагаша,
дал просиять;
створки дверей из кедра
были подобны Ададу,
гремящему в небе;
засов у Э-нинну
был, как собака;
оси у двери
были, как львы;
на засове драконы и змеи
выставляли свои языки;
на... над створками двери
он поставил пантеру и львёнка;
гвозди, вбитые в чистые балки,
сделал он, как людей дракона;
металл на створках дверных
был ярок, как змей из бездны;
салаль во храме был чист,
как Опис или Аратта;

сагаб во храме глядел,
как яростный хищник на землю,
никто не сравнился бы с ним;
лучи от храма Э-нинну
покрывали, как мантия, страны.
Чистый храм, достигавший небес,
изукрашенный...
сияющий блеском небесным,
и сад у этого храма
был, как большая гора;
его внутренность, словно...
его стороны были, как небо,
изобилье они расточали;
его задний фасад был подобен
месту суда Ануннаков;
в его меду был...
в его хлебы замешаны
были щедроты богов.
Свая, стоявшая в храме,
была, как птица Анзу,
сразившая горного змея.
Блеск Э-нинну был словно свет,
исходящий от рек в долине.
Его царь, владыка Нингирсу,
избрал его в чистом сердце.
Гудеа украсил его
небесным сияньем.
В его *гирпана* стояли
быки и бараны для пищи,
в его *кешуге* стояли
хранители-духи на окнах;
его *несаг* походил
на заросшую лозами гору;
дом запасов его походил
на Тигр во время разлива;
в приделе его сокровищ
были олово, злато, камни;

его колесничный сарай
был горой, попирающей землю;
зала лиры была подобна
быку, издающему рёв;
на его дворе находились
кимвалы священных молитв;
водоём из камня во храме
был подобен огромной горе;
оловянный сосуд на террасе
был, как луч, освещающий мир;
сад, раскинутый около храма,
походил на горные лозы;
семь стел, поставленных в храме,
содержали легенды царей;
«Стена небес» с голубями
походила на... Эриду;
голуби белели в Э-нинну
под защитой больших цветов,
в их благосклонной тени
сверкали птицы...
Словно храм Энлиля, Экур,
блеск Э-нинну одел страну,
его страх поселился в мире,
лучи от храма Э-нинну
покрывали, как мантия, страны.
Храм царя построен на диво,
Нингишзида построила низ,
Гудеа, энси Лагаша,
заложил в него свой темен[23];
храм, как солнце сияющий в мире,
храм, как бык...
храм, подобно весёлым огням
освещающий всякие вещи,
храм, подобно прекрасной горе
лепотой облечённый,
храм, стоящий на диво,
этот возобновлённый Э-нинну,
о Нингирсу, его возвеличь!

Во время его постройки
возвеличь этот храм,
Нингирсу!..

НАДПИСЬ УТУ-ХЕГАЛЯ, ЦАРЯ УРУКА

Гутиу[1],
горного дракона,
врага богов,
который царство Шумера
в горы унёс,
который Шумер
наполнил враждою,
который похитил
жену у мужа,
который похитил
детей у отца,
который в стране учинил
вражду и тревогу,
Энлиль, владыка земель,
совершенно стереть его имя
Уту-хегалю,
мощному мужу,
царю Урука,
царю четырёх стран света,
царю, чьи слова неизменны,
Энлиль, владыка земель,
ему поручил это сделать.
К Нинни, своей госпоже,
отправился Уту-хегаль,
он принёс ей такую молитву:
«Госпожа моя! Львица,
прекрасная в землях!

Энлиль, чтобы царство Шумера
вновь укрепить,
меня посылает —
будь мне опорой!»
Тирикан,
царь Гутиу,
так говорил:
«Никто мне не вышел навстречу!»
От Тигра до берега моря
всё захватил он,
до самого низа Шумера
прошёл он все земли,
до верха дошёл он ногами,
дороги страны
измерил он долгою мерой!
Царь, одарённый мощью
Энлилем,
избранный сердцем Инанны,
Уту-хегаль, мощный муж,
из Урука пошёл его встретить;
В храме Ишкура
принёс он жертву,
людям своей столицы
так он сказал:
«Гутиу мне
отдал Энлиль,
Инанна, моя госпожа —
моя опора,
Таммуз,
великий небесный дракон,
изрёк мне судьбу,
Гильгамеш,
сын богини Нинсун,
дан мне в хранители!»
Людям Урука
и людям Кулаба
принёс он сердечную радость;
как один человек, его город
вышел за ним.

Из храма Ишкура ушёл он,
на четвёртый день в Энуригалу
принёс он жертву,
на пятый день в Илитабба
принёс он жертву.
Ур-Ниназу
и Наби-Энлиль,
вожди Тирикана,
в страну Шумера
отправили весть,
чтобы он задержал свои силы.
Из храма Илитабба ушёл
он, на шестой день в городе Муру
принёс он жертву;
к Ишкуру отправился он
и принёс такую молитву:
«Ишкур, Гутиу дал мне Энлиль,
будь мне опорой!
Этой ночью
выйду я им навстречу».
К Уту отправился он
и принёс такую молитву:
«Уту, Гутиу
дал мне Энлиль,
будь мне опорой!»
Гутиу злобных
он поразил,
войска на них привёл он;
Уту-хегаль, мощный муж,
сразил мечом их вождей.
Тогда Тирикан,
царь Гутиу,
один убежал;
его возница
увёл его в бегство
и привёз его в Дубрум.
Жители Дубрума,
знавшие Уту-хегаля,

105 царя, одарённого мощью
Энлилем,
Тирикану
не протянули руки.
Посланный Уту-хегаля
110 Тирикана,
его жену и детей
в Дубруме захватил,
связал ему руки
и привёл его к Уту-хегалю.
115 Уту-хегалю в ноги
пал Тирикан:
тот занёс ему ногу на шею[2];
Гутиу, горного дракона,
он сокрушил,
120 царство Шумера
восстановил он.

НАДПИСИ СИН-ИДДИНАМА[1], ЦАРЯ ЛАРСЫ

I

1 Син-иддинам,
могучий муж,
хранитель Ура,
царь Ларсы,
5 царь Шумера и Аккада,
который Э-баббар,
храм бога Уту,
построил,
который законы и судьбы[2]
10 Ануннаков
вновь утвердил,
который Тигр,
широкую реку,

перекопал
и добрые воды разлива
непрестанно
отвёл в свой город[3],
в свою страну,
сын Нур-Адада,
царя Ларсы,
чтобы в его стране
обитаемы были селенья,
чтобы в тысячах его людей
жило довольство,
чтобы в будущих днях
слава его правления
наполняла страну,
большую крепость
Дур-Кургурри
во всей её силе
он построил.
Син-иддинам,
пастырь правды,
сердце Уту и Таммуза
ублажил;
дни его власти
пусть неизменно пребудут
во веки веков!

II

Уту,
господу правды,
первому в небе и на земле,
главе Ануннаков,
своему государю —
Син-иддинам,
могучий муж,
хранитель Ура,
царь Ларсы,
царь Шумера и Аккада,
Э-баббар, его чистый дом,

за свою жизнь
построил;
законы и судьбы
его высокой доли
на долгие дни
светло утвердил он.
Это слово, слово
Наннара и Уту
[сказано было в] Э-баббаре:
«Син-иддинам,
могучий князь,
пусть жертвует хлебы Инанне
во веки веков!»

III

Син-иддинам,
могучий муж,
хранитель Ура,
царь Ларсы,
царь Шумера и Аккада,
который старую...
возобновил,
когда у престола Ларсы
он укрепил основы,
когда он вражие сонмы
побил мечом,
когда Тигр,
реку довольства его сердца,
силой своей страны
он перекопал,
когда постоянную воду,
непрестанный разлив
своему городу и стране
он уготовил,
и когда его зовы, молитвы и просьбы
Наннар,
первенец Энлиля,

принял, —
своим широким рассудком
и своею молитвой
в городе Уре
он поставил своё высокое имя,
храм его величества
бога Наннара
он построил.

НАДПИСИ КУДУР-МАБУКА, «ОТЦА СТРАНЫ АМУРРУ»

I

Наннару,
своему государю,
Кудур-Мабук,
отец страны Амурру,
сын Симти-Шильхака,
в день, когда Наннар
его молитву
принял,
Энунмах
бога Наннара
за свою жизнь
и за жизнь
Варад-Сина, своего сына,
царя Ларсы,
построил.

II

Нергалу[1], великому владыке,
мощному силой,
полному страшного блеска,

мощному мужу, сыну Великой Горы (Энлиля),
своему государю,
Кудур-Мабук,
отец страны Амурру,
сын Симти-Шильхака,
который отомстил за Эбарру,
который войско Казаллу
и Мути-абаллы
в Ларсе и в Эмутбале
наголову разбил,
который по слову Наннара и Уту
населил народом Казаллу,
который возвёл его стены
и грозным сделал его, —
в день этот Нергалу,
своему государю,
в своём благочестии
Э-мете-гирру,
место своего геройства,
за свою жизнь
и за жизнь
Варад-Сина, своего сына,
царя Ларсы,
он построил.
Как его великое имя,
да будет высок этот храм!
«Государь мой, Нергал,
ты меня создал:
я, что я был!»
Этой постройке Нергал,
бог его, пусть возликует!
Славные дни жития,
бесконечные царские годы
да даст он ему в подарок!

НАДПИСИ ВАРАД-СИНА, ЦАРЯ ЛАРСЫ

I

Я, Варад-Син[1],
мощный муж,
пастырь правды,
утверждённый Энлилем,
хранитель Ура,
царь Ларсы,
царь Шумера и Аккада,
сын Кудур-Мабука,
отца Эмутбала.
Чтоб возвеличить Ур,
чтоб стяжать знаменитое имя,
благоговейно
возносил я молитвы.
Наннар, мой государь,
услышал меня:
великую стену, подобно высокой горе,
которой не срыть,
горящую светом,
ему я построил.
Его город да будет прочен!
«Наннар обновляет фундамент страны» —
имя этой стены.

II

Инанне Куллабской,
моей царице,
я, Варад-Син,
царь Ларсы,
за свою жизнь
и за жизнь
Кудур-Мабука,
отца, моего родителя,
чистое кладбище[2]

на месте его геройства
построил:
подобно высокой горе
да вознесётся оно!
Моим деяньям
она да ликует,
долгие годы жития
мне она да подарит!

III

Нин-исине,
великой владычице, матери Страны,
созидательнице всего живого в Стране,
старшей дочери святого Ану,
своей царице,
я, Варад-Син,
мощный муж,
хранитель Ура,
царь Ларсы,
царь Шумера и Аккада,
пастырь правды, выполнитель воли предопределений,
храм «Сохранение жизни»[3],
священное обиталище,
место её отдохновения,
этот храм, что издревле
был построен и распался в развалины,
за свою жизнь
и за жизнь
Кудур-Мабука,
отца, моего родителя,
я ей построил
и обновил,
в жилище, приятном её сердцу,
великолепно её поселил.
Имя моего величества
навсегда да пребудет;
дабы вовеки
воздавалась хвала мне,
темен, слава моего княжения,

в этом фундаменте да пребудет на месте,
в этой чистой стране да останется.
Делам моим
Нин-исина,
моя госпожа, да обрадуется!
Удел жизненный,
долгое правление, воды изобилие,
прочное стояние трона
да дарует она мне в подарок!
В доме Ларсы,
в городе, мной ей построенном,
да будут дни мои долги!

IV

Наннару,
владыке, княжьему сыну,
горящему в светлом небе,
слышащему мольбы и молитвы,
моему государю,
я, Варад-Син,
хранитель Экура,
бдящий пастырь
Экишнунгаля,
властный строитель
храма Э-баббар,
выполнитель законов
города Эриду,
приносящий дары для Инанны
в Э-нинну,
возобновитель
Лагаша и Гирсу,
возобновитель
городов всей страны,
поселивший Наннара и Уту
в обители мира,
богобоязненный князь,
перед храмом своего государя
предстал я за свою жизнь.

В день, когда бог новолуний
дал мне увидеть
своё благосклонное знаменье,
когда он обратил на меня
свой живительный взор
и когда повелел мне построить
и обновить его храм, —
за свою жизнь
и за жизнь
Кудур-Мабука,
отца, моего родителя,
храм радости его сердца,
храм «Высокий Темен»
ему я построил;
честь и удивление людей
вовеки...

(Остаток надписи отбит.)

НАДПИСИ РИМ-СИНА, ЦАРЯ ЛАРСЫ

I

Инанне[1],
госпоже, подобной небу своим великолепием,
чья великая благость изобильна,
ясной дочери великого Ану,
своей царице,
Кудур-Мабук,
отец Эмутбала,
сын Симти-Шильхака,
и Рим-Син, его сын,
властный князь Ниппура,
хранитель Ура,
царь Ларсы,
царь Шумера и Аккада,

храм «Радость сердца»,
её возлюбленное жилище,
за свою жизнь
ей построили,
главу его ввысь возвели,
наподобие горы его сделали.
Этому
Инанна,
госпожа духов-хранителей,
да обрадуется;
царствование в радости сердца,
благое правление
при участии духов-хранителей
от Ану и Нинни
им да испросит!

II

Инанне, верховной владычице,
возвещающей всякие судьбы,
водворившей оракул в стране,
старшей дочери Сина,
своей царице,
Кудур-Мабук,
отец Эмутбала,
сын Симти-Шильхака,
и Рим-Син, его сын,
властный князь Ниппура,
хранитель Ура,
царь Ларсы,
царь Шумера и Аккада,
храм «Обиталище Судеб»[2],
её излюбленное жилище,
за свою жизнь
ей построили,
главу его ввысь возвели,
подобным горе его сделали.
Этому
Инанна, царица небес и земли,
да обрадуется.

Славные дни жития,
долгие годы, твёрдую власть,
покорность страны,
царство навеки
в сонме великих богов
им она да назначит!

III

Нин-шубуру,
великому владыке, возвестителю всякой судьбы,
знающему сердце молитвы[3],
наместнику, советчику Ану,
чей приказ идёт впереди,
своему государю,
Рим-Син,
пастырь всех стран Ниппура,
выполнитель велений Эриду,
хранитель Ура,
благоговеющий перед Э-баббаром,
царь Ларсы,
царь Шумера и Аккада,
в день, когда Ану, Энлиль,
Энки и великие боги
прекрасный город Урук
отдали в мои руки,
Нин-шубуру, моему государю,
с благочестивой молитвой
храм, где даётся оракул,
его любимое жилище,
за свою жизнь я построил.

ЛИТЕРАТУРНЫЕ ТЕКСТЫ

«ВЫШЛА ОНА НА ПРОСТОР»
(ИЗ КНИГИ ЗАКЛИНАНИЙ ЭДИННА УСАГГА)

I

Вышла она на простор, припала к супругу,
вышла Иштар на простор, припала к супругу:
Горе, витязь владычицы чар,
горе, жених мой, супруг мой,
горе, дитя Нингишзиды!
Горе, строитель сетей,
Горе, жалостный дружка невестин,
горе, праведник, лик опустивший!
Горе, оплаканный мой,
горе, чадо Небесного змея,
горе, брат Гештинанны родимый!
Пастырь, царевич Таммуз, жених Иштар,
государь Преисподней, владыка могилы!
Не испил тамариск в вертограде воды,
Не дала его купа на воле цвета;
у пруда не наплакалась ива,
с корнем вырвана ива!
Не испил цветок в вертограде воды...

(Остальное разбито.)

II

Схвачены там овца и ягнёнок,
скручены там коза и козлёнок;
и овца и ягнёнок осилены,
и коза и козлёнок осилены;
и овца и ягнёнок заколоты,
и коза и козлёнок заколоты.
Ухожу я, жених, безвозвратным путём...
Горе, витязь владычицы чар,
горе, жених мой, супруг мой,
горе, дитя Нингишзиды!
Горе, строитель сетей,
горе, жалостный дружка невестин,
горе, праведник, лик опустивший!
Горе, оплаканный мой!
Горе, чадо Небесного змея,
горе, брат Гештинанны родимый!
Он идёт, он уходит в земную грудь,
наклоняется он к земле мертвецов,
полный жалобы, в скорбь повергнутый,
в среди года нечислимом месяце,
путём, человеков смиряющим,
ради плача по господу,
в землю дальнюю, князь, несусветную.
Доколе, доколе задержан плод,
доколе, доколе связана зелень?
Доколе закон запрещён,
доколе в погибели, пастырь,
заповедна доля земная?
Он покинул зелёную кущу,
он покинул, жених, зелёную кущу.
Горе, витязь владычицы чар,
горе, жених мой, супруг мой!
Горе, дитя Нингишзиды!
Горе, строитель сетей,
горе, жалостный дружка невестин,
горе, праведник, лик опустивший!

Горе, оплаканный мой,
горе, чадо Небесного змея,
горе, брат Гештинанны родимый!
Малый, в тонущем челне лежит он,
зрелый, в колосе никнет, лежит он,
в непогоде, в буре лежит он.

(Далее разрушенный текст.)

ПЕСНИ О НИННИ И ДУМУЗИ

ПЛАЧ ВО ВРЕМЯ РЕЧНОГО РАЗЛИВА

Далеко разносится жалоба,
«Сын мой!» далеко
разносится жалоба,
«Супруг мой!» далеко
разносится жалоба[1],
«Жрец[2] мой!» далеко
разносится жалоба.
От священных кедров,
растущих на воле,
от Эанны горе и долу
разносится жалоба.
Плачем о доме владыки
разносится жалоба,
плачем о граде владыки
разносится жалоба.
Этот плач достигает льна,
и лён не приносит одежды,
этот плач достигает зерна,
и зерно не приносит колосьев,
достигает он житниц с добром,
и они не приносят богатства,
достигает жён и детей,
и из них не рождается сила[3],

этот плач достигает реки,
и река не рождает кустов,
этот плач летит над полями,
на полях не родятся злаки,
этот плач летит над прудом,
и в пруде не родятся рыбы,
этот плач летит над болотом,
и оно не родит камышей,
этот плач раздаётся в лесу,
и в лесу не растут тамариски,
этот плач раздаётся в степи,
и она не рождает колючек,
этот плач раздаётся в садах,
не рождаются мёд и вино,
этот плач раздаётся над зеленью,
и чеснок не рождает головок,
этот плач достигает дворца,
и в нём иссякают рожденья[4].
Плач раздаётся о пастыре[5].
В пучину, в пучину
глубоко погружён он,
о дитя, в пучину
глубоко погружён он,
о супруг, в пучину
глубоко погружён он,
о жрец, в пучину
глубоко погружён он,
о Кади[6], в пучину
глубоко погружён он! —
«Кедры направо,
кипарисы налево,
о мать, вкруг меня
возносятся кедры,
возносятся кедры,
благовонные кедры,
чёрные дети
земли Дильмуна[7]!
Ими покрытый,

умыт мой лик,
в прекрасном венце
умыт мой лоб,
с кедровой ветвью
умыта длань,
в полотне и повязках
умыто тело!» —
«Сын мой, сын мой,
где он лежит?
Горький герой,
где он лежит?
Горький супруг,
где он лежит?
Горький жрец,
где он лежит?
Сын мой во прахе лежит,
покрытый прахом.
Супруг мой во прахе лежит,
покрытый прахом.
Между кедров лежит он,
исполненный плача,
меж тамарисков лежит он,
исполненный стонов.
Сына в закатную степь
уносит пучина,
из закатной в восточную степь
уносит пучина, среди степей
на страже лежит он,
как пастырь при стаде,
на страже лежит он,
как пастырь при овцах,
на страже лежит он».

Плач во время речного разлива.

Велик он, велик он,
владыка велик!
Владыка, велик он,
владыка велик!

Супруг мой велик,
владыка велик!
Жрец мой велик,
владыка велик!
Кади, велик он,
владыка велик!
Храм его — храм великий,
владыка велик!
Град его — град великий,
владыка велик!
Что он задумал,
то и исполнит,
что пожелает,
то и случится,
что повелит он,
то и свершится.
Мать, что его родила,
полна ликования[8],
река, что его унесла,
обращается в море,
чудесны его небеса,
владыка велик!
Велик он, велик он,
владыка велик!

О братнем доме
плачет весь город;
о большая вода,
о брат небесный,
о большая вода,
о Думузи, пастырь!
О весёлом ребёнке,
ушедшем из дома,
святая Нинни
плачет в Эанне,
о сыне полей,
забывшем её,

святая Нинни
плачет в Куллабе;
о своём пастушке,
забывшем её,
светлая Нинни
святая плачет в...
о жреце усопших,
забывшем её,
святая Нинни
плачет в пустыне;
о муже скорбей,
забывшем её,
царица небес
испускает стоны:
«Дитя полей,
куда унесён он?
Мой пастушок,
куда унесён он?
Мой жрец усопших,
куда унесён он?
О муж скорбей,
куда унесён он?»
Царица небес,
издающая стоны,
к Нинни высокой,
святой обращает слово:
«Госпожа, назвать его дом,
сказать ли, куда унесён он?
В обиталище ночи,
в обитель ушедших
унесли от тебя
премудрого сына!»
Святая царица небес
обращает к ней слово:
«Назвать ли дом брата,
сказать ли, куда унесён он?
В обиталище ночи,
в обитель ушедших

унесли от тебя
премудрого сына.
Этот герой,
мечом поражён он!»
Царица небес
бежит в пустыню:
«Путник, о путник,
брат мой, путник!
Путник в подземной степи,
брат мой, путник!
Тамариски, кусты и деревья
наполняются стоном.
Чаща лесная вокруг
наполняется стоном.

«О владыка, скорбно простёртый,
о владыка, скорбно простёртый!
О супруг мой, простёртый,
о владыка, скорбно простёртый!
О небесный водитель, простёртый,
о владыка, скорбно простёртый!
О большая вода!
О могучий супруг!
О большая вода!
О дитя Нингишзиды!
О большая вода!
О Кади, Игишуб!
О большая вода!
О Нагар, владыка сетей!
О большая вода!
О вождь, владыка молитвы!
О большая вода!
О жалостный небожитель!»
Ветер гонит её к потоку,
держит путь она по горам;
как тростник, он там распростёрт,
головою в воде;

этот муж — наподобие поля
покрыт он водой,
Думузи, пастырь, залит водой.
Его матерь,
стоны о нём
шлёт она в мир,
стоны и слёзы о нём
шлёт она в мир.
Стоит ли она —
горький плач она поднимает,
сидит ли она —
простирает руки к потоку.
Стоны она испускает,
стоны, полные боли;
крики она испускает,
крики, полные боли.
Его сестра
выходит из дома,
Гештин-анна, сестра владыки,
выходит из дома;
сторож Таммуса[9]
идёт навстречу,
к матери, Гештин,
обращает он слово:
«Твой оплаканный брат,
куда он ушёл?
Думузи, утонувший,
куда он ушёл?»
К светлому духу
она держит путь,
к жрецу усопших
избирает дорогу,
к... к нему
она идет,
к... к нему
она стремится;
к нему она вышла,
к нему спешит по земле,

на холмы и на горы
она восходит.

Плачет о горьком владыке,
о муже своём,
плачет царица небес
о муже своём,
плачет царица Эанны
о муже своём,
плачет царица в Уруке
о муже своём,
плачет царица в Куллабе
о муже своём,
и о муже своём,
и о сыне своём,
и о доме своём,
и о граде своём;
о муже уснувшем
и о сыне уснувшем,
о муже усопшем
и о сыне усопшем;
супруг в Уруке
лежит, уснувший,
в Уруке и в Куллабе
лежит, усопший!
Воды в Эриду
не возливают,
заклинаний в Энунне
не говорят,
Нинни, матерь его,
к нему не идёт,
женщины в городе
не делают дела,
мужчины в городе
не бьются с врагами,
оружейник в городе
не куёт мечей,

сильный ли, знатный
не имеет рабов.
Царица небес о малютке
испускает жалобный плач:
«Добрый супруг,
супруг мой ушёл!
Добрый мой сын,
сын мой ушёл!
Супруг мой, цвет
весенний, ушёл!
Сын мой, цвет
летний, ушёл!
Мой супруг уходил за травой —
и травы приносил,
мой сын уходил за водой —
и воды приносил.
Мой любимый, как сломленный горем,
мой герой, как сломанный стебель,
оставил город!»

ПСАЛОМ[1] ЭНЛИЛЮ

О могучий и сильный,
пожалей свой город,
о высокий и сильный,
пожалей свой город,
о владыка страны[2],
пожалей свой город,
о владыка благостных слов,
пожалей свой город,
отче мира[3] Энлиль,
пожалей свой город,
пастырь черноголовых,
пожалей свой город,
сам создавший себя,

пожалей свой город,
сильный, царь человеков,
пожалей свой город,
ты, дающий покой,
пожалей свой город.
Над своею столицей Ниппуром
сжалься, помилуй свой город.
Над великой стеною[4] Экура
сжалься, помилуй свой город.
Над обширной землёй Киура[5]
сжалься, помилуй свой город.
Над священной землёй Дуль-азага[6]
сжалься, помилуй свой город.
Над покоями царского дома
сжалься, помилуй свой город.
Над красою великих ворот
сжалься, помилуй свой город.
Над красой Эгануна
сжалься, помилуй свой город.
Над домом запасов храма
сжалься, помилуй свой город.
Над домом запасов дворца
сжалься, помилуй свой город.
Над великой стеною Ура
сжалься, помилуй свой город.
Над великой стеною Ларсы
сжалься, помилуй свой город.
На свой осаждённый город
долго ли будешь гневен?
Свой осаждённый город
когда пощадишь, владыка[7]?
На улицах города люди
стоят и бегут,
малые гибнут,
большие гибнут,
свою добычу
уносят шакалы,
свою добычу

уносит враг,
в покоях пира
гуляет ветер[8].

ПСАЛОМ АДАДУ

Ишкур славный и мудрый,
первый между богов.
Ишкур, мощный телец,
Ишкур, славный и мудрый,
первый между богов.
Ишкур, первенец неба,
Ишкур, мощный телец,
Ишкур, славный и мудрый,
первый между богов.
Ишкур, царь амореев,
Ишкур, мощный телец,
Ишкур, славный и мудрый,
первый между богов.
Ишкур, бог урожая,
Ишкур, мощный телец,
Ишкур, славный и мудрый,
первый между богов.
Ишкур, крепкий козёл,
Ишкур, царь океана[1],
Ишкур, мощный телец,
Ишкур, славный и мудрый,
отче Ишкур, владыка,
сокрушающий[2] бури,
Ишкур, славный и мудрый,
первый между богов.
Отче Ишкур, дракон,
сокрушающий страны,
Ишкур, славный и мудрый,
первый между богов.

Ишкур, лев в небесах,
Ишкур, мощный телец.
Ишкур, славный и мудрый,
первый между богов.
Устрояющий землю
и творящий благое[3],
твой огонь, как одежда,
облекает страну[4];
твоего громыханья
Энлиль страшится,
отец небесных[5],
большая гора;
колебатель земли,
твоего колыханья
Нинлиль трепещет,
великая мать.
Ишкуру, своему сыну,
Энлиль говорит:
«Сын мой, дух[6] разуменья,
весь покрытый очами,
сын мой, дух разуменья,
прозорливый умом.
Ишкур, дух разуменья,
весь покрытый очами,
сын мой, дух разуменья,
прозорливый умом.
Дух, подобно планетам[7]
возвещающий тайны,
сын мой, дух разуменья,
прозорливый умом.
Сын мой, пусть твои громы
прекратят своё пенье,
сын мой, дух разуменья,
прозорливый умом.
Своих вестников светлых[8]
уведи ты отсюда,
сын мой, дух разуменья,
прозорливый умом.

Всемогущий мой сын,
уходи, уходи ты:
из живущих на небе
кто сразится с тобой?
Если область врагов
затеет дурное, —
твой отец за тебя,
кто сразится с тобой?
Малым градом метать
ты могуч и искусен,
кто сразится с тобой?
Тяжким градом метать
ты могуч и искусен,
кто сравнится с тобою?
Малый град твой и тяжкий
упадут на него.
Пусть десница твоя
поразит супостата,
порази его область
своей левой рукой».
Ишкур голос отца
внемлет радостным ухом,
Ишкур дом оставляет,
дух, гремящий как гром;
прочь из отчего дома,
далеко от жилища
он уходит в свой дом[9],
будто лев молодой,
прочь из града Энлиля
в свой собственный город
направляет он путь,
утешительный дух[10].

АККАДСКАЯ ЛИТЕРАТУРА

ЦАРСКИЕ НАДПИСИ

СИППАРСКАЯ ЛЕГЕНДА

Шамаш, великий владыка,
живущий в Эбарре
посредине Сиппара,
которую в распрях
и раздорах Аккада
сутеи[1], злые враги,
обратили в ничто
и разбили её изваянья,
его воля была позабыта,
его образ и его ризы
исчезли из рук
и больше никто их не видел.
Симмашипак, царь Вавилона,
искал его образ,
но бог не открыл ему лика,
его образа и его риз
царь не увидел.
Ограду вкруг Шамаша
он поставил,
определил ему жертвы
и Экур-шум-ушабши,
жреца Сиппара,
назначил главным жрецом.
Во время голодной беды

при царе Кашшу-надин-ахи
приношения эти
были прекращены
и пресеклися жертвы.
При Эульмаш-шакин-шуме
Экур-шум-ушабши,
жрец Сиппара, верховный жрец,
предстал пред царём, своим господином:
«Утверждённые жертвы Шамашу
прекратились», — сказал он;
1 ка хлеба, 1 ка вина,
содержание настоятеля в Эсагиле
из назначенных жертв для Эллиля
Шамашу царь уделил
и Экур-шум-ушабши,
жрецу Сиппара,
верховному жрецу, поручил.
Сад на земле
Нового Города
посреди Вавилона
Шамашу дал он
и Экур-шум-ушабши,
жрецу Сиппара, верховному жрецу,
подчинил. А потом
Набу-апла-иддин,
царь Вавилона,
избранник Мардука,
любимец Ану и Эллиля,
ублажающий сердце Царпанит,
могучий муж,
уготованный к власти,
обладатель страшного лука,
сокрушивший злого врага,
сутеев, которых грехи
были весьма изобильны,
которому, чтобы отомстить за
Аккад, заселить города,
чтобы выстроить храмы

и изваять изваянья,
хранить законы богов
и их повеленья,
устанавливать жертвы
и умножать приношенья,
великий владыка Мардук
праведный скипетр
для пастырства над народом
вложил в его руки,
Шамаш, великий владыка,
который многие дни
гневался на Аккад
и отворачивал лик свой,
в правление Набу-апла-иддина,
царя Вавилона,
почуял милость
и обратил свой лик;
вид его лика
из глины,
его образ и ризы
на бреге
Евфрата,
в стороне, где заходит Солнце,
объявились,
и Набу-надин-шум,
жрец Сиппара, верховный жрец,
потомок Экур-шум-ушабши,
жреца Сиппара, верховного жреца,
вид его лика
показал Набу-апла-иддину,
царю, своему господину.
Набу-апла-иддин,
царь Вавилона,
которому было повелено
и поручено
воссоздать этот образ,
увидал этот лик,
стал светел лицом,

и возликовала
его душа;
к созданию этого образа
склонил он свой дух
и премудростью Эа,
искусством Нин-илду,
Гушкин-банды,
Нин-курры и Нин-задима,
червонным золотом
и чистою ляпис-лазурью
статую Шамаша, великого владыки,
прочно он изукрасил.
Очищением
Эа и Мардука
перед Шамашем
в Экар-загинне
на бреге Евфрата
омыл он уста
и очистил одежды;
жертвы, приятные сердцу,
могучих быков,
прекрасных и сильных,
тучных баранов
принёс он;
мёд, вино и зерно
щедро излил он.
Тогда
сердце Набу-апла-иддина,
царя Вавилона,
возликовало,
его лицо просветлело;
к Набу-надин-шуму,
жрецу Сиппара, верховному жрецу,
обратил он свой лик;
своим светлым ликом,
своим ясным взором,
своими благими очами
радостно он поглядел,

1 ка хлеба, 1 ка вина,
прежние жертвы Шамашу,
вместе с садом,
который царь Эульмаш-шакин-шум
Экур-шум-ушабши,
жрецу Сиппара, верховному жрецу,
уделил,
вместе с хлебом, вином,
елеем, возлиянием, бычьим мясом
и зеленью наново
Набу-апла-иддин,
царь Вавилона,
для Шамаша, Айи
и Бунене
назначил. Царская часть,
жреческая часть баранами,
ежегодные царские жертвы,
бёдра, кожа,
зад, внутренности,
половина печёнки,
половина утробы,
два окорока,
кувшин мясного сока;
из приношений быков и баранов
молящимися
следующее
в пяти частях —
для клира:
2 части хлебов,
вино, елей, возлияние,
мясо быков и баранов,
рыбы и зелень;
для стражи
и внутренних
служащих: те же 2 части, что клиру;
от жертв постоянных
и изобильных,
от городских жертв, зерно

от молящихся и всё,
что приносят
в Эбарру,
сколько бы ни было:
царская часть,
часть жрецов
и две части
те же, что части клира;
и все прекрасные одежды
Шамаша, Айи
и Бунене:
одежда поклонения,
одежда молитвы,
одежда утренняя,
одежда *хульану*,
одежда *нибиху*,
крашеный лён,
фиолетовый пурпур,
большая одежда молитвы
и дары молящихся.
В месяце Нисане,
в седьмой день —
утреннюю одежду;
в месяце Айяре, в десятый день —
утреннюю одежду;
в месяце Улуле, в третий день —
одежду молитвы;
в месяце Тешрите, в седьмой день —
одежду молитвы;
в месяце Арахшамна, в пятнадцатый день —
утреннюю одежду;
в месяце Адаре, в пятнадцатый день —
одежду молитвы;
всего 6 хороших одежд ежегодно, —
дар царя
Шамашу, Айе
и Бунене —
Набу-апла-иддин,

царь Вавилона,
Набу-надин-шуму,
жрецу Сиппара, верховному жрецу,
своему слуге, уделил
и, чтобы никто не сомневался,
запечатал печатью
и на вечные дни даровал.
При запечатаньи этой таблицы
были свидетели:
Мардук-шум-укин,
сын Хаббана, погребальщика;
Ушабши-илу,
сын Эа-риманни, посла;
Мардук-табик-зери,
сын Тубалат-Иштар, вельможи,
и Мардук-балату-икби,
сын Варад-Эа,
правителя области.
Вавилон, месяц Нисан, двадцатый день,
год 31-й Набу-апла-иддина,
царя Вавилона;
на подлинном — царская печать
для указов.
Если кто-нибудь после,
победно вошедший
во дворец,
дар царя
Набу-апла-иддина
отнимет
и подарит другому,
кто уменьшит дары
и обратит их в казну
или возьмёт их себе,
или каким-нибудь злодеяньем
уничтожит
эту стелу, —
имя этого человека,
по слову Шамаша, Айи

и Бунене,
владык судьбы,
255 великих богов,
пускай погибнет,
пусть его род прекратится,
от жажды и голода
пусть оборвётся его жизнь,
260 пусть его труп будет
брошен и не найдёт могилы!

НАДПИСИ ШАМАШШУМУКИНА, ЦАРЯ ВАВИЛОНА

I

1 Я, Шамашшумукин, мощный царь,
царь Амнану, царь Вавилона,
крепкий, премудрый
пастырь, любимый Энлилем,
5 Шамашем и Мардуком,
царь Шумера и Аккада.
От материнской утробы
на господство над всеми людьми
Эруа, царица богов,
10 нарекла мне счастливое имя,
и великие боги меня
благосклонно избрали на трон
всех обширных племён Аккада,
и светло нарекли моё имя
15 охранять их пути и законы.
Из Ашшура к Обители жизни
повелитель богов Асари
благостно вышел со мной,
владыка, могучий Мардук
20 в Эсагил, храм небес и земли,
в дом свой светлый, счастливо вошёл;

я тогда обновил все законы,
всё веленья великих богов
изо всех святилищ и храмов.
В эти дни я поставил стоять
укреплённую стену Сиппара,
сокрушённую вражьим огнём,
всё, что рухнуло, я утвердил,
всё, что падало, я укрепил;
её богиню, подобно горе,
поднял вверх я из праха.
Пусть навеки могучий Шамаш
и Айа, его супруга,
на мои благие дела
взглянут радостным оком
и мне, Шамашшумукину,
свято чтящему их,
милость пусть изрекут.

II

Я, Шамашшумукин,
царь могучий, царь Вавилона,
царь Шумера и Аккада,
пастырь правды, высокий властитель,
боящийся бога богов,
в которого царские годы
владыка богов Мардук
возымел к нему милость
и в веселье вошёл в Вавилон,
и вступил в Эсагил, в свой придел,
утвердив в Эсагиле дары,
сын Асархаддона,
великого царя, могучего царя,
царя вселенной, царя Ассирии,
царя Шумера и Аккада,
внук Синаххериба,
царя Ассирии,
правнук Саргона,
царя Ассирии,

царя Шумера и Аккада,
брат Ашшурбанипала,
царя вселенной, царя Ассирии,
царя четырёх стран света.
Стены храма Эзиды,
в годы прежних царей
пришедшие в ветхость,
и её одряхлевший фундамент
в мои царские годы
я опять обновил
и вознёс, будто гору.
Кто из позднейших царей, моих сыновей,
если будет он править страной,
увидит этот мой образ
и помажет елеем его,
и принесёт ему жертву,
и напишет имя моё
рядом с собственным именем,
и прославит мои деянья, —
пусть Набу, писец Эсагила,
запишет дни его жизни
долгими в Книге Судьбы,
пусть он даст ему старость в удел,
пусть всегда говорит о нём благо
перед Мардуком, владыкой богов.
Если ж кто по злобе сотрёт
моё имя и имя брата,
если кто разобьёт этот образ
или унесёт его прочь,
не поставив рядом с своим, —
Набу, высокий владыка,
гневно пусть на него поглядит,
пусть он его имя и семя,
его потомство и род
истребит из людской молвы
и не будет к нему благосклонен.

НАДПИСИ АШШУРБАНИПАЛА, ЦАРЯ АССИРИИ

I

Я, Ашшурбанипал,
великий царь, могучий царь,
царь вселенной, царь Ассирии,
царь четырёх стран света,
царь царей, несравненный владыка,
который, по слову Ашшура,
Шамаша и Мардука,
воцарился от верхнего моря
до нижнего моря,
повергнув к своим ногам
всех государей,
хранитель Эсагила,
дворца богов,
чью главу он заставил сиять
наподобие звёздного неба,
возместивший ущербы
всех святилищ богов,
охраняющий все города,
чьи деянья милы всем богам,
кротко правящий черноголовыми,
сын Асархаддона,
великого царя,
царя вселенной, царя Ассирии,
наместника Вавилона,
царя Шумера и Аккада,
заселившего вновь Вавилон,
построившего Эсагил,
обновившего божии храмы
по всем городам,
утвердившего в них приношенья,
установившего жертвы
и, как древле, совершившего в них
все законы и все повеленья,

внук Синаххериба,
великого царя, могучего царя,
царя вселенной, царя Ассирии.
Великий владыка Мардук,
в годы прежних царей
поселившийся в Ашшуре
у отца, своего родителя,
в мои царские годы
с ликованьем вступил в Вавилон.
Жертвы я утвердил для Эсагила
и для богов Вавилона
и подчинил Вавилон.
Чтобы сильный не помыкал слабым,
Шамашшумукина,
моего кровного брата,
я возвёл на престол Вавилона.
Построение Эсагила,
не законченное отцами,
я довёл до конца,
балками из кипарисов и кедров,
высокорослых детей
гор Амана и гор Ливана,
я покрыл этот храм,
двери из тамарисков и пальм,
из кипарисов и кедров
я повелел изготовить
и поставил в его вратах,
сосуды из золота, меди,
из железа, дерева, камня
я поставил внутри него.
В это время Экарзагинну,
дом Эа среди Эсагила,
повелел я выстроить вновь.
Эа, царь океана,
на эту постройку
радостно пусть поглядит;
мне, Ашшурбанипалу,
царю Ассирии,

князю, боящемуся его,
благосклонное слово
да изрекут его губы.
Жизнь, долгую днями,
большое потомство,
здоровье и радость
да уделит он мне.
Основание моего трона,
будто гору, пускай утвердит
и, как небо и землю,
пусть продлит он мой дом.
Дни Шамашшумукина,
царя Вавилона,
моего кровного брата,
пускай он продлит
и насытит потомством.
Когда в будущих днях
другой государь,
в чьи царские годы
этот храм одряхлеет,
обновит его ветхость
и увидит мой образ,
и помажет елеем,
принеся ему жертвы,
пусть Эа услышит
его молитвы.
Кто сотрёт моё имя,
кто нарушит мой образ,
кто прочь унесёт
и со своим не поставит, —
Эа, высокий владыка,
гневно пусть на него поглядит,
пусть его царский престол
он омрачит и разрушит,
пусть сокрушит его власть,
его имя и семя в стране,
пусть не будет к нему благосклонен.

II

Храм Иштар, моей госпожи,
убелил серебром я
наподобие дня;
двери храма Иштар
златом и серебром
щедро я изукрасил.
Храм воздвиг я для Эа
и отстроил весь город.
Всё, что враг сокрушил
на печаль и на горе,
принял я в свои руки
и отстроил на радость.
Когда я это сделал
и закончил постройки,
нерушимое слово
отца я исполнил:
Шамашшумукина,
моего кровного брата,
на престол Вавилона
я посадил;
Ашшур...
второго брата,
сделал я...

младшего брата
перед Сином в Харране
сделал я государем;
возлиянье и пищу
духам прежних царей,
прекращённые раньше,
я велел приносить;
богам и людям,
живым и мёртвым,
творил я добро.
Зачем же злая болезнь
теснит моё сердце,

зачем привязалась
ко мне погибель?
Утесненье в стране,
недовольство дому
от меня не отходят,
клевета и злоречье
обступили меня,
нездоровье, заботы
пригибают мой стан;
в криках «у-а» и «ай»
совершаю я день мой;
в праздник бога страны,
в светлый день, я печален,
смерть объяла меня и теснит.
В горьких жалобных криках
день и ночь я лежу.
Я молю тебя, боже,
дай безбожному мне
вновь увидеть твой свет.
Демон всё это сделал,
так, что стало со мною
как с не чтущим богов.

ЛИТЕРАТУРНЫЕ ТЕКСТЫ

ХОЖДЕНИЕ ИШТАР

Поэма о сошествии Иштар в обитель мертвых сохранилась в двух разделяемых полуторастолетним промежутком списках. Древнейший список, вероятно изготовленный в начале XIII в., происходит из раскопок Берлинского Музея в Ашшуре. Хранившийся в одном из храмовых архивов, этот список содержит несколько ошибок и промахов пера, обнаруживающих в нем работу ассирийского семинариста. Начало и конец вмещающей его одноколонной таблетки разбиты. Позднейший список был сделан для куюнджикской библиотеки царя Ашшурбанипала (668—627 гг. до Р. Х.). Эта тщательная копия дошла до нас почти неповрежденной и дополняется тремя фрагментами, принадлежавшими двум повторявшим этот список экземплярам из той же библиотеки Ашшурбанипала. Перевод поэмы основан на совмещении текста этих списков; скобками отмечены восстановления разбитых мест.

Исследование содержания поэмы заставляет думать, что обе копии восходят к извлечению из не дошедшего до нас творения, передававшего трагедию божественных страстей значительно полнее. Вопреки обычным приемам вавилонского эпоса, поэма начинается внезапным описанием встречающей Иштар обители теней. К тому же это описание является бродячим эпическим мотивом и вовсе не принадлежит «Сошествию Иштар»: оно имеется и в более подробном виде в поэме о подвигах и трудах царя и страстотерпца Гильгамеша. Далее, строфа VII поэмы не связана с ее VIII строфой: пропущен эпизод заключения Иштар в преисподней. В строфе X сжаты по крайней мере две, а вероятно и три, строфы, передававшие наставления Эа Аснамиру, приход Аснамира в Эреб и разговор

с Эрешкигаль. Строфа XI содержит «великую клятву», также принадлежащую к странствующим эпическим сокровищам и также приводимую полнее страстями Гильгамеша. Строфа XII, находящаяся только в старшем списке, оказывается незначительным остатком какого-то существенного эпизода, соединявшего XII и XIV строфы; в куюнджикском списке этой строфы вовсе нет, а ее второй стих искусственно приделан к началу XV строфы, в обоих списках не связанной с предпосланным повествованием об исходе Иштар. Строфа XVI, сохранившаяся только в куюнджикском списке, по-видимому, вообще взята откуда-то извне: самое имя богини здесь заменяется эпитетом Белили «Владычица богов».

Цель, руководствовавшая сократителей поэмы, обнаруживается ее заключительным стихом: это извлечение предназначалось к прочтению на празднике всех усопших (25 марта), эфемерно покидающих печальный дом теней, чтобы причаститься жертвам, приносимым в этот день живыми.

Первоначальный миф, лежащий в основе поэмы, восстанавливается так: богиня-мать вступает в брак со своим отцом, водным богом. В этом браке зарождается дитя, закрепляющее кровесмесительную связь. Каждую осень богиня опускается с ребенком в подземные владения супруга, к истокам пресных вод, и каждую весну в речном разливе снова выносит дитя на свет. Этот общий хтонический миф растет и превращается: божество воды распадается на бога небесных и бога подземных вод; богиня-мать является в двух обликах, супруги небесного и подземного богов: дитя, связующее мать с отцом, само становится супругом матери. Такое превращение свойственно пяти распространенным между народами Средиземноморья мифам: Таммуза и Иштар, Осириса и Изиды, Коры и Персефоны, Адониса и Афродиты, Аттиса и Кибелы. Подставляя в этой схеме имена, мы получаем следующий вавилонский вариант.

Дочь небесного царя Ану, богиня-мать Иштар, вступает в тайный брак с Папсуккалем, сыном бога подземных вод Эа. От этой связи рождается дитя, Таммуз. Скрывая свой позор, Иштар кладет ребенка в тростниковую корзинку и отдает течению реки. Суденышко погружается и приплывает в подземную обитель мертвых, к царице молчаливых полей, Эрешкигаль. Когда проходит первый страх, Иштар, горюя о погубленном ребенке, сама бросается в реку и делается пленницей Эрешкигаль. Склоняемый мольбами Папсуккаля, Эа задумывает освободить богиню. Он создает похотливый призрак, Аснамира, открывает ему свой замысел и посылает в царство мертвых. Развеселенная непристойными шутками Аснамира, Эрешкигаль клянется исполнить его просьбу: Аснамир просит мех с жи-

вой водой. Перехитренная богиня освобождает пленницу; божественным решением Таммуз полгода должен проводить в Эребе и полгода, воскресая, возвращается к Иштар[1].

Ритмическая структура поэмы обычна для вавилонских поэтических произведений. Стих распадается на два, реже на три полустишия, обусловленные равновесием словесных образов и словоударений, от двух до трех на полустишие; в «Сошествии Иштар» встречаются стихи из 2+2, 3+2, 3+3, 2+2+2 ударений. Число неударяемых слогов безразлично и подчиняется лишь общим законам благозвучия.

«К СТРАНЕ НЕИЗБЕЖНОЙ»
Хождение Иштар в Преисподнюю

I

К стране неизбежной[2], земле обширной,
Иштар, дочерь Сина[3], свой дух склонила,
склонила дочерь Сина дух свой светлый
к тёмному дому[4], жилищу Иркаллы;
к дому, откуда[5] никогда не выходят,
к пути[6], который не выводит обратно,
к дому, в котором лишаются света,
света не видят, в темноте[7] обитают,
туда, где пыль — их питье, и пища их — глина,
а одеты, как птицы[8], одеждою крыльев.

II

У ворот Преисподни сгустился сумрак[9],
на дверях и засовах простерся прах[10].
Иштар, ворот Преисподней достигши,
к стражу ворот обращает слова[11]:
«Очей привратник[12], открой ворота,
открой ворота, чтобы вошла я[13].
Если ты не откроешь и не дашь мне войти[14], —
разнесу я дверь[15], замок разобью,
разнесу я порог[16], исковеркаю створки,
изведу[17] я мертвых, едящих живых,
пускай к живым мертвые сопричтутся»[18].

III

Привратник уста открыл[19] и вещает,
так изрекает Величеству Иштар:
«Госпожа моя, стой, не касайся двери[20],
Я пойду, возвещу[21] твоё имя царице Эрешкигаль».
И пошёл[22] привратник, вещает Эрешкигаль:
«Сестра твоя это, Иштар, бушует у входа[23],
Госпожа великих пиров, возмутившая море»[24].
Эрешкигаль такое едва услыхала,
как подрубленный кедр[25], она пожелтела[26],
как склонённый тростник, припала долу[27]:

IV

«Что привело её сердце, что привлекло её чрево[28]?
Вот я теперь с нею воссяду[29],
в пищу есть буду глину, пыль буду пить в питьё,
буду плакать о юношах, бросивших[30] дружек,
буду плакать о девушках, взятых от лона милых,
о малютке милом заплачу, восхищенном рано.
Ступай, привратник, открой ей ворота,
поступи с ней согласно обычаям древним»[31].
Пошёл привратник, открыл ей ворота:
«Войди, госпожа моя, Куту тебе да ликует,
Дворец Преисподней да веселится тебе[32]!»

V

В одни врата её ввёл и выводит, снимает большую тиару с её головы;
«Зачем, привратник, снимаешь большую тиару с моей головы?»
— «Входи, госпожа. У царицы земли такие законы».
В другие врата её ввёл — и выводит, снимает подвески с её ушей:
«Зачем, привратник, снимаешь подвески с моих ушей?»
— «Входи, госпожа. У царицы земли такие законы».
В третьи врата её ввёл — и выводит, снимает ожерелье с её шеи:
«Зачем, привратник, снимаешь ожерелье с моей шеи?»
— «Входи, госпожа. У царицы земли такие законы».
В четвёртые врата её ввёл — и выводит, снимает щиточки с её грудей[33]:

«Зачем, привратник, снимаешь щиточки с моих грудей?»
— «Входи, госпожа. У царицы земли такие законы».
В пятые врата её ввёл — и выводит, снимает пояс рождений[34]
с её чресел:
«Зачем, привратник, снимаешь пояс рождений с моих чресел?»
— «Входи, госпожа. У царицы земли такие законы».
В шестые врата её ввёл — и выводит, снимает запястья с её рук и ног:
«Зачем, привратник, снимаешь запястья с моих рук и ног?»
— «Входи, госпожа. У царицы земли такие законы».
В седьмые врата её ввёл — и выводит, снимает платочек стыда[35]
с её тела:
«Зачем, привратник, снимаешь платочек стыда с моего тела?»
— «Входи, госпожа. У царицы земли такие законы».

VI

Как издревле Иштар сошла к Преисподней —
Эрешкигаль увидала её, перед нею взъярилась[36],
Иштар не смутилась, на неё ступила[37].
Эрешкигаль уста[38] открыла — вещает,
к Намтару-послу обращает слово[39]:
«Ступай, Намтар, во дворце затвори её[40],
наведи шестьдесят болезней на сестру[41], на Иштар.
Болезнь глаз на глаза её, болезнь ушей на уши её,
болезнь рук на руки её, болезнь ног на ноги её,
болезнь сердца на сердце её, болезнь главы на главу её,
на всю на неё, на все её тело»[42].

VII

Как Иштар, госпожа, сошла к Преисподней —
на корову не прыгает бык, ослицы не кроет осёл[43],
при дороге женщины не кроет мужчина[44],
спит мужчина на ложе, женщина спит в стороне[45].

VIII

Папсуккаль, посол великих богов,
омрачился видом[46], в лице потемнел,
он оделся в рогожу[47], облёкся в траур[48].

И пошёл Шамаш пред лицо Сина, отца, и плачет,
перед Эа-царя текут его слезы:
«Иштар на землю[49] сошла, не восходит.
Как издревле Иштар сошла к Преисподней,
на корову не прыгает бык, осёл не кроет ослицы,
при дороге женщины не кроет мужчина,
спит мужчина на ложе, женщина спит в стороне».

IX

Эа в недрах сердечных[50] задумал образ,
создал Аснамира[51], евнуха:
«Ступай, Аснамир, к вратам Преисподней[52],
семь ворот Преисподней тебе да откроют[53],
Эрешкигаль, тебя увидав, тебе да ликует[54].
И когда отдохнёт её сердце и чрево взыграет, —
возьми с неё клятву великими богами[55],
подыми свою голову, к меху Хальзику дух устреми[56]:
„Госпожа, пусть Хальзику дадут мне, воды из него изопью я"»[57].

X

Эрешкигаль такое едва услыхала —
хлопнула бедра, прикусила палец:
«Пожелал ты такое, чего не желают[58]!
Ступай, прокляну тебя клятвой великой:
снедь из канавы — будь тебе хлебом,
сточная мерзость — будь тебе пивом[59],
тень под стеною — будь тебе домом[60],
камень дорожный[61] — будь тебе ложем,
голод и жажда возьмут твою силу»[62].

XI

Эрешкигаль уста открыла — вещает,
к Намтару-послу обращает слово:
«Ступай, Намтар, ударь в Экальгину[63],
в доски[64] постучи из белого камня,
изведи Ануннаков[65], на трон золотой посади их,
Иштар живою водой окропи и возьми от меня»[66].

Пошёл Намтар, ударил в Экальгину,
в доски постучал из белого камня,
извёл Ануннаков, на трон золотой посадил их,
Иштар живою водой окропил и взял её прочь.

XII

В одни врата её вывел — и вернул ей большую тиару с её головы;
в другие врата её вывел — и вернул ей подвески с её ушей;
в третьи врата её вывел — и вернул ей ожерелье с её шеи;
в четвёртые врата её вывел — и вернул ей щиточки с её грудей;
в пятые врата её вывел — и вернул ей пояс рождений с её чресел;
в шестые врата её вывел — и вернул ей запястья с её рук и ног;
в седьмые врата её вывел — и вернул ей платочек стыда с её тела.

XIII

«...Коль она не даст тебе выкупа[67], вновь обратись на неё:
На Таммуза, дружка её юности[68],
чистую воду возлей[69], чистым елеем помажь[70],
в платье нарядное[71] пусть он оденется,
флейта лазурная пусть повлечёт его сердце[72],
девы весёлые пусть полонят его помысел»[73].

XIV

Села Белили, перебирает сокровища[74],
камни-глазочки полнят[75] подол её;
услыхала жалобу брата — и разбила[76] Белили сокровища,
камни-глазочки раскатилися[77] по полу:
«Брат мой единый, не огорчай меня[78].
В дни Таммуза играйте[79] на лазоревой флейте,
на порфирном тимпане — на нём[80] мне играйте,
на нём мне играйте, певцы и певицы.
Мертвецы пусть восходят, пусть куренья вдыхают»[81].

ВОЗНЕСЕНИЕ ИШТАР

I

Перед Ану святым и великим, чьё веление уст неизменно,
боги в послушной молитве согнулись, будто серпы:
«Говоришь ты — и прав, о владыка. Говоришь ты — и ты благосклонен,
Ану, твое высокое слово превосходно, и кто скажет: нет?
Отче богов, твоё слово — основа небес и земли, и кто из богов непокорен?
О владыка, ты сам свой совет, и что все наши советы.
Деве Иштар, которой владел ты[1], руку подай.
Твою непременную милость, славнейшую в небе, изреки в нашем сонме,
Иннине, которой ты обладал, вручи свои повеленья.
Пусть она будет Анту, супруга, твоя ровня, твоё имя её возвеличит,
путями Эллиля и Эа пусть её рука овладеет,
пусть одна она, мощная[2], держит бразды небес и земли».

II

В светлом веселье им отвечает Ану,
к чистой Иштар в радости сердца благосклонно он обратился:
«Приказ моего божества бесподобен, как дивное небо,
он — предел, внушающий страх, к нему нельзя приближаться.
Я — Ану, владыка, их вождь, — стань во главе их,
овладей простором их царства, царствуй одна.
К моему владычному дому поднимись и воссядь в вышине.
Подобно имени моему, „Анту горняя" будешь ты зваться.
Пусть мой верный посол, чьи уста драгоценны, знающий тайны,
пусть Илабрат, мой славный посол, будет твоим гонцом.
Пусть он перед тобой ублажает богов и богинь.

III

В постоянных основах небес и земли, в вечных созвездиях богов,
Ану, Эллиль и Эа вначале разделили уделы[3].
Двум богам, двум стражам небес и земли, открывающим двери и Ану,

Сину и Шамашу день и ночь — два родных удела даны.
От подошвы небес до вершины небес они отмечают сроки,
как колосья, тесно столпились все небесные звёзды,
как быки, познали дорогу главные боги,
туда, Иштар, подымись до их владений,
Иннина, гори среди них, назовися звёздной Иштар.
Пусть победно изменится там твоё высокое место,
между стражей Сина и Шамаша пусть разгорится твой свет.
Светлым огнём твой факел пусть заблестит в небесах,
как меж богов никто не равен тебе, пусть тебе удивляются люди».

IV

Когда владыка дочери Сина жребий её указал,
в светлый храм свой Эанну не запер ей входа,
когда царь Ану Иннине жребий её указал —
светлый храм свой Эанну он подарил ей в подарок,
божьей одеждой, блеском ясного Сина он одел её тело,
царские камни — божьи убранства — он зажёг, словно день,
страшный скипетр владычный, беспощадный в сраженьи, дал ей в руки;
дивной тиарой, подобной Наннару, покрыл ей главу:
«О, богиня! Тяжкий жребий, нерассудимые судьбы, всё я тебе отдаю,
словно ко мне самому, Эллиль, владыка земель, будет к тебе благосклонен!»

МИФ О ЗУ
ПОХИЩЕНИЕ КНИГИ СУДЬБЫ

1 И веление всех богов утвердил он,
обратился, коснулся, посылает он Зу.
И когда он окончил, подошёл к нему Бел.
Сверкание чистой воды перед ним,

на деянье владыки глядят его очи:
на тиару господства, на божью одежду,
на божьи Книги Судьбы Зу всё смотрит
и смотрит; и когда Дуранки, отца богов,
жажду господства почуял он в сердце,
Зу, как увидел Дуранки, отца богов:
«Божьи Книги Судьбы[1] я захвачу,
повеленья богов все я узнаю,
утвержу я престол, овладею законом,
буду править я всеми, сколько есть их, Игиги».
И когда возмущенье вошло в его сердце,
у замеченной двери дворца ждёт он ранней зарёй.
Когда Бел умылся чистой водой,
воссел на троне, надел тиару —
Книги Судьбы тогда ухватил в свои руки,
облёкся властью, похитил законы,
улетел тогда Зу, в горах уселся,
пролилось молчание, раздался голос.
От отца и советника, светлого Бела,
весь дворец наполняется ясным блеском,
и богини приходят за его повеленьем.
Ану уста открыл, говорит,
так изрекает богам, своим детям:
«Кто из вас хочет Зу погубить,
кто хочет по градам своё имя прославить?»
Они призывают вождя, сына Ану,
Ану веление своё ему изрекает;
Адада они призывают, вождя, сына Ану,
Ану веленье своё ему изрекает:
«Мощный, ужасный Адад, нападай неуклонно,
Зу погуби своим оружьем,
будет имя твоё величаться в сонме великих богов,
между богов, твоих братьев, равных тебе не найдётся.
Пусть построены будут божьи дворцы,
по всей вселенной построй себе грады,
пускай твои грады причтутся к Экуру,
будь великим среди богов, греми своей славой».
Адад отвечает на речь,

к Ану-отцу обращает слово:
«Отец, в недоступные горы кто поспешит?
Кто сравняется с Зу меж богов, твоих чад?
Книги Судьбы ухватил он руками,
властью облёкся, похитил законы,
улетел тогда Зу, в горах уселся,
изрекает устами, словно боги Дуранки[2].
Супостатов своих он пылью считает,
силы его... ужасаются боги».
Ану Ададу повелел не ходить.
Богиню зовут они, дочерь Ану,
Ану веленье своё ей изрекает.
Иштар зовут они, дочерь Ану,
Ану веленье своё ей изрекает:
«Мощная, ужасная Иштар, наступай неуклонно,
Зу погуби своим оружьем,
будет имя твоё величаться в сонме великих богов.
Между богов, твоих братьев, равных тебе не найдётся.
Пусть построены будут божьи дворцы,
по всей вселенной построй себе грады,
пускай твои грады причтутся к Экуру,
будь великой среди богов, греми своей славой».
Иштар отвечает на речь,
к Ану-отцу обращает слово:
«Отец, в недоступные горы кто поспешит?
Кто сравняется с Зу меж богов, твоих чад?
Книги Судьбы ухватил он руками,
властью облёкся, похитил законы,
улетел тогда Зу, в горах уселся,
изрекает устами, словно боги Дуранки.
Супостатов своих он пылью считает,
силы его ужасаются боги».
Ану Иштар повелел не ходить.
Гирру зовут они, сына Иштар,
Ану веленье своё ему изрекает:
«Мощный, ужасный Гирра, наступай неуклонно,
Зу погуби своим оружьем,
будет имя твоё величаться в сонме великих богов,

между богов, твоих братьев, равных тебе не найдётся.
Пусть построены будут божьи дворцы,
по всей вселенной построй себе грады,
пускай твои грады причтутся к Экуру,
будь великим среди богов, греми своей славой».
Гирра отвечает на речь,
к Ану-отцу обращает он слово:
«Отец, в недоступные горы кто поспешит?
Кто сравняется с Зу меж богов, твоих чад?
Книги Судьбы ухватил он руками,
властью облёкся, похитил законы,
улетел тогда Зу, в горах уселся,
изрекает устами, словно боги Дуранки.
Супостатов своих он пылью считает,
силы его ужасаются боги».
Ану Гирра повелел не ходить...

(Конец третьей колонны.)

Сравняться с Зу . . . . . .
вот, я пойду . . . . . .
сравняться с Зу . . . . . .
и услышали боги вещания Эа,
задрожали они . . . . . .
Эа уста открыл и вещает,
к Ану он обращает слово:

(Конец отбит.)

ИЗ ПОЭМЫ ОБ ЭТАНЕ. ОРЕЛ И ЗМЕЯ

Поэма об Этане, сохранившаяся ассирийская редакция которой записана «по Авель-Ханнару», как значится в кусочке каталога библиотеки Ашшурбанипала, состоит из четырех отдельных эпизодов: сошествия с

небес единоличной власти, дружбы и вражды змеи с Орлом, полета Этаны на орле «за травой рождения» и страшного падения Этаны. В цитированном каталоге эта поэма значится вслед за поэмой о Гильгамеше, записанной со слов Син-лики-унинни; список царей, правивших после потопа, предпосылает 635-летнее правление Этаны в Кише 126 урукским царским годам Гильгамеша.

«История животных» Элиана рассказывает о полете Гильгамеша так. Вавилонскому царю Соккару маги предсказали, что у его дочери родится сын, который свергнет деда с престола. Испуганный словами магов, Соккар заключил дочь в башню. Дитя, однако, родилось, и царь распорядился сбросить внука с башни. Ребенка подхватил на крылья орел и снес его в далекий сад. Садовник усыновил и воспитал дитя, которое он назвал Гильгамос. Впоследствии, как предсказали маги, Гильгамос лишил Соккара власти и правил вавилонянами сам.

Этана совершает свой полет, чтобы добыть «траву рождения», без которой ничто в его царстве не может появиться на свет. Я думаю, что оба мифа выросли на почве мифа о царе-орле, о власти Солнца, слетевшей с неба в орлином образе для воплощения в царя. Орлы трех исчезнувших на наших глазах империй восходят к одному источнику с орлом богов и государей Шумера, и в шумерской глиптике еще прозрачен солнечный характер этого орла[1].

Легенда о Гильгамеше начинается полетом на орле, в легенде об Этане этому предпосылается, в порядке цепи причинностей, повествование о дружбе змеи с орлом, о данных ими перед Шамашем взаимных клятвах в верности, о вероломстве орла и мстительной змеиной хитрости. Как это заключенное в себе повествование соединялось с судьбой Этаны, явствует из маленького древневавилонского фрагмента, изданного Шейлом: по велению Шамаша Этана выкормил и вылечил заброшенного в яму, искусанного и голодного орла. Трагический полет был совершен по совету благодарной птицы.

I

(Орёл говорит:)
[1] «Хочу я дружбу [вести с тобою]».
[Змея] раскрыла уста, [обратилась к орлу]:
«Свиреп ты в злобе...
демонов сильных и бесов [ешь ты].

Давай взберёмся [с тобою на гору],
клянемся оба оставить долы!»
И пред сильным Шамашем изрекли они клятву;
а того, кто [преступит] стезю Шамаша,
Шамаш карает жестокой дланью.
[Тот, кто преступит] стезю Шамаша,
да будет вырван...
пусть губительный меч на него [обратится],
сеть шамашевой клятвы упадет и [покроет].
Так клялись они клятвой — и [оставили] долы,
поднялись на гору, взошли [к вершине].
День за днём, повседневно блюдут они клятву:
онагра ль, тура орёл изловит —
ест змея до отвала, и едят [её] дети;
газель, оленя змея изловит —
ест орёл до отвала, и едят [его] дети;
козла ли, серну орёл изловит —
ест змея до отвала, и едят [её] дети;
...змея изловит —
ест орёл до отвала, и едят [его] дети;
и орлиные дети подросли и окрепли.
А затем, как орлята подросли и окрепли,
орлиное сердце задумало злое,
детей у друга пожрать р[ешил он].
И открыл он уста, говорит [своим детям]:
«Детей змеиных пожрать хочу я,
змеиное сердце...
Полечу я на небо, [взгляну оттуда],
опущусь на дерево, съем малюток!»
Маленький птенчик, весьма разумный,
к отцу-орлу обращает слово:
«Не ешь, отец мой! Сети Шамаша тебя покроют,
сеть шамашевой клятвы на тебя упадёт, тебя покроет!
Переступивших стези Шамаша
Шамаш карает жестокой дланью!»
Не слыхал он, не выслушал [слов малютки],
пожрал, спустившись, детей [змеиных].

II

И змея, по[дошедши, обратилась к Шамашу]:
«Я несу тебе весть [об орлином злодействе],
на орла [с челобитной к тебе пришла я],
Вот гнездо моё [было...],
он гнездо моё высмотрел,..
расползлись мои детки, [меня] не [было с ними],
он низринулся долу, пожрал [моих деток];
о Шамаш, [возмести ему] злое дело!
Твои сети, Шамаш... землю,
небеса твоя сеть...
Избежал ли когда-нибудь кто твоей сети?
Злоумышленный Зу...».
И, к змеиной мольбе [преклонивши слух свой],
Шамаш уста растворил, к [змее обратился]:
«Ступай в дорогу, взой[ди на гору],
я тебе приготовил биз[онью тушу],
ты раскрой её брюхо, [проникни в утробу],
устрой жилище [себе в утробе].
Всякие птицы с небес [слетятся],
чтобы отведать бизоньего мяса;
[и опустится] с ними орёл,
не угадает [он твоих козней],
будет искать он входа в тушу,
пробиваться к брюху, глядеть в утробу.
А как войдёт он в утробу —
ты тогда ухвати его за крылья,
ощипли ему крылья и перья, и пух,
истерзай ты его и брось его в яму,
чтобы умер он жадной и голодной смертью».
По слову Шамаша-героя
змея пошла, взобралась на гору;
и достигла змея бизоньего [трупа],
ему брюхо раскрыла, проникла в утробу,
основала жилище [себе в утробе].

ИЗ ФРАГМЕНТОВ ПОЭМЫ ОБ ЭТАНЕ

Первый фрагмент

А

Из орлиных птенцов...
орёл своё сердце...
его сердце замыслило...
детёнышей друга пожрать...
Орёл открывает рот, говорит своим детям:
«Детей гадюки пожрать хочу я,
сердце гадюки . . . . . .
Взлечу я к верху, с небес взгляну я,
на верхушки дерев сяду и детёнышей съем».
Маленький птенчик, весьма премудрый,
орлу — своему отцу — изрекает слово:
«Не ешь, отец мой, сеть тебя словит,
западня накроет — тебя поймает.
Повеление Шамаша кто преступит, —
Шамаш больно того рукой...».
Слов своего птенца он не слушал,
он спустился, пожрал детей гадюки
...это среди белого дня,
гадюка...
. . . . . .
...несёт своё бремя . . . . . .
. . . . . .

В

Змея, подошедши к Шамашу, молвит:
«Я скажу тебе весть . . . . . .
орлу... . . . . .
моё гнездо он . . . . . .
Увидал он гнездо в своём полёте:
разбрелись мои дети и нет меня с ними.
Тогда он спустился, поел моих деток,
злое деянье возмести ему, Шамаш.
Сеть твоя, Шамаш, — простор вселенной,

твоя западня — высокое небо,
из твоей сети никто не вывел
злодея Зу, понёсшего кару.
Услышал Шамаш змеиную просьбу,
открыл уста и змее вещает:
«Ступай в дорогу, отправься в горы,
мёртвого буйвола там ты отыщешь,
раскрой ему брюхо, заползи в его чрево,
устрой себе дом в его утробе,
все небесные птицы к нему слетятся,
прилетит и орёл заодно с другими.
Ничего не поймёт он, ничего не узнает,
будет входа искать он, будет бегать по ребрам,
к сокровенной утробе будет он устремляться.
А когда он проникнет в утробу, ухвати его за крыло, обломай
его крылья, его перья и когти,
растерзай его, брось, посади его в яму,
чтобы голод и жажда его убили».
Повинуясь слову Шамаша-героя,
пошла змея, отправилась в горы,
подошла змея к воловьему трупу,
раскрыла брюхо, заползла ему в чрево,
устроила дом свой в его утробе.
Все небесные птицы слетелись, пожирают мясо,
орёл узнает ли хитрость,
вместе с птицами он полетит ли на мясо?
Орёл открывает уста, говорит своему малютке:
«Давай полетим, съедим это мясо».
Маленький птенчик, весьма премудрый,
к орлу — своему отцу — обращает слово:
«Не лети, мой отец, затем что в утробе
этого буйвола змей поселился».
Орёл...

(Две строки разбиты.)

Он не послушался слов малютки,
полетел, опустился на бычью тушу.

Орёл попробовал мясо, поглядел с головы и с хвоста,
и опять попробовал мясо, поглядел с головы и с хвоста,
стал он бегать по рёбрам, устремился к утробе.
А когда он проник в утробу, ухватил его злодей за крыло.
Орёл открыл уста, обратился к змею:
«Сжалься, я дам тебе дар, какой пожелаешь».
Змей открывает уста, вещает орлу:
«Если я тебя отпущу, что сделает Шамаш?
На меня самого обратится ярость,
которую я на тебя замыслил».
Он сломал его крылья, его перья и когти,
растерзал его, бросил, посадил в темницу,
чтобы голод и жажда его убили.

С

«Завершили жрецы мое возлиянье,
закололи ягнят, богов ублажили.
Господи, пусть изойдет из уст твоих слово,
подари мне в подарок траву рожденья,
укажи моим взорам траву рожденья,
истреби мою слабость, создай мне потомство».
Шамаш открыл уста, вещает Этане:
«Ступай в дорогу, отправься в горы...»

Второй фрагмент

Орёл открыл уста, изрекает Шамашу, владыке:
«. . . . . .
маленький птенчик . . . . . .
...его и... . . . . .
всё, что скажет, пусть я услышу,
всё, что скажу я, пусть он исполнит».
По слову героя Шамаша Этана собрался в дорогу,
малого птенчика взял и пошёл к орлу.
Орёл открывает уста, вещает Этане:
«Зачем ты приходишь, зачем... ты?»
Этана открыл уста и вещает орлу:
«Друг, подари мне траву рожденья,
истреби мою слабость, создай мне потомство.

Чтобы достигнуть травы рожденья,
из листьев которой исходит...
Шамаш владыка так провещал мне:
„Ступай в дорогу, отправься в гору,
...траву рожденья"».

Третий фрагмент

А

...бог...
перед воротами Ану, Бела и Эа...
оба мы вместе низко склонились,
перед воротами Сина и Шамаша, Адада и Иштар,
отомкнул я замок, ...
я заглянул и склонился . . . . . .
она восседала внутри, ...
пышно она разубралась, ...
там возносился престол...
внизу под престолом львы прилегли...
Но едва я вошел, как львы поднялися,
я задрожал, испугался, ...
Орёл изрекает ему, Этане:
«Что же, мой друг, ...
Я тебя понесу на небо к Ану.
На мою спину положи свою грудь,
на концы моих крыльев положи свои длани,
на мои крылья положи свои руки».
На его спину кладет он грудь,
на концы его крыльев кладет он длани,
на его крылья кладет он руки.
Стала тяжелой, возросла его ноша.
Один уже час они в дороге,
и орёл изрекает ему, Этане:
«Посмотри-ка, мой друг, какова там земля,
посмотри-ка на море и на стены Экура». —
«Словно горка, земля, море, словно колодец».
Другой уже час они в дороге,
и орёл изрекает ему, Этане:
«Посмотри-ка, мой друг, какова там земля?»

— «Стала земля, будто мельничий жернов,
а широкое море, словно чашка для теста».
Третий уже час они в дороге,
и орёл изрекает ему, Этане:
«Посмотри-ка, мой друг, какова там земля».
— «Сделалось море, как садовничья лейка».
Когда они поднялись на небо к Ану,
входят в ворота Ану, Бела и Эа —
орёл и Этана склоняются оба,
. . . . . орёл и Этана.

В

Ношу...
И оставил...
...наверху...
и такое орёл изрекает Этане:
«. . . . . .
Я тебя понесу . . . . . .
будто собаку . . . . . .»
— «Орёл мой, птица . . . . .
не бывает...»
— «Друг, я тебя понесу . . . . . .
с Иштар, моей госпожой, ...
перед Иштар, моей госпожой, ...
На мои крылья положи свои руки,
на концы моих крыльев положи свои длани».
На его крылья он кладет свои руки,
на концы его крыльев он кладет свои длани.
Один уже час они в дороге:
«Посмотри-ка, мой друг, какова там земля?»
«У земли...
а широкое море словно маленький дворик».
Другой уже час они в дороге:
«Посмотри-ка, мой друг, какова там земля?»
— «Стала земля будто мельничий жернов,
а широкое море, будто чашка для теста».
Третий уж час они в дороге:
«Посмотри-ка, мой друг, какова там земля?»

«Различаю я землю не яснее пылинки,
а широкого моря не видать моим взорам».
— «Не хочу я, мой друг, подыматься на небо,
удержи свой полёт, спусти меня долу».
Один уже час, как они повернули, —
упадает орёл, упреждает Этану;
другой уже час, как они повернули, —
упадает орёл, упреждает Этану;
третий уж час, как они повернули,
упадает орёл, упреждает Этану;
и до самой земли . . . . . .
. . . . . орёл разбился,
а Этана...

АДАПА

Первый фрагмент. Склеенная из двух кусочков таблетка К 982-80-7-19, 178; лицевая сторона совершенно разбита и содержит только первые знаки двадцати строк, на обороте сохранились начала девятнадцати строк, писанных ассирийским письмом. Предположение о принадлежности отрывка к поэме об Адапе высказал Циммерн.

Полный перевод текста дается здесь впервые.

Отбитая лицевая сторона фрагмента, по-видимому, содержала описание бедствий, постигших жителей Эриду. Приблизительное представление об этих несчастиях может дать принадлежащий к поэме об Атрахасисе большой фрагмент К 3399-К 3934, рассказывающий о бедах, разразившихся по другому поводу над тем же Эриду. Рассказ начинается здесь с изображения голода в Эриду:

Отнялось у людей пропитанье,
в их животах
не стало травы;
Адад наверху
на дожди скупится,

внизу заточился поток,
из пещер не выходит.
Поле плодов не приносит,
отняты груди Нисабы.
За ночь луга
совсем побелели,
широкое поле
рождает соль,
не выходит трава
и семян не приносит.

Этот упадок плодородия влечет за собой шестилетние бедствия жителей. Мучения первого голодного года не сохранились в дошедшем до нас отрывке. Второй год ознаменован укрыванием всякого рода сокровищ. На третьем году люди становятся враждебными друг другу; четвертый — ведет за собой совершенное оскудение города:

При наступленьи
пятого года
прихода матери
дочь выжидает,
дочери мать
дверей не отворит,
на весы матери
смотрит дочерь,
на весы дочери
смотрит мать.
При наступленьи
шестого года
к столу на обед
дочерей готовят,
к столу на ужин
дают младенцев,
один из домов
другой поедает.

В поэме об Адапе причиной бедствий явилось, очевидно, неразумие эридийцев, всегда греховное для вавилонянина: источник всяческих про-

ступков и ошибок, непонимание или незнание божьей воли уже само по себе есть грех. Вероятность именно этой причины следует из потребности для спасения страны в премудром Адапе. Самые беды в поэме об Адапе, вероятно, также совпадали с несчастьями, рассказанными в приведенном отрывке: Адапа создается, чтобы кормить Эриду.

Увидев гибель своего города, Эа решает спасти его; с осуществления божьего замысла начинается оборот первого фрагмента «Адапы». Мудрый бог задумывает в пучине океана образ человека и воплощает его в утробе одной из эридийских женщин. Он вырастает на молоке своей матери, испуганной его сверхъестественным обличьем. Эа показывает свое создание Ану; небесный бог радуется и успокаивается сердцем. Эа одаряет свое создание вышним разумением, открывая ему непостижимые людям тайны. Внешний облик Адапы соответствует чудесности его рождения и необычайной мудрости: у него четыре глаза и отличные от человеческих губы.

Фрагмент А

Мудрый...
в глубине океана [создал он образ],
сотворил его Эа . . . . . .
И вскормился...
родильница за[дрожала]...
Узрел своё чадо
. . . . . .
Увидал его Ану . . . . . .
веселится, ликует [его сердце утихло].
И открыл ему [Эа] . . . . . .
весьма вознесённым . . . . . .
непостижимое . . . . . .
мудро по[стиг он] . . . . . .
Четыре глаза . . . . . .
его губы . . . . . .
он возрос, ...
и глаза, как . . . . . .
Поднимал он [главу], ...
его члены...

(Остатки еще одной строки.)

Первый фрагмент

Уразумел он премудрость и...
его слово было как слово Ану.
Он умудрил его разум, он открыл ему образ миров,
мудрость дал он ему, вечной жизни он ему не дал.
В эти дни, в эти годы мудрый сын Эриду,
Эа, его как межу создал среди человеков —
мудрый, чьего повеленья никто не нарушил,
хитрый, проворнейший он среди Ануннаков,
светлый, чистый руками, помазанник, чтущий законы.
Вместе с пекарями хлеб печёт он,
с пекарями Эриду хлеб печёт он,
снедь и воду для Эриду каждый день он готовит,
своей чистой рукой столы накрывает,
а когда его нет, от стола не вкушает;
лодку он снаряжает, ловит рыбу для Эриду.
В это время Адапа, сын Эриду,
...Эа, ложась и вставая,
каждый день отмыкает замки Эриду,
с пристани Новолунья садится он в лодку,
подымается ветр и влечёт его судно
...в открытое море...

Второй фрагмент

«Южный ветер...
к дому Владыки меня погнало:
Южный ветер, с дороги я тебя уберу,
. . . . . тебе крылья сломаю».
Как устами изрёк, ветру крылья сломал он.
Семь дней Южный ветер не дул в стране;
Ану послу своему Илабрату кричит:
«Зачем семь дней этот ветер не дует в стране?»
Его посол Илабрат отвечает владыке:
«Адапа, сын Эа, крылья у ветра сломал».
Едва это слово услышал Ану,
встал он на троне, закричал он: «На помощь!
Пусть его приведут».

В то время Эа, знающий небо,
прикоснулся к нему
Он одел его в траур, дал ему повеленье:
«Адапа, пред Ану царя теперь ты пойдёшь.
Когда до неба ты доберёшься,
когда подойдёшь ты к воротам Ану,
в воротах Ану Таммуз и Гишзида[1]
стоят; увидев тебя, они закричат: „Человек,
скажи, зачем ты так разубрался?
Адапа, зачем ты оделся в траур?"
— „В нашей стране исчезли два бога —
вот почему я так разубрался"
— „Кто эти два бога, что в стране исчезли?"
— „Таммуз и Гишзида"
Друг на друга взглянут, начнут удивляться,
доброе слово замолвят Ану,
в добрый час они Ану тебе покажут.
Когда перед Ану стоять ты будешь,
хлебы смерти тебе предложат,
а ты не ешь;
воду смерти тебе предложат,
а ты не пей:
потом одежду тебе предложат
и ты надень;
ещё елея тебе предложат
и ты помажься.
Моего повеленья ты не забудь;
слова, что сказал я, держись крепко».
Посол от Ану тогда явился:
«Адапу, что Южному ветру крылья сломал,
пускай приведут».
Дорогою к небу его вели, он поднялся на небо;
когда до неба Адапа поднялся,
к воротам Ану когда подошёл он,
в воротах Ану Таммуз и Гишзида
стоят, увидали Адапу и закричали: «На помощь!
Человек, для чего ты так разубрался?
Адапа, зачем ты оделся в траур?»

— «В нашей стране исчезли два бога,
вот почему я так разубрался».
— «Кто эти два бога, что в стране исчезли?»
— «Таммуз и Гишзида».
Друг на друга взглянули они, удивилися оба.
Адапа к Ану-царю когда подошёл,
увидал его Ану и молвил: «Подойди-ка, Адапа.
Зачем ты Южному ветру крылья сломал?»
Адапа Ану ответил: «Владыка,
в доме Владыки, в пучине моря
рыбу удил я; море как зеркало было.
Южный ветер подул — и меня потопил,
в доме Владыки нырнул я.
В гневе сердца тогда я его ухватил».
Он ответил; о нём Таммуз и Гишзида
доброе слово вещают Ану.
Его сердце утихло, его гнев усмирился:
«Зачем же Эа нечистым людям
небо и землю открыл,
дал им мудрое сердце, создал им имя?
Что же нам делать теперь?
Хлебы жизни ему предложите,
пусть он их ест».
Хлебы жизни ему предложили —
он их не ест.
«Воду жизни ему предложите,
пусть изопьёт».
Воду жизни ему предложили —
а он не пьёт.
Потом одежду ему предложили —
и он надел;
ещё елея ему предложили —
помазался он.
Ану взглянул на него и ему дивился:
«Что ж, Адапа, зачем ты не поел, не испил?
Теперь ты не будешь жить, теперь человеки не вечны».
— «Эа Владыка сказал мне: ты не ешь и не пей».
— «Возьмите его, отведите обратно на землю».

Третий фрагмент

«Спи», — он ему говорит, а тот поглядел;
«Сиди», — он ему говорит, а тот приподнялся.
Ану деянию Эа весьма удивился:
из богов небес и земли кто сделал бы это,
своё слово, как слово Ану, кто мог бы возвысить?
Адапа от края небес до выси небесной
глядит и видит весь ужас неба.
Ану узрел, что Адапа ему не послушен,
что велению Эа оказал предпочтение,
дал ему власть без конца, сделал судьбу его светлой:
пусть услышит Адапа, семя людское,
тот, что Южному ветру крылья сломал,
как возносится к небу: «Пусть совершится».
Беды, что злое людям приносят,
болезни, что тело у людей удручают,
царица Нинкаррак их все успокоит,
встанет оцепенение и болезнь отойдёт.
...его лихорадка постигнет
...доброго сна не увидит Адапа
радость сердца людского.

(Остаток разбит.)

НЕРГАЛ И ЭРЕШКИГАЛЬ

Когда Боги устроили праздник,
к сестре своей Эрешкигаль
они послали посла:
«Мы не можем спуститься к тебе,
да и ты не поднимешься к нам, —
повели принесть нам твой хлеб».
И послала Эрешкигаль Намтара посла,
и поднялся Намтар к высокому небу,

и вошёл он в круг, где сидели боги.
Они... ...Намтара,
глашатая слов их старшей сестры,
они... ...его увидали,
высокие боги...
...хлеба ...своей госпожи,
. . . .плачет и воет...
дорогу...

(Пять строчек отбито.)

Эа...
он пошёл... ...вернулся:
«Ступай... ...моих уст:
Бога, который не встал перед лицом моего посла,
пусть приведут ко мне, его умерщвлю я».
И пошёл Намтар, говорит с богами,
зовут его боги, говорят с ним о смерти:
«Опознай ты бога, который не встал пред тобой,
уведи его к своей госпоже».
Сосчитал их Намтар, а бог позади утаился:
«Нету здесь того бога, который не встал предо мною».
Посмотри-ка, ушёл Намтар, понёс свою весть:
«Я взошёл к богам, я их сосчитал,
но один из богов позади притаился,
вижу я — нету бога, который не встал предо мною».
Эрешкигаль уста открыла, вещает,
говорит Намтару, послу своему: «...месяц,
...Эа, мой славный владыка
. . . . . в руки Эа».
Идёт он к Эрешкигаль, плачет и воет,
перед Эа-отца текут его слёзы.
(Эа открыл уста, вещает Нергалу:)
«Что ты не уцелеешь, того не бойся, —
я дам тебе дважды семь...
с тобой пойдут . . . . . .
. . . . . Мутабрику, Шарабду,
Рабису, Тирид, Идибту, Бенну,
Сидану, Микит, Бель-упри, Умму,

Либу[1] и... пойдут с тобою».
И пошёл Нергал к вратам Эрешкигаль,
закричал: «Привратник, открой ворота,
отодвинь засовы, чтобы вошёл я.
К твоей госпоже, Эрешкигаль, я послан».
И пошёл привратник, вещает Намтару:
«Бог там какой-то стоит в воротах,
пойди погляди, входить ли ему».
Вышел Намтар, поглядел, усмехнулся,
возвратился довольный, говорит госпоже:
«Госпожа, это бог, что в прошлый месяц
утаился, не встал пред моим лицом».
— «Приведи его. Пусть он войдёт и умрёт».
Вышел Намтар, говорит: «Войди, господин».
К дому твоей сестры . . . . . .
...Нергал, твоё сердце пускай ликует».

(Отбито три строки.)

. . . . . у входа в другие ворота
...в третьих, Мутабрику — в четвёртых,
Шарабду — в пятых, Рабису — в шестых,
Тирид — в седьмых, Идибту — в восьмых,
Бенну — в девятых, Сидану — в десятых,
Микит — в одиннадцатых, Бель-упри — в двенадцатых,
Умму — в тринадцатых, Либу — в четырнадцатых
вратах он поставил, ...на дворе он рассек,
Намтару-воину говорит он веление:
«Открой ворота, я нападу на вас».
В недрах дома схватил он Эрешкигаль,
за её власы он её совлекает
с престола на землю, чтобы отсечь ей главу.
«Не убивай меня, брат мой, я скажу тебе слово!»
Нергал ее услыхал, и руки её разомкнулись,
она рыдает и плачет:
«Будь моим мужем, я буду твоей женой,
я дам тебе власть над Обширной страной,
книгу премудрости я дам тебе в руки,
ты будь господином, я буду госпожёю».

Услышал Нергал все эти речи,
обнял её и целует, утирает ей слёзы:
«Что же ты мне желала с месяцев прошлых
до этой поры?»

ПЕСНЬ О НЕВИННОМ СТРАДАЛЬЦЕ

Первая таблица

(Лакуна в 50—60 строк.)

Словно мальчик, обращён я в рабство,
ярость ближнего меня постигла.
В яме, что он вырыл, спасителя пошли мне,
на мои мольбы раскрой ему могилу.
День — воздыханье, ночь — рыданья,
месяц — жалобы, отчаянье — год.

Вторая таблица

Только начал я жить — а уж тут и конец;
как подумаю, плохо мне, плохо,
вырастает тревога, я не вижу спасенья.
Бога звал я, а он мне не кажет лица,
я молился богине, но она не кивнула;
прозорливец в виденьи не узнал о грядущем,
возлияньем гадатель не раскрыл моей правды;
я пошел к некроманту, ничего не сказал он,
чародей волхованьем не развёл моих чар.
Увы, как превратны все вещи на свете!
Погляжу я назад — позади меня горе.
Будто жертвы обычной не назначил я богу,
или будто богини не позвал я на пир,
будто ниц не простёрся, не принёс поклоненья,
словно тот, кто устами не возносит молений,

для кого прекратились божьи светлые дни,
кто лежит на боку, позабыв о кумирах,
кто не учит народа ни почтенью, ни страху,
кто не помнит о боге, кто поел его пищу,
кто оставил богиню, не даёт ей испить,
кто совсем позабыл о своём господине,
кто поклялся без нужды тяжким именем божьим.
А ведь сам постоянно говорил я молитвы,
я возвёл их в обычай, жертву ставил в закон,
день почтенья к богу веселил моё сердце,
день хожденья богини был мне радостным днём.
Почитать государя — вот моё ликованье,
воспевать ему славу — вот всё счастье моё.
Я учил мою землю охранять божье имя,
славить имя богини обучал я народ;
послушанье царю высоко возносил я,
я народ мой наставил в страхе перед дворцом.
Если б знать мне, что этим угождаю я богу.
Но любезное нам — отвратительно богу,
а противное сердцу — любезно богам;
помышленье богов в небесах — кто узнает?
Божий замысел бурный кто бы мог разуметь?
Да и как бы постигли божий путь человеки?
Кто вчера еще жил — поутру умирает,
сразу он помрачён, вдруг его больше нет;
во мгновение ока он поёт и играет,
а шагнуть не успеешь, он рыдает как выпь.
Ибо ночью и днём изменяется дух их:
вот они голодны — и лежат, словно трупы,
а потом наедятся — и подобны богам;
хорошо им — они поднимаются к небу,
а потом огорчатся — и спускаются в ад.

(Лакуна в несколько строк.)

Проклятый вампир выходит из гроба[1],
я измучен тоскою, меня гложет болезнь,
главу мне склонили, согнули мне выю,
моё сильное тело повалили, как тополь;

как тростинка, я сломлен, я валяюсь на брюхе,
бесконечно долга моя скорбь.

(Лакуна в несколько строк.)

Очень...
ничего не вкушая...
он исторг мою кровь...
он сломил мою силу...
мои члены распухли...
я свалился в постель...
Собственный дом мой стал мне темницей,
слабостью тела скованы руки,
собственным весом сломлены ноги,
разрушенье...
бич меня хлещет, полный шипов,
острые гвозди меня пронзают,
целый день напролёт меня гонит гонитель
и в глубокой ночи не даёт мне вздохнуть.
От мучений моих разошлись сочлененья,
мои члены сломались, разметались вокруг;
в нечистотах моих, словно бык, я валяюсь,
я испачкался смрадом, словно овца.
Приметы болезни заклинателя мучат,
и моею судьбою прозорливец смущён;
не узнал заклинатель причины болезни,
прозорливец не знает, долго ль буду страдать.
Не помог мне мой бог, не взял он мою руку,
отвернулась богиня, не приходит ко мне;
у открытой могилы стоят мои ноги,
я не умер ещё, а уж плач совершён.
Вся страна надо мною восклицает: увы нам!
Ненавистник мой слышит — и светлеет в лице,
ненавистница слышит эту весть — и ликует.
Предвижу я день, когда всё моё племя
будет плакать, что друг[2] их — меж блаженных духов.

КОЛЫБЕЛЬНАЯ ПЕСЕНКА ИЗ АССУРА

In usum delphini. Таблетка KARI N 114, написанная для употребления в своей профессиональной практике заклинателем Кисир[1]-Набу, содержит «заговор, чтобы успокоить младенца». Этот заговор оказывается старой колыбельной песенкой (стихи 1—11) в магической оправе, состоящей из обычной в заклинаниях из Ассура концовки (12—15), заглавия (16) и ритуала (19—21).

Заговор. Житель потёмок прочь из потёмок
ушёл поглядеть на солнечный свет.
Что ж оно[2] осерчало так, что мать его плачет,
в небесах у богини струятся слёзы?
Это кто же такой, — тот, кто в земле заводит рёв?
Если это — собака, пусть отломят ей ломтик,
если это — птица, пусть ей выбросят крошек,
если ж это — строптивец, дитя людское,
пусть споют ему заговор Ану и Анту,
чтоб отец его спал, свой сон довершал,
чтобы мать-рукодельница довершила урок свой.
Не мой это заговор, — заговор Эа и Асаллухи[3],
заговор Даму и Гулы,
заговор Нинакукуттум, госпожи чародейства:
они мне сказали, а я повторяю.

Заговор, чтобы успокоить младенца.

Обряд таков: ты положишь в головах у младенца хлеб,
трижды прочтёшь этот заговор,
проведёшь от головы до ног
и бросишь этот хлеб собаке:
оный младенец утихнет.

Таблетка Кисир-Набу, заклинателя.

ПОГОВОРКИ

I

Не клевещи, — говори светло;
и не злословь, — говори благое;
клеветнику и говорящему злое
в возмездие Шамаш сотрёт главу.

II

Не расширяй рта, смотри за своими устами;
и в порыве гнева также не говори.
Если скажешь поспешно — потом пожалеешь,
в молчании будешь себя упрекать.

III

Каждый день молись своему богу
жертвой и словами кадильных обрядов;
чистое сердце имей перед своим богом,
ибо так достоит божеству.

IV

Хвалу, мольбу и простертие ниц
приноси ему по утрам. Он рассудит твоё бремя;
и с богом ты будешь изобилен во всём.

V

Ты грамотен; смотри же, что стоит в таблице:
«Страх (божий) рождает милость,
жертва удлиняет жизнь,
а молитвой искупается грех».

РЕЛИГИОЗНЫЕ ТЕКСТЫ

МОЛИТВА НЕРГАЛУ

I

Славный, могучий владыко, первенец Бела,
вождь Ануннаков, владыко сражений,
сын Кутушар, великой царицы,
Нергал, предводитель богов, любимец Нинменны.
Светел ты средь высоких небес, высоко твоё место,
ты велик в Преисподней, равных нет у тебя;
с Эа в сонме богов твоё слово почтенно[1],
вместе с Сином с небес прозреваешь ты всё.
Дал тебе Бел, твой отец, всех людей и все травы[2],
скот и тварь полевую поручил он тебе.
Я, NN, сын NN, я — слуга твой[3],
гнев богини и бога меня постиг.
Неустройство и гибель живут в моём доме,
я зову — и не слышат, я совсем удручён.
Оттого, что ты добр, я пришёл к тебе, боже.
Оттого, что прощаешь, ищу я тебя,
оттого, что ты благ, на лик твой гляжу я,
оттого, что ты милостив, я стою пред тобою.
Благосклонно взгляни и услышь мои крики,
твоё гневное сердце пускай отойдёт,
разреши мою скверну и грех мой очисти,
в твоём сердце, о боже, да утишится гнев.

Гневные бог и богиня да примирятся со мной,
я возвещу твою славу, буду покорен тебе.

Молитва и воздеяние рук Нергалу.

II

Сильный, великий, порождение Бела,
в ужас одетый, могучий, я хвалю тебя, боже.
Остророгий, закутанный в блеск, сын Кутушар,
страж крепостей, возлагатель ярма, я вознесу твою славу.
Знаменосец, гроза непокорных, повергающий гордых,
не знающий отдыха, мощный, веселящий сердце Эллиля,
сильный, широкогрудый герой, средь богов не имеющий равных,
беспощадный потоп ты сдержишь, одолевающий врагов.
Лев, одетый сияньем, когда засверкает твой блеск,
все боги ищут укрыться, злой и гадкий уходят в пещеры;
божью власть тебе дал, облёк тебя в ужас,
несравненною силой одарил тебя Эа.

III

...Бог милосердый,
...воскрешающий мертвых.
Оттого, что и я ошибался, грешил,
...я боюсь, ужасаюсь,
понесу я ярмо твоего божества.
Мои бог и богиня пред тобой да предстанут,
твоё гневное сердце пускай отойдёт,
твой великий покров, твоя славная милость,
постоянно они да пребудут со мной.
О боже великий, тебе я покорен.

Молитва и воздеяние рук планете Нергала.

Нергал, высокий владыка, проходящий небо и землю,
покоритель врагов, первенец Кутушар,
совершенный владыка над всей Дуазаггой[4],
порождение Ану, первейший сын,
светом ты облечён, твоё платье — сиянье,
о всесильный, могучий, о владыка войны,

приносящий погибель, приносящий победы,
царь сражений, премудрый, беспощадный герой.
Погубитель вражеских сонмов...

IV

Герой, разъярённый потоп, покоритель вражьей земли,
герой, господин Преисподней, покоритель вражьей земли,
отпрыск Меслама, покоритель вражьей земли,
бык великий, могучий, покоритель вражьей земли,
властелин Куты, покоритель вражьей земли,
властелин Э-Меслама, покоритель вражьей земли,
властитель Пасага, покоритель вражьей земли,
герой Шубулаль, покоритель вражьей земли,
разъярённый потоп, не имеющий равных,
поднимающий меч, призывающий в бой.

V

Доблесть Нергала буду я славить.
Как устремился владыка с яростным криком
к дому враждебной земли.
Как устремился владыка, отпрыск Меслама,
к дому враждебной земли.
Отпрыск Меслама, единый храбрый.
Как устремился владыка с яростным криком
к дому враждебной земли.
Как устремился владыка в радости сердца
к дому враждебной земли.
Бык великий, могучий, единый храбрый.
Как устремился владыка в радости сердца
к дому враждебной земли.
Как устремился владыка с яростным криком
к дому враждебной земли.
Бык, запряжённый в ярмо, ядущий из яслей.

(Большая лакуна.)

Великий властитель, предводитель богов,
славный, превыше небесного свода,
великий властитель, неподвижней земли,
как небеса и земля, ты вознесён.

Как пошёл, властитель, против вражьей земли,
славный, не женской порождённый утробой.
Есть ли что в глубине, что тебе недоступно?
Если ли что в глубине, что тебе неподвластно?
На земле и в пучине что тебе неподвластно?
Скалы ты низвергаешь, вырываешь ты травы;
великий, в своём величьи
богов погибелью ты поразил,
небесные боги становятся в строй твой,
земные боги встают на твой зов,
Ануннаки склоняются ниц пред тобой,
козла с шестью головами в горах ты убил;
скалы в горах ты раздробляешь[5],
зуб ядовитый в пустыне небес ты исторг.
Вблизи кричишь ты — убиваешь ты ближних,
вдали кричишь ты — убиваешь ты дальних,
в долинах кричишь ты — наполняешь их кровью,
в домах ты кричишь — обращаешь их в прах.

ПОКАЯННЫЕ ПСАЛМЫ

I

Кающийся[1]:

Преклонение лика всех живущих созданий.
Я, слуга твой, тебя, воздыхая, зову.
Ты приемлешь признанья ото всех, кто виновен,
на кого ты ни взглянешь — тот становится жив.
О владычица мира, госпожа человеков,
милосердая, с благостным ликом, ты приемлешь мольбы.

Священник:

Его бог и богиня гневны, он тебя призывает,
обрати к нему лик свой и возьми его руку.

Кающийся:

Нет помимо тебя путеводного бога,

благосклонно взгляни и прими мои вздохи,
изреки мне пощаду, — да утихнет твой дух.
Госпожа моя, долго ль отвращён будет лик твой?
Я стенаю, как голубь, я пресыщен слезами.
Священник:
В криках «уа» и «а» изнывает от жалоб.

II

Священник:
Средь вздохов живёт он,
средь горестных криков, в утишении сердца,
средь горького плача, средь горьких вздохов,
будто голубь, он стонет день и ночь без конца.
К милосердому богу он взывает, как тёлка,
издаёт он мучительный стон;
перед богом с молитвой преклоняет он лик свой,
плачет он: подойди, не оставь.
Кающийся:
Я скажу тебе дело, несказанное дело,
я поведаю слово, неповторимое слово.
Боже мой, я скажу тебе дело, несказанное дело,
боже мой, я поведаю слово, неповторимое слово.

III

Священник:
Разорви его цепи, сними оковы,
развяжи его узы, сойди в его мрак.
Болезни и скорби, тоска и унынье
одолели его, самый вздох его слаб,
нищета и боязнь, утесненье и ужас
поразили его, заглушив его плач.
Согрешил он, и горько плачет он пред тобою,
его дух помрачился, он дрожит пред тобой;
утеснён он и слёзы проливает, как туча,
пересилен он горем...
словно... мечет он крики,
он покорно взмолится к тебе.

Что сказал, что задумал твой слуга, о владыка,
пусть уста его молвят неизвестное мне.
Кающийся:
Велика моя скверна, я грешил постоянно,
пусть уйдёт моё горе, пусть сокроется в тень.
Велика моя скверна, я грешил постоянно,
пусть уйдёт моё горе, пусть сокроется в тень.
Священник:
Твоей яростной волей связаны его руки,
он тебя и признал бы, да ведь знать не дано;
с тобой говорит он в молитвах,
по речению Эа да утихнет твой гнев;
снизойди к его искренним вздохам.
«Пощади и помилуй», — говорит он тебе;
погляди на его утесненье,
успокой своё сердце, смилостивься к нему,
возьми его руку, разреши его скверну,
уведи его скорбь и тоску от него;
в воротах смерти лежит слуга твой,
отведи твою ярость...
Развяжи его узы, развяжи его цепи,
просвети его лик, его богу его поручи.
Даруй жизнь, чтобы раб твой превознёс твою силу,
чтоб тебя восхвалили между всеми людьми.
прими его дар, прими его выкуп,
на блаженной земле пусть он служит тебе;
изобильной щедротой пусть снабдит он алтарь твой,
да наполнится ею твой храм;
елей на засовы да прольёт он, как воду,
изобильным елеем да покроет порог,
да подаст тебе кедровых смол он,
благовоний славнейших... зерна.
Погляди, о владыка, как вздыхает слуга твой,
провей дуновеньем, отпусти его вдруг,
усмири свою тяжкую ярость,
сними с него цепи, чтобы он отдохнул,
развяжи его узы, разорви его цепи...
погляди и спаси.

IV

Доколе, владычице, мощный враг будет грабить страну?
В твоей столице Уруке воды не хватает,
во храме твоих прорицаний кровь пролилась, как вода.
В твои земли бросил он пламя, будто искры рассыпал.
О владычице, крепко привязался я к горю,
мощный враг, как тростинку, меня попрал.
Не возьмусь я за разум, ничего не пойму я,
как камыш, обречён я день и ночь шелестеть.
Я слуга твой, тебе молюся:
да усмирится твой гнев, да утихнет твой дух.

V

Твоё гневное сердце, господь мой, да утихнет опять.
Бог, которого я не знаю, да утихнет опять.
Богиня, которой я не знаю, да утихнет опять.
Бог, которого знаю-не знаю, да утихнет опять.
Богиня, которую я знаю-не знаю, да утихнет опять.
Твоё сердце, мой боже, да утихнет опять.
Твоё сердце, богиня, да утихнет опять.
Бог и богиня, которых я не знаю, да утихнут опять.
Бог, кого прогневил я, да утихнет опять.
Богиня, кого прогневил я, да утихнет опять.
Грех, что совершил я, его я не знаю;
вины, что совершил я, её я не знаю;
доброе имя мой бог пусть назовёт;
доброе имя богиня пусть назовёт;
доброе имя бог, которого знаю-не знаю, пусть назовёт;
доброе имя богиня, которую я знаю-не знаю, пусть назовёт.
Чистого яства я не отведал,
светлой воды я не испил:
скверны пред богом я, не зная, отведал,
в мерзость пред богиней я, не зная, ступил.
Господи, многи мои грехи, велики преступленья.
Боже, многи мои грехи, велики преступленья.
Богиня, многи мои грехи, велики преступленья.
Бог, кого знаю-не знаю, многи мои грехи, велики преступленья.

Богиня, кого знаю-не знаю, многи мои грехи, велики преступленья.
Греха, что свершил я, его я не знаю;
скверны, что отведал, её я не знаю;
мерзости, что я попрал, её я не знаю.
В гневе сердца владыка зло глядит на меня,
в ярости сердца бог враждует со мной,
на меня рассердилась богиня, поразила болезнью,
бог, кого знаю-не знаю, меня утесняет,
богиня, кого знаю-не знаю, причиняет мне боль.
Позову ли на помощь — кто возьмёт мою руку?
Обольюсь ли слезами — кто придёт утешать?
Подыму ли я голос — кто бы стал меня слушать?
Я скорблю, обессилен, не открою очей.
К милосердому богу возношу я моленья;
ноги моей богини я целую, припав к ним;
к богу, кого знаю-не знаю, возношу я моленья;
к богине, кого знаю-не знаю, возношу я моленья;
господь, взгляни на меня, прими моленья,
богиня, взгляни на меня, прими моленья,
бог, кого знаю-не знаю, прими моленья,
богиня, кого знаю-не знаю, прими моленья,
доколе будет, мой боже, твой лик отвращён?
Доколе будет, богиня, твой лик отвращён?
Доколе, бог, кого знаю-не знаю, не прекратится твой гнев?
Доколе, богиня, кого знаю-не знаю, не уймётся твоё злобное сердце?
Человек ограничен, ничего не знает.
Люди, сколько их есть, что они понимают?
Зло он творит или благо, не знает никто.
Раба своего, о владыка, не отвергай,
упавшему в воды разлива, подай ему руку!
Грех, что я совершил, обрати мне на благо,
вину, что я совершил, пусть ветер развеет.
Многие скверны мои сними, как одежду,
боже, грехов моих — семью семь, отпусти мне грехи!
Богиня, грехов моих — семью семь, отпусти мне грехи!
Бог, кого знаю-не знаю, грехов моих — семью семь, отпусти мне их!

Богиня, кого знаю-не знаю, грехов моих — семью семь, отпусти мне их!
Отпусти мне грехи, тебе я покорен.
Твоё сердце, как сердце родимой, да утихнет опять,
как родимая мать, как родимый отец, — оно да утихнет опять!

VI

Мой разгневанный боже, склонись к моим просьбам,
о богиня во гневе, прими моленья,
прими моленья, успокой свою душу,
мой господь милосердый, прими моленья!
Боже мой, склонись к моим просьбам,
о богиня, взгляни на меня, прими моленья,
да простится мой грех, да уйдёт моя скверна,
да разрешится заклятье, да порвутся оковы,
семеро ветров пускай да унесут мои вздохи.
Птица снимет с меня мою скорбь, вознесёт её к небу,
рыба снимет мою тоску, и река унесёт;
пусть её возьмёт у меня зверьё полевое,
пусть омоют её от меня, как сияние злата,
будто перстень алмазный, будь я дорог тебе,
истреби мои скорби и спаси мою душу,
дай уйти мне от скорби, сохрани при себе;
ниспошли, чтобы сон я благодатный увидел,
сон, который увижу, благодатен да будет,
сон, который увижу, необманен да будет,
сон, который увижу, обрати мне к добру;
господин сновидений у главы моей станет.
В Эсагиль поведи меня, в храм богов, к дому жизни,
милостивцу Мардуку на благо, прямо в руки меня передай.
Пусть я почту твою славу, пусть восхвалю тебя, боже,
пусть мои родичи всюду прославят силу твою.

VII

О владычице, чьё сердце вверху не утихнет,
о владыка, чьё сердце внизу не отходит,
вверху и внизу не утихает!

он, что меня ниспроверг, он, что меня уничтожил,
он, что в руках моих дрожь производит,
он, что в теле моём ломоту производит,
зрак очей моих он слезами наполнил,
сердце вздохами он и уныньем наполнил,
я уйму его сердце святое, я его умолю.
Его сердце в покое пусть отойдёт,
сердце владыки в покое пусть отойдёт,
«Смилуйся, смилуйся, сердце», — пусть ему скажут,
«Сердце, утихни, утихни», — пусть ему скажут.
Чтобы сердце его успокоить, Ануннаки в мольбе да предстанут,
те, что созданы семенем Ану, Ануннаки в мольбе да предстанут,
царь, великий владыка Адад, тебе мою просьбу скажут,
та, что молит, царица Ниппура, мои молитвы да скажет,
бог небес и земли, царь Эриду, тебе мои просьбы да скажет,
мать великого дома Дамкина мои молитвы да скажет,
Мардук, господин Вавилона, тебе мои просьбы да скажет,
жена его, отрасль небес и земли, мои молитвы да скажет,
бог, дающий доброе имя, тебе мои молитвы да скажет,
...мои молитвы да скажет,
бог ветров Харсагги тебе просьбы мои да скажет,
милосердая владычица поля мои молитвы да скажет.
«Да глядит на меня твоё око», — пусть они тебе скажут,
«Свой лик обрати ко мне», — пусть они тебе скажут,
«Твоя душа да уймётся», — пусть они тебе скажут.
Твоё сердце, как сердце родимой, да утихнет опять,
как родимая мать, как родимый отец, оно да утихнет опять.

VIII

О лице, что от слёз не поднять, к тебе возносит он плач,
о ногах, что лежат в оковах, к тебе возносит он плач,
о руках, что увяли в истоме, к тебе возносит он плач,
о груди, что стонет, как флейта, к тебе возносит он плач.
Госпожа, в утеснении сердца горько кричу я к тебе, изреки мне пощаду.
Госпожа, своему рабу, изреки ему милость, да утихнет твой гнев.
К своему рабу, что страдает, будь благосклонна,
обрати к нему лик свой, прими его вздохи,
к рабу, что тебя прогневил, обратись благосклонно.

Госпожа, мои руки в цепях, я тебя умоляю:
перед Шамашем, мощным героем, твоим милым, вступись за меня,
чтобы долгие дни моей жизни я служил пред тобой.
Бог мой, плач возношу я к тебе, да отойдёт твоё сердце,
я молюсь тебе, о богиня, да утихнет твой дух.
Ану, твой милый супруг, тебе мои просьбы да скажет,
...бог правосудный, мои молитвы да скажет,
...твой высокий слуга, тебе мои просьбы да скажет,
...владыка Эбарры, мои молитвы да скажет.
«Да глядит на меня твоё око», — пусть они тебе скажут.
«Сердце твоё да утихнет», — пусть они тебе скажут.
«Твоя душа да уймётся», — пусть они тебе скажут.
Твоё сердце, как сердце родимой, да утихнет опять,
как родимая мать, как родимый отец, оно да утихнет опять.

IX

Творящая правду Эллиля...
заострённый кинжал...
матерь богов, творящая правду Эллиля,
возрастившая всякую зелень, владычице всех людей,
матерь вселенной, пособница всех рождений,
матерь Иштар, с чьей мощью не сравнится никто из богов,
царственная госпожа, чьи веленья всесильны,
к ней вознесу я молитву, пусть сотворится мне благо.
От детских лет, госпожа, весьма привязался я к горю,
хлеба не ем я, плач — моя пища,
воды не пью я, питьё моё — слёзы.
Сердце не знает веселья, душа не ликует,
...не ступаю я гордо,
...горько стенаю,
многи мои прегрешенья, дух мой скорбит.
Госпожа, научи меня правде, дай мне покой,
мою скверну исторгни, покажи мне свой лик.
Бог мой, владыка просьб, тебе мои просьбы да скажет,
богиня, владычица молений, мои молитвы да скажет,
бог ветров, владыка Харсагги, тебе мои просьбы да скажет,
милосердая владычица поля мои молитвы да скажет,
бог небес и земли, царь Эриду, тебе мои просьбы да скажет,

мать великого дома, Дамкина, мои молитвы да скажет,
Мардук, господин Вавилона, тебе мои просьбы да скажет,
жена его, отрасль небес и земли, мои молитвы да скажет,
бог, дающий доброе имя, тебе мои просьбы да скажет,
. . . . . мои молитвы да скажет.
Госпожа, взнуздавшая гордых, тебе мои просьбы да скажет,
моя владычице Нана мои молитвы да скажет.
«Да глядит на меня твоё око», — пусть они тебе скажут.
«Свой лик обрати ко мне», — пусть они тебе скажут.
«Сердце твоё да утихнет», — пусть они тебе скажут.
«Твоя душа да уймется» пусть они тебе скажут.
Твоё сердце, как сердце родимой, да утихнет опять,
как родимая мать, как родимый отец, оно да утихнет опять.

Для чего, словно барка на реке, ты простёрта,
твои... сломали, унесли твои...
и черны твои щёки, перешедшая Тигр?
«Как не быть мне простёртой, с унесёнными..?
В день, как плод понесла я, до веселья ли было,
до веселья ли мне, до веселья ли другу?
В день, когда я болела, мои щёки погасли,
в день, когда я рождала, мои очи запали,
обнажился мой грех, и звала я Белили:
«Ты, о матерь родильниц, помоги мне в позоре!»
Услыхала Белили и ко мне обратилась
так: «О ты, для чего же ты меня призываешь?»
«...подаёт он свой голос,
...позову моё чадо,
...на вечные годы,
и сойдут мои ноги в страну причитаний».
И идёт она к Тигру, и заводит свой плач:
«В миновавшие дни с моим милым была я,
с тем тогда я жила, кто был моим другом.
Ныне ж смерть в моей спальне, застонала я стоном:

Прочь из моего дома увели, увели меня,
Прочь от моего друга отвели, отвели меня,
И стоят мои ноги в Стране без возврата».

ЗАКЛИНАНИЕ СОЛНЦА

Шамаш, когда ты восходишь
над Великой Горой,
когда ты восходишь
над Горою Смерти,
над Великой Горой,
когда ты выходишь
из Дуль-Куга,
Дома Судьбы,
когда ты восходишь
над фундаментом неба,
там, где небо с землёю
слиты в одно,
великие боги спешат
услышать твой суд,
Ануннаки бегут услыхать
твои повеленья,
люди, сколько их есть на земле,
все тебя ожидают,
всякий скот на земле
с четырьмя ногами
навстречу твоим лучам
открывает глаза.
Шамаш, мудрый и сильный,
сам с собой ты в совете,
Шамаш, мощный водитель,
суд небес и земли.
Всё, чем полнится сердце,
пусть оно тебе скажет,

жизнь всех человеков
возвратится к тебе.
Жизнь того, о владыка,
кто захвачен врагами,
от кого удалились
правда и прямота,
кто выносит немилость,
кто живёт в униженьи,
на кого нападают,
а ему невдомёк,
на кого нападают
так, что он *и* не видит,
кто охвачен заразой,
кто охвачен тоской,
на кого злые духи
поднимают свой голос,
к кому демоны злые
проникают в постель,
кого призраки злые
в ночи одолели,
кому злые черти сокрушают главу,
у кого злые боги
измучили члены,
у кого бес недобрый
дыбом поднял власы,
кем могучей рукою
обладает Ламашту
и кого Лабацу
ударяет рукой,
на кого нападает
демон всяческой скверны,
кого оком наметил
полуночный Лилу,
чью могучую грудь
сжимает Лилиту,
на котором отмечен
отверженный знак,
тот, кто очарован

враждебным проклятьем,
тот, кого обозначили
злые уста,
на кого клевещет
язык злоречивый,
на кого поднял немочь
недобрый глаз,
кто проклятой слюной
не к добру очарован,
кого волшебник
словами связал,
о Шамаш, его жизнь
лежит пред тобою,
все народы ведёшь ты
как единый язык.
Я сюда прихожу
глашатаем Эа,
ради жизни больного
послал он меня;
то, что Эа сказал мне,
я тебе повторяю:
«Моему государю,
сыну своего бога,
рассуди его суд,
прикажи повеленья.
От болезни и скорби
исцели его тело,
воду света и силы
пролей на него
и его изваянье
окропи ты водою,
и омой его тело
дождевою водой.
Злобный дух, злобный демон,
злоумышленный призрак,
злобный чёрт, злобный бог,
злоумышленный бес,
Ламашту, Лабацу,

приносящие злое,
Лилу и Лилиту,
помрачившие день,
и тоска, и зараза,
и болезни, и скорби
с моего государя,
сына своего бога,
как вода, да стекут,
от него да уйдут.
Шамаш, чьё повеленье
нерушимо вовеки,
в этот день да отпустит,
да простит его грех;
злоречивые козни
от него да отступят,
царский бог да прославит
твою вышнюю мощь,
этот царь исцелённый
да поёт твою славу,
я, твой раб, заклинатель,
прославляю тебя».
Скорбь, как воды речные,
устремляется долу,
как трава полевая,
вырастает тоска,
посреди океана,
на широком просторе,
скорбь, подобно одежде,
покрывает живых;
прогоняет китов
в глубину океана,
в ней пылает огонь,
поражающий рыб;
в небесах её сеть
широко распростёрта,
птиц небесных она
угоняет, как вихрь;
ухватила газелей

за рога и за уши
и козлов на горах
взяла за руно,
у быков на равнине
пригнула выи,
четвероногих Шаккана[1]
убила в полях;
над больным человеком
в его собственном доме
протянула она
неуклонную сеть.
Мардук увидел его,
к Эа, отцу, в его дом
вошёл он и молвит:
«Отче, скорбь, как воды речные,
устремляется долу,
как трава полевая,
вырастает тоска,
посреди океана,
на широком просторе
скорбь, подобно одежде,
покрывает живых;
прогоняет китов
в глубину океана,
в ней пылает огонь,
поражающий рыб;
в небесах её сеть
высоко распростёрта;
птиц небесных она
угоняет, как вихрь;
ухватила газелей
за рога и за уши
и козлов на горах
взяла за руно,
у быков на равнине
пригнула выи,
четвероногих Шаккана
убила в полях;

над больным человеком
в его собственном доме
протянула она
неуклонную сеть».
Эа ответил сыну Мардуку:
«Сын мой, чего ты не знаешь,
чему я тебя научу?
Мардук, чего ты не знаешь,
чему я тебя научу?
Всё, что я знаю, знаешь и ты.
Сын мой Мардук,
ступай к больному,
его образ мукою
нарисуй на земле,
государь заболевший
на образ свой да встанет,
к господину Шамашу
да прострёт свою длань;
прочитай заклинанье,
священное слово,
над его головою
воду пролей,
на него покропи ты
заклятой водою,
свою руку простри,
свою руку простри:
пусть проклятая скорбь,
как вода, расточится,
как исчез его образ,
пусть исчезнет с земли.
Царь сей пусть будет чист,
пусть, как день, просияет,
в руки бога благого
передай ты его».
Шамаш, суд небес и земли,
господин преисподних и горних,
светоч богов,
водитель людей,

разгоняющий сумрак,
зажигающий светы,
разрушитель оков,
воскреситель людей.
. . . . . .
Царь, которого сердце
совершенно и чисто,
кедр, по собственной воле
произросший в горах,
отрасль доброго корня,
основание царства,
государь государей,
самодержец страны.
Пусть, когда ты вступаешь
в дом святых омовений,
Эа, царь океана,
возликует с тобой,
пусть царица Дамкина
убелит тебя светом,
вождь Игигов Мардук
пусть тебя ободрит.
Эа в мудрости сердца
создал весть всеблагую
и она расточает
все деянья волхвов;
к ней стекаются боги
небес и земные
из великих святилищ
небес и земли.
Все её начертанья
священны и чисты,
и её просветлённой
и блестящей водой
Ануннаки, владыки,
очищают больного,
перед всеми богами
омывают его.
Посреди Эриду

мудрецы пресвятые,
посреди Эриду
Энкум, чистый супруг,
посреди Эриду.
Нинкум, чистая дева,
и жрецы океана
величают его;
одеянные в лён
в Эриду величают,
в дом святых омовений
входят к Эа, царю.
Царь небес и земли,
Шамаш, благостным словом
подарил тебе жизнь,
успокоил твой дух.
Государь, любимец
священной коровы,
в храм святых омовений
ты ступаешь ногой:
по веленью Мардука,
господина пучины,
Шамаш пусть ежедневно
очищает тебя;
пусть тебя ежедневно
облекает в порфиру
и, когда ты воссядешь
в чистом доме своем,
да воздаст он тебе
ликование сердца,
да...
...Мардук;
господин Энбилулу,
обновляющий землю,
бесконечною жизнью
да подарит тебя;
когда ставишь ты ногу
в дом святых омовений,
Эа, царь заклинаний,
да очистит тебя;

жизнь дающее слово
Эриду...
рыб и птиц по болотам
. . . . . .
А, царица пучины,
. . . . . .
страх, тоска и тревога
охватили...
Когда ты покидаешь
дом святых омовений,
Ануннаки, владыки,
жизнь в веселии сердца
да подарят тебе;
пусть Ниниб, вождь Энлиля,
пособит тебе в битве,
пусть Ниниб, князь Экура,
жизнь подарит тебе.
Когда ты покидаешь
дом святых омовений,
добрый дух, добрый демон
да дают тебе мир,
и пускай Ануннаки,
великие боги,
вместе с Шамашем благо
о тебе нарекут.

Молитва в доме омовений,
стоящем в поле.

«ПОЧИЮТ КНЯЗЬЯ». МОЛИТВА ИЗ ВАРКИ

Глиняная таблетка, содержащая эту молитву, происходит из Варки и датируется последними годами Вавилонской державы — царствованием поздних Селевкидов. Надпись таблетки является копией подлинника, восходящего ко второй половине третьего тысячелетия, вероятно, ко временам

династий Исина или Вавилона. Сохранившаяся в этой единственной копии и, очевидно, принадлежавшая к отреченным произведениям вавилонской храмовой лирики, молитва предназначена сопровождать обряд ночного гадания по внутренностям ягненка. Перевод удерживает ритмический ход вавилонского стиха и по возможности сохраняет порядок слов подлинника.

Почиют[1] князья, простёрты мужи, день завершён:
Шумливые люди утихли, раскрытые замкнуты двери,
боги вселенной, богини вселенной[2],
Шамаш, Син, Адад и Иштар[3], —
заходят они уснуть в небесах;
не судят больше суда, не расследуют больше распрей[4],
совершается[5] ночь, дворец опустел, затихли чертоги,
город улёгся, Нергал кричит,
и просящий гаданья переполнился сна[6].
Защитник правых, отец бездомных[7],
Шамаш вошёл в свой спальный покой.
Великие боги ночные,
Светлый Огонь[8], мощное Пламя[9],
Лук и Ярмо, Ужас[10], Дракон[11],
Колесница, Коза, Овен[12] и Змея[13], — ныне восходят[14].
В учреждённом гаданьи, в приносимом ягнёнке правду мне объявите!

МАКЛУ

Первая таблица

[1] Заклинание. К вам я взываю, ночные боги!
С вами взываю я к ночи, покрытой невесте,
я взываю к вечерней заре, к полночи, к рассвету.
Оттого, что колдунья околдовала меня,
[5] оттого, что ведьма одолела меня,
мои бог и богиня кричат надо мной,
по моей глухоте теперь я страдаю,
я стою, не ложусь ни ночью, ни днём.

Лыком набили мне рот,
паклею рот мне заткнули,
скудно поят меня водой,
мой восторг омрачился, моя радость — печаль.
Восстаньте, великие боги, услышьте мой голос,
рассудите мой суд, узнайте мой путь.
Куколку я приготовил моих колдуна и колдуньи,
моего чародея и моей чародейки.
Я повергся пред вами, я молю вас о правде:
за то, что сделала злое, занялась недобрым,
она да умрет, а я да воскресну!
Её волшебство, её чары, её отрава да сгинет;
росток меня да очистит, чья почка раскрылась,
...меня да очистит, злое слово да станет ветром,
клубень меня да очистит, которым полна земля,
спорынья меня да очистит, которой полны колосья!
Да убелюсь я пред вами, как травка *канкал*,
да просветлюсь, да очищусь, как травка *ларду*.
Заклятье колдуньи бессильно,
её слово вернётся ей в рот, её язык оторвётся,
за её колдовство да побьют её боги ночные,
три стражи ночных да очистят её злые чары.
Её уста, словно волос, её язык, словно соль;
зло, реченное ею, словно волос, да сгинет,
всё её колдовство, словно соль, да растает!
Её узел развязан, её чары разбиты,
все её речи наполнили поле,
велением, что повелели боги ночные. Прочти заклинание.
Заклинание. Земля, земля, о земля!
Гильгамеш — господин вашей клятвы.
Всё, что вы сделали, мне известно;
всё, что я делаю, вам неизвестно;
всё, что сделали мои колдуньи, сломлено, чисто, раскрыто.
Прочти заклинание.
Заклинание. Город мой втайне, город мой втайне,
в моём городе втайне двое ворот:
одни — на восток, другие — на запад,
одни — на восток, другие — на запад!

Ящик, горшок и клубень несу я,
богам небесным даю я воду;
так же, как я вас очищаю,
очистите вы меня! Прочти заклинание.
Заклинание. Я запретил переправу, я запер стену,
я запретил колдовство по всей земле.
Ану и Анту ко мне послали:
к Белит-цери кого пошлю я?
На уста колдуна и колдуньи накинь замок,
накинь заклятье Мардука, мудрого между богов.
Они воззовут — не ответствуй,
они тебе скажут — не слушай;
а я воззову — отвечай мне,
а я скажу — и услышишь.
Велением, что повелели Ану, Анту и Белит-цери.
Прочти заклинание.
Заклинание. Высокий Нуску, рождение Ану,
подобие отчее, первенец Бела,
отпрыск Океана, создание Эа,
факел я подымаю, чтобы тебя осветить!
Колдун меня заклял, закляни его тем же заклятьем!
Колдунья меня закляла, закляни её тем же заклятьем!
Чародей меня чаровал, чаруй его той же чарой!
Чародейка меня чаровала, чаруй её той же чарой!
Чародейка меня зачаровала, зачаруй её той же чарой!
Те, что сделали кукол моих, уподобя их мне,
взяли моё дыхание, посекли мне кудри,
разодрали мои одежды, посыпали ноги мне прахом.
Пламень могучий да развяжет их чары! Прочти заклинание.
Заклинание. Подымаю я факел, сожигаю их куклы.
Мертвеца, домового, беса, вампира,
Ламашту, тени, инкуба,
ночника, ночницы, ночнички,
всякого зла, что людей постигает.
Трепещите, дрожите и расточайтесь,
дым от вас да подымется к небу,
солнце да истребит ваши члены,
вашу жизнь да исторгнет заклинатель, сын Эа! Прочти заклинание.

Вторая таблица

Заклинание. Высокий Нуску, вождь великих богов,
получающий жертвы от всех Игигов,
основатель градов, обновитель храмов,
сияющий день, с высоким велением
посланец Ану, покорный велениям Бела,
покорный Белу, совет и защита Игигов,
могучий в битве, крепкий в напоре,
Нуску — сожигатель, покоритель врагов!
Без тебя не бывает пира во храме,
без тебя и великие боги не вдыхают курений,
без тебя и Шамаш-судья не судит суды,
мудрый... ты щадишь в утеснении!
Я, твой раб NN, сын NN,
чей бог NN, чья богиня NN,
обращаюсь к тебе, ищу, воздеваю руки, склоняюсь:
сожги колдуна и колдунью!
У моих колдуна и колдуньи исторгни их жизнь,
а меня воскреси, я почту твоё сердце, я воздам тебе славу.
Прочти заклинание шёпотом над куклой и волосом.
Заклинание. Сожигающий пламень, первенец Ану,
ты рассудишь мой суд, скажешь мне приговор.
Ты озаряешь сумрак,
непорядок и хаос ты исправляешь,
великим богам даёшь ты решение,
и никто из богов не решает, как ты;
ты отдаешь приказ и веление...

(Отбито семь строк.)

Теперь пред твоим божеством великим
колдуна и колдунью из бронзы я сделал твоею рукой,
пред тобой я заклял их и тебе поручил их:
они да умрут, а я да воскресну,
они да погибнут, а я преуспею,
они да поникнут, а я да воспряну,
они да ослабнут, а я да окрепну!

Пламень мощный, высокий между богов,
попирающий злых и врагов, попри их, чтоб я не погиб!
Я, твой раб, да воскресну, воспряну, да стою пред тобою,
ты — мой бог, ты — мой господь,
ты — мой судья, ты — мой помощник!
Прочти заклинание.
Прочти заклинание шёпотом над бронзовой куклой.
Заклинание. Пламень могучий, яростный день,
водитель богов и князей!
Творишь ты суд над врагом и врагиней,
восстань на суд мой, как мощный Шамаш,
рассуди мне мой суд, реши мне решенье,
сожги колдуна и колдунью,
пожри моего супостата, исторгни моих злодеев,
да постигнет их гневный твой день[1]! Прочти заклинание.
Прочти заклинание шёпотом над глиняной куклой.
Заклинание. Пламень могучий, первенец Ану,
священный отпрыск, высокий Шамаш,
мощный ты, обновлённый, вечное имя богов!
Даёшь ты жертвы богам и Игигам,
освещаешь ты светом Ануннаков, великих богов,
яростный пламень, сожигающий...
Пламень ужасный, губящий коварных и хитрых!
Сожигающий злобных, семена колдуна и колдуньи,
истребляющий скверных, семена колдуна и колдуньи,
нынешний день восстань на суд мой,
порази ты злодея, моего супостата;
как эти куклы дрожат, тают и исчезают,
так колдун и колдунья да дрогнут, да растают
и да исчезнут!
Прочти заклинание шёпотом над асфальтовой куклой.

Третья таблица

Заклинание. Кто ты, колдунья, в чьём сердце
живут слова моей скорби?
На её языке — моя погибель,
у неё на губах — моя отрава,
на следы её ног стала смерть!

Я вяжу, колдунья, твой рот, я вяжу твой язык,
я вяжу твои очи глядящие,
я вяжу твои ноги бродящие,
я вяжу колени бегущие,
я вяжу твои руки берущие,
я вяжу тебе руки за твоею спиной.
Син твоё тело спереди стянет,
пусть он швырнёт тебя в яму с водой и огнём!
Колдунья, как обод этого перстня,
бледен и жёлт будь твой лик!
Заклинание. Ты, что меня заволховала,
ты, что меня зачаровала,
ты, что меня заколдовала,
ты, что меня согнула,
ты, что меня схватила,
ты, что меня ниспровергла,
ты, что меня погубила,
ты, что меня закляла,
ты, что меня связала,
ты, что меня истомила,
ты, что от меня отдалила мою богиню и бога!
Я поймаю тебя ковшом от колодца, щипцами с жаровни,
...за голову вылью твою злую судьбу.
Заклинание. Та, что меня заволховала, заколдовала,
речным приливом заволховала,
речным отливом заволховала,
моей колдунье сказала: колдуй,
напустившей порчу сказала: испорть, —
лодочкой пусть она станет!
Как эта лодочка рвётся на части,
так её чара да порвётся,
да падёт на неё, на её тело!
Пусть её обвинят, пусть меня оправдают!
Заклинание. Син приготовил мой кораблик,
между бортами он несёт отпущение,
сидят в его трюме колдун и колдунья,
сидят в его трюме чародей с чародейкой,
сидят в его трюме ведун и ведунья...

Пятая таблица

Заклинание. Колдунья и чародейка
сидит в тени под стеною вала,
сидит и колдует, мои куколки лепит.
Я пошлю тебе травы *хальтаппан* и сезам,
твои чары расторгну, верну тебе в рот твоё слово.
Клятва, что ты закляла, к тебе да вернётся,
куколка, что ты слепила, да примет твой разум,
вода, что ты утаила, да станет тобою,
твоя чара пусть отдалится, твоё слово меня да не коснётся,
волей Эа, Шамаша, Мардука и великой владычицы богов.
Прочти заклинание.

Заклинание. Волшебник...
колдун...
ваше сердце замыслило злое,
вы измыслили злобные чары,
недобрым заклятьем мне связали колени,
я, чтобы очистить заклятья и чары,
по слову Мардука и Эа обращаюсь к огню.
Я убью ваше сердце водою смерти,
уничтожу я вашу душу,
выведу стены,
извращу я ваш ум,
я сожгу ваши чары,
замысел вашего сердца я уничтожу.
Тигра и Евфрата вы не перейдёте,
рва и канала вы не переступите,
стены и ограды вы не перелезете,
в ворота и в двери вы не пройдёте;
ваша чара пусть отдалится,
ваше слово меня да не коснётся.
Волей Эа, Шамаша, Мардука и великой владычицы богов.
Прочти заклинание.

Заклинание. Трепещите, дрожите и расточайтесь,
дым от вас да подымется в небо,
солнце да истребит ваши члены,
вашу жизнь да исторгнет заклинатель, сын Эа! Прочти заклинание.

Заклинание. Гора да покроет вас,
гора да удержит вас,
гора да повергнет вас,
гора да раздавит вас,
гора да пожрёт вас,
гора да стеснит вас,
гора да покорит вас,
гора да сокроет вас,
гора большая на вас да падёт,
от меня удалитесь. Прочти заклинание.
Заклинание. Оставьте, оставьте, уйдите, уйдите,
стыдитесь, стыдитесь, бегите, бегите,
отвернитесь, ступайте, оставьте, уйдите,
ваша злоба, как дым, да поднимется к небу!
Моё тело оставьте,
из моего тела уйдите,
моего тела стыдитесь,
от моего тела бегите,
от моего тела отвернитесь,
от моего тела ступайте,
к моему телу не возвращайтесь,
к моему телу не подходите,
к моему телу не приближайтесь,
моего тела не стесняйте!
Шамашем славным закляты будьте,
Эа, владыкой вселенной, закляты будьте,
Мардуком, жрецом богов, закляты будьте,
огнём, вас сжегшим, закляты будьте,
от меня удалитесь! Прочти заклинание.

Шестая таблица

Заклинание. Ты — соль, что возникла на чистом месте,
в пищу великим богам определил тебя Бел,
без тебя не бывает пира во храме,
без тебя бог, царь, владыка и князь не вдыхают курений.
Меня, NN, сына NN, постигло заклятье,
чары меня сломили.

Очисти заклятье, соль, очисть волхование,
сними мои чары!
Как меня создавшего бога, тебя я почту.
Заклинание. Моя колдунья, моя чародейка,
твои пределы — все страны,
ты переходишь все горы,
я это знаю, я надеюсь на силу,
на моей улице стража, у ворот я поставлю прислугу,
справа к воротам и слева к воротам
поставлю Лугальгирру и Алламу,
богов-сторожей, исторгающих сердце, вырывающих жилы:
колдунью они да убьют, а я да воскресну.

Седьмая таблица

Заклинание. Люблю я тебя, о я сам, люблю я тебя, моё тело,
как Шаккан[2] любит свой скот,
как овца ягнёнка, как лань оленёнка, как ослица ослёнка,
как любит земля свои травы, как земля семена принимает.
Заклятье я приготовил себе самому,
будь оно мне благосклонно, уведи оно мои беды,
чару мою да исторгнут
великие боги!

ШУРПУ

Вторая таблица

Заклинание. Я призываю вас, великие боги,
бог и богиня, господа очищенья, —
ради NN, сына NN, чей бог NN, чья богиня NN,
который болен и скорбен, удручён и печален.
Совершил ли он грех перед богом, совершил ли он грех перед богиней,
говорил ли он «нет» вместо «да», говорил ли он «да» вместо «нет»?
На образ божий... показал ли он пальцем[1],

...говорил ли он недозволенное,
...горькое,
...враждовал ли,
...презрел ли свою богиню,
...говорил ли он злое,
...говорил ли недоброе,
...внушал ли неправду,
дары и взятки давал ли он судьям,
...у павших стоял ли,
...нарушал ли он слово,
...притеснял ли слабую,
...прогнал ли её из города?
Ссорил ли он сына с отцом,
ссорил ли он отца с сыном,
ссорил ли он дочерь с матерью,
ссорил ли он матерь с дочерью,
ссорил ли он невестку с зятем,
ссорил ли он зятя с невесткой,
ссорил ли он брата с братом,
ссорил ли он друга с другом,
ссорил ли он соседа с соседом?
Пленного не отпустил он, узника не развязал,
заключённому ли в темнице не дал взглянуть на свет?
Он сказал ли о пленном: плените, и об узнике: бросьте в узы?
Грех ли это какой перед богом, мерзость ли перед богиней?
Не оскорбил ли он бога, не презрел ли богини?
Не повинен ли он перед богом, не преступник ли перед богиней?
Не обидел ли предка в роду, не враждовал ли со старшим братом,
не презрел ли отца и мать, не ударил ли старшей сестры?
Не сказал ли «нет» вместо «есть»,
не сказал ли он «есть» вместо «нет»?
Неподобного не говорил ли, непокорного...
преступного не говорил ли...
не держал ли неверных весов, отвергая хорошие весы,
не брал ли неверных денег, отвергая хорошие деньги?
Прогнал ли законного сына, а незаконного сына признал,
провёл ли неверную границу, а верной границы не провёл,
нарушал ли границы, межи и знаки?

Вторгался ли к ближнему в дом,
соблазнял ли у ближнего жену,
проливал ли ближнюю кровь,
отнимал ли у ближнего одежду?
Не держал ли он силой человека,
не прогнал ли доброго из семьи,
не нарушил ли он закона,
не восстал ли против начальства?
Не был ли предан устами, а сердцем неверен,
не сказал ли он «да» устами, а сердцем «нет»?
Не замыслил ли всяческой неправды,
не гнал ли, не отвергал ли он правых,
не губил ли, не истреблял ли, не убивал ли,
не принуждал ли, не отнимал ли, не отбирал ли,
не разграблял ли, не похищал ли, не расхищал ли,
не простирал ли руки на злое?
Не раскрыты ли, не легки ли его уста,
не обманны ли, не превратны ли его губы?
Неподобному он не учил ли, непотребному не наставлял ли?
Не ходил ли он следом за злым,
не ступал ли за грани закона?
Недоброго он не сотворил ли,
на колдовство и волшбу не простирал ли руки?
Не согрешил ли он тяжкою виною,
не провинился ли во многих грехах,
не разорвал ли он чего цельного,
не нарушил ли ладного порядка?
Не провинился ли чем перед богом своим и богиней,
сердцем своим и устами не посулил напрасно,
подкупом не опозорил ли имени бога,
не посвятил ли, не обетовал ли, а потом утаил,
не подарил ли, не обещал ли, а потом съел сам,
не позабыл ли молитвы, воздеяния рук,
не прекратил ли обычной жертвы,
не прогневал ли своих богиню и бога?
Не поднимался ль в совете говорить за раздоры?
Пусть разрешится всё, чем он заклят, —
заклят ли он тем, что взял,

заклят ли тем, что отдал,
заклят ли тем, что в дар даровал,
заклят ли он кем живым,
заклят ли он пальцем на образ божий[2],
заклят ли он ради отца или матери,
заклят ли он ради старшего брата или старшей сестры,
заклят ли он ради друга или соседа,
заклят ли он ради бога или царя,
заклят ли он ради владыки или владычицы,
готовил ли он разоренье, —
а сам избежал разоренья,
совершил ли он грех перед городом,
сказал ли дурное про город,
преступил ли городские законы,
пошёл ли навстречу заклятому,
повстречал ли его заклятый,
спал ли он на постели заклятого,
сидел ли он на кресле заклятого,
ел ли он из чашки заклятого,
пил ли он из кубка заклятого, —
он пытает[3], пытает,
у постели пытает,
у кресла пытает,
у чашки пытает,
у поднесённого кубка пытает,
у горящих углей пытает,
у светильника он пытает,
у мехов раздувальных пытает,
у пера и у книги пытает,
у... пытает,
у животных в стойле пытает,
у зверей на воле пытает,
у канавок в поле пытает,
у колодцев пытает,
у рек пытает,
у кораблей, челноков и барок пытает,
на восходе и на закате пытает,
у богов в небесах и в храмах земных пытает,

во храмах владыки и госпожи пытает,
покидая город и возвращаясь, пытает,
выходя из ворот и возвращаясь, пытает,
выходя из дома и возвращаясь, пытает,
на улице он пытает,
в божьем доме пытает,
на дороге пытает.
Пусть он будет отпущен, Шамаш-судья!
Отпусти его, Шамаш, господин преисподних и горних!
Ты — повелитель богов и царь земель,
твоим повелением да содеется правда,
своё... да обратит он к тебе!
Очисти, святитель богов, милосердый владыка Мардук,
очисти, боже отцов, очисти, боже, преступных,
очисти, боже, виновных!
Очисти, Нергал, спаситель,
очистите, Шукамуна и Шималийя,
очистите, великие боги, сколько вас есть,
очисти, жаровня, ты — создание Эа!
Владыка и владычица да очистят,
Ану и Анту да очистят,
Эллиль да очистит, царь, создатель вселенной,
Нинлиль да очистит, царица Экура,
Экур да очистит, святыня Жены,
Энки да очистит, Нинки да очистит,
Эншар да очистит, Ниншар да очистит,
Эа да очистит, царь океана,
океан да очистит, премудрый дом,
Эриду да очистит, дом океана,
Мардук да очистит, царь Игигов,
Царпанит да очистит, царица Эсагила,
Эсагил и Вавилон да очистят,
жилища великих богов.
Набу и Нана да очистят в Эзиде,
Ташмет да очистит, великая невеста,
Дайану да очистит, посол Эсагила,
Икби-дунки да очистит, возвеститель благого,
Дер и Эдимгалькаламма да очистят,

Мапиришу и Дириту да очистят,
да очистят в Сузах Иншушинак и Лахуратиль,
Ябру и Хумбан, царь, да очистят,
высокие боги!
Звёзды юга и севера, востока и запада,
четыре ветра пусть дуют, пусть очистят заклятье,
Иштар да очистит в Уруке блаженном[4],
Нин-Эанна да очистит во храме Эанны,
Анунит да очистит в Аккаде благодатном,
Агаде да очистит, Эульмаш да очистит,
Ишхара да очистит, владычица градов,
Сидури да очистит, богиня премудрости,
благостный гений жизни,
Гирра, Гирра великий, Гирра могучий да очистит,
Лаз, Хайа, Лухуша да очистят,
Лугаль-эдинна, Латарак, Шарраху да очистят,
Шуль и Шамаш именами своими очистят,
Тибаль, Саккут, Кайаман,
Иммер да очистят,
лук, стрела и копьё,
Меркурий и Марс да очистят,
Хендурсагга и Орион да очистят!
Боги и богини, сколько их есть,
в сегодняшний день да восстанут,
у NN, сына NN, чей бог NN, чья богиня NN,
его грехи и его проступки,
его... и его заклятья,

они да исторгнут, они да очистят,
они да прогонят заклятья! Конец заклинания.

Пятая и шестая таблицы

Заклинание. Злое проклятье, как демон, человека постигло,
тоска и печаль постигли его.
Недобрая тоска постигла его,
злое проклятье, заклятье и скорбь.
Того человека, как агнца, заклало злое проклятье,

его бог отошёл от тела его,
его благая богиня стоит в стороне,
тоска и печаль, как одежды, плотно его облегли.
Мардук его увидал,
к Эа, отцу, в его дом он вошёл и так говорит:
«Отец мой, злое проклятье, как демон, человека постигло.
(Во второй раз он ему всё говорит.)
Он не знает, что сотворил, человек этот, чем излечиться!»
Эа своему сыну Мардуку ответил:
«Сын мой! Чего ты не знаешь, чему б я тебя научил?
Мардук, чего ты не знаешь, чему б я тебя наставил?
Всё, что ведомо мне, знаешь и ты.
Ступай отсюда, сын мой Мардук,
к дому святых омовений его приведи,
его заклятье сними, его заклятье очисти,
тёмную боль его тела!»
Заклятье ли это его отца,
заклятье ли это его матери,
заклятье ли это его старшего брата,
заклятье ли это врагини, не знаемой человеком, —
это заклятие чарами Эа,
словно луковица, да будет очищено,
словно финик, да будет обрезано,
словно веник, да будет развязано,
небом оно да запретится, землёю да запретится!
Заклинание. Как этот лук обчищен и брошен в огонь
и жгучее пламя его сожгло,
как он на грядку не будет посажен,
бороздой и канавкой не будет окопан,
как его корень земли не коснётся,
стебель его не взойдёт, солнца не узрит,
не будет подан к столу бога или царя, —
так эта клятва, заклятье, унынье, сомненье,
болезнь, удручение, грех, ошибка, проступок, вина,
болезнь в моём теле, в моей плоти и членах
да будет очищена, как этот лук.
В день этот пламя его огнём да сожжёт,
заклятие да отпадёт, я да увижу свет!

Заклинание. Как этот финик обрезан и брошен в огонь
и жгучее пламя его сожгло,
как на пустую ветвь он не вернётся,
не будет подан к столу бога или царя, —
так эта клятва, заклятье, унынье, сомненье,
болезнь, удручение, грех, ошибка, проступок, вина,
болезнь в моём теле, в моей плоти и членах
да будет обрезана, как этот финик.
В день этот пламя его огнём да сожжёт,
заклятие да отпадёт, я да увижу свет!
Заклинание. Как этот веник развязан и брошен в огонь
и жгучее пламя его сожгло,
как его прутья на пальму уже не вернутся,
как он для работы уже не годится, —
так эта клятва, заклятье, унынье, сомненье,
болезнь, удручение, грех, ошибка, проступок, вина,
болезнь в моём теле, в моей плоти и членах
да будет развязана, как этот веник.
В день этот пламя его огнём да сожжёт,
заклятие да отпадёт, я да увижу свет!
Заклинание. Как эта шерсть расщипана, брошена в огонь
и жгучее пламя её сожгло,
как на свою овцу она не вернётся
и не пойдёт на одежду бога или царя, —
так эта клятва, заклятье, унынье, сомненье,
болезнь, удручение, грех, ошибка, проступок, вина,
болезнь в моём теле, в моей плоти и членах
да будет расщипана, как эта шерсть.
В день этот пламя её огнём да сожжёт,
заклятие да отпадёт, я да увижу свет!
Заклинание. Как этот мех расщипан и брошен в огонь,
и жгучее пламя его сожгло,
как на свою козу он не вернётся,
как он для работы уже не пригоден, —
так эта клятва, заклятье, унынье, сомненье,
болезнь, удручение, грех, ошибка, проступок, вина,
болезнь в моём теле, в моей плоти и членах
да будет расщипана, как этот мех.

В этот день пламя его огнём да сожжёт,
заклятие да отпадёт, я да увижу свет!
Заклинание. Как этот лён расщипан и брошен в огонь
и жгучее пламя его сожгло,
как ткач из него полотна уже не соткёт,
как он не пойдёт на одежду бога или царя, —
так эта клятва, заклятье, унынье, сомненье,
болезнь, удручение, грех, ошибка, проступок, вина,
болезнь в моём теле, в моей плоти и членах
да будет расщипана, как этот лён.
В этот день пламя его огнём да сожжёт,
заклятие да отпадёт, я да увижу свет!
Заклинание. Семенем злачным полны мои руки,
жаром, ознобом и дрожью полны мои руки,
клятвой, заклятьем полны мои руки,
унынием, сомненьем полны мои руки,
удрученьем, болезнью, грехом, ошибкой, проступком, виной,
недугом сердца, недугом плоти полны мои руки,
чарой, волшбой, колдовством, деяньем полны мои руки.
Как это злачное семя огнём сожжено,
как земледелец в поле его не посеет,
как бороздой и канавкой не окопает,
как его корень земли не коснётся,
стебель его не взойдёт, солнце не узрит, —
так да не будет заклятья в сердце моём,
корень его да не тронет рёбер моих,
стебель его да не тронет груди моей.
Клятва, заклятье, унынье, сомненье,
болезнь, удручение, грех, ошибка, проступок, вина,
болезнь в моём теле, в моей плоти и членах,
как это злачное семя, да будет огнём сожжена!
В день этот пламя его огнём да сожжёт,
заклятие да отпадёт, я да увижу свет!
Заклинание. К храмовым жёнам он направил шаги,
Иштар научила храмовых жён,
мудрую жену посадила на ложе,
из белого льна, из чёрного льна пёстрый шнурок она
прядёт,

прекрасный шнурок, великий шнурок, пёстрый шнурок,
рвущий заклятье,
против злого заклятья человечьей вины,
против проклятья богов —
шнурок этот, рвущий заклятья.
Человеку сему главу, руки и ноги связал он,
князь Мардук, дитя Эриду, разорвал святыми руками,
этот шнур заклятья унёс в пустыню, в нечистое место.
Злое заклятье, стань в стороне,
человек сей да будет чист и оправдан,
да впадёт он в благия божия руки!
Заклинание, разрешающее заклятие[5].
Заклинание. Я, верховный жрец, зажигаю пламя,
зажигаю жаровню, кладу на неё очищенье,
я, чистый священник Эа, вестник Мардука.
Жаровню, что я раздул, я угашаю,
пламя, что я зажёг, я задуваю.
Колосья, что я просыпал, я затоптал.
Как эту жаровню раздул я и погасил,
как это пламя я зажёг и задул,
как эти колосья я просыпал и растоптал, —
так же пускай и Сирис, разрешитель богов и людей,
узы, что он завязал, развяжет.
Сердце бога и богини, закрытое, да откроется NN,
сыну NN,
его грех да отпустится в этот день,
пусть он будет спасён, пусть он будет свободен.
Заклинание. Утихни, воитель Пламя!
С тобой да утихнут горы и реки,
с тобой да утихнут Тигр и Евфрат,
с тобой да утихнет широкое море,
с тобой да утихнет дорога, дочерь великих богов,
с тобой да утихнет трава, порожденье тумана,
с тобой да утихнут сердца разгневанных бога и богини,
да утихнут сердца городских разгневанных бога и богини,
в этот день да раскроется сердце закрытое бога и богини,
заклятье да отойдёт от плоти моей.
А ты, судия, покрытый светом,

а ты, отмститель, держащий меч,
рассуди моё право, объяви мне спасенье!

Седьмая таблица

Заклинание. Ламашту вышла из пучин океана,
заклятье сошло из небесных недр,
демоны, словно трава, покрыли землю,
на четыре ветра они проливают свой блеск, горят, как огни;
мучают людей в домах, корчат их тело,
в городах и в стране огорчают, стариков и младенцев теснят,
они вяжут мужчин и женщин, наполняют их скорбью,
на земле и в небе, как тучи, они мчатся и льются дождём,
к месту божия гнева они спешат, вещая беду.
На забытого богом они устремились, покрыли, как платьем,
одели его, наполнили ядом,
связали руки, сковали ноги,
сдавили рёбра, облили жёлчью.
Клятвой, заклятьем скорчено тело,
одышкой, кашлем ослаблена грудь,
мокротой, пеной наполнен рот,
скорбь и тоска нашли на него, жестоко схватили,
бродит он день и ночь, от боли не спит.
Мардук посмотрел на него,
к Эа, отцу, в его дом входит он и вещает:
«Отец мой, Ламашту вышла из пучин океана.
(Во второй раз он говорит ему это.)
Что он сделал, тот человек, я не знаю, и как излечить его?»
Эа своему сыну Мардуку ответил:
«Сын мой, чего ты не знаешь, чему б я тебя научил?
Мардук, чего ты не знаешь, чему б я тебя наставил?
Все, что ведомо мне, знаешь и ты.
Ступай же, сын мой Мардук...

(Отбито около двадцати строк.)

...владычица дома и гор...
Никимит, владыка созданий, да отдаст его тяжкую скорбь
кишащим *тварям* земли,

Даму, великий заклинатель, да ублажит его дух,
оживляющая мертвецов владычица Гула
своею святою рукой его да излечит.
А ты, милосердый Мардук, возлюбивший воскрешение мёртвых,
святым заклинанием жизни разреши его чары.
Человек этот, божье дитя, будет чист, оправдан и светел,
словно горшочек золою, будет омыт,
словно горшочек маслом, будет начищен;
Шамашу, вождю богов, его передай:
Шамаш, водитель богов, да передаст его целым благим рукам
его бога».

ИЗ КНИГИ «ЗЛЫЕ ДУХИ»

Злой дух, злой демон, злой призрак,
злой чёрт[1], злой бог, злой бес,
все эти злые, —
да не коснутся
моего тела,
да не свирепствуют
передо мною,
да не ступают
следом за мною,
да не проникнут
они в мой дом,
да не сломают
мою ограду,
да не проникнут
в моё жилище.
Небом будь заклят,
землёй будь заклят.
Молитва против злых духов.
Злобные бесы
все они, все.

Из Преисподней
все они вышли,
послы Эллиля,
владыки земель;
злой дух, в пустыне
разящий живых,
злой демон, как платье,
облекающий плоть,
злой призрак, злой чёрт,
сокрушающий тело,
Ламашту, Лабацу,
несущие немощь,
ночной Лилу,
бродящий в пустыне, —
все они одолели
человека в пути,
скорбь и болезнь
принесли его плоти,
злое проклятье
стряслось с его плотью,
злую болезнь
принесли его плоти,
злая зараза
стряслась с его плотью,
злую отраву
принесли его плоти,
злое заклятье
стряслось с его плотью,
злодейство и грех
принесли его плоти,
отравленье и зло
учинили над ним,
зло учинили над ним;
дурной человек,
дурное око,
дурные уста,
дурной язык,
дурное заклятье,

дурная чара,
волхвованье и всякое зло,
овладевшее плотью больного,
волшебство и злодейство,
замкнувшие рот,
чарование злое,
что связало язык, —
на широкой дороге
человека постигли.
Я — человек
великого Эа,
я — человек
великой Дамкины,
я — провозвестник
бога Мардука.
Чтобы вернуть
болящего к жизни,
Эа великий
меня послал;
свою чистую чару
дал мне чарой,
свое чистое слово
дал он мне словом,
свою чистую влагу
дал он мне влагой,
свою чистую волю
дал он мне волей.
Сокрушители членов,
одолевшие плоть, —
по волшебному слову
великого Эа
все эти злые
пусть удалятся.
Тамариск, оружие Ану,
я подымаю в руке.
Боже Урука,
защитник Куллаба,

в жизнь и во здравие
следуй за мною.
Благостный демон
да следует справа,
благостный дух
да следует слева.
Нин-Анна высокая,
писец преисподней,
святое заклятье
предо мной да читает,
Нингирсу, владыкой меча
да будешь ты заклят.
Злой дух, злой демон, злой призрак,
злой чёрт, злой бог[2], злой бес,
все эти злые, —
да не коснутся
моего тела,
да не свирепствуют
передо мною,
да не проникнут
они в мой дом,
да не сломают
мою ограду,
да не проникнут
в моё жилище.
Небом будь заклят,
землёй будь заклят.

Молитва против злых духов.

От Эа они,
от Дамкины они,
от Нинкум они,
от Адапы они,
Эридугского князя[3].
Я — заклинатель
великого Эа,
я — провозвестник
бога Мардука,
чтобы вернуть
болящего к жизни,

Эа великий
меня послал;
свою чистую чару
дал мне чарой,
свое чистое слово
дал он мне словом,
свою чистую влагу
дал он мне влагой,
свою чистую волю
дал он мне волей.
Злой дух, злой демон, злой призрак,
злой чёрт, злой бог, злой бес, —
все эти злые
пусть удалятся.
Небом будь заклят,
землёй будь заклят.
Пусть зараза и хворь, и болезнь,
волшебство и всякое зло
удалятся из тела
человека в пути.
Пусть они не войдут в моё тело,
— пусть стоят в стороне,
пусть они не влекутся
следом за мною,
великие боги
пусть заклянут их.
Пусть не будет он скован (больной),
пусть спадут его узы.

Молитва против злых духов.

Я — заклинатель
великого Эа,
маг Эриду,
предо мною Шамаш,
позади меня Син,
справа Нергал,
слева Ниниб.
Когда к больному
я подойду,

когда на главу
возложу ему руку, —
кто бы ты ни был,
злое исчадье,
злой дух, злой демон, злой призрак,
злой чёрт, злой бог, злой бес[4],
или болезнь, или смерть,
или Лилу, или Лилиту,
или всякая злая зараза, —
прочь беги от меня,
прочь уйди из жилища,
ибо я заклинатель
великого Эа,
ибо я над больным
говорю заклинанье;
кто бы ты ни был,
злое исчадье,
злой дух, злой демон, злой призрак,
злой чёрт, злой бог, злой бес,
или болезнь, или смерть,
или Лилу, или Лилиту,
или всякая злая зараза, —
прочь уходи от меня.
Небом будь заклят,
землёй будь заклят.
К человеку, сыну
своего бога,
не приближайся,
прочь уходи.
Небом будь заклят,
землёй будь заклят.

Молитва против злых духов.

Я — от матери А[5],
я — от господа Эа,
Я — заклинатель,
воскрешающий землю,
Я — чародей,
охраняющий город,

чародей Эриду
с благими устами.
Зараза постигла больного,
хворь одолела его.
Когда к больному
я подхожу,
когда гляжу я
на плоть больного,
когда пытаю
члены больного,
когда на больного,
лью воду Эа,
когда трясу я
тело больного,
когда смиряю
силу больного,
когда над больным
читаю молитву,
когда говорю я
слова Эриду, —
благостный дух,
благостный демон,
оба да станут
рядом со мною.
Кто бы ты ни был,
злое исчадье,
злой дух, злой демон, злой призрак,
злой чёрт, злой бог, злой бес, —
или Ламашту,
или Лабацу,
или Лилу, или Лилиту,
или ночное виденье,
или болезнь и зараза,
волшебство или всякое зло,
дурной человек,
дурное око,
дурные уста,
дурной язык,

волшебство или всякое зло, —
прочь от меня уходите.
Небом будь заклят,
землёй будь заклят.
Молитва против злых духов.
Я — человек
великого Эа,
я — человек
великой Дамкины,
я — провозвестник
бога Мардука.
Моё заклинанье —
заклинанье Эа,
мое заклятье —
заклятье Мардука,
заповедь Эа —
в моей руке,
тамариск, оружие Ану,
возношу я рукою,
пальму великих законов
возношу я рукою.
Пусть они не коснутся
моего тела,
да не свирепствуют
передо мною,
да не ступают
за мною следом,
да не стоят
на моей дороге.
Там, где стою я,
ты да не станешь,
там, где сижу я,
ты да не сядешь,
куда иду я,
ты да не ходишь,
куда вхожу я,
да не войдёшь ты.
Небом будь заклят,

землёй будь заклят.
Молитва против злых духов.
Утишающий всё,
усмиряющий всё,
усмиряющий всё
своим заклинаньем,
Господь великий,
О, боже Эа,
утишающий всё,
усмиряющий всё,
когда подхожу я к больному,
всё усмири ты.
Я, заклинатель,
порожден в Эриду,
в Эриду и в Шубару
меня породили.
Когда к больному
я приближаюсь,
Эа, царь океана,
меня да хранит,
...Эриду
со мной да будет.
А, владычица
чистых озер,
Мардук, дитя Эриду, —
болезнь да прогонят.
Молитва против злых духов.
Эа, царь океана,
прозревающий...
Я — заклинатель,
я твой раб,
справа со мной гряди,
слева стань от меня,
свою чистую чару
даруй мне чарой,
свое чистое слово
даруй мне словом,
благостно дай мне

чистые речи,
благостными сделай
слова моих уст,
да не ворвутся
они в мой дом,
да не сломают
мою ограду,
да не проникнут
в моё жилище.
Небом будь заклят,
землёй будь заклят.
Клятвой Эллиля,
царя земель,
да будешь ты заклят.
Клятвой Нинлиль,
царицы земель,
да будешь ты заклят.
Клятвой Ниниба,
бойца Эллиля,
да будешь ты заклят.
Клятвою Нуску,
посла Эллиля,
да будешь ты заклят.
Клятвой Иштар,
царицы людей,
да будешь ты заклят.
Клятвой Адада, владыки
благой непогоды,
да будешь ты заклят.
Клятвой Шамаша,
владыки суда,
да будешь ты заклят.
Клятвой Ануннаков,
великих богов,
да будешь ты заклят.

Молитва против злых духов.

Погубляющий небо и землю,
дух, погубляющий страны,

высокий силой,
высокий бегом,
чёрт, как яростный бык,
призрак великий,
призрак, ломающий
всякие домы,
чёрт, не имеющий уда, —
семеро их.
Они не знают добра,
мелят страну, как муку;
они не знают пощады,
они страшны для людей:
мясо они поедают,
кровь проливают, как дождь,
пьют они вены;
черти они,
полные злобы;
пожирают они
кровь непрестанно;
скажи им заклятье,
чтоб они не вернулись
в твоё соседство.
Клятвою неба
будьте вы закляты,
клятвой земли
будьте вы закляты.

Молитва против злых духов.

Дважды семеро их,
смелых героев,
вместе они родились
от семени Ану,
ветры они,
бродящие всюду,
жён не берут,
детей не рождают,
не имеют рассудка,
словно кони, они
вырастают в горах,

разбойники Эа,
посланцы богов,
что стоят на дороге,
помрачая пути.
Перед смелым Нергалом,
сильным Эллиля,
ходят они.
Клятвою неба
да будешь ты заклят,
клятвой земли
да будешь ты заклят.
Клятвою Сина,
владыки восхода,
да будешь ты заклят.
Клятвою Ишума, вождя,
по тёмной дороге
да будешь ты заклят.
К телу человека,
сына своего бога,
не приближайся,
не подходи,
перед ним пропади,
за ним пропади.
Молитва против злых духов.
Семеро их,
семеро их.
В глубине океана
семеро их,
яростных в небе
семеро их.
Возросли они в доме
в глубине океана,
не мужчины они,
и не жёны они,
ветры они,
бродящие всюду,
жён не имеют,
детей не рождают,

ни прощенья они,
ни пощады не знают,
ни молитвам они,
ни мольбам не внимают,
словно кони, они
вырастают в горах,
разбойники Эа,
посланцы богов,
что стоят на дороге,
помрачая пути.
Злые они,
злые они.
Семеро их,
семеро их,
дважды семеро их.
Клятвою неба
будьте вы закляты,
клятвой земли
будьте вы закляты.

МОЛИТВА ПРОТИВ ЗЛЫХ ДУХОВ

Из шестнадцатой таблицы

Страшные бури они,
злобные боги,
беспощадные духи они,
порождённые в недрах небесных,
скорби они,
скорби приносят,
ежедневно для злобных деяний
поднимают они главы;
первый из них из семи —
южный ветер,
второй — дракон,
разевающий пасть,
третий — злая пантера,
рвущая слабых,

четвертый — змея
ужасная...
пятый — чудовищный зверь,
позади него нет...
шестой — набегающий...
непокорный богам и владыкам,
седьмой — разъярившийся вихрь,
который...
семеро их,
посланцев Ану,
из города в город
несут они мрак,
буря они,
гневная в небе,
тучи густые они,
наводящие сумрак на небо.
Натиск свирепого ветра,
среди ясного дня
приносящий затменье,
ходят в порывах они
злобного ветра,
злые убийцы они,
потоки Адада,
одесную Адада
ходят они,
в недрах небес,
как молнии, блещут,
разрушенью дорогу
открывают они,
средь широких небес,
в доме Ану-царя,
злобно стали они
и не ведают равных.
Эллиль услыхал эту весть,
взвесил слова в своём сердце,
с Эа, высоким вождём
Богов, совещается он;
Сина, Шамаша, Иштар

он поставил парить в небесах,
вместе с Ану небесную власть
он разделил между ними,
этим троим —
богам, своим детям,
он повелел непрестанно
ночью и днём сторожить.
Когда семеро злобных богов
добрались до небесного свода, —
гневно завыли они
перед месяцем Сином,
сильный Шамаш и храбрый Адад
пришли на помощь,
и Иштар, вместе с Ану-царём
живущая в светлом жилище,
госпожа небесного царства.
Злобные боги,
посланцы Ану,
подняли злые главы,
стали толпиться в ночи,
замышляя дурное,
словно вихря[6] из небесных недр,
устремились они на страну.
Эллиль увидал в небесах
помрачение сильного Сина,
владыка к послу своему,
Нуску, взывает:
«Нуску, посол мой, снеси
в океан моё слово,
весть, что дитя моё Син
в недрах небес
страшно померк,
Эа-царю
возвести в океане».
Нуску внимает
слову владыки,
к Эа в пучину
тут же идёт он.

Перед князем высоким,
Господом Эа,
Нуску вещает
слова господина.
Эа в своём океане
слушает эти слова,
губы кусает себе,
наполняет уста причитаньем.
Эа сына Мардука зовёт,
говорит ему слово:
«Ступай, дитя моё,
храбрый Мардук,
сын вельможного Сина,
что под сводом небес
так странно померк;[1]
его помраченье
видать в небесах.
Семеро их,
злобных богов,
смерть приносящих,
не знающих страха;
семеро их,
злобных богов,
как разлитые воды
нашедших на землю.
На страну, словно вихрь,
они устремились,
перед месяцем Сином
гневно завыли,
сильный Шамаш
и храбрый Адад
прибежали на помощь».

(Большая лакуна.)

Чистый тростник,
длинный тростник,
чистый сосуд
великих богов,

стебель льняной,
исполненный славы.
Посланный я
бога Мардука,
когда говорю я
чистую клятву,
смолу кладу я
вниз под дверями,
чтобы во храме
остался Эа,
добрый дух, добрый демон
да внидут в дом сей.
Злой дух, злой демон, злой призрак,
злой чёрт, злой бог, злой бес
да не подходят
близко к царю.
Клятвою неба
будьте вы закляты,
клятвой земли
будьте вы закляты.
Молитва над тростником.
Злобный зол,
человек этот зол,
сей человек
зол меж людей,
злобный зол,
человек этот зол.
В середину людей,
как змея, он заполз;
человек этот между людей —
как шнурок, протянутый к сети;
повергает он в страх своим криком,
обливает он ядом людей.
Шамаш по этому слову
да прострёт свою руку.
Эа, мой государь,
ты благодатен и добр.

МОЛИТВА ПРОТИВ ЗЛЫХ ДУХОВ

Таблетка B

«ЗЛОЙ ЛИ ТЫ»

Злой ли ты человек,
злой ли ты человек,
или злой чёрт,
или злой чёрт,
что упал, как стена,
раздавил человека,
или чёрт, затыкающий рот,
вяжущий руки и ноги,
или ты бес,
не имеющий рта,
или ты бес,
не имеющий членов,
или ты бес,
не могущий слышать,
или ты бес,
не имеющий вида,
или ты бес,
которого люди
видят во сне
на ложе ночном,
или ты бес,
ворующий сон,
человека во сне
прочь уносящий,
или ты бес,
бродящий в ночи,
чьи нечистые руки
не ведают страха,
или ты бес,
не знающий жертвы,
или ты бес,
словно сова,
ночью глухой
сидящий в ущельи,

или ты бес,
как птица ночная
летящий во мрак,
или ты бес,
который людей
покрывает собой
подобно покрову,
или ты бес,
который людей
покрывает собой
подобно мешку,
или ты бес,
который, как ночь,
не ведает света,
или ты бес,
который в ночи,
как лиса в темноте,
по городу бродит, —
я — заклинатель и жрец
заповедей Эриду,
я — вестник, идущий
перед господом Эа,
я — вестник Мардука,
мудрого мага,
старшего сына
господа Эа,
я — маг Эриду,
сильный в заклятьях.
Злой дух, обратно
поверни свою грудь,
живущий в руинах —
ступай в руины.
Владыка Эа
меня послал,
своё заклятие он
вложил мне в уста,
кадильницу против семи
для священных обрядов

он дал моим дланям,
во́рона, друга богов,
держу я в деснице,
сокола, быструю птицу,
тебе в твоё злое лицо
бросаю я левой рукой,
в красное платье стража
я одеваю тебя,
тёмною тканью,
славною тканью
чистого тела
я облекаю тебя,
бичом, как осла,
тебя я стегаю;
злой демон, уйди,
злой дух, удались,
из тела человека,
сына своего бога,
злой дух, удались.
У святилища Эа
не стой, не кружись.
Поблизости храма
не стой, не кружись.
«В храме я стану», —
не говори,
«Рядом я стану», —
не говори.
О ты, злой демон,
уйди далеко.
О ты, злой бес,
уходи к руинам.
Там, где стоишь ты, —
заклятое место.
Там, где живешь ты, —
прах и пустыня,
прочь от меня.
Клятвою неба
да будешь ты заклят,

клятвой земли
да будешь ты заклят.

Молитва против злых духов.

Из таблетки С
«ЗЛОЙ ДУХ»

Злой дух, к больному
не приближайся,
злой демон, к больному
не приближайся,
злой призрак, к больному
не приближайся,
злой чёрт, к больному
не приближайся,
злой бог, к больному
не приближайся,
злой бес, к больному
не приближайся,
Ламашту, к больному
не приближайся,
Лабацу, к больному
не приближайся,
Аххазу, к больному
не приближайся,
Лилу, к больному
не приближайся,
Лилит, к больному
не приближайся.
Боль головы, боль зуба,
боль сердца, обморок сердца,
боль глаза, отрава,
злой дух, злой демон, злой призрак,
злой чёрт, злой бог, злой бес,
Ламашту, Лабацу, Аххазу,
Лилу и Лилиту,
зараза и жар,

недобрый недуг,
чёрная немочь,
всякое зло,
бродящий по улицам,
входящий в дома,
проникающий в скважины,
дурной человек, дурное око,
дурные уста, дурной язык,
дурная клятва, дурная чара,
дурная немочь и всякое зло —
из этого дома
прочь уходи.
На его стуле
ты не сиди,
на его ложе
ты не лежи,
его ограды
ты не ломай,
в его жилище
ты не входи.
К человеку, сыну
своего бога,
не приближайся,
прочь уходи.
Клятвою неба
да будешь ты заклят,
клятвой земли
да будешь ты заклят.

Молитва против злых духов.

Злой дух и призрак,
жильцы пустыни,
Намтар, человека
тронувший злобно,
язык, человека
злобно связавший,
как сосуд, разбейтесь,
как вода, пролейтесь.

Злой дух, в пустыню,
злой демон, в пустыню!
Злой дух, злой демон, злой призрак,
злой чёрт, злой бог, злой бес,
как горшок, не нужный горшечнику,
на улице будьте разбиты.

Молитва против злых духов.

О ты, злой дух или призрак,
что касаетесь путника в поле,
о ты, чума, что коснулась
головы человека,
о ты, говоривший дурное,
дурные уста, злой язык,
о ты, злой демон,
что глядишь на людей,
ты, что колдуешь
злыми словами, —
словно горшки, разбейся,
словно вода, пролейся,
не разрушай ограды.
О ты, злой дух,
ступай в пустыню.
О ты, злой демон,
ступай в пустыню.

Молитва против злых духов.

Демоны злые,
владыки пустыни,
дети одной утробы —
семеро их, бойцов.
Мужа гонят они
из дома тестя,
сами они
скользят, как змеи,
словно мыши, они
приходят в жилище,
словно гончие псы,
рычат повсюду.

Злой дух, злой демон, злой призрак,
злой чёрт, злой бог, злой бес,
клятвою неба
да будешь ты заклят,
клятвой земли
да будешь ты заклят.
Кто бы ты ни был,
пока ты не уйдёшь,
не оставишь плоть человека,
сына своего бога,
хлеба не ешь
и воды не пей,
стола Эллиля,
отца моего,
рукой не касайся,
ни морской водой,
ни пресной водой,
ни стоячей водой,
ни водою Тигра,
ни водою Евфрата,
ни водою колодца,
ни речною водой
да не будешь ты скрыт.
Полетишь ли ты к небу —
да пребудешь бескрылым,
уползёшь ли под землю —
да не сыщешь в ней дома.
К человеку, сыну
своего бога,
не приближайся,
прочь уходи.
Землёю и небом
я тебя заклинаю:
прочь уходи!

Молитва против злых духов.

Из таблицы К

«ОНИ — СУПРОТИВНЫЕ»

Они — супротивные сети,
помрачившие солнечный свет;
дуют они с ураганом,
и никто их не может унять;
словно черти, в ужасном сияньи,
повсюду несут они страх;
тайну постели они
делают ясной, как день,
всюду несут они страх;
на площадях они стали
и кружат по дорогам страны,
храмы богов
они сокрушают,
не возливают елея,
не заклают ягнят;
всех они убивают
и несут разрушенье,
в небе и на земле они грабят,
людей убивают в стране,
на земле они властны и в небе,
никого из богов не щадят;
никого на земле не щадят,
их законы — дурные законы;
высоко взобрались на небо
и рычат с недоступных небес;
не отличить их от звёзд
на трех небесных путях.
Владычный, первый, высокий,
сам он взошёл в небесах,
и отец его не узнал;
Бильги[7] вельможный, высокий,
первый владычный,
толкователь небесных велений,
Бильги, возлюбленный друг,
взошёл с ним вместе —

и открылось зло семерых.
Сел он тогда,
думает думу:
семеро эти, о Бильги,
где возникли и где возросли?
Семеро эти возникли
на горе, на закате солнца,
семеро эти росли
на горе, на восходе солнца,
в ущельях земли
они обитают,
в зелёных пустынях
они живут;
ни земле не известны, ни небу,
страхом одеты они;
неизвестные мудрым богам,
на земле безымянны и в небе;
эти семеро мчатся
по закатным горам,
эти семеро воют
в горах на востоке,
в ущельях земли
они притаились,
в земных пустынях
укрылись они:
никому не известны они,
на земле сокровенны и в небе.
Подойди же к Мардуку,
расскажи ему это,
чтобы зло семерых,
вышедших на тебя,
он изъяснил:
он — высокий небесный судья,
благосклонны слова его уст.
И отправился Бильги к Мардуку,
поведал ему обо всём;
покоясь на ложе ночном,
услышал об этом Мардук,

в дом Эа, отца своего,
вошёл он и так закричал:
«Отец мой, Бильги
пришёл с востока,
он проникнул в их тайну:
узнай же пути семерых,
изведай их место».
Премудрый духом
сын Эриду,
Эа, ответил
сыну Мардуку:
«Сын мой, семеро эти
живут на земле,
семеро эти
ушли с земли;
семеро эти
рождены на земле,
семеро эти
возросли на земле,
появились они,
чтоб попрать Океан.
Сын мой Мардук,
ступай отсюда,
возьми тамариск,
ограду от злых,
на котором написано
имя Эа;
с чистым заклятьем,
с Эридугским заклятьем,
сверху и снизу
огня коснись им,
чтобы семеро эти
не входили к больному;
как широкую сеть
над широкой землёй,
распростри ты его
и потом отпусти,
пусть он в полдень и в полночь

сторожит изголовье;
ночью и днём,
в пути и в дороге
пусть больной его держит
в своей руке;
в полночь на ложе
среди добрых видений
в головах человека
пусть он стоит».
И герой посылает
к своему другу:
Бильги да встанет
против бесов,
да исторгнет он зло семерых,
да прогонит он прочь их из тела.
Бильги, силой великий,
грудь их да отвратит,
Нинкигаль, жена Ниназу,
да возьмёт их в другое место;
Нингирима
да возьмёт их из тела,
в головах у больного
она да стоит;
клятву Нингиримы,
волшебство Эриду,
волшебство Эриду и моря,
великое пусть она скажет;
Ишум, великий владыка,
высокий наместник богов,
в головах у больного да станет,
среди ночи его да хранит,
днём и ночью его да предаст
в милосердные руки Шамаша.

Черный Кишкану[8]
возрос в Эриду,
выращен он

на чистом месте,
блеск его чище лазури,
простёртой над океаном,
его пути в Эриду
Эа наполнил избытком,
его дом — везде, где земля,
и ложе А — его ложе;
среди чистого дома
наподобие леса
он простёр свои тени,
и не входит никто;
посреди его чащи —
Шамаш и Таммуз;
около устьев
обеих рек
бог Кахегаль
и бог Игихегаль
собрали в связку
этот Кишкану,
над человеком
они сказали слова Океана,
в головах человека они
положили Кишкану.
По сторонам человека,
сына своего бога,
добрый дух, добрый демон
всегда да стоят,
А тот, кто...
просит защиты,
тот, чьё лицо
не повёрнуто внутрь, —
к местам, где он брошен,
пусть он будет прикован,
злой...
да стоит рядом с ним...

ИЗ КНИГИ «ЗЛЫЕ БОЛЕЗНИ»

Таблица

«БОЛЕЗНЬ ПРОНИКЛА»

Болезнь проникла
в главу человека,
зараза проникла
в дух человека,
недобрый дух
схватил его за шею,
недобрый демон
схватил его за грудь,
недобрый призрак
схватил его за чрево,
недобрый чёрт
схватил его руки,
недобрый бог
схватил его ноги, —
семь эти вместе
его схватили,
словно жаркое пламя,
они жгут его тело,
как злодеи, они
его...
как одежда, они
его покрыли.
Мардук милосердный
его увидел,
к Эа, отцу,
идёт он и плачет;
Эа — Мардуку,
сыну, вещает:
«Сын мой, что я знаю —
знаешь и ты,
Мардук, что я знаю —
знаешь и ты.
Ступай, мой сын,

отправься к больному
с черным козлёнком,
лишённым чрева,
с тучным ягнёнком,
лишённым ног;
кожу сними с них,
вырви их...
человека больного
посади...
. . . . . .
закрой ему лик,
чтоб великие боги
его недуг исторгли.
Злой дух,
злой демон
вдали не станут,
добрый дух,
добрый демон
да станут близко».

Молитва против болезней.

Болезнь на больного
подула, как ветер,
поразила больного
и сломила его,
лик его поразила
и пригнула его,
его мышцы она
распустила, как пояс,
в жёлчь обратила уста,
вода не сладка им;
человек этот хлеба не ест,
не пьёт он воды,
не ведает сна,
он не знает покоя,
его собственный бог
отошёл от него.
Мардук милосердный

его увидел,
к Эа, отцу,
идёт он и плачет;
Эа — Мардуку,
сыну, вещает:
«Сын мой, что я знаю —
знаешь и ты,
Мардук, что я знаю —
знаешь и ты.
Ступай, мой сын,
отправься к больному
с белым козлёнком,
козлёнком Таммуза;
пред человека
его принеси ты,
исторгни сердце,
дай ему в руки,
слова Эриду
прочти над больным.
Этим козлёнком
с исторгнутым сердцем
дашь искупленье
ты тому человеку.
Унеси ты кадило и факел,
размечи по дороге
их пепел, человека того
обведи ты чертой,
прочти слова Эриду,
призови великих богов:
„Злой дух, злой демон, злой призрак,
Ламашту, Лабацу,
болезнь и дурная зараза,
что сидят в человеческом теле, —
пусть они удалятся,
пусть исчезнут из дома,
добрый дух, добрый демон
да станут близко".
„Злой дух, злой демон, злой призрак,

Ламашту, Лабацу,
болезнь сердца, тревога сердца,
боль головы, боль зубов,
зараза и злая болезнь, —
клятвой небес и земли
закляты будьте"».

Молитва над козлом отпущения.

Девятая таблица
«БОЛЬ ГОЛОВНАЯ»

Боль головная
бродит в пустыне,
веет, как ветер,
молнией блещет она,
разлилась в небесах и по долам;
кто не боится
своего бога,
того, как тростинку,
она исторгает,
словно стебель травы,
она рвёт его мышцы;
за кого не вступилась богиня,
у того она плоть истощает;
блещет, как звёзды на небе,
льётся, как воды в ночи;
с человеком в дороге
она враждует,
словно день, его жжёт,
убивает его;
как болеющий сердцем,
человек этот шаток,
как лишённый рассудка,
человек этот сломлен,
словно брошенный в пламя,
весь он пылает,
как у диких ослов,

глаза его мутны,
сам себя он снедает,
привязался он к смерти.
Боль головная
тяжка как туча,
её дорогу
кто распознает?
Её срок совершенен,
кто узнает конец ей?
Мардук увидел больного,
к Эа, отцу, в его дом
вошёл он и плачет:
«Отец мой, боль головная
вырвалась из Преисподней.
Человек тот не знает,
что сотворил он,
чем исцелиться?»
Эа своему сыну
Мардуку вещает:
«Сын мой, чего ты не знаешь,
чему я тебя научу?
Мардук, чего ты не знаешь,
чему я тебя научу?
Всё, что я знаю —
знаешь и ты.
Сын мой Мардук,
ступай отсюда,
дикую тыкву[1] возьми,
одиноко растущую в поле;
когда Шамаш входит в твой дом,
закрой свою голову платьем,
тыкву запрячь,
засыпь мукой.
Ранним утром,
перед восходом,
вырви её,
возьми её корень,
шерсти возьми

с молодого козлёнка,
повяжи у больного главу,
повяжи у больного шею;
боль головная
от человека
да удалится,
словно солома,
унесённая ветром,
да не вернется».
Клятвою неба
заклята будь ты,
клятвой земли
заклята будь ты.
Боль головная —
будто гора,
она недвижима;
боль головная,
как темная туча,
нашла на больного;
порыв недуга
подобно ветру
подул на него.
Не может он есть,
не может он пить,
блаженным сном
не может он спать,
не может он двинуть
ни рукой, ни ногой,
не может поднять он
ни руки, ни ноги,
«уа» и «ай-ай-ай»
ежедневно кричит он.
Мардук увидел его,
к Эа, отцу, в его дом
вошёл он и молвит:
«Отец мой, боль головная —
будто гора,
она недвижима;

боль головная,
как тёмная туча,
нашла на больного;
порыв недуга
подобно ветру
подул на него».
Эа ответил
сыну Мардуку:
«Сын мой, чего ты не знаешь,
чему я тебя научу?
Мардук, чего ты не знаешь,
чему я тебя научу?
Всё, что я знаю —
знаешь и ты.
Ступай, мой сын,
приблизься к больному,
шерсть безмужней[2] газели
возьми в свою руку;
мудрая баба
пусть спрядёт её справа,
пусть прибавит и слева;
дважды семь узелков
на ней завяжи ты,
слова Эриду
над нею скажи ты,
ею больному
и лоб повяжи ты,
ею больному
и шею повяжи ты,
душу[3] в гортани
ему повяжи ты,
руки и ноги
ему повяжи ты,
вкруг его ложа
её положи ты,
заклятую воду
над ней пролей ты, —
чтобы боль головная,

словно дым над жилищем,
улетела бы к небу,
чтоб она, как подонки[4],
пролитые на камень,
просочилась бы в землю».
Пусть слово Эа
его очистит,
пускай Дамкина
его направит.
О Мардук, первый сын Океана,
тебе и милость и слава.

Боль головная
человека постигла,
боль головная,
боль...
человека постигла;
боль головная,
как поток, пролилася,
боль головная
от восхода Шамаша
до заката Шамаша —
боль головная
стонет и воет;
из океана
земли обширной
малым потоком
текут её воды,
в большие реки
слились её воды.
О мудрый духом
сын Эриду!
Боль головная,
словно бык, устремилась,
боль головная
устремилась тревогой.
К отцу идёт он,

ему говорит он:
«Отче, боль головная
человека постигла,
обветшалой стеною
на него она пала.
Изреки мне веленье,
чтобы выгнал я немочь».
И своё повеленье
говорит ему Эа:
«Ступай, мой сын,
прогони завыванье
головного недуга.
Траву пастернак,
шегушу, иннициу
пусть седая старуха
смелет чистой рукою,
потом их вместе
смешай и смеси,
приложи к голове их
и умой её ими,
чтобы боль головная,
словно голуби к дому,
словно вороны в небо,
словно малые птицы,
улетела на волю.
В милосердные руки
своего божества
человек да вернётся.

Боль головная
связана в небе,
с земли удалилась.
У сильного мужа
отняла она силу,
женщине милой
не даёт она силы,
в теле больного

она утвердилась.
Иштар, без которой
нет покоя и счастья,
с горы спустилась.
К телу больного
она подходит,
человек этот плачет,
восклицает он: «уа!»
Кто исторгнет болезнь,
кто прогонит болезнь?
Иштар, дочь Сина,
Энкур, сын Эллиля,
Мардук, сын Эа,
от тела больного
её да отгонят.
Масло они принесли
из чистых загонов,
молоко они принесли
из чистого хлева;
над чистым маслом
из чистого хлева
прочти заклинанье,
человек, божий сын,
да помажется им,
человек этот пусть
будет светел, как масло,
пусть очистится он
белей молока,
пускай он заблещет
ясней серебра,
пускай просияет
он ярче меди.
Первому между богов —
Шамашу его поручи;
Шамаш, водитель богов,
милосердым рукам его бога
его да доверит.

Боль головная
вышла из ада,
вышла из дома
бога Эллиля;
гонит Ламашту
прочь от покоя,
сны омрачает,
ночью и днём
водит болезни;
голова её — демон,
а лицо её — хаос,
её облик подобен
помрачённому небу,
и весь вид её, словно
тени леса густые,
её руки ловушки,
её ноги...
жжёт она члены,
мучает тело,
слабых она,
гнёт, как тростник,
сильных она,
как быков, убивает,
быков убивает,
быков не щадит,
буйволов убивает,
не даёт им пощады,
козлов убивает,
истребляет рога их,
убивает козлов и газелей,
истребляет их семя,
убивает и скот полевой,
как безводное место,
обращает их в бегство.
Мардук увидел больного,
к Эа, отцу, в его дом
вошёл он и молвит:
«Отец мой, боль головная

вышла из ада».
(Дважды ему
он это молвит.)
«Тот человек —
что ему делать,
как он узнает,
чем он излечится?»
Эа ответил
сыну Мардуку:
«Сын мой, чего ты не знаешь,
чему я тебя научу?
Мардук, чего ты не знаешь,
чему я тебя научу?
Всё, что я знаю —
знаешь и ты.
Сын мой Мардук,
ступай к больному,
ведёрко из прутьев
возьми в свои руки,
в устье двух рек
воды набери ты,
над этой водою
прочти заклинанье,
святым своим словом
её очисти;
о этой водой окропи ты
человека, божьего сына,

повяжи ему лоб,
а наутро сними
и на улицу выброс,
чтобы боль головная,
от него отвязалась,
чтобы боль головная,
что, как дождик ночной,
на него упадала,
от него отошла».
Пусть слово Эа

его очистит,
Пускай Дамкина
его направит.
О Мардук, первый сын Океана,
тебе милость и слава.

Молитва при головной боли.

Таблица
«ЗЛАЯ ЗАРАЗА»

Злая зараза,
пламени жарче
жгущая землю,
к человеку как демон
подошедшая немочь,
веющая в пустыне,
словно ветер, зараза,
словно грех, человека
охватившая немочь,
словно боль, человеком
овладевшая немочь,
о, без рук и без ног
бродящая ночью,
ты, которая рубишь,
словно травы, больного,
ты, связавшая члены
и сломившая стойкость!
Ночью он на постели
не находит покоя,
его стан изогнулся,
его ноги разбиты,
его бог удалился
и далёко богиня.
Мардук увидел больного,
к Эа, отцу, в его дом
идёт он и молвит:
«Отче, злая зараза,
пламени жарче

жгущая землю,
к человеку как демон
подошедшая немочь
одолела больного».
Эа ответил
сыну Мардуку:
«Сын мой, чего ты не знаешь,
чему я тебя научу?
Мардук, чего ты не знаешь,
чему я тебя научу?
Всё, что я знаю —
знаешь и ты.
Сын мой Мардук,
ступай к больному,
глины достань
со дна океана,
сделай из глины
образ больного,
далеко от больного
положи его ночью,
на заре соверши ты
искупление тела,
к солнечному закату
обрати его ликом,
чтобы злая зараза,
что его угнетала,
от него отступилась».

Молитва над глиняным изображением тела.

(Вариант стихов 41—55.)

«Сын мой Мардук,
ступай к больному,
глины достань
со дна океана,
сделай из глины
образ больного,
шерстью белой козы,
шерстью чёрной козы

повяжи ему лоб,
положи этот образ
на болящее тело,
заклинание Эа
прочитай перед ним,
к солнечному закату
обрати его ликом,
чтобы демон схвативший,
от него отошел,
чтобы злая зараза,
что его угнетала,
от него отступилась».

Таблетка
«НЕДОБРЫЙ ДЕМОН»

Недобрый демон
засел в пустыне,
к людскому дому
он подступает,
недобрый гений
враждует вечно,
никто не может
ему быть равен,
недобрый призрак
укрылся в поле,
творит убийства
средь человеков,
недобрый дьявол
прокрался в город,
от убиванья
не отдыхает;
бьют они мужа,
повергают супругу,
слабых, как травы,
они разрывают,
сердце у сильных
они исторгают,

человека они
покрывают как бесы,
в его собственном доме
делают пленным,
человека в жилище
по пятам настигают;
человек опрокинут,
убегает в болота,
ног не может поднять он,
не владеет руками;
хлеба есть он не хочет,
воду пить не желает,
его члены ослабли,
плоть исполнена скорби.
Мардук увидел больного,
к Эа, отцу, в его дом
идёт он и молвит:
«Отче, злой демон
засел в пустыне».
Эа ответил
сыну Мардуку:
«Сын мой, чего ты не знаешь,
чему я тебя научу?
Мардук, чего ты не знаешь,
чему я тебя научу?
Всё, что я знаю,
знаешь и ты.
Сын мой Мардук,
ступай к больному,
горшок до края
налей водою,
маштакаль и *сухушшу*,
кипарис и *шалалу*,
и белого кедра
в него положи ты,
слова Эриду
над ним изреки ты,
заклятую воду

приготовь по обряду,
свою чистую клятву
совершенною сделай
и такою водою
окропи человека,
у его изголовья
листья *лиу* посыпь ты,
над больным человеком,
сыном своего бога,
соверши искупленье;
сделай из теста
образ больного,
на того человека
воды полей ты,
заклятую воду
прочь убери ты,
кадило и факел
прочь унеси ты;
и как эта вода
стечёт с его тела, —
так с его тела
да стекает зараза.
Эту воду в сосуд
собери ты обратно
и на улицу вылей,
чтобы злые болезни,
сокрушившие силу,
разошлись по дорогам,
чтобы злая слюна,
как вода, пролилася,
чтобы зло, что творилось
этой злою слюною,
обратилось к злодею.
Всемогущею силой
заклинания Эа
с губ, сказавших заклятье,
да спадут их оковы,
человек этот чистым,

убелённым да будет,
в милосердые руки
своего божества
возвращён он да будет».

Молитва над изображением из теста.

Таблица
«О ЗАКЛЯТЬЕ»

О заклятье, заклятье,
неизменная воля,
о веленье богов,
нерушимое слово,
власть небес и земли,
недоступная распрям.
Ни один из богов
её не нарушит,
перед нею бессильны
человеки и боги;
неизбежные сети,
что простёрты над злыми,
не имеющий выхода невод,
уготованный злым.
Злой дух, злой демон,
злой призрак, злой чёрт,
злой бог, злой бес,
злая Ламашту,
злые Лабацу,
злые Аххазу,
Лилу и Лилиту,
или малый Лилу[5],
или злая зараза,
или злые болезни
и недобрые скорби,
что собой замутили
Эа чистые воды, —
сеть, простёртая
Эа, их да покроет;

тех, что нарушили
грани Нисабы, —
невод Нисабы
их да уловит;
преступивших законы —
повеленье богов,
власть небес и земли
да не пустят на волю;
кто к великим богам
не чувствует страха —
великие боги
их да изловят,
великие боги
да заклянут их;
кто врывается в домы, —
тех они да посадят
в дом заключений;
кто поблизости бродит, —
тех они да отправят
в беспросветное место;
кто закрылся вратами, —
тех они да угонят
в безысходное место;
тех, кто приходит
сквозь дверь и засовы, —
дверьми и замками,
нерушимым запретом
они да закроют;
тех, кто веет, как ветер,
сквозь пороги и петли,
кто находит дорогу
через... и... —
да прольют их, как воду,
как горшок, расколотят,
разобьют, как...
кто пройдёт над оградой, —
тот да станет бескрылым,
кто разляжется в доме —

да проткнут ему горло;
кто подглядывать будет
в тёмном жилище —
да ударят его по лицу;
кто завоет в жилище —
да замкнут ему рот.

МОЛИТВА НАД ПОРОСЁНКОМ

Мардук увидел больного,
к Эа, отцу, в его дом
вошёл он и молвит:
«Отче, призрак недобрый
угнетает страну».
Эа ответил
сыну Мардуку:
«Сын мой, чего ты не знаешь,
чему я тебя научу?
Мардук, чего ты не знаешь,
чему я тебя научу?
Всё, что я знаю —
знаешь и ты.
Сын мой Мардук,
ступай к больному,
возьми поросёнка,
зарежь его;
положи его голову
в изголовье больного,
возьми его сердце,
положи его сердце
на сердце больного,
окропи его кровью
края постели,
у поросёнка
ноги отрежь ты
и держи над больным;
чистой водою из океана
того человека

омой и очисти,
кадило и факел
приблизь к больному;
дважды семь пирожков,
испечённых в золе,
положи ты потом
у закрытых дверей;
возьми поросёнка
вместо больного,
возьми его мясо
вместо плоти больного,
возьми его кровь
вместо крови больного,
отдай их злым духам;
сердце, что положил ты
на сердце больного,
вместо сердца больного
отдай злым духам;
поросёнок да будет
человеку заменой.
Злой дух, злой демон
да удалятся,
добрый дух, добрый демон
да станут близко».

Молитва над поросёнком.

МОЛИТВА НАД КОЗЛЁНКОМ

Болезнь поселилась
в человеческом теле,
человека больного
покрывает, как платье,
руки и ноги
ему связала,
жжёт ему члены.
Эа великий,
господин заклинаний,
взамен его жизни

даёт козлёнка,
заклинателю молвит:
«Этот козлёнок —
человеку заменой,
за свою душу
да отдаст он козлёнка;
за главу человека —
голова козлёнка,
за шею человека —
шея козлёнка,
за грудь человека —
грудь козлёнка.
По речению уст,
по велению Эа
слова Эриду
неизменны да будут».

МОЛИТВА НАД ТРОСТЬЮ — ЗАМЕНОЙ ЧЕЛОВЕКА

К рукам больного
они приступили,
тело больного
они поразили,
в жилище больного
они проникли,
члены больного
они разметали,
разум больного
они помутили,
тело больного
они помрачили,
человек заболевший
горько страдает.
Мардук увидал больного,
к Эа, отцу, в его дом
вошёл он и молвит:
«Отче...
. . . . . .»

Эа ответил
сыну Мардуку:
«Сын мой, чего ты не знаешь,
чему я тебя научу?
Мардук, чего ты не знаешь,
чему я тебя научу?
Всё, что я знаю —
знаешь и ты.
Сын мой Мардук,
ступай к больному,
чистую трость
возьми с собой,
этою тростью
измерь больного;
заклинание Эа
прочитай над больным,
искупи человека,
сына своего бога;
преломи эту трость
над его головой,
эта трость человеку
да послужит заменой.
Злой дух, злой демон
да удалятся,
добрый дух, добрый демон
да станут близко».

Молитва над тростью — заменой человека.

МОЛИТВЫ ИШТАР О БОЛЬНОМ

Заклинание. Иштар высокая,
матерь богов[1],
предержащая судьбы,
живущая в храмах[2],

Иштар почтенная,
слава Игигов,
хранительница людей,
ведущая царства,
Иннинна-владычица,
ты могуча,
ты, дающая...[3]
великим богам,
необоримая в битве,
страх супостатов!
Пусть бес[4] без тебя
не подходит к больному,
заклятье и чара
пусть его[5] не постигнут.
Я, NN, сын NN,
чей бог NN, чья богиня NN,
горько я воздыхаю
и гляжу на тебя:
Иштар, царица людей,
жизнь изреки мне!
Своей горнею волей,
неизменной вовеки,
своей милостью правой,
навсегда нерушимой,
злого врага,
творящего злое,
что связался со мной
и к злу меня гонит,
вырви сегодня
прочь из меня,
своему гневному сердцу
верни покой!

Трижды прочесть перед Иштар
и трижды затем повторить.

---

[1] Заклинание. Ты, богиня Иштар,
твой любовник Таммуз,

дочерь смелая Сина,
обходящая землю[6]!
Любишь ты все созданья,
всех бессчётных людей!
Я дарю тебе дар твой великий,
амулет из лазури,
изукрашенный золотом,
знак твоего божества:
перед супругом[7] Таммузом
заступись за меня!
Таммуз, твой супруг,
да унесёт моё горе,
и ты, госпожа,
унеси моё горе!

Трижды прочесть перед Иштар
и сказать перед Таммузом так:

Ты, владыка Таммуз,
пастырь Ану, сын Эа,
любимец супруги Иштар,
облачённый в козьи меха,
опоясанный поясом,
держащий посох,
умножающий семя телиц,
владыка хлебов,
вкушающий чистые
печенья печей,
пьющий святую
воду колодца!
Я, NN, сын NN,
чей бог NN, чья богиня NN,
обратился к тебе и нашёл тебя!
Злого врага,
творящего злое,
что связался со мной
и к злу меня гонит,
злого врага,
творящего злое,

сильному Хумбе[8],
непокорному бесу,
его передай,
оторви от меня!
Жизненный дар
подари мне в подарок,
оторви его прочь,
прогони его вон!
Я, NN, сын NN,
чей бог NN, чья богиня NN,
раб твой, пусть буду жив,
пусть с тобой преуспею,
пусть во все мои дни
буду видеть тебя,
воздавать тебе славу,
исполнять твою волю!

Трижды прочесть перед Таммузом.

Когда ты свершаешь свой путь, —
пережди супостата,
пусть идёт впереди;
когда ты переходишь
через реку Хабур, —
закляни его Эа,
чтобы он не вернулся;
когда ты проходишь полем, —
закляни его долом,
чтобы он не вернулся;
когда ты гонишь свой скот, —
пусть бежит за ним скот
по всей долине.
Спаси больного,
чтоб он зрел тебя, боже,
чтобы пел тебе славу
перед всеми людьми!

Трижды прочесть перед Таммузом.

Больной войдёт в свою спальню

и громко застонет;
он закроет лицо,
обратившись к ногам постели[9];
семью ветвями волчца
семь раз его окропи;
и, когда ты его окропишь,
пусть он поклонится сам
и так пусть скажет:
«Иштар благая
да будет с тобою».
Из спальни пусть он уйдёт
и оденется в траур.
Он ударит в ладони,
повернётся семь раз направо,
семь раз налево.
Он преклонит с плачем колени
и помолится так:
«Иштар, я склоняю колени
там, где люди твои тебя молят!
Злого врага,
творящего злое,
гнетущего в теле моём
моё мясо и жилы,
того, кто связался со мной
и к злу меня гонит, —
вырви сегодня
прочь из меня,
своему гневному сердцу
верни покой!»

Семь раз пусть он это скажет.

МОЛИТВЫ К МАРДУКУ

I

Мощный Мардук, чья ярость — потоп,
Чья милость — отец милосердный!
Я кричу — и никто не слышит,
Я зову — и нет мне ответа.
Отнята у меня моя сила, я согнулся будто старик, —
Великий владыка Мардук, бог милосердный,
Изо всех людей, сколько есть их,
Кто достиг понимания сам,
Кто не знал искушенья, кто не знал прегрешений,
А божественный путь — кому он открыт?
Я хочу быть правдивым, поступать без лукавства,
О святилищах жизни я хочу помышлять.
Я пред тобою грех содеял,
Божьи грани я преступил.
Грех, который я знаю-не знаю, — о нём ты забудешь,
Сердцем своим не гневися, грех прости и вину отпусти,
Просвети мои заблужденья, исправь мои прегрешенья,
Грех отца или деда, матери или бабки,
Всей семьи, всех родных или близких, —
Пусть меня не коснётся, пусть постигнет других.
Говоришь ты мне, боже, — я очищен иссопом,
В руки моего бога передай мою скорбь.
В преклоненье, мольбе и прошенье пред тобой да стою я вовеки,
Всё обширное племя земное тебя да почтит.
Грех мой прости, вину отпусти мне,
Мощный Мардук, грех мой прости, вину отпусти мне,
Великая царица Эруа, грех мой прости,
Доброе имя, Набу, грех мой прости,
Великая царица Ташмет, грех мой прости,
Мощный Нергал, грех мой прости,
Боги, живущие в небе, грех мой простите!
Грех мой великий, что я сделал ребёнком, —
Уничтожь и семь раз прости!
Твоё сердце, *боже*, как отец мой родимый,

Как родимая матерь, да утихнет опять!
Мощный Мардук, тебе я покорен!

II

Царь великий страны, владыка земель,
Первенец Эа, могучий на небе и на земле,
Мардук, царь великий страны, владыка земель, бог богов,
Вождь небес и земли, не имеющий равных,
Товарищ Ану и Эа, милосердый между богов!
Милосердый, ты любишь воскрешение мертвых[1],
О, Мардук, царь небес и земли,
Царь Вавилона, господь Эсагилы,
Царь Эзиды, господь Эмахтилы,
Небеса и земля — твои,
В небесах, на земле всё твоё,
Заклинание жизни твоё,
Дуновение жизни твоё,
Заклинание моря твоё,
Человечество, тёмные люди,
Все созданья, сколько их есть на земле,
Все страны, сколько их есть,
Все Игиги земли и неба, сколько их есть, —
К тебе направлен их дух.
Ты — их бог,
Ты — их хранитель,
Ты — жизнедавец,
Ты — их спаситель,
Милосердый между богов.
Я изреку твоё имя, я возглашу твою славу,
Между богов я твоё имя прославлю,
Буду покорен тебе.
Хворь от больного пусть отвратится!

III

Защита страны, щадящий племя людское,
Охранитель всех алтарей,
Благостно имя твоё в устах человеков, —

О, великий владыка Мардук, по твоему слову да воскреснет
моя душа!
Чего хочу я — да будет!
Вложи в уста мои правду, посели в моём сердце милость.
Мои стены и дом мой да приветят меня;
Мой бог одесную да станет,
Богиня слева да станет,
Бог хранитель да будет постоянно со мной!
Подари моей речи пониманье и милость,
Если что я промолвлю — пусть и сбудется так;
Мардук, великий владыка, жизнь подари мне,
Жизнь души моей изреки.
В свете я пред тобою да служу неустанно,
Бел тебе да ликует, Эа пусть веселит[2],
Пусть тебя славословят боги вселенной,
Великие боги да ублажат твой дух!

IV

Твоего нападенья кто избежал бы?
Ты простёр над землёю и небом своё слово, как горнюю сеть;
На пучину она упадает — и пучина бушует,
На тростник она упадает — и тростник шелестит.
На Евфратовы волны она упадает —
И слово Мардука возмущает глубины.
Господи, ты высок, кто тебе равен,
Мардук, меж богов, сколько есть их, всех ты сильней,
Между родными богами ты превосходен!

(Остальное отбито.)

V

Мощный герой, сын Эа, прославленный, властный,
Слава небес и земли, назначающий судьбы,
Владыка Мардук, великий станом,
Между великих богов огромнейший, Туту.
Мощная Царпанит, царица, жена Сердцеведца,
Владыка, царственный Бел, великий рассудком!
Война и сраженье — в руке воеводы богов Мардука;

При его нападеньи потрясается небо,
Пред лицом его гнева возмущается море,
Перед острым его мечом отпрянули боги,
Гневно он наступает, разве кто устоит?
Страшный владыка, в сонме великих богов нет ему равных,
Между горящих светил путь его ясен,
В храме, жилище святом, высоко его слово;
Посреди урагана меч его блещет,
Его свет сожигает неприступные горы.
Он утишает волненье бурного моря,
Имя его — сын Эшарры, прозвище — вождь богов,
Он и в пучине — владыка над земными богами,
Перед яростным луком его небеса застывают.

VI

Мардук, владыка земель, ужасный и страшный,
Осиянный и светлый, совершенный владыка,
Славный, высокий, чьи слова неизменны,
Сильный, премудрый, вождь богов и людей,
Мардук, прославленный, мощный, высокий саном,
Крепкий, могучий,
Наводненье для непокорных, чей натиск страшен,
Сын Дулькуга чудесный, присуждающий судьбы,
Сын Лугаль-дулькуга, пред кем гнутся великие боги!
Мардук, господин сновидений, обращающий знаменья к благу,
Мардук, господин изобилий, проливающий дождь урожаев,
Господин морей и потоков, властелин над горами,
Отверзающий токи и струи, направляющий реки,
Властелин полей и скота, рождающий зёрна и травы,
обновляющий зелень,
Хлеб богов и богинь создаёшь, между них ты создатель,
Властелин Ануннаков, повелитель Игигов,
Мудрый, первенец Эа, отче всех человеков!
Ты, как мать и отец, человекам владыка,
Ты, как солнечный свет, освещаешь их мрак,
Беспокойных и злобных как день ты сражаешь...

(Разбито двадцать строк.)

Моя сила исчезла, злодеяньем людским связан я и бичуем,
Гнев богов и людей — на мне, страшны мои сны, ужасны виденья,
Мои знаменья все извратились, нет мне благого суда.
Господи, днесь восстань, услышь мои крики,
Рассуди мне мой суд, сотвори мне по правде,
Боль моей головы уничтожь, прекрати тоску моей плоти!
Бог мой, богиня, о люди, смилуйтесь надо мною,
Слово твоё да прогонит дела колдуна и колдуньи,
Чары, волшбу, волхвованье, всякую злобу людскую,
Страшные сны и злые знаменья горé и долу.
Злые знаменья града родного пусть не коснутся меня,
От злоязычья людского пред тобою да буду я цел,
Травы на шее моей да отгонят всякую злобу,
Злое проклятье и чару пусть на других перебросят.
Свет мой да светит, как алебастр, пусть не знаю я горя,
Жизнь моя пред тобою, — будь дороже лазури, да подастся мне милость,
Словно как золото, боже мой и богиня, здрав я да буду,
Пусть меня люди добром поминают,
Словно в корзине, они пусть унесут мои беды,
Злая недобрая чара, — будь от меня далёка!
Семя моё и потомство будь велико пред тобою,
Травы твои и елей пусть уничтожат мой грех,
Пусть не постигнут меня ни гнев, ни божия ярость,
От нечестья, скверны, греха да очистит слово заклятья,
Воздеяние рук, имя великих богов!
Мощным словом своим жизнь изреки мне!
Пусть я, как небо, омоюсь от злых волхвований,
Пусть, как земля, я очищусь от недоброй волшбы,
Пусть просияю, как небо, пусть разорвутся оковы!
Тамариск да очистит меня, мандрагора омоет, Хамхур разрешит мой грех,
Купель Мардука уделит мне милость,
Да очистят меня огни факелов светлого Гирры!
По слову Эа, царя Океана,
Отца богов с благостным взором,
Воздеянием рук моих да уймётся твой гнев!

О Мардук, жрец великих богов, предводитель Игигов,
Слово Эа буду я чтить, почитать царицу Дамкину.
Я, слуга твой и сын, пусть буду жив и здоров,
Чтобы я чтил тебя, боже, чтобы тебе покорялся!

ИЗ РИТУАЛА ДЛЯ ЗАКЛИНАТЕЛЕЙ

Таблетка
«ОВЦУ ЗАКОЛИ»[1]

Овцу заколи
и очисти царя.
После того
чистым обрядом
очисти царя
и, когда ты окончишь
обряд очищенья,
прочь за врата
унеси нечистоты.
После того
горящей лампадой,
зажжённым факелом,
«живым бараном»,
«крепкой медью»,
«кожей быка»
и семенами
очисти дворец.
Пусть заклинатель
елеем Нинурты
помажет в доме
мужчин и женщин,
пускай смешает
масло и мёд
и помажется сам,

пускай наденет
красное платье,
пускай облачится
в красные ризы;
семь алтарей
на дворцовом дворе
ты утверди,
хлебы *ку-саг*,
царские хлебы,
короткие хлебы,
длинные хлебы
на них положи,
финики...
...и муку
над ними просыпь,
мёд и елей,
масло и молоко,
и пиво поставь,
масло, лучший елей,
благовонный елей
на них поставь,
семь курильниц
на них поставь,
семь каменных чаш
наполни вином
и поставь на них...

(Лакуна в 40 строк.)

...овцу заколи
и очисти царя.
После того
чистым обрядом
очисти царя
и, когда ты окончишь
обряд очищенья,
прочь за врата
унеси нечистоты.
После того

горящей лампадой,
зажжённым факелом,
«живым бараном»,
«крепкой медью»,
«кожей быка»
и семенами
очисти дворец;
пускай заклинатель
елеем Нинурты
помажет в доме
мужчин и женщин,
пускай смешает
масло и мёд
и помажется сам,
пускай наденет
красное платье,
пускай облечётся
в красные ризы;
семь алтарей
на дворцовом дворе
ты утверди,
хлебы *ку-саг*,
царские хлебы,
короткие хлебы,
длинные хлебы,
на них положи,
финики...
...и муку
над ними просыпь,
мёд и елей,
масло и молоко,
и пиво поставь,
масло, лучший елей
благовонный елей
на них поставь,
семь курильниц
на них поставь,
семь каменных чаш

наполни вином
и поставь на них,
семь каменных
чаш наполни сикерой,
поставь на них,
кипарис и *куркур*
потом просыпь,
на семь курильниц
вино возлей
и сожги всесожженье,
правую ногу,
мясо *хинса*,
мясо *шуме*
ты принеси,
вино возлей
и сикеру возлей,
и семь холмов
насыпь из муки.
Заклинатель пусть станет
позади алтарей,
перед алтарями:
«Высокая буря,
над полями идёшь ты», —
пусть он прочтёт,
смесь из мёда и масла
на четыре ветра
пусть расплеснёт.

Перед Ану
поставь курильницу
со смолой кипариса,
вино возлей
и трижды прочти:
«. . . . . .»
Перед Анту
поставь курильницу
со смолой кипариса,

вино возлей
и трижды прочти:
«Высокая Анту,
царица богинь».
Перед Эллилем
поставь курильницу
со смолой кипариса,
вино возлей
и трижды прочти:
«Высокий Эллиль,
властитель Игигов».
Перед Нинлиль
поставь курильницу
со смолой кипариса,
вино возлей
и трижды прочти:
«Царица цариц,
богиня богинь».
Перед Эа
поставь курильницу
со смолой кипариса,
вино возлей
и трижды прочти:
«Владыка премудрости,
создатель рассудка».
Перед Дамкиной
поставь курильницу
со смолой кипариса,
вино возлей
и трижды прочти:
«Дамкина высокая,
царица богов».
Перед Нинуртой
поставь курильницу
со смолой кипариса,
вино возлей
и трижды прочти:
«Мощный Нинурта,

первенец Бела».
Перед Гулой
поставь курильницу
со смолой кипариса,
вино возлей
и трижды прочти:
«Высокая владычица Гула,
живущая в небе Ану».
Перед Сином
поставь курильницу
со смолой кипариса,
вино возлей
и трижды прочти:
«Боже Син,
сияющий месяц».
Перед Иштар
поставь курильницу
со смолой кипариса,
вино возлей
и трижды прочти:
«Героиня Иштар,
ужас богинь».
Перед Набу
поставь курильницу
со смолой кипариса,
вино возлей
и трижды прочти:
«Боже Набу,
могучий, славный».
Перед Ташмет
поставь курильницу
со смолой кипариса,
вино возлей
и трижды прочти:
«Царица мира,
богиня богинь».
Перед Нуску
поставь курильницу

со смолой кипариса,
вино возлей
и трижды прочти:
«Владыка, правитель
всех человеков
и всяческой твари».
Перед «семью богами»
поставь курильницу
со смолой кипариса,
вино возлей
и трижды прочти:
«Светлые звезды,
великие боги»[2].
Перед звездой Орионом
поставь курильницу
со смолой кипариса,
вино возлей
и трижды прочти:
«Орион, светлый бог,
создатель...»
Перед звездой...
поставь курильницу
со смолой кипариса,
вино возлей
и трижды прочти:

(Две строки разбиты.)

Перед Эрешкигаль
поставь курильницу
со смолой кипариса,
вино возлей
и трижды прочти:
«Владычица Эрешкигаль,
царица Экура»[3].

Заклинание. «Вашею рукою
я расстилаю

красный платок,
пёстрым шнурком
я обвожу
круг около вас,
эру и пальму
кладу в него,
завершаю узор,
толчёным гипсом
вас обвожу,
солодовым зерном,
страшным заклятьем
великих богов
вас обвожу,
о семеро гневных,
имеющих крылья,
кумир Нергала
я ставлю над вами,
Нуску над вами
на жаровню я ставлю
и два кумира
богов-близнецов,
совершенных обличьем,
тех, что повергли
злобных чертей,
в головах у больного
справа и слева
я ставлю,
кумир Лугальгирры,
кому нет равных,
у двери дома
я ставлю,
кумир Мардука,
кому нет равных,
кумир Наруду,
сестры великих богов,
в ногах у кровати
я ставлю;
чтобы не подошла

никакая нечисть,
...и Латарака
я поставил в дверях,
чтобы всякая нечисть
была прогнана прочь,
я поставил лампаду
против дверей,
страшных богов-близнецов
из гипса
изобразил я
под воротами,
страшных богов-близнецов
из асфальта
на пороге ворот
справа и слева
установил я,
кумиры стражей —
Мардука и Эа
под воротами
справа и слева
установил я».
Это — заклинание Мардука,
заклинатель читает
его перед кумиром Мардука.
Над NN,
сыном NN,
чей бог NN,
чья богиня NN,
у которого в теле
объявилась болезнь,
читай заклинанье
на закате и на восходе.
Вы же, рождение моря,
светлые дети Эа,
ешьте хорошее,
пейте сладкое,
пусть к вашей страже
не приблизится нечисть.

После того
как ты это скажешь
над семью кумирами,
имеющими крылья,
среди которых стоит
кумир Нергала,
над семью кумирами
семи богов,
несущих мечи,
промолви так:

«Поразившие злого Рабицу,
жизнедавцы, могучие,
отвратившие грудь супостата,
хранители воли Эллиля —
Гибиль[4], огонь,
сразитель врага,
меч, отражающий
злую заразу,
могучий Гибиль,
светящий людям,
и семь богов,
сразивших злобных».

ИЗ РИТУАЛА ДЛЯ ПРОРИЦАТЕЛЕЙ

Таблетка
«НА ВОСХОДЕ СОЛНЦА»

[1] На восходе солнца
приготовишь ты жертву
и прольёшь священную воду;
одну курильницу ты

поставь на востоке
перед Мардуком,
другую курильницу ты
поставь на востоке
перед богом человека,
третью курильницу ты
поставь на востоке
перед богиней человека,
стол за курильницей
перед Мардуком
после поставь,
четыре сосуда с вином
поставь на него,
трижды двенадцать
пшеничных хлебов
положи на него,
смесь замеси
из мёда и масла
и солью посыпь;
стол за курильницей
перед богом человека
после поставь,
четыре сосуда с вином
поставь на него,
трижды двенадцать
пшеничных хлебов
положи на него,
смесь замеси
из мёда и масла
и солью посыпь;
стол перед курильницей
перед богиней человека
после поставь,
четыре сосуда с вином
поставь на него,
трижды двенадцать
пшеничных хлебов
положи на него,

смесь замеси
из мёда и масла
и солью посыпь;
над первой курильницей
перед Мардуком
просыпь куренья,
руку возьми
приносящего жертву
и так промолви:
«Слуга твой NN
на восходе солнца
жертву да принесёт,
да поднимет кедровый посох,
да встанет перед Шамашем;
тебе, о боже великий,
он да будет приятен
ради этой овцы,
у которой всё мясо
не имеет пороков,
у которой весь облик
не имеет пороков».
После того
принеси всесожженье,
пусть он держит овцу,
а ты возлей возлиянья
и сделай шаг к закланной овце.
Над второй курильницей
перед богом человека
просыпь куренья,
руку возьми приносящего жертву
и так промолви:
«Слуга твой NN
на восходе солнца
жертву да принесёт,
да поднимет кедровый посох,
да встанет перед Шамашем,
тебе, о боже великий,
он да будет приятен

ради этой овцы,
которой всё мясо
не имеет пороков,
у которой весь облик
не имеет пороков».
После этого
принеси всесожженье,
пусть он держит овцу,
а ты возлей возлиянья
и сделай шаг
к закланной овце;
над третьей курильницей
перед богиней человека
просыпь куренья,
руку возьми
приносящего жертву
и так промолви:
«Слуга твой NN
на восходе солнца
жертву да принесёт,
да поднимет кедровый посох,
да встанет перед Шамашем,
тебе, о боже великий,
он да будет приятен
ради этой овцы,
у которой всё мясо
не имеет пороков,
у которой весь облик
не имеет пороков».
После того
принеси всесожженье,
пусть он держит овцу,
а ты возлей возлиянья
и сделай шаг
к закланной овце.
Правую ногу,
мясо *хинса*
и мясо *шуме*

вымой в сосуде
и солью посыпь,
на стол положи
перед Мардуком,
куренья зажги
и к этой курильнице
шагни один раз.
Правую ногу,
мясо *хинса*
и мясо *шуме*
вымой в сосуде
и солью посыпь,
на стол положи
перед богом человека,
куренья зажги
и к этой курильнице
шагни один раз.
Правую ногу,
мясо *хинса*
и мясо *шуме*
вымой в сосуде
и солью посыпь,
на стол положи
перед богиней человека,
куренья зажги
и к этой курильнице
шагни один раз.
Приносящий жертву
поднимет руку,
скажет молитву
и склонится ниц,
откроет стол
перед богиней,
вино, что стоит
на столе, прольёт,
загасит курильницу
и склонится ниц.
Приносящий жертву

поднимет руку,
скажет молитву
и склонится ниц,
откроет стол
перед своим богом,
вино, что стоит
на столе, прольёт,
загасит курильницу
и склонится ниц.
Приносящий жертву
поднимет руку,
скажет молитву
и склонится ниц,
откроет стол
перед Мардуком,
вино, что стоит
на столе, прольёт,
загасит курильницу
и склонится ниц.
Соверши возлиянье,
поставь сосуд,
ниц преклонись
и встань на колени;
когда край неба
подёрнется мраком,
принеси три стола,
накрой их,
словно для Ану,
Эллиля и Эа;
средний стол —
для Шамаша и Адада,
владык прорицаний;
левый стол —
для владычицы Айи,
его любимой жены;
правый стол —
для Бунене,
посла Шамаша и Айи.

Четырёх чистых
козлят заколи:
двух для Шамаша и Адада,
одного для владычицы Айи,
его любимой жены,
одного для Бунене,
посла Шамаша и Айи.
Правую ногу,
мясо *хинса*,
мясо *шуме*
и мясо *сильку*
ты принеси,
на три курильницы
просыпь кипарис,
кедр и муку,
возлей вино
и ниц преклонись.
Печень козлёнка
на среднем столе
Шамаша и Адада
ты осмотри:
если мясо
того козлёнка
будет непорочным, —
богу человека
овцу заколи
и возлей возлиянье,
и слова от жертвы скажи:
«О Шамаш и Адад,
великие боги!»
Пусть прорицатель
поставит блюда,
без даров и подарков
да не приблизится
муж-прорицатель
к месту суда.
Кедровый посох
да не поднимет,

чтобы не скрыли
тайного слова.
Гадатель по маслу
и прорицатель
кедровые посохи
затем да поднимут,
воды да вольют в елей;
если первая печень
будет непорочна,
если вторая печень
будет непорочна,
если третья печень
будет непорочна,
пусть прорицатель
пред Шамашем и Ададом
тогда воссядет
на кресло суда,
пусть судит он суд
истинной правды:
Шамаш и Адад,
великие боги,
господа прорицаний,
владыки решений,
предстанут ему,
рассудят ему его суд,
ответят по правде.
Перед восходом
жертву Шамашу
ты приготовь;
одну курильницу
перед Шамашем
поставь,
одну курильницу
перед Ададом
поставь,
одну курильницу
перед Мардуком
поставь,

одну курильницу
перед Айей
поставь,
одну курильницу
перед Бунене
поставь,
одну курильницу
перед Китту
поставь,
одну курильницу
перед Мишару
поставь,
одну курильницу
перед богом человека
поставь.
Жертвенный столик
сзади курильницы
перед Шамашем
ты приготовь,
четыре сосуда с вином
поставь на него,
трижды двенадцать
пшеничных хлебов
положи на него,
смесь замеси
мёда и масла
и солью посыпь;
жертвенный столик
сзади курильницы
перед Ададом
ты приготовь,
жертвенный столик
сзади курильницы
перед Мардуком
ты приготовь,
жертвенный столик
сзади курильницы
перед Айей

ты приготовь,
жертвенный столик
сзади курильницы
перед Бунене
ты приготовь,
жертвенный столик
сзади курильницы
перед Китту
ты приготовь,
жертвенный столик
сзади курильницы
перед Мишару
ты приготовь,
жертвенный столик
сзади курильницы
перед богом человека
ты приготовь,
над курильницей
перед Шамашем
просыпь куренья,
руку возьми
приносящего жертву
и так промолви:
«Слуга твой NN
на восходе солнца
жертву да принесёт,
да поднимет кедровый посох,
да встанет перед Шамашем;
тебе, о боже великий,
он да будет приятен
ради этой овцы,
у которой всё мясо
не имеет пороков,
у которой весь облик
не имеет пороков».
После этого
принеси всесожженье:
пусть он держит овцу,

ты возлей возлиянье
и сделай шаг
к заклятой овце;
над второй курильницей,
перед Ададом,
куренья просыпь
и сделай то же;
над третьей курильницей,
перед Мардуком,
куренья просыпь
и сделай то же;
над четвертой курильницей,
перед Айей,
куренья просыпь
и сделай то же;
над пятой курильницей,
перед Бунене,
куренья просыпь
и сделай то же;
над шестой курильницей,
перед Китту,
куренья просыпь
и сделай то же;
над седьмой курильницей,
перед Мишару,
куренья просыпь
и сделай то же;
над восьмой курильницей,
перед богом человека,
куренья просыпь
и сделай то же;
правую ногу,
мясо *хинса*
и мясо *шуме*
вымой в сосуде,
положи перед Шамашем,
зажги куренья
и к этой курильнице

шагни один шаг;
правую ногу,
мясо *хинса*,
мясо *шуме*
вымой в сосуде,
положи перед Ададом,
зажги куренья
и к этой курильнице
шагни один шаг;
правую ногу,
мясо *хинса*,
мясо *шуме*
вымой в сосуде,
положи перед Мардуком,
зажги куренья
и к этой курильнице
шагни один шаг;
правую ногу,
мясо *хинса*,
мясо *шуме*
вымой в сосуде,
положи перед Айей,
зажги куренья
и к этой курильнице
шагни один шаг;
правую ногу,
мясо *хинса*,
мясо *шуме*
вымой в сосуде,
положи перед Китту,
зажги куренья
и к этой курильнице
шагни один раз;
правую ногу,
мясо *хинса*,
мясо *шуме*
вымой в сосуде,
положи перед Мишару,

зажги куренья
и к этой курильнице
шагни один шаг;
правую ногу,
мясо *хинса*,
мясо *шуме*
вымой в сосуде,
положи перед богом человека,
зажги куренья
и к этой курильнице
шагни один раз.
Приносящий жертву
поднимет руку,
скажет молитву
и склонится ниц,
откроет стол
перед своим богом,
четыре сосуда
вина со стола
прольёт перед курильницей,
загасит курильницу,
преклонится ниц
и склонит колени;
приносящий жертву
поднимет руку,
скажет молитву
и склонится ниц,
откроет стол
перед Мишару,
четыре сосуда
вина со стола
прольёт перед курильницей,
загасит курильницу,
преклонится ниц
и склонит колени;
приносящий жертву
поднимет руку,
скажет молитву

и склонится ниц,
откроет стол
перед Китту,
четыре сосуда
вина со стола
прольёт перед курильницей,
загасит курильницу,
преклонится ниц
и склонит колени;
приносящий жертву
поднимет руку,
скажет молитву
и склонится ниц,
откроет стол
перед Бунене,
четыре сосуда
со стола
прольёт пред курильницей,
загасит курильницу,
преклонится ниц
и склонит колени;
приносящий жертву
поднимет руку,
скажет молитву
и склонится ниц,
откроет стол
перед Айей,
четыре сосуда вина
со стола прольёт
пред курильницей,
загасит курильницу,
преклонится ниц
и склонит колени;
приносящий жертву
поднимет руку,
скажет молитву
и склонится ниц,
откроет стол

перед Мардуком,
четыре сосуда вина
со стола прольёт
перед курильницей,
загасит курильницу,
преклонится ниц
и склонит колени;
приносящий жертву
поднимет руку,
скажет молитву
и склонится ниц,
откроет стол
перед Ададом,
четыре сосуда
вина со стола
прольёт пред курильницей,
загасит курильницу,
преклонится ниц
и склонит колени;
приносящий жертву,
поднимет руку,
скажет молитву
и склонится ниц,
откроет стол
перед Шамашем,
четыре сосуда
вина со стола
прольёт пред курильницей,
загасит курильницу,
преклонится ниц
и склонит колени.

Когда прорицатель
к прорицанью грядущего
и... законов
для государя
склонит свой лик, —

пусть рано утром,
до восхода солнца,
прорицатель омоется
из святого сосуда,
пусть он бросит в елей
растение *шиши*
и помажется им,
пусть он наденет
чистое платье,
пусть очистит себя
травою *туллаль*
и тамариском,
пусть положит он кедр
в свои уста,
пусть прикусит он колос
своими устами,
пусть он нанижет
камни *ан-гуг*
на красную шерсть,
камни *шу-шар*,
шубу и *па*
пусть он нанижет
на кручёную нить
и наденет на шею.
На речном берегу
речную пену
пусть он воскурит
на священном огне,
пусть сожжёт всесожженье
и предскажет грядущее;
при его приговоре
Шамаш и Адад
встанут благостно рядом.
Очищенье и жертву
пусть он закончит,
камни *шубу* и *па*
и камни *ан-гуг*
пусть он развяжет,

хлеб и колосья
из своих уст
ногой по земле
пусть разотрёт он,
пусть он станет на это,
и, много иль мало,
пусть в своём сердце
скажет Шамашу.

Обряд очищенья,
чтобы увидеть
славу прорицаний,
чтобы стяжать
высокое имя.

Когда прорицатель
прорицает грядущее,
пусть он умоется
в священном сосуде,
пускай согрешивший
возьмёт в уста
и положит на платье
кедровые хвои,
справа от прорицателя
пусть он склонится ниц
и так да промолвит:
«О боже Шамаш,
рассуди мне мой суд».
Пока прорицатель
стоит, прорицая,
от согрешившего
отходит гонитель.
Пусть прорицатель
помажет елеем
из священной чаши
свои глаза,
пусть он из кедра
сделает...
и пусть наденет
себе на шею,

пусть тамариском
он прикоснётся
к своим ушам,
жертву пусть принесёт
и богу Шамашу
так да промолвит:
«Увидь этот грех,
увидь...»
Над содеявшим грех
трижды он это скажет
и преклонится ниц.

Обряд очищения
для прорицателя.

Таблетка
«ЕСЛИ ЗНАМЕНЬЯ» (К.2519)

Если знаменья
у прорицателя
несовершенны
или темны,
значит, — нечистым
он подошёл.
Когда говорит он
на «божьем месте»
и ему божество
не дает ответа, —
пусть совершит он
омовение уст
и отверзание уст;
пусть прорицатель
омоет себя
из святого сосуда,
на месте суда,
сокровенном месте,
куда и нога
людская не ступит,

пусть он поставит
сосуд прорицаний
и пусть совершит
воздеяние рук.

Боже Шамаш,
владыка суда,
Боже Адад,
господин прорицаний,
я посвящаю,
я приношу вам
чистый отпрыск газели,
малютку газели,
чьи очи серы,
чья морда...
Её родила
мать её в чаще,
роща над нею
добрую тень
свою простирала;
роща её
как отец возрастила,
поле её
как мать возрастило;
увидал её
смелый Адад,
у края земли
пролил он тучу:
восходит зелень,
растёт урожай,
поспевает семя
в пищу скоту;
траву и злаки
ест она (газель) в поле,
пьёт она воду
из чистых потоков,
рада она
бегать на воле,

ещё не знает
она козлёнка.
Её даю вам,
Шамаш и Адад,
придите ко мне.
В моей молитве,
в воздеянии рук,
во всём, что творю я,
о чём молюсь я,
да будет правда.

Молитва над маленькой газелью.

Боже Шамаш,
владыка суда,
боже Адад,
господин прорицаний,
я посвящаю, я приношу вам
чистый отпрыск овцы,
малютку овцы;
она родилась
средь чистого стада,
средь стада Гирры[5].

ПРОРИЦАНИЯ

Таблетка

«ЕСЛИ РЫЖИЕ» (К.74)

Если рыжие и чёрные муравьи
появятся в доме человека, —
жена человека или
хозяин дома умрёт.
Если чёрные муравьи
появятся в доме человека, —

хозяин дома погибнет,
сбор и дорога.
[9] Если крылатые чёрные муравьи
появятся в доме человека, —
этот дом распадётся,
сын в нём умрёт.
[13] Если малые чёрные муравьи,
имеющие крылья,
появятся в доме человека, —
сын человека умрёт.
[17] Если рыжие и чёрные муравьи,
имеющие крылья,
появятся в доме человека, —
жена человека умрёт,
его дом разорится.
[22] Если пёстрые чёрные муравьи
появятся в доме человека, —
хозяин дома умрёт.
[25] Если чёрно-жёлтые муравьи
появятся в доме человека, —
случится несчастье,
дом этот будет разрушен.
[29] Если белые муравьи
появятся в доме человека, —
дом этот будет разрушен
и распадётся.
[33] Если большие белые муравьи,
имеющие крылья,
появятся в доме человека, —
этот дом разорится.
[37] Если белые и рыжие муравьи
появятся в доме человека, —
дом этот будет разрушен.
[40] Если белые и рыжие муравьи,
малые ростом,
появятся в доме человека, —
в будущих днях
дом этот будет разрушен.

Если малые белые муравьи
появятся в доме человека, —
случится несчастье,
дом этот будет разрушен,
распадётся.
Если жёлтые муравьи
появятся в доме человека, —
случится несчастье,
дом этот будет разрушен,
хозяин не преуспеет.
Если жёлтые муравьи,
имеющие крылья,
появятся в доме человека, —
хозяин дома умрёт,
этот дом разорится.
Если чёрные муравьи
в доме человека
будут убивать рыжих, —
благодетельный сон
посетит этот дом.
Если рыжие муравьи
в доме человека
будут убивать чёрных, —
этот дом...
не будет иметь.
Если белые муравьи
в доме человека
будут убивать рыжих, —
голос усопшего
послышится в доме человека,
гроб в этом доме
не...
Если белые муравьи
в доме человека
будут убивать чёрных, —
в этом доме послышится гром:
разрушение и траур.
Если жёлтые муравьи

в доме человека
будут убивать рыжих, —
над этим домом стрясётся беда.
86 Если какие-нибудь муравьи
в доме человека
будут убивать друг друга, —
над этим домом стрясётся
большое несчастье.
91 Если...
заведутся в доме человека
и устроят побоище, —
неудача в делах,
распадение дома.
96 Если...
в доме человека
соберутся в кучу
и уйдут прочь, —
хозяин дома умрёт,
для этого дома
наступит вдовство.
103 Если...
в доме человека
заведут свои норы, —
вход в этот дом
будет закрыт.
108 Если...
в доме человека
появятся норы, —
из этого дома уйдёт прибыток,
ничего не останется в нём.
113 Если...
в доме человека
будут разрушены норы, —
в этом доме будет дыра.

(Строки 117—120 разбиты.)

121 Если...
имеющих крылья,

в доме человека
появятся разные норы, —
дом этот распадётся,
будет разрушен.
127 Если чёрные...
в доме человека
появятся в своих норках, —
хозяин дома умрёт,
ничего не останется в доме.
132 Если тараканы
в доме человека
во множестве будут бегать, —
хозяин дома умрёт,
дом этот будет разрушен.
137 Если тараканы
в доме человека
разведут свои дыры
и чёрные пёстрых
начнут убивать, —
в этом доме
случится...
144 Если тараканы
в доме человека
разведут свои норы, —
вход в этот дом
будет закрыт.
149 Если тараканы
в доме человека
станут рождаться, —
падение дома.
153 Если тараканы,
малые ростом,
в доме человека
свои... положат, —
в этом доме будет прибыток.
158 Если тараканы,
малые ростом,
в доме человека

станут бегать
и устроят побоище, —
в этом доме
благодати не будет.
Если тараканы
в доме человека
появятся у входа
в наружную дверь, —
падение дома.
Если тараканы
в доме человека
появятся в углах у наружной двери, —
из этого дома уйдёт болезнь.
Если тараканы
в доме человека
появятся сверху
наружной двери, —
разорение дома.
Если тараканы
в доме человека
появятся на пороге
наружной двери, —
разорение дома,
из дома человека
уйдёт удача.
Если тараканы
в доме человека
станут рыть норы, —
хозяин дома
станет слаб и умрёт,
и важный умрёт.
Если тараканы
в доме человека
в...
станут видны, —
всё в этом доме
придёт к концу.
Если тараканы

в доме человека
в... станут видны, —
всё в этом доме
придёт к концу.
Если тараканы
в доме человека
на балках кровли
станут рождаться, —
падение дома.
Если тараканы
в доме человека
появятся в кувшинах, —
из этого дома
всё украдут.
Если тараканы
в доме человека
станут видны
в бронзовой грелке, —
из этого дома
всё украдут.
Если тараканы
в доме человека
появятся в горшках, —
из этого дома
всё украдут.
Если тараканы
в доме человека
станут видны
в кладовках для зёрен, —
кладовки для зёрен
будут полны,
будут богаты.
Если тараканы
в доме человека
станут видны
в кладовках для сезама, —
хозяин дома
увидит нужду.

237 Если тараканы
в доме человека
станут видны
в кладовках для масла, —
этому дому
не будет удачи.
243 Если тараканы,
малые ростом,
в доме человека
будут видны, —
всё в этом доме
придёт к концу.
249 Если тараканы
в доме человека
в... сосудах
будут видны, —
хозяин умрёт,
прекратится потомство.
255 Если тараканы
в доме человека
в... горшках
будут видны, —
хозяин умрёт,
прекратится потомство.
261 Если тараканы
в доме человека
в... горшках
будут видны, —
хозяин умрёт,
весь его дом
перейдёт в казну.
268 Если тараканы
в доме человека
в драке между собою
будут видны, —
помеха в дороге.

(Строки 273—287 разбиты.)

288 Если тараканы
в доме человека
перед...
будут видны, —
разрушение дома.
293 Если тараканы
в доме человека
перед...
будут видны, —
приход постоя
в доме человека.
299 Если тараканы
в доме человека на
стенках печи
будут видны, —
в этом доме
настанут раздоры.
305 Если тараканы
в доме человека
на стенках...
будут видны, —
муж и жена
поссорятся в доме.
311 Если тараканы
в доме человека
будут бегать по стенкам, —
весь этот дом
будет разрушен.

Таблетка
«ЕСЛИ ВО СНЕ»

1 Если во сне человек
увидит телегу, —
желания его сердца
все совершатся.
5 Если во сне человек
на лук свой

наложит стрелу, —
у него будет тяжба.
[9] Если во сне человек
имеет крылья
и улетает, —
его дело непрочно.
[13] Если во сне человек
спускается в ад, —
человек тот умрёт
и он не получит
погребенья в земле.
[18] Если во сне человек
на своей голове
несёт гору, —
тот человек
получит богатство.
[23] Если во сне человек
на своей голове
несёт соль, —
его погубят
его же речи.
[28] Если во сне человек
несёт по улице мясо, —
тот человек
не получит удачи.
[32] Если во сне человек
несёт хорошее пиво, —
тот человек
получит радость.
[36] Если во сне человек
чинит оружие, —
тот человек
будет жить долго.
[40] Если во сне человек
чинит крышу, —
его желания
все совершатся.
[44] Если во сне человек

делает стул, —
того человека
постигнет беда.
Если во сне человек
делает ложе, —
того человека
постигнет беда.
Если во сне человек
делает стол, —
того человека
постигнет беда.
Если во сне человек
поедет в Персию, —
того человека
постигнет перст божий.
Если во сне человек
поедет в Опис, —
весь его двор
будет разрушен.
Если во сне человек
отправится в поле, —
тот человек
увидит нужду.
Если во сне человек
отправится к стаду, —
тот человек
добьётся важного места.
Если во сне человек
ест виноград, —
того человека
постигнет радость.
Если во сне человек
ест земляную смолу, —
того человека
постигнет горе.
Если во сне человек
грызёт кирпич, —
сердце того человека

узнает веселье.
Если во сне человек
несет тиару из радуги, —
в его стране
будет избыток.

(Строки 88—91 разбиты.)

Если скорпион подползает
к правой ноге человека, —
человек тот три года
будет иметь удачу.
Если змея упадёт
справа от человека, —
его соперник
будет повержен.
Если змея упадёт
слева от человека, —
того человека
постигнет проклятье.
Если овцы в хлеву
жалобно блеют, —
весь этот хлев
будет разрушен.
Если овцы едят
вшей друг у друга, —
голод постигнет
весь этот скот.
Если собака встанет
перед человеком, —
тому человеку
случится помеха в пути.
Если собака
в доме человека
погасит зажжённый огонь, —
этот дом
постигнет немилость.
Если в храм забежит
белая собака, —

основание этого храма
будет прочным.
Если в храм забежит
чёрная собака, —
основание этого
храма будет непрочным.
Если свиньи в испуге
забегают взад и вперёд, —
всё это стадо
придёт к погибели.
Если овца
выкинет львёнка
с человечьим лицом, —
мощь государя этой страны
будет великой.
Если овца
выкинет львёнка
с ослиным глазом, —
в этой стране
случится голод.
Если овца
выкинет лань, —
сын государя
силой захватит
престол отца,
возмущение в Субарту.
Если овца
выкинет телёнка
с двумя хвостами, —
это знамение
Ишби-Эрры[1],
не имевшего равных.
Если женщина
родит близнецов,
сросшихся вместе
своими спинами, —
эта страна будет оставлена
своими богами.

Если женщина
родит ребёнка
с львиной головой, —
могучий властитель
будет в стране.
Если женщина
родит ребёнка
с птичьей головой, —
эта страна
будет разрушена.
Если женщина
родит ребёнка
совсем без ушей, —
в этой стране
настанет нужда,
эта страна
будет разрушена.

ПРЕДСКАЗАНИЯ ПО РОЖДЕНИЯМ

I. Из книги «ЕСЛИ ЖЕНЩИНА»

Если женщина
забеременеет
и зародыш заплачет, —
эта страна
увидит беду.
Если женщина
забеременеет
и в ней зародыш
вслух закричит, —
сильный враг нападёт
и разграбит страну,
в этой стране

разорение будет,
её богатства
враг унесёт;
дом человека
будет разрушен.

Если у женщины
родится лев, —
город тот будет взят,
царь тот будет пленён.

Если у женщины
родится собака, —
глава дома умрёт,
дом тот будет разрушен,
в стране будет смута,
небо померкнет.

Если у женщины
родится свинья, —
на трон страны
женщина вступит.

Если у женщины
родится бык, —
властитель вселенной
будет в стране.

Если у женщины
родится осёл, —
властитель вселенной
будет в стране.

Если у женщины
родится баран, —
властитель страны
не изведает равных.

Если у женщины
родится *са*[1], —
властитель страны
не изведает равных.

Если у женщины
родится змея, —
дом человека

узнает печаль.
Если у женщины
родится рыба, —
годы царя
будут спокойны.
Если у женщины
случится выкидыш, —
царя страны
постигнет беда.
Если у женщины
случится выкидыш
и в этом ребенке
будет второй, —
царь и его дети
лишатся власти.
Если у женщины
родится глина, —
страна возмутится
против царя.
Если женщина
зачнёт от глины
и родит глину, —
будет несчастье,
матерь закроет
перед дочерью двери,
дружбы не будет,
человек тот[2] погибнет,
урожай не поспеет.
Если у женщины
родится мёртвый, —
небо померкнет,
тот человек
умрёт до срока.
Если у женщины
родится Лилу, —
будет беда,
дом человека
будет разрушен.

89 Если у женщины
родится хромой, —
настанет смута,
дом человека
будет разрушен.
94 Если у женщины
родится безногий, —
дом человека
узнает горе.
98 Если у женщины
родится хромая, —
настанет смута,
дом человека
будет разрушен.
103 Если у женщины
родится безногая, —
дом человека
узнает горе.
107 Если у женщины
родится безглазый, —
смуты в стране,
дом человека
не преуспеет.
112 Если у женщины
родится глухой, —
в этом доме
разрушатся стены.
116 Если у женщины
родится «порода Ану»[3]
с двумя головами, —
этот город
будет разрушен.
121 Если у женщины
родится ребёнок
с двумя головами,
большой бородой,
говорящий, ходящий,
имеющий зубы,

это — «порода Ану»,
царство Нергала, —
большое нашествие,
сильный будет в стране,
небо померкнет,
улица с улицей
затеет вражду,
дом будет грабить
соседний дом.

136 Если у женщины
родятся два мальчика, —
в этой стране
случится невзгода,
эта страна узнает беду,
несчастие вступит
в дом их отца.

143 Если у женщины
родятся два мальчика
с одной утробой, —
муж и жена
не будут дружны.

148 Если у женщины
родятся два мальчика,
оба без ног, —
этому дому

152 Если у женщины
родится двойня,
мальчик и девочка, —
в этой стране
не будет согласья,
дом оскудеет.

158 Если у женщины
родится двойня
со сросшейся спинкой,
лицами врозь, —
эту страну
оставят боги,

царь и его дети
покинут город.
166 Если у женщины
родится двойня
без носов и без ног, —
эта страна

171 Если женщина
родит близнецов, —
эта страна
совершенно погибнет,
дом человека
будет разрушен.
177 Если женщина
родит близнецов,
держащихся за руки, —
этой страной,
где правил один,
двое будут владеть.
183 Если женщина
родит близнецов,
держащихся за руки,
и правый будет
без правой руки, —
будут враги
убивать мечами,
страна оскудеет,
поражение войска.
192 Если женщина
родит близнецов,
держащихся за руки,
и левый будет
без левой руки, —

198 Если женщина
родит близнецов,
держащихся за руки,
и оба будут

без правых рук, —
большое нашествие;
жатва страны
пожрётся врагами.
Если женщина
родит близнецов,
держащихся за руки,
и оба будут
без левых рук, —

Если женщина
родит близнецов,
держащихся за руки,
и правый будет
без правой ноги, —
...страны
враг удалится,
разграбив страну.
Если женщина
родит близнецов,
держащихся за руки,
и левый будет
без левой ноги, —
...вражьей страны.
Если женщина
родит близнецов,
держащихся за руки,
и оба будут
без правых ног, —
в этой стране
падут её домы,
настанет нужда.
Если женщина
родит близнецов,
держащихся за руки,
и оба будут
без левых ног, —
в стране врага

разрушатся домы
и настанет нужда.
Если у женщины
родится двойня
и оба без лиц, —

Если у женщины
родятся двойни
без головы, —
царь...
Если у женщины
родятся двойни
с одною рукой, —
враг...
Если у женщины
родятся две девочки, —
этот дом
будет разрушен.
Если у женщины
родятся две девочки
и обе умрут, —

Если у женщины
родятся три девочки
большого роста, —
страна владыки
будет расширена.
Если у женщины
родятся две девочки
с одной утробой, —
муж и жена
не будут согласны.
Если у женщины
родятся две девочки,
обе без ног, —

Если у женщины
родятся три мальчика, —

эту страну
постигнут невзгоды.
Если у женщины
родятся три девочки, —
эта страна
будет расширена.
Если у женщины
родятся три девочки
с одной утробой, —

Если у женщины
родится ребёнок
с головой, как у льва, —
могучий царь
будет в стране.
Если у женщины
родится ребёнок
с головою собаки, —
этот город
изменит место,
в этой стране
будут убийства.
Если у женщины
родится ребёнок
с головой...
чужой человек
захватит престол.
Если у женщины
родится ребёнок
с головою свиньи, —
скот уродится,
и этот дом
будет расширен.
Если у женщины
родится ребёнок
с головою змеи, —
знак Нингишзиды,
одолевшего землю,

знак Гильгамеша,
властелина страны:
владыка вселенной
будет в стране.
Если у женщины
родится ребёнок
с головой, как у птицы, —
эта страна
совершенно погибнет.
Если у женщины
родится ребёнок
без правой руки, —
всякая тварь
пойдёт на убыль,
большое нашествие.
Если у женщины
родится ребёнок
вовсе без рук, —
всякая тварь
пойдёт на убыль,
большое нашествие.
Если у женщины
родится ребёнок
без правой ноги, —
всякая тварь
пойдёт на убыль,
большое нашествие.
Если у женщины
родится ребёнок
вовсе без ног, —
всякая тварь
пойдёт на убыль,
большое нашествие.
Если у женщины
родится ребёнок
со сросшимся задом, —
весь этот дом
будет разрушен.

354 Если у женщины
родится ребёнок
с двумя головами, —
большое нашествие
найдёт на страну
и царь сойдёт
со своего трона.

361 Если у женщины
родится ребёнок
с двумя головами,
рты на которых
будут друг против друга,
с четырьмя глазами,
с двумя хребтами,
с четырьмя ушами,
с двумя грудями,
с четырьмя руками,
с четырьмя ногами,
с одним «хвостом», —
в этой стране
настанет голод,
тою страной,
где правили двое,
завладеет один.

378 Если у женщины
родится ребёнок
с двумя головами,
с двумя хребтами,
с двумя грудями, —
большое нашествие
придёт на страну.

385 Если у женщины
родится ребёнок
с двумя головами,
с двумя хребтами,
с двумя устами,
с четырьмя руками,
с четырьмя ногами, —

большое нашествие
придёт на страну.
Если у женщины
родится ребёнок
с двумя головами,
с двумя устами,
с четырьмя глазами,
с четырьмя руками,
с четырьмя ногами, —
большое нашествие;
царский наследник
своего отца
пленит и убьёт.
Если у женщины
родится ребёнок
с двумя головами,
с двумя устами,
с двумя хребтами,
с четырьмя руками,
с четырьмя ногами, —
погибель страны.
Если у женщины
родится ребёнок
с большим правым глазом
и с маленьким левым, —
царь одолеет
своего супостата.
Если у женщины
родится ребёнок
без правого глаза, —
враги разрушат
канал государя,
эта страна
впадёт в нищету.
Если у женщины
родится ребёнок
вовсе без глаз, —

эта страна
увидит голод.
Если у женщины
родится ребёнок
с единственным глазом
посреди лба, —
тот государь
не изведает равных.
Если у женщины
родится ребёнок
с единственным глазом
посреди затылка, —
тот государь

Если у женщины
родится ребёнок
с двумя глазами
посреди лба, —
эту страну
постигнет Нергал.
Если у женщины
родится ребёнок
с двумя глазами
среди затылка, —
река унесёт
дом человека,
на её берегах
уродится ячмень,
страна будет жить
спокойной жизнью.
Если у женщины
родится ребёнок
с двумя глазами
на правой щеке, —
река унесёт
дом человека,
на её берегах
уродится ячмень,

страна будет жить
спокойной жизнью.

469 Если у женщины
родится ребёнок
с двумя глазами
на левой щеке, —
на эту страну
рассердятся боги,
эта страна
совершенно погибнет.

477 Если у женщины
родится ребёнок
с двумя глазами
на правой щеке,
с двумя глазами
на левой щеке, —
река унесёт
дом человека,
страна заживёт
спокойной жизнью.

487 Если у женщины
родится ребёнок
с двумя глазами
посреди лба,
с двумя глазами
посреди затылка, —
страна отдохнёт,
разорённые села
опять соберутся.

496 Если у женщины
родится ребёнок
с тремя глазами
на правой щеке
и с одним глазом
на левой щеке, —
река унесёт
дом человека,
страна заживёт
спокойной жизнью.

Если у женщины
родится ребёнок
с тремя глазами
на левой щеке
и с одним глазом
на правой щеке, —
на эту страну
рассердятся боги.
Если у женщины
родится ребёнок
без глаз, безо рта и без рук, —
эту страну
оставят советчики,
царь будет убит
в своём дворце.
Если у женщины
родится ребёнок
со слепыми глазами, —
хозяин дома
не преуспеет.
Если у женщины
родится ребёнок
с закрытыми глазами, —
эта страна
будет разрушена,
не оставит потомства.
Если у женщины
родится ребёнок
с лицом телёнка, —
царь не будет владеть
своею страной,
эта страна
мир заключит
и враг пожрёт
всю её пищу.
Если у женщины
родится ребёнок
с двумя лицами, —

царь одолеет
князей страны,
будет править вселенной;
случится зараза.
Если у женщины
родится ребёнок
с двумя лицами,
с четырьмя руками,
с четырьмя ногами, —
годы Нергала,
вторгнется враг.
Если у женщины
родится ребёнок
с силой и с обликом
человека в летах, —
царь и семья его
вовсе погибнут.
Если у женщины
родится ребёнок
с ушами льва, —
могучий царь
будет в стране.
Если у женщины
родится ребёнок
без правого уха, —
дни государя
будут недолги.
Если у женщины
родится ребёнок
без левого уха, —
дни государя
будут долги.
Если у женщины
родится ребёнок
совсем без ушей, —
в этой стране
случится нужда,
страна оскудеет.

582 Если у женщины
родится ребёнок
и его правое ухо
окажется малым, —
дом человека
будет разрушен.
588 Если у женщины
родится ребёнок
и его левое ухо
окажется малым, —
дом человека
будет расширен.
594 Если у женщины
родится ребёнок
и его оба уха
будут малы, —
дом человека
придёт в упадок.
600 Если у женщины
родится ребёнок
и его правое ухо
будет с изъяном, —
дом человека
будет разрушен.
606 Если у женщины
родится ребёнок
и его левое ухо
будет с изъяном, —
дом соперника
будет разрушен,
дом человека
будет расширен.
614 Если у женщины
родится ребенок
и его оба уха
будут с изъяном, —
дом человека
постигнет паденье.

Если у женщины
родится ребёнок
с правым ухом
на самой щеке, —
в дому человека
родится Лилу.
Если у женщины
родится ребёнок
с левым ухом
на самой щеке, —
в доме человека
родится вельможа.
Если у женщины
родится ребёнок
с обоими ушами
на самых щеках, —
эта страна
будет разрушена,
её богатство
уйдёт из неё.
Если у женщины
родится ребёнок
с правым ухом
на нижней челюсти, —
сын человека
разорит его дом.
Если у женщины
родится ребёнок
с левым ухом
на самой челюсти, —
сын человека
соберёт его дом.
Если у женщины
родится ребёнок
с двумя ушами
на левой щеке,
а справа без уха, —
мудрость страны

будет рассеяна.
659 Если у женщины
родится ребёнок
с двумя ушами
на правой щеке,
без уха на левой, —
гневные боги
вернутся в страну,
страна заживёт
спокойной жизнью.
668 Если у женщины
родится ребёнок
с птичьим клювом, —
эта страна
будет разрушена.
673 Если у женщины
родится ребёнок,
не имеющий рта, —
хозяйка дома
скоро умрёт.
678 Если у женщины
родится ребёнок
без правой ноздри, —
с ним случится ущерб.
682 Если у женщины
родится ребёнок
совсем без ноздрей, —
эту страну
постигнет нужда,
дом человека
будет разрушен.
689 Если у женщины
родится ребёнок
без челюстей, —
дни государя
будут недолги,
этот дом
будет разрушен.

Если у женщины
родится ребёнок
без нижней челюсти, —
силу страны
враг уведёт.
Если у женщины
родится ребёнок,
не имеющий *заггa*[4], —
дом человека
будет разрушен.
Если у женщины
родится ребёнок
с коротким *заггa*, —
он будет счастлив.
Если у женщины
родится ребёнок,
не имеющий *би*[5], —
эту страну
постигнет нужда,
хозяин дома
скоро умрёт.
Если у женщины
родится ребёнок
без *би* и без члена, —
царская сила
будет разбита,
эта страна
будет взята,
люди убиты;
у этой женщины
не будет детей.
Если у женщины
родится ребёнок
с верхней губой,
лежащей на нижней, —
он будет счастлив.
Если у женщины
родится ребёнок

вовсе без губ, —
эту страну
постигнет нужда,
дом человека
будет разрушен.
Если у женщины
родится ребёнок
с коротким *заггa*, —
тот человек
весьма преуспеет.
Если у женщины
родится ребёнок
без правой руки, —
эта страна
встретит погибель.
Если у женщины
родится ребёнок
вовсе без рук, —
город родильницы
враг завоюет
и разорит.
Если у женщины
родится ребёнок
совсем без пальцев
на правой руке, —
государь супостата
посадит в железа.
Если у женщины
родится ребёнок
о шести пальцах
на правой руке, —
дом человека
постигнет паденье.
Если у женщины
родится ребёнок
о шести пальцах
на обеих ногах, —
малых детей

постигнет несчастье.
Если у женщины
родится ребёнок
о шести пальцах
на правой ноге, —
с ним случится ущерб.
Если у женщины
родится ребёнок
с раскрытой утробой,
не имеющей кишек, —
эта страна
увидит голод.
Если у женщины
родится ребёнок,
не имеющий члена, —
хозяин дома
лишится силы,
засуха в поле.
Если у женщины
родится ребёнок
без яиц и без члена, —
эта страна
увидит горе,
женщина эта
узнает труды.
Если у женщины
родится девочка,
лишённая органов, —
нужда и голод
постигнут страну,
хозяин дома
не преуспеет.
Если у женщины
родится ребёнок
со сросшимся задом, —
эта страна
увидит голод.
Если у женщины

родится ребёнок
без правой ляжки, —
страна государя
совсем погибнет.
Если у женщины
родится ребёнок
без правой ноги, —
весь этот дом
придёт к паденью,
семья человека
будет уменьшена.
Если у женщины
родится ребёнок
вовсе без ног, —
дороги в стране
будут заставлены,
весь этот дом
будет разрушен.
Если у женщины
родится ребёнок
с правой ногой,
как рачья клешня, —
достоянье страны
враги унесут.
Если у женщины
родится ребёнок
с ногами и руками,
как рачьи клешни, —
государь отберёт
избыток в стране.
Если у женщины
родится ребёнок
с одной ногой,
приросшей к телу, —
эту страну
постигнет разруха.
Если у женщины
родится ребёнок

с тремя ногами
и двумя телами,
одно в другом, —
эту страну
постигнет разруха.
Если у женщины
родится ребёнок
с головою, полной
седых волос, —
дни государя
будут недолги.
Если у женщины
родится ребёнок
с головою,
белой как мрамор, —

Если у женщины
родится ребёнок
черноголовый, —
враг умертвит
вождей страны.
Если у женщины
родится ребёнок
беловолосый, —
неприятель страны
узнает нужду.
Если у женщины
родится ребёнок
рыжеволосый, —
неприятель страны

Если у женщины
родится ребёнок
с двумя рогами
на голове, —
дни государя
будут кратки,
конец династии.

886 Если у женщины
родится ребёнок
с малыми «гнёздами»
на голове, —
его отца
постигнет нужда,
владыка вселенной
будет в стране.
894 Если у женщины
родится ребёнок
с одним зубком, —
страна будет жить
по божьим веленьям.
899 Если у женщины
родится ребёнок
со всеми зубами, —
дни государя
будут недолги,
эта страна
увидит нужду,
печали в стране,
весь этот дом
будет разрушен.
909 Если у женщины
родится ребёнок
с выросшей бородой, —
дни государя
будут недолги,
эта страна
увидит нужду,
печали в стране,
весь этот дом
будет разрушен.
919 Если у женщины
родится ребёнок
с длинными волосами, —
эту страну
постигнет нужда.

924 Если у женщины
родится ребёнок,
откроет свой рот
и начнёт говорить, —
эту страну
постигнет разруха,
Адад сокрушит
урожай страны,
с этой страной
случится беда.
934 Если у женщины
родится ребёнок
и станет кричать, —
вражда и раздоры
сбудутся с ним.

II. Из книги «ЕСЛИ ЦАРИЦА»

Если царица
родит глухого, —
богатство царя
совершенно погибнет.
5 Если у царицы
случится выкидыш, —
богатство царя
враг унесёт.
9 Если царица
родит ребёнка
и с первого дня
у него будут зубы, —
дни государя
будут недолги.
15 Если царица
родит ребёнка
и с первого дня
станет он бородатым, —

дни государя
продлятся с богом,
сын государя
силой захватит
отчий престол
и развалит страну.

25 Если царица
родит двоих
мальчиков близнецов, —
она увидит
радость для сердца,
тот государь
не изведает равных.

32 Если царица
родит двоих,
мальчика с девочкой, —
эта страна
ради доброй еды
одолеет другую.

38 Если царица
родит двух девочек, —
царь увеличит
свою страну,
страна заживёт
спокойной жизнью.

44 Если царица
родит змею, —
. . . . . .
будет могучим.

48 Если царица
родит ребёнка
с глазами льва, —
тот государь
не изведает равных.

53 Если царица
родит ребёнка
о шести пальцах
на правой руке, —

страну государя
разграбит враг.
59 Если царица
родит ребёнка
о шести пальцах
на левой руке, —
тот царь разграбит
страну врага.
65 Если царица
родит ребёнка
о шести пальцах
на правой ноге, —
могучий враг
придёт на страну,
будет рыскать в стране.
72 Если царица
родит ребёнка
о шести пальцах
на левой ноге, —

...состарится.
78 Если царица
родит ребёнка
о шести пальцах
на правой и левой
руках и ногах, —
рука государя
завоюет страну
неизвестных врагов.

III. Из книги «ЕСЛИ ОВЦА»

1 Если овца
выкинет льва, —
побитая сила
снова воспрянет,
тот государь

не изведает равных.
Если овца
выкинет льва
с двумя головами, —
в стране возникнет
второй владыка.
Если овца
выкинет льва
с единым глазом
посреди лба, —
сила царя
будет могуча,
государь овладеет
царством и мощью.
Если овца
выкинет льва
без левого глаза, —
город врага

Если овца
выкинет льва
с густою шерстью, —
годы достатка,
эта страна
будет обильной.
Если овца
выкинет льва
с головою быка, —
тот государь
землю врага
мечом поразит.
Если овца
выкинет льва
с головою барана, —
усмирение сердца
царя Саргона,
одолевшего мир
своим мечом.

[44] Если овца
выкинет льва
с головою лисицы, —
знаменье Саргона.
[48] Если овца
выкинет льва
с головою...
царский наследник
переможет отца.
[53] Если овца
выкинет льва
с головою...
года Нарамсина,
владевшего миром.
[58] Если овца
выкинет льва
с головою рыбы[6], —
сын вдовицы
захватит престол.
[63] Если овца
выкинет льва
с глазами человека, —
царь могучей земли
завладеет страной.
[68] Если овца
выкинет льва
с глазами барана, —
стада в стране
не получат прироста.
[73] Если овца
выкинет льва
с глазами осла, —
великий голод
случится в стране.
[78] Если овца
выкинет льва
с глазами собаки, —
Нергал будет мучить.

Если овца
выкинет льва
с глазами свиньи, —
царица умрёт.
Если овца
выкинет льва
с глазами Хумбабы[7], —
тот государь
не изведает равных,
он овладеет
страной врага.
Если овца
выкинет льва
со ртом коровы, —
годы царя
не преуспеют.
Если овца
выкинет льва
со ртом вола, —
случится голод.
Если овца
выкинет льва
без головы, —
смерть государя.
Если овца
выкинет льва
с закрытой пастью, —
погибель страны,
царица умрёт.
Если овца
выкинет льва
с закрытой пастью,
с худым хвостом, —
боги оставят
эту страну.
Если овца
выкинет льва
с восемью лапами, —
нашествие мидян.

Если овца
выкинет льва
с двумя хвостами, —
в стране возникнет
другой владыка.
Если овца
выкинет двух львов, —
государь тот стяжает
большую подать.
Если овца
родит собаку, —
государь расшатает
свою страну.
Если овца
родит лисицу, —
сроки Энлиля —
годы Саргона
настанут в стране,
а этот хлев
будет расширен.
Если овца
родит лисицу, —
женится царь
на сестре отца
и продлит династию.
Если овца
родит пантеру, —
государь завладеет
царством вселенной.
Если овца
родит газель, —
дни государя
исполнятся с богом,
тот государь
стяжает храбрых.
Если овца
родит козу, —
царский сын

завладеет престолом отца,
поход Субарту
свяжет страну.

162 Если овца
родит козла, —
царский сын завладеет
престолом отца;
гибель скота.

167 Если овца
родит корову, —
в этой стране
будут разбои,
не призванный править
захватит трон,
судьбы страны
станут другими.

175 Если овца
родит буйвола, —
в этой стране
будут раздоры.

179 Если овца
родит быка, —
тот государь
сделает слабой
страну врага.

184 Если овца
родит быка
с двумя хвостами, —
знаменье Ишби-Эрры,
не знавшего равных.

189 Если овца
родит вола, —
царь тот умрёт,
другой царь придёт,
половина страны
совершенно погибнет.

195 Если овца
родит...

не умеющий править
завладеет престолом.
199 Если овца
родит троих, —
эта страна
насладится миром,
хозяин ягнят
будет удачлив,
а этот хлев
будет расширен;
. . . . . .
для всей страны.
209 Если овца
родит троих
с крутыми плечами, —
годы вражды,
приход самозванца,
страна разорится.
215 Если овца
родит троих,
сросшихся вместе, —
гибель страны.
219 Если овца
родит четверых, —
эту страну
захватят враги,
приход самозванца.
224 Если овца
родит четверых
с крутыми плечами, —
приход эламитян,
страна разорится.
229 Если овца
родит четверых,
сросшихся вместе, —
царь-самозванец
разрушит страну.

234 Если овца
родит пятерых, —
в этой стране
случится смута,
хозяин ягнят
скоро умрёт,
весь его дом
будет растащен.
242 Если овца
родит пятерых:
с головою быка,
с головою льва,
с головою шакала,
с головою собаки
или свиньи
и с головою барана, —
в этой стране
будут разбои.
252 Если овца
родит шестерых, —
судьбы народа
станут другими.
256 Если овца
родит семерых:
троих самцов
и четырех самок, —
тот государь
или тот человек
вовсе погибнут.
263 Если овца
родит восьмерых, —
приход самозванца,
дань государя
будет отобрана.
268 Если овца
родит девятерых, —
конец династии.
271 Если овца

родит десятерых, —
тот город получит
власть над страною.

IV. Из книги «ЕСЛИ РОГА»

Если рога у барана
торчат вперед, —
весь этот хлев
будет умножен.
Если рога у барана
загнуты книзу, —
весь этот хлев
будет расширен.
Если рога у ягнёнка
растут на месте ушей,
справа и слева, —
царь завоюет
края вселенной.
Если рога у ягнёнка
вырастут из головы, —
сила царя
будет могучей,
страна государя
будет расширена
и этот царь
не изведает равных.
Если рог у ягнёнка
будет только один
и вырастет из головы, —
страна государя
будет расширена.
Если рога у ягнёнка
будут, как у быка, —
тот государь поразит
страну супостата.
Если баран

будет с рогами,
скрещенными спереди, —
весь этот хлев
будет умножен.
Если баран
будет с рогами,
скрещенными сзади, —

Если баран
будет с рогами
как у козла, —

Если баран
будет с рогами,
торчащими спереди, —
весь этот хлев
будет расширен.
Если баран
будет с рогами,
торчащими сзади, —

Если бараны
заблеют в стойле, —
всё это стойло
будет разрушено.
Если бараны
едят насекомых,
один за другим, —
весь этот скот
увидит голод.

V. Из книги «ЕСЛИ ЯГНЁНОК»

Если ягнёнок
без правого уха, —
династия царя
будет прекращена,

его дворец
будет разрушен,
старейшины города
будут убиты,
вокруг царя
не найдется советников,
судьбы страны
станут другими,
скота в стране
станет немного,
власть над землёй
перейдёт к врагу.

17 Если ягнёнок
без левого уха, —
молитву царя
услышит бог,
царь завоюет
землю врага,
дворец врага,
не станет советников,
скот во вражеских землях
ты уничтожишь,
власть над землёй
перейдёт к тебе.

29 Если у ягнёнка
правое ухо
будет раздвоено, —
весь этот хлев
будет разрушен.

34 Если у ягнёнка
левое ухо
будет раздвоено, —
весь этот хлев
будет расширен,
весь хлев врага
будет разрушен.

41 Если у ягнёнка
правое ухо

будет обрезано, —
весь этот хлев
будет разрушен,
городские вельможи
оставят город.

48 Если у ягнёнка
левое ухо
будет обрезано, —
весь этот хлев
будет расширен;
вельможи врага
оставят свой город.

55 Если у ягнёнка
правое ухо
будет обрезано
и наполнено ветром, —
эту страну
охватит отчаянье.

61 Если у ягнёнка
левое ухо
будет обрезано
и наполнено ветром, —
страну врага
охватит отчаяние.

67 Если у ягнёнка
правое ухо
будет раздавлено, —
весь этот хлев
будет уменьшен.

72 Если у ягнёнка
левое ухо
будет раздавлено, —
весь этот хлев
будет расширен,
весь хлев врага
будет уменьшен
или разрушен.

80 Если у ягнёнка
правое ухо
будет раздавлено
и вырастет на затылке, —
твоя страна
завоюет землю врага.
86 Если у ягнёнка
левое ухо
будет раздавлено
и вырастет на затылке, —
страна врага
возьмёт твою землю.
92 Если у ягнёнка
правое ухо
окажется проткнутым, —
город твоей страны
перейдёт к врагу.
97 Если у ягнёнка
левое ухо
окажется проткнутым, —
город страны врага
к тебе перейдёт.
102 Если у ягнёнка
правое ухо
и левое ухо
окажутся проткнуты, —
весь этот хлев
будет расширен.
108 Если у ягнёнка
правое ухо
будет закрыто, —
дом человека
будет расширен.
113 Если у ягнёнка
левое ухо
будет закрыто, —
дом человека
будет разрушен.

Если у ягнёнка
правое ухо
будет касаться
левого уха, —
дом человека
будет расширен.
Если у ягнёнка
левое ухо
будет касаться
правого уха, —
дом человека
будет разрушен.
Если у ягнёнка
правое ухо
будет близко к щеке, —
государь превозможет
землю врага,
вокруг царя
не будет советников,
государь не вселится
в твою страну,
царь будет счастлив,
или: царь
будет жить
в дому человека.
Если у ягнёнка
левое ухо
будет близко к щеке, —
враг переможет
твою страну,
в доме царя
будет наследник.
Если у ягнёнка
правое ухо
будет близко к челюсти, —
рождение Лилу
в моей стране
или оно приключится
в дому человека.

157 Если у ягнёнка
левое ухо
будет близко к челюсти, —
рождение Лилу
в стране врага
или погибель
страны врага.
164 Если у ягнёнка
будут два уха
с правой стороны,
а с левой не будет, —
в стране врага
возмутится город.
170 Если у ягнёнка
будут два уха
с левой стороны,
а с правой не будет, —
в твоей стране
возмутится город.
176 Если у ягнёнка
будут два уха
с правой стороны
и одно ухо
с левой стороны, —
страна будет жить
одними устами.
183 Если у ягнёнка
будут два уха
с левой стороны
и одно ухо
с правой стороны, —
страна возмутится.
189 Если у ягнёнка
в его правом ухе
будет второе ухо, —
у государя
будут советники.

194 Если у ягнёнка
в его левом ухе
будет второе ухо, —
советники государя
посоветуют злое.
199 Если у ягнёнка
сзади правого уха
будет второе ухо, —
у государя
будут советники.
204 Если у ягнёнка
сзади левого уха
будет второе ухо, —
судьбы страны
станут другими,
совет страны
будет разрушен.
211 Если у ягнёнка
сзади левого уха
будет второе ухо, —
советники государя
посоветуют злое.
216 Если у ягнёнка
перед правым ухом
будет второе ухо, —
у государя
будут советники.
221 Если у ягнёнка
перед левым ухом
будет второе ухо, —
судьбы страны
станут другими,
совет страны
будет разрушен.
228 Если у ягнёнка
сзади правого уха
будет второе ухо,
почти на затылке, —

люди твоей страны
пошлют ко врагу.
Если у ягнёнка
сзади левого уха
будет второе ухо,
почти на затылке, —
люди вражьей страны
пошлют к тебе.
Если у ягнёнка
будет четыре уха, —
владыка вселенной
будет в страхе.
Если у ягнёнка
будут четыре уха,
два впереди
и два позади, —
тот государь
положит достаток
в чужой стране.
Если у ягнёнка
будет четыре уха,
два направо
и два налево, —
гневные боги
вернутся в страну.
Если у ягнёнка
будет четыре ноги
и два хвоста, —
приход самозванца,
раздоры в стране,
страна пожрёт
себя самоё.
Если у ягнёнка
сзади правого уха
будут два уха
почти на затылке, —
город твоей страны
подчинится врагу.

Если у ягнёнка
сзади левого уха
будут два уха,
почти на затылке, —
город вражьей страны
подчинится тебе.
Если у ягнёнка
будут три уха,
одно направо
и два налево, —
гневные боги
вернутся в страну.
Если у ягнёнка
будут три уха,
одно налево
и два направо, —
боги рассердятся
на эту страну.
Если у ягнёнка
в его правом ухе
будут три уха,
одно под другим,
и будет их вид
подобен обычным, —
супостат государя,
бывший с ним в ссоре,
с ним помирится,
будет жить в мире,
у государя
пребудут войска.
Если у ягнёнка
в его левом ухе
будут три уха,
одно над другим,
и будет их вид
подобен обычным, —
живший в мире с тобою
станет твоим врагом.

308 Если у ягнёнка
сзади каждого уха
будут по три других,
почти на затылке, —
судьбы страны
станут другими,
совет страны
будет разрушен,
страна восстанет
против страны.

318 Если у ягнёнка
в обоих ушах
будут по три других,
одно над другим,
и будет их вид
подобен обычным, —
у государя
пребудут войска,
ему будет благо.

327 Если у ягнёнка
в обоих ушах
будут по три других,
одно над другим,
лицом к затылку, —
войска оставят
своего государя,
страна возмутится
против него.

336 Если ягнёнок
будет полон ушей, —
царь, сильнее, чем этот,
будет в стране.

340 Если у ягнёнка
уши покроют
его нижнюю челюсть, —
голод будет в стране,
прекратится торговля.

345 Если у ягнёнка
уши близко от щёк, —

страна ослабеет,
участится беда.
Если у ягнёнка
уши близко к затылку, —
твой супостат
тебе покорится.
Если у ягнёнка
уши лицом к затылку, —
у государя
не будет советников.
Если у ягнёнка
уши обращены
и глядят на затылок, —
государь тот спасётся
своим рассудком,
судьбы страны
станут другими.
Если у ягнёнка
оба уха
растут на затылке, —
войска оставят
своего государя;
поход для страны.
Если у ягнёнка
уши и член
растут на затылке, —
поход для страны.
Если у ягнёнка
уши растут
на нижней челюсти, —
войско пойдёт
в сражение с богом.
Если у ягнёнка
уши растут
под нижней челюстью,
на его горле, —
гибель царской страны,
страна государя

будет уменьшена,
государь принесёт
покорность врагу.

Если у ягнёнка
уши растут
на передних ногах, —
государь обратится
с мольбой ко врагу.

Если у ягнёнка
уши растут
на передних ногах,
а его язык
завёрнут обратно, —
войско пойдёт
в сражение с богом.

Если у ягнёнка
уши растут
на передних ногах,
а его голова
безо рта и закрыта, —
государь принесёт
покорность врагу.

Если у ягнёнка
уши растут
на его шее, —
у государя
не будет советников.

Если у ягнёнка
уши растут
внизу, под шеей, —
эта страна будет
уменьшена.

Если у ягнёнка
уши растут
справа на брюхе, —
советники будут
лицемерить с царём,
уста их скажут

обратное мыслям.
Если у ягнёнка
уши растут
слева на брюхе, —
советники государя
прочь убегут
в землю врага.
Если у ягнёнка
уши растут
на его пупке, —
гибель царской страны,
государь принесёт
покорность врагу.
Если у ягнёнка
уши растут
на его заде, —
сын вдовицы
захватит престол.
Если у ягнёнка
уши растут
из его копыт, —
рука государя
захватит город
в стране врага.
Если у ягнёнка
рот будет закрыт, —
государь тот умрёт,
его страна увидит голод,
а этот хлев
будет разрушен.
Если у ягнёнка
рот будет закрыт,
а его ноздри
будут открыты, —
тот государь

Если у ягнёнка
не будет рта, —

страна государя
будет разграблена.
Если у ягнёнка
будет рваный язык, —
помраченье страны.
Если у ягнёнка
правый край языка
будет отсутствовать, —
царский наследник
скоро умрёт,
гибель страны.
Если у ягнёнка
не будет языка, —
эта страна
будет разграблена
и встретит погибель,
а этот хлев
будет разрушен.
Если у ягнёнка
язык прирастёт
внутри его рта, —
государь тот умрёт
в своём дворце.
Если у ягнёнка
язык наполнит
весь его рот, —
Нергал будет мучить.
Если у ягнёнка
не будет правой
задней ноги, —
жена царя
скоро умрёт,
а этот дом
будет разрушен.
Если у ягнёнка
не будет левой
задней ноги, —
жена царя

скоро умрёт,
а этот дом
будет расширен.
Если у ягнёнка
не будет справа
мускула *ки*, —
царский наследник
скоро умрёт.
Если у ягнёнка
не будет слева
мускула *ки*, —
царский наследник
в стране врага
скоро умрёт,
а этот хлев
ещё окрепнет.
Если у ягнёнка
не будет справа
правой...
войска обратятся
грабить страну,
страна государя
вовсе погибнет.
Если у ягнёнка
не будет слева
левой...
вражье войско ограбит
свою же страну,
страна врага
вовсе погибнет.
Если у ягнёнка
не будет справа
правого сека, —
царский наследник
скоро умрёт,
вельможи погибнут
от вражьих мечей,

династия царя
совсем прекратится,
или: враги царя
возьмут его в плен,
на землю царя
поднимется враг,
или: враг завладеет
моей землёй,
некто могучий
будет в стране,
войска государя
встретят погибель.

548 Если у ягнёнка
не будет слева
левого сека, —
воеводы врага
падут от меча,
тот государь
пленит супостата,
землю врага
государь разорит,
в стране врага
завоюет он город,
страна врага
вовсе погибнет.

561 Если у ягнёнка
не будет ног, —
страна государя
вовсе погибнет.

565 Если у ягнёнка
правая ножка
будет оторвана, —
твою страну
враг разорит,
сын государя
скоро умрёт,
рождение Лилу
в твоей стране.

574 Если у ягнёнка
левая ножка
будет оторвана, —
государь сокрушит
страну врага,
рождение Лилу
в стране врага.
581 Если у ягнёнка
правая ножка
кажется высохшей, —
болезни будут
в стране государя.
586 Если у ягнёнка
левая ножка
кажется высохшей, —
болезни будут
в стране врага.
591 Если у ягнёнка
правая ножка
окажется...
конец династии,
эта страна
увидит голод.
597 Если ягнёнок
не будет иметь
правого бедра, —
тот государь
скоро умрёт,
его дворец
будет разрушен,
сын государя
силой захватит
престол отца,
твои воеводы
падут от меча,
твою твердыню
слабый возьмёт,
жатву твоей страны
пожрут враги.

VI. Из книги
«ЕСЛИ ДЕТЁНЫШ»

Если детёныш
родится без правой
передней ноги, —
весь этот дом
будет разрушен.
Если детёныш
родится без левой
передней ноги, —
. . . . . .
Если детёныш
родится без двух
передних ног, —
дни государя
будут недолги.
Если детёныш
родится без правой
задней ноги, —
. . . . . .
Если детёныш
родится без левой
задней ноги, —
. . . . . .
Если детёныш
родится вовсе
без задних ног, —
. . . . . .
Если детёныш
не будет иметь
всех четырёх ног, —
эта страна
будет разрушена.
Если детёныш
будет с кривыми ногами, —
весь этот хлев
будет разрушен.

Если детёныш
будет с кривою
правой ногой, —
поражение войска,
весь этот хлев
будет разрушен.
Если детёныш
родится с правой
передней ногой,
расщеплённой надвое, —
тот государь
получит опору,
или: та государыня
встретит духа-хранителя.
Если детёныш
будет иметь
четыре ноги,
расщеплённых надвое, —
эта страна
будет снедать
сама себя.
Если детёныш
на правой лапе
будет иметь
вторую ногу, —
враг насладится
бедой государя.
Если детёныш
на всех своих лапах
будет иметь
вторые ноги, —
приход самозванца,
царь этот нарушит
волю страны.
Если детёныш
на правой пятке
будет иметь
вторую ногу, —

не призванный править
захватит трон.
[76] Если детёныш
родится с правой
передней ногой,
лишённой копыта, —
на того государя
найдёт несчастье.
[82] Если детёныш
родится с правой
передней ногой
с разбитым копытом, —
войска государя
скоро получат
благую славу.
[89] Если детёныш
родится на свет
с открытым брюхом
и его кишки
будут видны, —
богатства страны
пожрут супостаты,
люди съедят
цену детей.
[98] Если детёныш
родится на свет
с открытым брюхом
без кишек внутри, —
уменьшится мера
и будет голод,
дворец государя
станет пустым,
богатство страны
совсем погибнет.
[108] Если детёныш
родится на свет
с верхнею частью
брюха раскрытой

и его кишки
будут видны, —
богатства страны
пожрут супостаты.

116 Если детёныш
будет иметь
дырку в плече
и его кишки
будут видны, —
весь этот город
будет разрушен.

123 Если детёныш
родится с правым
раскрытым пахом
и его кишки
будут видны, —
враг будет грабить
твои жилища,
страна государя
будет разбита,
его богатства
пожрут враги.

134 Если детёныш
выпустит кишки
через пупок, —
достояние князя
пойдёт на рынок.

139 Если детёныш
выпустит кишки
через задний проход, —
богатство страны
уйдёт из рук,
а этот хлев
будет разрушен.

146 Если детёныш
родится на свет
со сбитыми кишками, —
поход Субарту.

150 Если детёныш
. . . . . .
...справа, —
царь амореев
смертью убьёт
царя Аккада.
156 Если детёныш
родится с...
в своём желудке, —
верхние земли
с нижними землями
соединятся;
смуты в стране.
163 Если детёныш
будет похож
на леопарда, —
дни государя
исполнятся в боге.
168 Если детёныш
родится на свет
с шерстью льва, —
у того государя
будут вожди,
тот государь
не изведает равных.
175 Если детёныш
родится на свет
с шерстью собаки, —
рожденье скота
не преуспеет.
180 Если детёныш
родится на свет
с шерстью гиены
(или свиньи)
или собаки, —
в этой стране
случится голод.
187 Если детёныш

родится на свет
с шерстью...
государь расшатает
свою страну,
бог будет гневен,
гибель страны.

194 Если детёныш
родится на свет,
покрытый щетиной,
словно свинья, —
конец династии,
воцарится другая,
судьбы страны
станут иными,
не рожденный на царство
захватит престол,
голод случится
в этой стране.

206 Если детёныш
родится на свет
покрытый мехом, —
дни государя
будут недолги,
конец династии,
голод охватит
эту страну.

214 Если детёныш
родится на свет
с клочками волос, —
знак изобилья.

218 Если детёныш
родится без шерсти, —
случится голод,
рожденье скота
не преуспеет.

223 Если детёныш
родится пёстрым, —
бог будет гневен,
гибель скота.

227 Если детёныш
родится на свет
с правым боком
белого цвета, —
твоё войско
сразит
войско врага.
234 Если детёныш
родится на свет
с левым боком
белого цвета, —
войско врага
сразит моё войско.
240 Если детёныш
родится на свет
и будет белым
справа и слева, —
бог будет гневен,
гибель скота.
246 Если детёныш
родится на свет
и будет чёрным
справа и слева, —
бог будет гневен
в стране врага,
гибель скота
в стране врага.
254 Если детёныш
родится на свет,
не имея желудка,
сердца и печени,
и его кишки
будут в заднем проходе, —
страна государя
вовсе погибнет.
262 Если детёныш
родится на свет
с желудком и маткой,

торчащими изо лба, —
страна ослабеет,
великий голод
будет в стране,
этот народ продаст
за деньги
своих детей.

272 Если детёныш
родится на свет
с маткой,
торчащей из-под хвоста, —
Энлиль устроит
большую смуту
в этой стране.

279 Если детёныш
родится на свет
с маткой, торчащей
из его пупка, —
Энлиль устроит
большую смуту
в стране врага.

286 Если детёныш
родится на свет
с молоком в своём вымени, —
этот народ
продаст за деньги
своих детей.

292 Если детёныш
родится на свет
с головою...
с головою льва,
с головой человека
и с головою свиньи, —
судьбы страны
станут другими,
приход самозванца.

301 Если детёныш
имеет члены

мужской и женский, —
знак Ку-Бабы[8],
владевшей страной:
земля царя
увидит погибель.
308 Если детёныш
имеет члены
мужской и женский,
а яиц не имеет, —
дитя дворца
будет править страной
и прогонит царя.
315 Если детёныш
сросся с другим,
помещённым справа
на его правом боку, —
й бог будет гневен
в этой стране.
321 Если детёныш
сросся с другим,
помещённым слева
на его правом боку, —
бог будет гневен
в стране врага.
327 Если детёныш
сросся с другим,
помещённым справа
на его брюхе, —
страну государя
возьмут враги,
царский сын возымеет
вражду к отцу,
раздоры в стране,
эта страна
будет снедать
сама себя.
339 Если детёныш
сросся с другим,

помещённым слева
на его брюхе, —
царь своё добро
положит в стране.
345 Если детёныш
сросся с другим,
помещённым на гребне
его утробы
и видным снаружи, —
того государя
убьёт его двор.
352 Если детёныш
сросся с другим,
помещённым на гребне
его утробы,
и оба будут
видеть друг друга, —
тот государь
оставит дворец,
оставит город,
уйдёт от народа,
а страны не оставит,
будет жить в...
со всеми людьми,
царский наследник
не взойдёт на престол.
367 Если детёныш
сросся с другим
своим хвостом, —
раздоры в стране,
эта страна
будет снедать
сама себя.
374 Если детёныш
сросся с другим
своим хвостом
и у них вместе

четыре уха, —
раздоры будут
в этой стране.

381 Если детёныш
сросся с другим
своим хвостом
и у них вместе
четыре уха
и два хребта, —
раздоры будут
в этой стране.

389 Если детёныш
сросся с другим
и правый будет
верхом на левом,
и у них вместе
будет шесть ног, —
царский наследник
получит в наследство
престол отца.

398 Если детёныш
сросся с другим
и левый будет
верхом на правом,
и у них вместе
будет шесть ног, —
не рождённый на царство
захватит престол.

406 Если детёныш
сросся с другим
и этот другой
будет задавлен, —
младший сын
захватит престол
или: царский наследник
скоро умрёт.

414 Если детёныш
сросся с другим

и этот другой
будет задавлен,
и его глаза
будут малы, —
царь своего сына
бросит в оковы.

Если детёныш
сросся с другим
и этот второй
родится кусками, —
рука государя
одолеет врага.

Если детёныш
сросся с другим
и этот второй
окажется сверху, —
не имеющий права
захватит престол.

Если детёныш
сросся с другим
и его голова
смотрит на *халлу*, —
сын царской дочери
вступит на трон,
или: сын сына
вступит на трон.

Если детёныш
сросся с другим
и его голова
смотрит в плечо, —
царь своего
сына бросит в оковы.

Если детёныш
сросся с другим
и его голова
смотрит на хвост, —
царь своих детей

454 Если детёныш
сросся с другим
и их глаза
будут на брюхе, —
случится злое,
весь этот хлев
будет разрушен.
461 Если детёныш
сросся с другим
и в их утробе
будут две печени, —
государь будет жить
в стране своей,
а этот город
увидит нужду.
469 Если детёныш
сросся с другим
и у них будут
две шеи,
две груди,
два хвоста
и два сердца, —
рука государя
одолеет врага.

VII. Из книги «ЕСЛИ КОБЫЛА»

1 Если кобыла
родит жеребёнка
и его хвост
будет белого цвета,
а его лоб
будет чёрного цвета, —
государь будет пленным
в своём дворце,
над его дворцом
разыграется пламя.

11 Если кобыла
выкинет двойню, —
приход врага.
14 Если кобыла
выкинет двойню,
самца и самку,
и если шерсть их,
и если уши,
и если ноги,
и если рты их
и их копыта
будут обычны, —
этот табун
будет умножен,
царь нападёт
на землю врага
и её поразит,
на страну врага
наложит он иго;
хозяин кобылы
увидит горе.
32 Если кобыла
выкинет двойню,
самца и самку,
с похожими мордами, —
враг нападёт
и разорит
землю Аккада.
39 Если кобыла
выкинет двойню,
самца и самку,
с львиною шерстью, —
царь завоюет
землю врага.
45 Если кобыла
выкинет двойню,
самца и самку,
с когтями собаки, —

эта страна
будет уменьшена.
Если кобыла
выкинет двойню,
самца и самку,
с когтями льва, —
эта страна
будет расширена.
Если кобыла
выкинет двойню,
самца и самку,
с головами собак, —
приход несчастья,
эта страна
будет уменьшена.
Если кобыла
выкинет двойню,
самца и самку,
с львиными головами, —
тот государь
будет могучим.
Если кобыла
выкинет двойню,
самца и самку,
и оба будут,
словно собаки, —
государь опалится[9]
на вражью страну.

(Строки 77—83 разбиты.)

Если кобыла
выкинет льва, —
тот государь
будет могучим.
Если кобыла
родит собаку, —
гибель в стадах;
или: бог будет гневен.

92 Если кобыла
родит жеребёнка
без головы, —
его хозяин
будет могучим.
97 Если кобыла
родит жеребёнка
совсем без глаз, —
Энлиль заменит
династию другою.
102 Если кобыла
родит жеребёнка
совсем без ног, —
царское войско
ударится в бегство
и будет побито.
108 Если кобыла
родит жеребёнка
совсем без ушей, —
три года подряд
эту страну
уменьшать будут боги.
114 Если кобыла
родит жеребёнка
совсем без хвоста, —
правитель умрёт.
118 Если детёныш кобылы
будет как водяная собака, —
тот государь
станет могучим.
122 Если кобыла
родит свинью
или лисицу, —
тот государь
скоро умрёт.
127 Если кобыла
родит осла, —
её хозяин
скоро умрёт.

Если кобыла
родит человека, —
вся эта страна
будет счастливой.
Если кобыла
выкинет птицу, —
вся эта страна
будет вкушать
обильную пищу.
Если кобыла
родит...
мёртвые будут
по всей стране.
Если детёныш кобылы
будет с глазами свиньи
и с ушами собаки
или с собачьим хвостом, —
тот государь
лишится рассудка.
Если жеребёнок
родится без ног,
с одним только глазом,
с двумя хвостами
и с шерстью льва
или с шерстью собаки, —
мёртвые будут
в этой стране,
скоты и люди
будут уменьшены.
Если жеребёнок
родится с ногами
среди пупка,
совсем без глаз
и совсем без шерсти, —
царские советники
умрут от меча,
его противник
на него нападёт.

169 Если жеребёнок
родится с ногами,
сплетёнными вместе,
и с шерстью льва
на своей морде, —
страна подчинится
своему государю.
176 Если жеребёнок
родится с ногами,
словно у льва,
с головою собаки,
с единственным глазом,
с шестью ногами,
с свиной щетиной
и без хвоста, —
царь пойдёт походом,
он опалится
на землю врага
и её завоюет;
господин жеребёнка
скоро умрёт.
190 Если жеребёнок
родится с ногами,
словно у льва
и с головою собаки,
с хвостом свиньи
и совсем без шерсти, —
смерть государя;
или: тот царь
умрёт от меча.
199 Если жеребёнок
родится на свет
с двумя головами,
с двумя хвостами,
с ногами, похожими
на ноги собаки,
и с шерстью свиньи, —

эта страна вкусит
от пищи,
а этот царь
станет могучим.

Если жеребёнок
родится на свет
с двумя головами,
с двумя ногами
и с шерстью собаки, —
государь опалится
на свою землю
и скоро умрёт;
его вельможи
умрут от меча.

Если жеребёнок
родится с ногами,
растущими сзади,
а его хвост
будет на брюхе, —
страна возмутится.

Если жеребёнок
родится на свет
с ногами на брюхе, —
половина страны
будет разрушена.

Если жеребёнок
родится с ногами
на голове, —
погибель бедных
по всей стране.

Если жеребёнок
родится с ногами
на месте глаз, —
хозяин дома
скоро умрёт.

Если жеребёнок
родится с ногами
на месте груди, —
гибель вельмож.

245 Если жеребёнок
родится на свет
с ногами на шее
или на боках, —
эту страну
охватит нужда.
251 Если жеребёнок
родится на свет
с тремя устами,
с тремя языками, —
вельможи двора
умрут от меча,
а его господин
узнает печали.
259 Если жеребёнок
родится на свет
с единственным глазом,
с двумя хвостами
и с шерстью льва, —
мёртвые будут
в этой стране,
скотов и людей
станет меньше.
268 Если жеребёнок
родится с ногами,
сплетёнными вместе,
и с шерстью льва, —
страна подчинится
своему государю.
274 Если жеребёнок
родится на свет
с хвостом петуха, —
царь опалится
на свой народ, —

не преуспеет,
а этот царь
лишится рассудка.

283 Если жеребёнок
родится на свет
. . . . . .
великий царь
умрёт от меча,
судьбы страны
станут другими.
290 Если жеребёнок
родится на свет
с двумя ногами, —
придут эламитяне,
разграбят страну
и будут побиты.
296 Если жеребёнок
родится на свет
. . . . . .
сплетёнными вместе, —
страна одолеет
своего царя.

VIII. Из книги «ЕСЛИ СВИНЬЯ»

1 Если свинья
родит поросят
и они будут мёртвыми, —
хозяин вскоре
затеет тяжбу.
6 Если свинья
родит поросят
и они умрут, —
дом хозяина
будет уменьшен.
11 Если свинья
родит поросят
и из детёнышей
съест одного, —

её хозяин
затеет тяжбу,
а этот город
увидит голод;
или: царский наследник
скоро умрёт.

21 Если свинья
родит поросят
и съест детёнышей, —
её хозяин
затеет тяжбу,
он заболеет
либо водянкой,
либо проказой.

29 Если свинья
родит поросят
и на детёнышей
будет сердиться
и их кусать, —
тот человек
просрочит вексель,
сосед завладеет
его достоянием,
его детей
продадут за деньги.

40 Если свинья
родит поросят
и они будут есть
один другого, —
дети разрушат
отеческий дом.

46 Если свинья
родит поросят,
а потом обернётся
и станет их есть, —
в этом дому
появится голод;
или: весь этот дом

совсем погибнет,
в этой стране
появится голод,
люди детей
продадут за деньги.

58 Если свинья
родит поросят,
а потом обернётся
и станет их есть,
а её хозяин
её убьёт
и съест её мясо, —

IX. Из книги
«ЕСЛИ СУКА»

1 Если сука
родит одного щенка, —
весь этот дом
будет разрушен,
весь этот город
вовсе погибнет.

X. Из книги
«ЕСЛИ У ЧЁРНОЙ КОЗЫ»

1 Если у чёрной козы
родится рыжий козлёнок, —
весь этот хлев
будет разрушен.
5 Если у рыжей козы
родится чёрный козлёнок, —
весь этот хлев
будет разрушен.
9 Если у белой козы
родится чёрный козлёнок, —

гибель страны.
[12] Если у чёрной козы
родится белый козлёнок, —
хлев человека

ПОГРЕБАЛЬНЫЕ ТАБЛЕТКИ ИЗ СУЗ

1

Они отправились в путь, пошли в дорогу,
Ишмекараб и Лагабаль идут впереди;
Шугурнак в могиле говорит приговоры,
перед Мушекилем он стоит и вещает.

2

Остановились они, почиют в ограде,
те, что владели землёй, обладали стадами,
те, кому не было равных;
а теперь Шугурнак в могиле говорит приговоры,
перед Мушекилем он стоит и вещает,
мне же, сошедшему в тень, да даст он воды.

3

Исторгнуты души, склонились перед судом.
Эрешкигаль да увидит, да присудит чистый елей,
да наполнит щедро твой рот, бог да будет
к тебе благосклонен.

4

Я пойду за тобой, мой господи боже.
Пред лицо Ануннаков я пройду сквозь могилу.

Да защитишь ты меня перед лицом великих богов,
да услышу я свой приговор, да обниму твои ноги.
Тёмному дому, мой боже, ты отдал меня в добычу,
кущи беды и труда ты судил мне в горькой земле,
скупо дал ты мне воду и траву в иссохших полях.

ДОПОЛНЕНИЯ

1. ЭПОС О ГИЛЬГАМЕШЕ
(СТАТЬИ И ФРАГМЕНТЫ)

ВВЕДЕНИЕ К ПЕРЕВОДУ Н. ГУМИЛЕВА

I

Вавилоняне оставили миру два больших эпических произведения: космогонию Enūma eliš, «Когда вверху»[1], и героическую поэму о Гильгамеше, возглавляемую своими начальными словами Ša nagba imuru «Об увидавшем все». Вокруг первой из этих поэм группируется весь божественный эпос[2], вокруг второй — героические мифы Этаны[3], Адапы[4] и Хасисатры[5] [I].

Имя Гильгамеша впервые встречается в документах XXVII века до н. э. среди имен получающих праздничные жертвы божеств[6] [II]. Приблизительно к этой же[7] (частью к несколько древнейшей) эпохе относятся и первые известные изображения Гильгамеша, украшающие собой печати

---

[1] Поэма названа так по своим первым словам. Издание текста: Cuneiform texts from Babylonian tablets in the British Museum, Part XIII. Перевод: L. W. King, The Seven tablets of Creation, London 1902 (два тома).

[2] См. O. Weber, Die Literatur der Babylonier und Assyrer, Leipzig 1907, SS. 40—67, 99—108, 111—114.

[3] Текст и перевод R. Harper, Die babylonischen Legenden von Etana, Zu, Adapa und Dibbarra в Beiträge zur Assyriologie II (1894). SS. 390—521.

[4] Перевод: P. Jensen, Keilinschriftliche Bibliothek. VI. S. 92 ff.

[5] Тексты: P. Haupt, Das babylonische Nimrodepos, S. 131. Cuneiform texts, XIII pl. 49. Перевод: P. Jensen, Keilinschriftliche Bibliothek. VI. S. 254 ff.

[6] Allotte de la Fuye. Revue d'Assyriologie VI n° 4 p. 124.

[7] L. Curtius, Studien zur Geschichte der Altorientalischen Kunst, 1. (München, 1912).

шумерийских князей[III]. Излюбленным сфагистическим мотивом остается цикл Гильгамеша и в следующие затем эпохи: так называемую эпоху Агаде[IV] и наступающий за ней период разложения Шумера, вызванный владычеством северных варваров — Гутиу[V] Победитель Гутиу, царь Урука Уту-хегаль, называет Гильгамеша в числе помогавших ему богов: «Иннана, моя госпожа, была мне поддержкой; Таммуз, великое знамя небес, изрек мне судьбу; Гильгамеш, сын Нинсун, был дан мне в хранители»[8]. Новая эпоха объединения страны под властью династов Ура (XXIV в. до н. э.)[VI] также именует Гильгамеша среди почитаемых жертвами божеств.

Древнейшие списки легенды Гильгамеша относятся ко времени первой вавилонской династии (XXI—XX вв. до н. э.)[9 VII]. Значительно отличная от них редакция всей поэмы была на вавилонском языке, но ассирийским письмом, для библиотеки последнего из великих ассирийских царей Ашурбанипала (668—626 гг. до н. э.). От полуторатысячелетнего промежутка между этими датами, промежутка, вообще бедного произведениями изящной литературы, не осталось никаких версий поэмы[VIII], если не считать нескольких близких ассирийской рецензии и по времени, и по форме нововавилонских фрагментов, также сохранившихся в библиотеке Ашурбанипала. Эти четырнадцать веков молчания нарушают для нас прямую связь древних вавилонских версий с ассирийской редакцией поэмы.

II

Изданная в полном виде П. Хауптом[10], эта позднейшая редакция заполняет 12 шестиколонных таблиц мелкой клинописи, около трех тысяч стихов. Первые семь таблиц содержат как бы Илиаду эпоса, пять последних — ее Одиссею. Деление на 12 таблиц возникло из технических условий. Подлинные «песни» поэмы вводились постоянным стихом mimmu šeri ina namari «Лишь только заря показалась [на небе]», соответствующим гомеровскому: «Вышла из мрака младая с перстами пурпурными Эос». Рассказ, следовательно, велся по дням, как в Одиссее, с многодневными промежутками между событиями отдельных пе-

[8] F. Thureau-Dangin, Revue d'Assyriologie IX (1912) p. 115.

[9] B. Meissner, Mitteilungen der Vorderasiatischen Gesellschaft VII (1902) n° 1; H. V. Hilprecht, The earliest version of the Babylonian Deluge Story, Philadelphia 1910.

[10] P. Haupt, Das Babylonische Nimrodepos, I (1884), II (1891). См. P. Haupt в Beiträge zur Assyriologie I (12-я таблица).

сен. Поэма открывается вступлением, намечающим программу всего рассказа:

Об увидавшем всё до [кра]я мира,
о проницавшем [вс]ё, [постигшем] всё.
[Он про]чёл совокупно [все писанья],
[глубину] премудрости всех [книгочётов];
потаённое видел, сокровенное [знал]
и принёс он весть о днях до пото[па].
Далёким путём он ходил, — но устал и вер[нулся],
и записал на камне весь свой тр[уд].

Следующие строки, еще принадлежащие вступлению, ближе подходят к собственно рассказу. Они перечисляют постройки, воздвигаемые в Уруке Гильгамешем. После значительной лакуны (35 стихов) слышится плач урукитов, недовольных правлением Гильгамеша. Боги создают человека-зверя Эабани[IX], дружбой которого заканчивается первая таблица; следующие четыре содержат эпопею пиров, походов и подвигов обоих друзей. В конце второй таблицы, после ряда вещих сновидений, они задумывают поход против Хумбабы, хранителя священной кедровой рощи. Третья таблица приводит героев к матери Гильгамеша с просьбой склонить Шамаша, держащего судьбы земли, к удачливому совершению подвига. Четвертая таблица описывает сам поход. Пятая таблица:

Стали они — и дивятся на лес,
созерцают высокие кедры,
созерцают лесные проходы,
где Хумбаба гуляет большими шагами.
Дороги прямы, прекрасны тропинки;
они видят кедровый холм, жилище богов,
дворец Ирнини.
Перед холмом кедр возносит главу:
хороша его тень, полна прохлады.

Это описание прерывается лакуной. Бой с Хумбабой кончается победой героев. В шестой таблице Гильгамеш умывается после подвига, надевает чистое платье, возлагает на себя тиару, и тогда «на красу Гильгамеша подымает очи величество Иштар». Богиня ищет любви Гильгамеша, обещая ему власть над вселенной. Насмешливый отказ заставляет богиню думать

о мести. Герои одолевают посылаемого богиней небесного быка. В седьмой таблице рассказаны болезнь и смерть Эабани.

Плач оставшегося в живых открывает вторую часть поэмы. Горе о смерти друга переходит в страх перед неизбежностью собственной смерти. Таблица девятая:

Гильгамеш о Эабани, своём друге,
горько плачет и бежит через поле:
«Значит, и сам я умру, разве я не такой же, как Эабани?»
Жалобный страх вошёл в моё сердце,
смерти я ужаснулся — и вот, я бегу через поле.
К крепости Ут-напиштима, сына Убара-Туту,
я направляю свой путь, поспешно иду я.
Горных ущелий достиг я ночью,
львов увидел я — и вот, мне страшно!

Следующая таблица приводит героя к нимфе Сидури-Сабиту[x]. Нимфа указывает ему путь к обладателю вечной жизни, праотцу Ут-Напиштиму. Одиннадцатая таблица, лучшая в поэме по сохранности, содержит рассказ Ут-Напиштима о потопе. Герой просит вечной жизни, но не выдерживает наложенных Ут-Напиштимом испытаний и возвращается домой. В последней таблице ему удается вызвать тень Эабани. Мертвый друг говорит ему о загробном мире.

III

Миф о Гильгамеше идет из Урука вместе с одним из цикла божественных мифов — так называемым «Хождением Иштар»[11]; оба сказания подразумевают шумерийские подлинники, счастливым образом сохранившиеся для второй из этих поэм[12]. Сравнение ассирийских редакций обоих сказаний позволяет установить одно обстоятельство, существенное для истории текста поэмы о Гильгамеше. «Хождение Иштар» открывается описанием загробного царства, дословно, с перестановкой лишь двух стихов, повторяющихся в третьей таблице Гильгамеша; стихи 17—20 «Хождения Иштар» повторяются в шестой и десятой таблицах Гильгамеша. Все три раза эти общие обоим текстам пассажи оригинально принадле-

[11] K.162 (Cuneiform Texts XV).
[12] A. Poebel, Historical and grammatical texts V NN 20—24.

жат «Хождению Иштар». Далее формула 6, 9, встречающаяся в поэме о Нергале и Эрешкигаль; можно указать и еще места в Гильгамеше, общие с другими вавилонскими текстами. Основным следствием отсюда является заключение о нецелостном характере, включающем ходячие формулы поэмы. Я уже говорил о значительной разнице между ее древневавилонской и ассирийской редакциями; древнейшие изображения Гильгамеша заставляют думать, что 12 таблиц библиотеки Ашурбанипала обнимают не все сказания с именем Гильгамеша. В качестве примера приведу хотя бы изображение Гильгамеша-рыболова, не находящее аналогии в тексте поэмы. Все эти маленькие указания приводят к необходимости предположить, помимо письменной и, может быть прерывающейся после первой вавилонской династии, еще некоторую устную традицию поэмы, частью терявшую менее характерные эпизоды, частью пополнявшуюся из источников, по существу посторонних поэме. Имя последнего рапсода сохранено для нас маленьким фрагментом каталога библиотеки Ашурбанипала[13]: KU.KAR *Gilgames ša pi *Sin-liki — unninni ma[smasi] «История Гильгамеша, со слов Син-лики-уннини, заклинателя»[XI].

Выражение ša pi «из уст» может обозначать или продиктовавшего текст, или автора копируемой таблетки; я склоняюсь в сторону первой из этих возможностей.

IV

Сообщение этих предварительных сведений хочется заключить несколькими словами о стихотворной технике поэмы. Все семитические языки знают долготу и краткость гласных, но только арабский использовал ее для правильной метрики. Вавилонская поэзия, подобно библейско-еврейской, построена на ритмике ударений. Единицей вавилонской поэзии является стих, состоящий из двух полустиший. Оба полустишия могут иметь по два или три ударяемых слога, или первое — три, а второе — два[14]. Количество неударяемых слогов между двумя ударениями безразлично, но не должно превышать четырех, два ударных слога не могут следовать непосредственно друг за другом. Следующим ритмическим целым является сочетание двух—трех стихов, тесно связанных содержанием. Равномерные сочетания в более крупные единицы, строфы, не могут быть доказаны в поэме о Гильгамеше. Рискуя вызвать улыбку, я поз-

[13] Haupt, Nimrodepos. SS. 90—92.

[14] Встречаются также трехдольные стихи из 2+2+2 ударений.

волю себе привести — в латинской транскрипции — вавилонский текст двух переведенных выше отрывков.

a) Таблица 1, стихи 1—8.

ša nagba imuru	[adi ṗati] mati
[ša kišša]ti idu	kalami [ihsus?]
[ib]rema mithariš	[kala duṗṗani]
[...] nimeqi	ša kalami [ummani]
niṣirta imurma	katimtu [ihuz?]
ubla ṭema	ša lam abubi
urha ruqta illikimma	anih u u[rida?]
[...] ina nari	kala manahtišu

b) Таблица 9, стихи 1—7.

*Gigameš ana	Eabani ibrišu
ṣarṗiš ibakkima	irabbut ṣera
anaku amatma	ul ki Eabanima
misatum iterub	ina karšiia
muta aplahma	arabbut ṣera
(,)	
ana lit Ut-napistim	mari Ubara-Tutu
urha sabtakuma	hantiš allak

Предлог ina «в» — во втором полустишии четвертого стиха — обычно неударяем (в противоположность ударяемому ana «к, на»); здесь он несет ударение, как и в уже упоминавшейся, вводящей новые «песни», постоянной формуле: mimmu šeri || ina namari.

17 июля 1918.

ДРЕВНЕВАВИЛОНСКИЕ ФРАГМЕНТЫ ЭПОСА О ГИЛЬГАМЕШЕ

ВАРИАНТ VI ТАБЛИЦЫ

[1] Он омыл свой меч,
он очистил свой меч,
по спине своей он
распустил свои кудри,

снял он грязное платье,
чистым платьем облёкся,
увенчался тиарой
и нагрудник надел,
увенчался короной
и нагрудник надел;
на красу Гильгамеша
подняла свои очи
царица Иштар:
«Пойдём, Гильгамеш,
любовником будь мне,
твою прелесть мужскую
подари мне в подарок!
Будь моим мужем,
возьми меня в жёны:
дам тебе я повозку
из лазури и злата,
с золотыми колёсами
и с ярмом из каменьев.
Будешь ты запрягать
каждый день в неё мулов.
Так войди же в наш дом
в благовонии кедров!
Когда войдёшь ты
в нашу обитель,
обладатели тронов
упадут тебе в ноги,
пред тобою согнутся
цари и владыки,
и долины и горы
принесут тебе подать,
овцы стад твоих будут
рождать тебе двойни,
перед стягом твоим
мул твой будет идти.
Конь в твоей колеснице
будет бегом могуч,
твой осёл подъяремный
не изведает равных».

Гильгамеш уста
открыл, говорит,
так изрекает
царице Иштар:
«Оставь для себя ты
свои богатства,
прикрасы тела
и одеянья!
Оставь себе ты
питьё и пищу,
вино и хлебы,
усладу божью,
хмельную брагу,
царей усладу!
Ты — негодная дверь,
не держащая ветра,
ты — дворец, что погубит,
развалившись, героя,
ты — как слон, разодравший
свои покровы,
ты — как факел, ожёгший
факелоносца,
мех, обливший водою
своего водоноса,
камень ты, разваливший
свою крепкую стену,
яспис ты...
на враждебную землю,
ты — сапог...
своего господина!
Кого из любовников
любила ты долго,
какой супруг твой
ещё тебе мил?
Смотри, я открою
тебе весь блуд твой!
Богу Таммузу,

дружку твоей юности,
из года в год
судила ты плач.
Пёструю птичку
алаллу любила ты,
и её ты избила,
поломала ей крылья,
и живёт она в чаще,
и кричит она: *каппи*!
Полюбила ты льва,
совершенного силой:
семь и семь ты ему
вырыла ям.
Полюбила коня ты,
гордого в битве:
удила ему, шпоры
ты судила и бич,
семь двойных часов бега
ты ему присудила,
ты его заставляешь
пить нечистую воду,
его матерь Силили
ты заставила плакать.
Пастуха ты любила,
пасущего стадо:
каждый день сожигал он
тебе куренья,
каждый день приносил он
тебе ягнят;
ты избила его,
обратила в шакала
и его прогоняет
его же стадо,
и его же собаки
его кожу кусают.
Ишуллану любила ты,
садовника отчего,
каждый день приносил он

тебе плодов,
каждый день украшал он
твой стол цветами,
на него подняла ты
свои глаза:
„Ишуллану мой сильный,
давай насладимся,
протяни свою руку
и коснись моих прелестей!"
А Ишуллану
тебе ответил:
„Что тебе до меня,
чего тебе надо?
Разве мать не варила,
разве я не вкушал?
Для чего ж ты даёшь мне
снедь стыда и проклятий,
для чего ж одеваешь
ты в терновник меня!!"
Ты услыхала
такое слово,
ты избила его,
обратила в *далаллу*[11].
Ты его заключила
внутри его дома,
он не выйдет на кровлю,
не сойдет...
И меня, полюбивши,
как других, превратишь ты!»
Когда Иштар
услыхала такое —
рассердилась Иштар,
поднялася на небо,
и приходит Иштар
пред Ану-отца,
перед матерь Анту
приходит и молвит:
«Мой отец, мой отец,

Гильгамеш меня проклял,
Гильгамеш перечислил
мои злодеянья,
мои злодеянья,
мои проступки!»
Ану уста
открыл и вещает,
обращает он слово
к царице Иштар:
«Увы, ты...
. . . . . .
Гильгамеш перечислил
твои злодеянья,
твои злодеянья,
твои проступки!»
Иштар уста
открыла, вещает,
Ану-отцу
говорит она слово:
«Создай, отец мой,
быка в небесах,
пускай Гильгамеш
исполнится страха!
Если ты не создашь
быка в небесах,
я сломаю...
. . . . . .»
Ану уста
открыл и вещает,
к царице Иштар
обращает он слово:
«Что тебе до меня,
чего ты желаешь?
. . . . . .
семь лет солому
. . . . . .
ты собираешь,
. . . . . .
срываешь травы?»

Иштар уста
открыла, вещает,
Ану-отцу
говорит она слово:
«. . . . . .
я сокрушила,
. . . . . .
я поселила!
. . . . . .
семь лет солому
. . . . . .
...я собирала,
. . . . . .
срывала травы!»

(Лакуна в 33 строки.)

Эабани уста
открыл и вещает,
к Гильгамешу он
обращается с речью:
«Мой друг, мы сразили

(Лакуна в 24 строки.)

Иштар поднялась
на стену Урука,
вскочила на стену,
бросает проклятья:
«Горе Гильгамешу!
Меня он обидел,
убил он быка!»
Слова Иштар
услыхал Эабани,
вырвал бок у быка
и в лицо ей бросает:
«Эй, погоди,
и тебя я поймаю,
как с этим быком,

с тобой поступлю я,
вкруг тела тебе
оберну его кишки!»
Иштар собирает
своих причетниц,
весёлых женщин
и дев веселья,
о боке быка
подняла она плач.
Гильгамеш всех искусных,
всех строителей кличет,
и строители мерят
рога быка:
30 мин лазури
рога его весят,
два пальца имеют
они толщину,
пять гуров елея
они вмещают,
богу дарит он их
своему, Лугальбанде,
он вешает их
в своём царском покое.
В Евфрате моют
они свои руки,
сбираются в путь,
выходят в дорогу
и приходят они
на стогна Урука,
люди Урука
собираются, смотрят.
Гильгамеш к слугам
дворца своего
слова обращает:
«Кто прекрасен
среди мужей?
Кто всесилен
среди мужей?»

— «Гильгамеш прекрасен
среди мужей!
Гильгамеш всесилен
среди мужей!»

ФРАГМЕНТ МЕЙСНЕРА

I

«...их шкуры, поедает их мясо.
...Евфрата, о Гиш[III], постоянно безводен,
постоянно волну его ветр угоняет.»
Закручинился Шамаш...
Гишу он говорит:
«Гиш, куда ты стремишься?
Жизни, что ищешь, ты не найдёшь!»
Гиш отвечает ему, герою Шамашу:
«С той поры, как брожу я по земле, будто...
здесь, над землёю, звёзды померкли,
и проспал я целые годы.
Да увидят глаза мои солнце, да нагляжусь на зарю я!
Вот темнота удалилась, широко разлилася заря,
земля мертвецов да увидит солнечный свет!»

II

«Тот, что со мною терпел всякое лихо,
Эа-табу[IV], которого я люблю безгранично,
тот, что со мною терпел всякое лихо,
он покорился судьбе всех человеков.
Денно и нощно о нём я рыдаю,
всё не кладу я его в могилу;
бог увидал нас, снизошёл к моим крикам.
Целых семь дней и семь ночей,
словно червяк, он лежал простёртый.
С этой поры я не вижу жизни,
словно ловец, я бегу в недрах пустыни:
а теперь, о Сабиту, я гляжу на тебя:
смерти, что я боялся, пусть я больше не вижу!»
Сабиту к нему обращается, к Гишу...

III

«Гиш, куда ты стремишься?
Жизни, что ищешь, ты не найдёшь!
Когда создали боги племя людское,
Смерть уделили они человекам,
жизнь захватили себе.
Ты же, о Гиш, наполняй своё чрево,
денно и нощно веселись и ликуй!
Пусть будет чистой твоя одежда,
голову вымой, водой умойся,
погляди на младенца, что схватил твою руку,
жену приласкай у себя на груди!
В благости делай...».

Он их сломал в своём гневе,
повернулся и встал перед ним;
Сурсунабу глядит на него,
Сурсунабу к нему обращается, к Гишу:
«Как твоё имя, скажи мне это;
Я — Сурсунабу далёкого Ута-Напиштим[v]!»
Гиш говорит ему, Сурсунабу:
«Гиш — моё имя,
я пришёл из Урука, божьего дома,
что стоит за горами,
долгой дорогой к восходу солнца.
А теперь, Сурсунабу, я гляжу на тебя:
покажи мне далёкого Ута-Напиштим!»
Сурсунабу к нему обращается, к Гишу...

ОСАДА УРУКА

Среди поля пастух оставляет стада,
покидает овец, укрывается в город,
корабельщик в реке потопляет суда:
«Что со мной будет?» — и горько плачет,
а торговка горшки в черепки перебила.
Лягают ослят ослицы,
бодают телят коровы,

словно быки, замычали люди,
будто голубки, женщины стонут;
боги блаженного[1] Урука
обратилися в мух и роятся средь улиц,
домовые[2] блаженного Урука
обратились в мышей, разбегаются в щели.
Три года враг осаждает страну[3],
ворота на запоре, заложены засовы,
Иштар на врага не подъемлет главы.
Эллиль уста открыл — и вещает,
к царице Иштар обращает слово:
«Урук — моё сердце, Ниппур — мои руки,
Борсиппа — моё счастье, Вавилон — моя радость!
...протяну мои руки,
...погляжу на Борсиппу,

...великие боги,
...Син, твой отец!»

ПАЛОМНИЧЕСТВО ГИЛЬГАМЕША

Узнавший ужас смерти Гильгамеш бежит через пустыню на крайний запад, к знающему тайну вечной жизни праотцу Ута-напишти. Он минует охраняемые скорпионами ворота Солнца, проходит область совершенной тьмы и, наконец, приходит в сад богов, к сидящей на престоле моря нимфе Сабиту. Научаемый богиней пилигрим отыскивает Сурсунабу, перевозчика Ута-напишти, в его ладье переплывает воды смерти и не на радость достигает вожделенной цели. Скорбный путь героя составляет содержание девятой и десятой книг поэмы о Гильгамеше в ее окончательной редакции, составленной для Куюнджикской библиотеки по спискам заклинателя Син-лики-уннини.

Старинный вариант рассказа, на четырнадцать веков древнее Куюнджикского издания поэмы, сохранился в небольших отрывках на фрагменте VATn.4105 Берлинского музея, писанном в Сиппаре при государях первой вавилонской династии. Этот вариант повествовал о странствии урукского владыки кратче позднего канона, избегая отличительных для рапсодического стиля повторений и не развертывая описаний. Имя стран-

ника в этом рассказе называется: Гиль, а имя его умершего друга Эабани передается в шумерийской форме: Энкиду.

Мой перевод этих отрывков сделан по фототипиям, приложенным к первоизданию фрагмента. Счет стихов ведется в предположении, что все колонны таблетки содержат по 50 строк; недостающие стихи восполнены свободным пересказом, воспроизводящим связь разрозненных отрывков. В понимании[1] существенных частей рассказа с установившейся традицией, я вынужден обосновать эти немногочисленные отступления в сопутствующих переводу примечаниях, рассчитанных на компетентного читателя. Реальный комментарий приведен в моих заметках «Гильгамеш у нимфы Сабиту»[2].

I

1—36. Оплакав умершего Энкиду, Гиль ужасается грядущей смерти. Задумав преодолеть судьбу, он отправляется искать обитель Солнца-Шамаша. Блуждая в безграничной пустыне, странник убивает полевых зверей,

[наде]вает их шкуры, съедает мясо;
Гиль — как волны Евфрата,
постоянно волну погоняет ветер.
И Шамаш омрачился и его убеждает,
обращается к Гилю:
«Что ты кружишься, Гиль?
жизни желанной ты не увидишь».
Гиль к нему обратился, к воеводе Шамашу:
«Высоко над пустыней пробежав, обернувшись,
в недрах вселенной погасают светила.
Буду я спать вечные годы, —
солнца, очи, глотните, светом пусть я насыщусь.
Далече сумрак, и столько света —
обречённый да видит сияние солнца».

II

51—85. Наставленный Шамашем, Гиль идет к царящей над морями нимфе Сабиту. Он рассказывает ей:

«[Друг мой, мною любимый много],
со мной ходивший на все труды,
Энкиду, мною любимый много,

со мной ходивший на все труды,
последовал он судьбе человеков.
И днём и ночью над ним я плакал,
не полагал я его в могилу —
только друг мой не встал на мои причитанья;
семь дней и семь ночей,
словно червь, он лежал на своём ложе.
С тех пор по нём, не увидев жизни,
бегал я, как безумный, среди пустыни.
Теперь, Сабиту, я вижу лик твой, —
ужасной смерти я не увижу».
И Сабиту к нему обращается, к Гилю:
«Что ты кружишься, Гиль?
Жизни желанной ты не увидишь.
Когда человеков творили боги —
смерть положили они человекам,
жизнь в свои руки они захватили.
Ты же, о Гиль, наполняй своё чрево,
и днём и ночью ты веселись,
изо дня в день устраивай праздник,
и днём и ночью и пей и играй.
Пусть будут чисты твои одежды,
волоса причеши, водою умойся;
погляди на младенца у себя на руках,
пусть жена веселится у тебя на груди.
Такое дело... [ты совершай]».

III

115—150. Пренебрегая радостями жизни, Гиль просит указать ему дорогу к одаренному бессмертием праотцу Ута-напишти. Сабиту направляет Гиля к перевозчику Ута-напишти, Сурсунабу. Гиль застает Сурсунабу в лесу, за рубкой кедров каменными топорами,

их сокрушает он в своём гневе,
и, повернувшись, стоит пред ним,
и Сурсунабу смотрит в очи.
Сурсунабу к нему обращается, к Гилю:
«Как твоё имя, ты мне поведай;

я — Сурсунабу Ута-напишти дальнего».
Обращается Гиль к нему, к Сурсунабу:
«Гиль — моё имя.
И я пришёл из...
в краю Восхода,
путём далёким, с востока Солнца.
Теперь, Сурсунабу, я вижу лик твой, —
ты покажи мне Ута-напишти дальнего».
Сурсунабу к нему обращается, к Гилю:

(Остаток колонны отбит.)

IX

Гильгамеш о друге своём Эабани
заливается плачем, пробегая степями:
«Вот и я умираю, стану, как Эабани!
Распаденье проникло в мою утробу,
смерти я ужаснулся и бегу через степи.
К лику Ута-напишти, сына Убара-Туту,
путь предпринял я ныне, поспешаю теченьем.
Горных проходов достигну я к ночи,
львов я увижу, мне станет страшно;
и воздену я лик мой, Сину буду молиться,
к божьей деве Иштар потекут мои вопли:
...вы меня сохраните!»

IX, кол. II

Имя гор этих — Машу,
к Машу-горам он притекает.
Стерегут они вечно восход и [закат],
в небосвод [упираясь] своею вершиной,
и в низ Преисподней достигают их груди.
Люди-скорпионы охраняют ворота,
нестеримо ужасны и погибельны взору,
их чудовищным блеском потрясаются горы,
у исхода и входа стерегут они Солнце.
Гильгамеш увидал их — и от смертного страха
омрачился он ликом,
застывает в нём разум, он стоит перед ними.

Человек-скорпион к жене взывает:
«У того, кто пришёл к нам, тело — божеской плоти».
И жена-скорпион ему отвечает:
«На две трети он бог, на одну — человек».

X, кол. V

Гильгамеш обращается к Ута-напишти:
«Я подумал: найду я дальнего Ута-напишти,
пресловутого узрю.
Так я подумал, прошёл все земли,
я миновал трудные горы,
я переплыл все океаны,
[прахом] и солью пресытился лик мой,
а я остался в своей тревоге,
и распадом, как прежде, наполняется плоть.
Дома Сабиту пока достиг я — сносилось платье,
убивал, ловил я львов, пантер и шакалов,
и козлов, и оленей, полевое зверьё,
[мясо] их поедал я, шкуры их надев[ал] я;
а она (Сабиту) на [засо]вы заключила ворота
и асфальтом и известкой [замазала двери]».

ПРИМЕЧАНИЯ

Стих 37 я дополняю *udapi* в начале строчки. Весь этот стих, с обратным только чередованием полустиший, приводится в рассказе Гильгамеша Ута-напишти (табл. X, кол. V, 30—32):

«Пока достиг я дома Сабиту — сносилось платье,
...убивал я, ловил я, львов, пантер и шакалов,
И козлов, и оленей, скот полевой,
[Мя]со их я съедал, шкуры их наде[вал] я»,

Ср. табл. X, кол. I, 6. — Два следующих стиха содержат прекрасное изображение бега Гильгамеша.

Стихи 45—50. Crux interpretum фрагмента. Я читаю первый стих: *ištu eli ṣērim attalūni dâlim*, где *attalūni* и *dâlu* суть infinitiva, избегая, таким образом, бессмысленных и невозможных переводов: seitdem ich in die Wüste (hinausgezogen?) bin, um herumzulaufen, sind inmitten der Erde der Sterne

wenig (?) geworden (Meissner, Weber), или depuis que je vais par la campagna comme l'oiseau-dalu, est-ce que sur la terre les étoiles diminuent (Dhorme); в следующих двух стихах я читаю *attillamma* futurum *littulâ*, в противоположность *attilamma* praeteritum и поправке *ittulâ* всех комментаторов; ср. «он поле пожирал очами». В стихе 49 *reqêt* я понимаю вместе с Dhorme как permansivum, *kî maṣi* значит «как много; сколько».

Стих 93. *ibru* «друг» и евр. ōn; Da sah es ein Gott und erwiderte mir auf mein Schreien нарушает течение рассказа.

В. Шилейко

2. МЕЛКИЕ ФРАГМЕНТЫ

НИНУРТА[1]

Первая таблица

Наподобие Ану . . . . . .
Нинурта, подобно Эллилю[2] . . . . . .
мощный среди Ануннаков . . . . . .
гневный, ужасом ты облечён, детище Бела.
Мой владыка, высок ты...
. . . . . земли...
...Эллиля . . . . . .
Разъярённый властитель . . . . . .
Сын Эллиля...
твой закон...
твой закон...

(Большая лакуна.)

Властелин...
О владыка Нинурта, ...
чужеземных богов разметал ты во гневе,
царь, владычной рукою . . . . . .
о властитель Нинурта, своей властной рукою.

Вторая таблица

Владыке Нинурте в подарок подарил он разительный блеск.
Киты в океане[3] приняли страшные вести:
Ану в небе ему в подарок подарил разительный блеск,
Ануннаки, великие боги, его не захватят.
Владыка пришёл как потоп,
Нинурта, сокрушающий стены враждебной земли, пришёл как потоп,
как гроза, он гремит в основаниях неба.
По повелению Бела, свой шаг направляя к Экуру,
предводитель богов разоряет страну,
далеко от Ниппура, до него не дошёл он.
Нуску, посол Эллиля, в Экуре встречает его
и владыке Нинурте говорит он привет:
«Ты могуч, господин мой, велика твоя мудрость,
ты могуч, о Нинурта, велика твоя мудрость,
твой разительный блеск, как одежда, покрывает святыню Эллиля.
От грома колёс твоей колесницы
содрогаются небо и дол, когда ты проходишь;
от подъятия длани твоей простираются тени,
Ануннаки, великие боги, дрожат у небесных краёв.
Святого отца в его доме не ужасай,
Эллиля ты в его доме не ужасай,
не потрясай Ануннаков ты в Преисподней.
Твой отец дары да дарует твоей властной руке,
Эллиль дары да дарует твоей властной руке,
Ану, великий царь, предводитель богов,
владыка скипетра Эллиль, рождённый в Экуре.
О владыка горы, ты убиваешь,
не послан никто из богов,
о владыка горы, ты убиваешь
не послан никто из богов».

Третья таблица

Яростно...
боги...
словно птицы...
за своими стенами укрылись они.

На разительный блеск мой, словно Небо великий, кто восстанет?
Я — владыка, высокие горы спешат к горизонтам.
Алебастром, порфирой, лазурью наполняю я руки,
Ануннаки, как свиньи, убегают в пещеры,
в горах я себя отмщаю владычной рукой.
В моей деснице Шарур я несу,
Уд-ка-нинну, мой божий меч, я несу,
разрушителя гор, Удба-Нуиль, я несу,
меч, съедающий трупы как дракон, я несу,
разрушителя гор, тяжёлый меч небес я несу,
покорителя гор, семипёрую рыбу, несу я,
тёлку сражений, сеть на вражью страну, я несу,
разрубателя шей, мой божественный меч, я несу,
западню боевую, которой горы не избегнут, я несу,
друга героя — мой лук, на помощь в бою я несу,
пояс, что льнёт к человеку, и колчан я несу,
владык враждебного дома — лук и щит, я несу,
бурный потоп сражений — булаву, я несу,
булаву, которой семь глав убивают как змеи, несу я,
пред которою враг убегает, как пред чудищем моря, несу я.
сокрушителя в ярости боя — страх небес и земли, я несу,
ясный, как день, Курраширур я несу,
укрепляющий небо и землю Эримбинутук я несу,
меч, разительным блеском поражающий страны,
удобный в моей деснице, в золоте весь и в лазури,
на который глядят с удивлением, ...я несу,
меч, как пламя сжигающий землю, Кушганинну, несу я.

Четвертая таблица

Властитель...
Царь я, день засветивший наподобие Ану,
мощный пламень Эллиля, необорный в горах,
я — владыка Нинурта.
Называя меня, да простру тся горние силы,
Ламбу, кого Эллиль породил в своей мощи.
С тех пор как Ану, вождя богов,
Ану-царя в его славе я увидел,

стал я мечом, повергающим горы, пристойным царю,
стал я мощью сражений, порождением Иштар,
стал героем, идущим в бой по повелению Эа.
Моё царство светло да взойдёт до пределов небес и земли.
Я могучий между богов, блеском я да оденусь.
Дом Ниппура, о город любимый...
Град мой. В граде братьев моих пусть я буду царём.
Дом мой. В доме братьев моих пусть я буду царём.

(Лакуна в несколько строк.)

Доброе слово Нинурты Нинкарнунна внимает,
встаёт пред владыкой Нинуртой, мольбу произносит:
«Господь, в твоём граде любимом пусть отойдёт твоё сердце.
Нинурта, в твоём граде любимом пусть отойдёт твоё сердце,
в Ниппуре, который ты любишь, пусть отойдёт твоё сердце.
Когда ты войдёшь в ликовании в свой возлюбленный Эшумеша,
скажи Нин-Ниппур, своей супруге,
всё, что в сердце твоём, всё, что в мыслях твоих, ей скажи,
царское слово благое скажи ей на веки вечные».

(Маленькая лакуна.)

Успокоилось сердце Нинурты,
благостно на супругу смотрит владыка Нинурта,
на супругу свою Нин-Ниппур.
Всё, что в сердце его, говорит ей, всё, что в мыслях его, говорит ей,
царское слово благое говорит ей на веки веков.
Властелин, чьё владычество славно,
сын Эллиля, Нинурта,
чья слава в доме Эллиля наполняет всю землю,
господь, сокрушающий горы, не имеющий равных,
гневно повёл свой царственный натиск,
властелин устремился во всей своей мощи.
О Нинурта, рождённый в Экуре,
о опора отца, велика твоя слава.

1 Мощный...
Силу Лаббу-дракона, о боже, ты умножаешь в горах,
царственный отпрыск, Нинурта, Эллиль тебя возвеличил,

властитель, твоя западня уловляет врага,
Нинурта, твоя страшная тень ложится на землю.
На добычу во вражьей земле собирает он войско.
Когда царственный отпрыск Нинурта, далеко превзошедший отца,
сидел на престоле богов, разливая свой блеск,
когда радостно он и щедро восседал на пиру,
состязался с Эллилем и Ану и размешивал вина,
когда Бау царю говорила молитву
и Нинурта, сын Эллиля, владыка, назначал ей судьбу,
тогда загремел его меч, склонивший дух свой к горам,
промолвил Шарур владыке Нинурте:
«Господин, высоко твоё место . . . . . .
Нинурта, неизменен приказ твой . . . . . .
Ану-владыка создал землю.
На Нинурту бесстрашного не отважится демон.
К дитяти, не знавшему груди, не вкусившего млека,
не знавшему предка владыке, к разрушителю гор,
к герою, чей лик никогда не омрачался стыдом,
к Нинурте, сильному мужу, на чьём лице — ликованье,
к властелину, как бык, впрягусь я в ярмо».
Властелин, заботливый к матери, благосклонный к граду,
подымается в горы, сеет в них семя,
вместе травы зовут его имя на царство,
между ними, как бык, он возносит рога.
Камни Су и Шаггало, долорит, камень Уз,
алебастр, их героя, — он берет, словно город.
Из потрясшихся гор вырос зуб ядовитый,
. . . . . склонились пред ним.

ЭА И АТРАХАСИС

I

При наступленьи второго года
...сокровищ;
при наступленьи третьего года
люди в... ...стали враждебны;

при наступленьи четвёртого года
умалились грады, сузились стогна,
...бродят люди по стогнам;
при наступленьи пятого года
прихода матери дочь выжидает,
дочери двери мать не откроет,
на весы матери дочка смотрит,
на весы дочери смотрит матерь;
при наступленьи шестого года
к столу на обед дочерей готовят,
к столу на ужин готовят малых,
один из домов другой поедает,
от этих деяний закрыты их лица,
люди живут под страхом смерти.
Весть получили...
Стали входить...
приказ...
Владыка страны...

(Остатки еще трех строк.)

II

В небе Адад на дожди скупится,
внизу заточён поток, из пещер не выходит,
поле своих плодов не приносит,
отняты груди Нисабы.
За ночь луга побелели,
широкое поле рождает соль,
не восходит трава, не приносит семян,
и случилась тогда с народом невзгода,
заключились утробы, не рождают малюток.
При наступленьи первого года
. . . . . .
при наступленьи второго года
. . . . . .
при наступленьи третьего года
люди в... ...стали враждебны;
при наступленьи четвёртого года

умалились грады, сузились стогна,
...бродят люди по стогнам;
при наступленьи пятого года
прихода матери дочь выжидает,
дочери двери мать не откроет,
на весы матери дочка смотрит,
на весы дочери смотрит матерь;
при наступленьи шестого года
к столу на обед дочерей готовят,
к столу на ужин готовят малых,
один из домов другой поедает,
от этих деяний закрыты их лица,
люди живут под страхом смерти.

Одарённый рассудком человек Атрахасис,
к своему господину Эа клонит он дух;
говорит он со своим богом,
а господь его Эа речи с ним не ведёт.
Он выходит к воротам бога,
перед самой рекой ставит он своё ложе.

III

...вопиют...
криками их был он смущён
...их сонма не охватит...
Эллиль собирает их сонм,
говорит он богам, своим детям:
«. крик человеков,
криками их был я смущён;
...их сонма не охватит...
...лихорадка да будет.
Пусть немедленно крик их уймёт чума.
Словно буря, на них да подуют
немочь, боль головы, лихорадка, беда».

. . . . . лихорадка постигла,
и немедленно крик их оборвала чума;
словно буря, на них подули
немочь, боль головы, лихорадка, беда.
Одарённый рассудком человек Атрахасис
к своему господину Эа клонит он дух;
говорит он со своим богом,
и господь его Эа речь с ним ведёт;
Атрахасис уста открыл и вещает,
изрекает он Эа, своему господину:
«...владыка, плачутся люди,
. . . . . пожирает страну;
...владыка, плачутся люди,
...богов пожирает страну.
. . . . . вы нас породили,
да исчезнут немочь, болезнь, лихорадка, беда».

Эа уста открыл и вещает,
Атрахасису он говорит:
«...ураган обладает страною,
...молите вашу Иштар.
. . . . . высоко его слово,
...жертвы,
...перед нею
...обильны,
...он руку возложит».

Эллиль собирает свой сонм,
говорит он богам, своим детям:
«. . . . . не делайте им.
Пусть их будет не меньше, чем прежде, а больше.
Криками их был я смущён,
...их сонма не охватит...
Пусть уйдёт от людей терновник,
пусть не станет в чреве их трав,
в небе Адад на дожди пусть скупится,

внизу да запрётся поток, из пещер да не выйдет,
поле своих плодов да не даст,
да отнимутся груди Нисабы.
За ночь да побелеют луга,
широкое поле да покроется солью,
да не всходит трава, не приносит семян,
да случится с народом невзгода,
пусть замкнутся утробы, не рождают малюток».

Ушёл от людей терновник,
в их чреве не стало травы,
в небе Адад на дожди скупится
внизу заточён поток, из пещер не выходит,
поле своих плодов не приносит,
отняты груди Нисабы;
за ночь луга побелели,
широкое поле рождает соль,
не всходит трава, не приносит семян;
и случилась тогда с народом невзгода,
заключились утробы, не рождают малюток.

Фрагмент ДГ.42

«...как своды небес и земли,
...да будет он крепким наверху и внизу,
...и твёрдым...
Как приблизится срок, возвещённый тебе,
подымись на корабль и закрой его дверцы,
нанеси в него пищи, всё, что есть у тебя,
собери в нём родных, свояков и прислугу,
скот, зверей полевых, поедающих травы, —
всё пошлю я тебе охранять твои двери!»
Атрахасис уста открыл и вещает,
Эа, владыке своему, говорит:
«Никогда кораблей я не делал,
нарисуй на земле его образ,

да увижу я образ, да построю корабль!
...на земле нарисуй...
...как ты повелел...»

ИРРА

I

Пятому он говорит: «Вей, словно ветер!
Шестого он посылает: «Ищи вверху и внизу и никого не щади».
Седьмому даёт он меч: «Свирепствуй в стране».
После того как Ану назначил судьбу семерых,
Ирре, герою богов, он их вручил: «Пусть они ходят с тобою!»
Всех людей на земле твой яд поражает,
твоё сердце склонилось к устроению бедствий;
чтоб людей умерщвлять, мучить тварь полевую
разъярятся они и пойдут за тобой,
разозлятся они, загрохочут мечами,
скажут Ирре они: «Подымайся, вставай!
Ты — не слабый старик, заключённый во граде,
не дитя, не младенец, заключённый в дому,
не бежавший от битвы, не запрятанный евнух,
да и нам не впервые, не боимся мы ран!
Выходящий на битву разве станет, как евнух,
а живущий во граде . . . . . .
в львиной пасти...
выходящему в битву . . . . . .
всю еду городскую . . . . . .
пиво . . . . . .»

(Остальное отбито.)

II

К.2619.I

...схватил ты,
...Эллиля... наладил ты,
«...сердце моё!» — говорит он.
Ворота правителя [залил] кровью мужей и жён,

ты разорил его дом;
вавилоняне эти уподобились птицам,
ты же был их ловцом,
сетью ты изловил их, захватил и поймал,
победительный Ирра!
Ты оставил их город, удалился от них,
уподобился льву и вошёл во дворец;
войско тебя увидало, обнажило мечи,
у князя, грозы Вавилона, разгорелося сердце,
за добычею вражьей посылает он воев,
против народа вражду замышляя:
«В городе этом, куда я посылаю тебя, человек,
не страшись ничего ты, никого не бойся,
от мала до велика всех убивай,
и младенцев грудных, никого не щади,
всё, что есть в Вавилоне, забери ты в добычу!»
Царское войско собралось, заняло город,
натянуты луки, остры мечи;
воинам отрядов Ану и Дагана
наточил ты мечи их,
кровью, как ливнем из туч, залил ты площади града,
пролил ты кровь их, смыл их рекою.
Увидал владыка Мардук и воскликнул он: «Горе!»
Замерло его сердце,
нерушимую клятву произнёс он устами:
«...воды из реки да не пьёт он!»

K.2619.II

. . . . . твоё сердце желало,
...вечный город владыки земель,
потоп не [тронул его].
Ночью ты срыл его стену, разорил его площадь.
В Уруке, жилище Ану и Иштар.
в городе девок, блудниц и наложниц,
которым Иштар за мужчину вручает их плату,
сутеи с сутейками мечут пламя,
убивают в Эанне скопцов и двуполых,
кого в устрашение людям Иштар обратила в женщин.

Над носящими меч и кинжал, копьё и кремень,
которые, Иштар в угоду, питаются...
властного князя с сумрачным ликом ты посадил,
чтобы он притеснял их, умножал их законы.
Иштар разгневалась, на Урук рассердилась,
подняла она силу, как тростник у реки,
...связала за позор Эутгаля,
неустанно она причитает,
враг, воздвигнутый ею, не желает уйти.
Великий бог отвечает на речь:
Дур-илу в пустыню [ты обратил],
жителей в нём, как тростинки, сломил ты,
и ивняк у реки, ты их всех...
Ты и меня не оставил,
сутеям...
О граде моём Дур-илу не судил я правым судом,
не решал я законным решением,
не давал я приказа . . . . . .
люди оставили правду . . . . . .
справедливых...

(Отбито пять строк до конца колонны.)

K.2619.III

(В начале отбито 16 строк.)

«...я возвеличу, ...
сына убью я, отца я...
потом и отца я убью, ...
того, кто выстроил дом...
такое я совершу — и тогда лишь утихну.
В день, как судьба приведёт, я возлягу...
его самого я убью, опустошу его дом;
пусть они будут пустынны, я отдам их другому!»
— «Победительный Ирра! Убиваешь ты правых
и неправых ты убиваешь,
согрешивших ты убиваешь
и безгрешных ты убиваешь,
благих, приносящих жертвы богам, ты убиваешь,

злобных и цареубийц ты убиваешь,
...ты убиваешь,

(Следы еще двух строк.)

K.2619.IV

«Шульпаэ его блеск да загасит, ...
у деревьев их корни . . . . . .
их плоды да не зреют;
у стены я подрою основу и сорву её край;
к царю богов я пойду, ...»
Услыхал победительный Ирра,
слово, что Ишум промолвил, ему приятней елея.
И так говорит победительный Ирра:
«Поморье — Поморье, Субарту — Субарту, ассириец — ассирийца,
эламит — эламита,
кассит — кассита,
сутей — сутея,
кутей — кутея,
лулубей — лулубея,
страна — страну, дом — дом, человек — человека,
друг друга не будут щадить, будут давить друг друга;
напоследок восстанет аккадец,
всех их он одолеет, покорит он их всех».
Победительный Ирра к Ишум-вождю обращает слова:
«Ишум, ступай исполни слово, что ты сказал».
Ишум к Сарсар-горе обращает свой лик,
бесподобные семеро мощных
прах за ним поднимают.
Сарсар-горы достигает могучей,
поднимает он руки, хватает гору,
Сарсар-гору считает он своею землёю.
В роще смоковниц ломает он лозы.

(Остальное отбито.)

III

Когда успокоился Ирра, ...
все боги склонились, страшатся...
Ануннаки с Игигами все пришли...

Ирра открыл уста, ...вещает
«Замечайте вы все, слушайте слово!
За прошлый грех я замыслил злое,
разъярился я сердцем, сокрушил я людей;
словно пастырь овцу выгоняет из стойла,
как садов не сажавший сокрушает рассады,
как разбойник в стране не щадит злых и добрых, —
я их сокрушаю,
из пасти гневного льва не вырвать им трупов,
и там, где... другой не...
Не Ишум... моё имя, кто бы он ни был,
для ваших...
. . . . . обоняют куренья!»
Ишум уста раскрыл и вещает,
к могучему Ирре обращает он слово:
«Победительный Ирра, внимай моей речи!
После...
сегодняшний день . . . . . .»
Услышал его победительный Ирра,
как в прошедшие дни,
вошёл он...
закричал он...
«Людей...

(Лакуна в две строки.)

и у князя Аккада его мощь ты...
семерых из детей его, словно...
его города обратишь ты в пустыню,П
большую добычу унесёшь ты в Шуанну,
гневных богов страны ты успокоишь!
Луга и посевы снова взойдут,
горы — клады свои и моря свои...
пустые поля . . . . . .
дорога...
дом...»

(Лакуна в две строки.)

Годы без счёта слава великого бога...
Ирра ярился, к разорению стран
склонял он свой дух;

Ишум, советник его, усмирил его гнев,
тот, что песни слагает Мардуку, славному меж богов, первенцу Эа.
В ночи он явился ему, а вставши наутро, он никого не увидел.
Поднялся он от него, к нему не спускается больше
. . . . . Ирра, встретил его,
слово Ишум-вождя его веселит,
все боги ложатся с ним вместе,
и так говорит победительный Ирра:
«Кто почтителен к этой песне, — в его храме да будет богатство,
а кто её разобьёт, — тот пускай не вдыхает курений!
Кто прославит имя моё, тот будет править вселенной;
кто воздаст хвалу моей мощи, —
равных тот не узнает!
Певец, что её возгласит, не умрёт от суда,
царям и вельможам его речь будет сладкой...

ЛУГАЛЬБАНДА И ЗУ

Лугальбанда пошёл в далёкие горы,
на горе Сабу один поселился,
Мать у него не живёт, с ним слово не молвит,
отец у него не живёт, с ним слово не молвит,
дорогой знакомец у него не живёт,
...сердца не молвит он слова,
в своём собственном сердце говорит он слова:
«С этою птицей поступлю я, как надо,
с этим Зу поступлю я, как надо.
Его жену напою я вином;
жену Зу, сына Зу посажу я за пир».
Энну и Нингуэнну приносит он с гор,
мудрая женщина, матерь, делающая, как надо,
Сирис, мудрая женщина, матерь, делающая, как надо, —
её сосуды из хорошей лазури,
её чаши из чистых серебра и злата,
в сикере медлит веселье,
в сикере живёт ликованье...

(Далее — оборот таблетки.)

на своей голове... деревянный он укрепил,
...на главу он надел
и до гнезда Зу он поднялся.
В неизвестные горы он ступает ногой...

МАРДУК

Мощный, пресветлый царь Эриду,
славный, великий первенец Эа,
яростный Мардук, радость Э-энгуры,
царь Эсагила, мощь Вавилона, хранитель Эзиды,
душеспаситель, князь Эмахтилы, жизнедаритель...

ПОБЕДА МАРДУКА НАД ТИАМАТ

(ОТРЫВОК ИЗ ПОЭМЫ О СОТВОРЕНИИ МИРА «ЭНУМА ЭЛИШ» — «КОГДА ВВЕРХУ»)

Увидали это отцы — и рады, ликуют,
дары и подарки ему приносят.
И тогда отдохнул владыка, смотрит на тело её,
разделяет плоть её трупа, делает дива:
он её делит, как рыбу,[1] на две половины,
ставит одну половину кровом небесным,
замыкает засовы, выставляет стражу,
запрещает он страже выпускать небесную воду.
Он проходит всё небо, озирает его края,
он становится над океаном, жилищем Нудиммуд;
и когда измерил владыка простор океана,
подобный небу дворец он поставил, Эшару;
во дворце Эшара, созданном как небо,
Ану, Эллиля и Эа он поселяет в их градах.

ПЕСНЯ ИДИН-ДАГАНА, ЦАРЯ ИСИНА

Тебя прославляю я, дева,
тебя величаю я песней!
Масло, плоды, молоко,
семь пирожков испечённых

я тебе ставлю
на стол Страны;
чёрное пиво
я наливаю,
светлое пиво
я наливаю,
чёрное пиво,
пиво *улушин*,
моей царице
пиво *улушин*,
веселящее сердце,
создающее песни,
с благодарной молитвой
я тебе приношу;
чтобы ты примирилась,
мёд и сливки, и пиво
я тебе приношу,
чтобы ты ублажилась,
мёд и сливки, и пиво
я тебе приношу;
пироги, мёд и сливки
я тебе приношу,
белопенное пиво
я тебе приношу,
мёд и пенное пиво
я тебе приношу,
чтобы бог к человеку
разделить возлиянье
поспешил подойти.
Тебя прославляю я, дева,
тебя величаю я песней,
царицу небес и земли,
мою госпожу я пою;
пред моею святою богиней,
пред лицом её я веселюсь.
Госпожа, вознесённая в небе,
о владычица, ты велика.
О прекрасная дева небес,

лишь тебя достоит обожанье,
госпожа, вознесённая в небе,
о владычица, ты — велика.

Молитва. Девятая часть[1].

В храме матери Инанны,
в первом храме Страны,
в храме бурного А,
перед кем преклонились
в страхе люди страны,
уготовил я место
для царицы царей,
уготовил жилище
для царицы богов,
назначающей судьбы
чужестранных земель,
возвышающей сильных,
просветляющей дух,
отдающей веленья
до скончанья веков.
В первый день новолетья,
в день решенья судьбы,
я содеял...
травы *уму и бур*,
порождение леса,
лён и мясо ягнёнка
я сожёг для неё.

(Строки 69—146 утеряны.)

царственный дом твой
я наполнил сияньем,
о владычица Нинни[2],
на земле и на небе
я пою тебе славу,
величаю тебя.
Тебя прославляю я, дева,
тебя величаю я песней:
радость черноголовых,

ты одна благодатна,
о владычица Нинни,
дочерь светлого Сина,
госпожа Гештин-Анна,
велика твоя честь.
Царицу небес и земли,
мою госпожу я пою;
пред моею святою богиней,
пред лицом её я веселюсь.
Госпожа, вознесённая в небе,
о владычица, ты велика.
Тебе и сила,
тебе и слава,
тебе и сила,
тебе и слава,
тебе и царство,
тебе и честь.

Молитва Нин-Ансианне.

ЛИТАНИЯ МАРДУКУ О БОЛЯЩЕМ

Пробегающий небо, укрепляющий землю,
Измеряющий воды морские, насаждающий травы,
В Э-уд-уле живущий, Господин
Вавилона, Высокий Мардук,
Присуждающий судьбы всякому богу,
Светлый скипетр дающий благоверным царям.
Я, священник Экуа, возношу твою благость:
С Вавилоном, столицей своей, примирися,
Смилуйся над Эсаггилем, храмом своим.
Царь великих богов, твоей вышнею волей
Для детей Вавилона да вспыхнет свет.
Он отойдёт от Бела и скажет молитву царице:
Высока ты, богиня, ты превыше богинь,
Царпанит, светлейшая звезда, ты живешь в Э-уд-ула,
Божий светоч, чей лик — из чистейшего света,

Обходящая небо, укрепившая землю,
Царпанит, чей дом высоко,
Светла царица, высоко вознеслася,
Из богинь не сравнится с нею никто.
Ты находишь вину, осеняешь покровом,
Заграждаешь уста богача и хранишь бедняка,
Ты сражаешь врага, что тебя не боится,
Ты спасаешь пленных, подымаешь упавших.
Рабу, что вознёс твою благость, изреки твою благость,
Царю, что боится тебя, судьбу присуди,
Вавилоняне — дети твои, живот подари им,
Пред Мардуком, богом богов, осени их покровом.
Пусть они вознесут твою славу, возвеличат твой сан,
Пусть восхвалят они твою мощь, вознесут твое имя.

В месяце Нисане, в день второй, в первом часу ночи священник встанет, умоется речной водой, наденет льняную ризу, взойдет пред лицом Бела, поклонится ему и скажет Белу свою молитву:

Бел, кому нету
равных во гневе,
Господи, царь милосердный,
владыка земель,
Воздаятель покоя
великим богам,
О, владыка, очами
повергающий сильных,
О, владыка царей,
свет людей, наделяющий благом.
Бел, твой дом — Вавилон,
твой венец — Борсиппа,
А широкое небо —
твоя душа.
Бел, своими очами
ты все прозреваешь,
Своею душою
ты проводишь все души,
Своим взором
даёшь ты закон.

Благосклонно глядишь ты,
посылая им милость,
Ты являешь им свет,
они славят тебя:
Боже стран, свет Игигов,
изрекающий благость, —
Есть ли кто, кто не стал бы
прославлять твою силу,
Вознося твою славу,
величая твой сан.
Боже стран, ты живешь в Э-уд-ула,
ты даешь упавшему руку, —
Смилуйся над Вавилоном,
своею столицей,
К Эсаггилю, своему дому,
лик обрати,
Вавилонянам, детям своим,
подай преизбыток.

В месяце Нисане, в четвертый день, в I 2/3 часа ночи священник встанет, умоется речною водой, склонится перед Белом и царицей, возденет руки перед Белом и скажет Белу свою молитву:

Мощный владыка Игигов, славнейший великих богов,
Владыка земель, царь богов, утвердитель пределов,
Славный, высокий, великий владыка,
Царственный саном, обладающий властью.
Факел горящий, Мардук, ты живешь в Э-уд-уле,
...попираешь землю врага.

Уригаллу отойдёт от богини,
обратится к югу лицом;
«Эсагиль, подобие небес и земли», —
он прочтёт и помолится Эсагили.
Он откроет ворота, весь причт
войдёт и откроет уста
как бы для псалма.
Плакальщики и певцы
сделают то же.

Когда они сделают это,
«Кто как день» и «Когда вверху»
проситель прочтёт целиком
Уригаллу храма Экуа
...принесёт, не поставив;
тиары Эллиля и Ану
пребудут сокрыты.

В Нисане, на пятый день,
в два двойных часа ночи
Уригаллу восстанет от сна
и водою Евфрата и Тигра
совершит омовенье;
он взойдёт перед Бела,
он наденет одежду *кулиллу*
и прочтёт перед Белом молитву:
Ану, боже небес и земли,
присуждающий судьбы,
господин, господин, успокойся!
О звезда Мусиркешда,
носящий скипетр и меч,
господин, господин, успокойся!
О звезда Эриду,
постигший премудрость,
господин, господин, успокойся!
О боже Асарри,
дарующий жатву,
господин, господин, успокойся!
О созвездие Баббар,
подающее знаки вселенной,
господин, господин, успокойся!
О звезда Гудибир,
проливающий ливни,
господин, господин, успокойся!
О созвездие Ген,
справедливость и правда,
господин, господин, успокойся!

О созвездие Ан,
гневный огонь,
господин, господин, успокойся!
О звезда Каксиди,
пробегающий воды морей,
господин, господин, успокойся!
О созвездие Шупа,
владыка владык,
господин, господин, успокойся!
О звезда Ненегар,
сам себя породивший,
господин, господин, успокойся!
О светило Нумушда,
умножающий ливни,
господин, господин, успокойся!
О звезда Скорпион,
одержащий лоно морей,
господин, господин, успокойся!
Шамаш, светящий миру,
господин, господин, успокойся!
Син, освещающий мрак,
господин, господин, успокойся!
Господин мой, мой боже!
Господин мой, владыко!
Господин мой единый!

Он прочтёт перед Белит молитву:

Госпожа моя, усмирись!
Госпожа моя, успокойся!
Госпожа моя, светоч блестящий,
госпожа моя, успокойся!
Госпожа моя, подари,
госпожа моя, смилосердись!
Госпожа моя...
госпожа моя, смилосердись!
Госпожа моя, светоч блестящий,
госпожа моя, снизойди!
Госпожа, ты внемлешь молитвам,
госпожа моя, снизойди!

О богиня Дамкина,
одержащая небо и землю,
«Госпожа моя» — её имя.
О планета Дильбат,
светлейшая из звёзд,
«Госпожа моя» — её имя.
О созвездие Лук,
поражающий сильных,
«Госпожа моя» — его имя.
О светило Коза,
обходящая небо,
«Госпожа моя» — её имя.
О созвездие Жатва,
звезда урожая,
«Госпожа моя» — её имя.
О светило Баль-ур,
звезда топора,
«Госпожа моя» — её имя.
О светило Змея,
связь небес,
«Госпожа моя» — её имя.
О звезда А-эдин,
создающая семя,
«Госпожа моя» — её имя.
О светило Нинмах,
раздающая жизнь,
«Госпожа моя» — её имя.
Госпожа моя, госпожа,
«Госпожа моя» — её имя.

МОЛИТВА К ИШТАР

(Строки 1—37 утрачены.)

Возбудительница Иштар, сводящая сонмы,
Богиня мужей и жён, чей замысл никем не изведан,
Взглянешь ты — мертвецы воскресают и больные встают,
И неправедный будет исправлен, увидавши твой лик.
Я зову тебя в воплях и стонах, и в болезни, твой раб.

Погляди на меня, госпожа, прими мои просьбы,
Благосклонно взгляни на меня, услыши моленья,
Изреки мне пощаду, уйми свою ярость,
Пощади моё хворое тело, полное мук и терзаний,
Пощади моё горькое сердце, полное слёз и печали,
Пощади мою скорбную совесть, полную мук и терзаний,
Пощади мой сломленный дом, удрученный рыданьем,
Пощади мою душу, полную слёз и печали!
Ирнини, гневная львица, да отдохнёт твоё сердце,
Разгневанный буйвол, да отойдёт твоя злоба!
Твои очи благие да обратятся ко мне,
Благостно ясным взором взгляни на меня,
Сними волшебство с моей плоти, да увижу твой ясный свет!
Доколе, владычица, будут злорадны мои враги,
Доколе в бунтах и изменах они будут строить козни,
Мой гонитель и мой ненавистник доколе меня утеснят?
Доколе, владычица, *лиллу* будет мучить меня?
Мощный покажет свой тыл — и я буду светел тобою!
Слабые стали сильны, и я ослабел,
Я поднялся, будто волна, гонимая злою бурей,
Крепнет, летит моё сердце, будто небесная птица,
Я стенаю, как голубь, ночью и днём,
Я опечален, горько я плачу,
В причитаньях и вздохах скорбит мой дух.
Что же я сделал, боже мой и богиня?
Как не боящийся бога и богини, я удручён;
И постигнут болезнью и хворью, несчастьем и разореньем,
Бедность, немилость и злоба постигли меня,
Ненависть, ярость и гнев богов и людей!
Видел я, госпожа, тёмные дни,
Мрачные месяцы, годы позора,
Видел я, госпожа, приговор стыда и бесчестья,
Смерть и беда меня съели,
Тесен мне храм, тесен алтарь,
В доме, в дверях, на полях сгустилась печаль,
Бог мой к иному месту обращает свой лик.
Отнята моя сила, сокрушена моя мощь!
На тебя, госпожа, уповаю, к тебе летят мои думы,
Тебе я молюся, разреши мои чары,

Разреши мой грех, ошибку, проступок, вину,
Позабудь мой проступок, прими мои просьбы,
Дай мне освобожденье, утешенье, защиту,
Ясно направь мой шаг, чтобы шёл я с людьми по дороге,
Говори — и от слов твоих пусть утихнет яростный бой,
Да утишится гневная богиня!
В обиталище мрака да вспыхнут угли,
Госпожа, да зажжётся мой факел,
Да окрепнет былая сила,
Да расширится двор, да раздастся ограда!
Прими мой поклон, прими мою просьбу,
Благосклонно взгляни на меня!
Доколе ты будешь гневна и твой лик отвращён,
Доколе ты будешь сердита и твой дух разъярён?
Повернись к тому, кто оставлен, промолви доброе слово,
Как уходит речная вода, да уйдёт твоя злоба,
Да попру я ногами, будто землю врагов,
Одолей и повергни на землю супостатов моих,
Мои молитвы и просьбы да приидут к тебе,
Своей великой пощадой буди со мною,
Увидавший тебя на путях да воздаст тебе славу,
И я да прославлю в людях твоё божество и силу;
Иштар высока, Иштар царица,
Госпожа высока, госпожа царица,
Мощная Синова дочь не ведает равных!

ЗАКЛЯТИЕ ПРОТИВ ЛАМАШТУ

Переходит ли реку —
мутит она воду,
На стене ли стоит —
пачкает грязью,
Подойдёт к старику —
зовётся кончиной,
Подойдёт к человеку —
зовётся мраком,
Подойдёт она к женщине —
зовётся Ламашту,

Подойдёт ли к младенцу —
зовётся Рабканме.
Вот ты приходишь
и хватаешь ребенка,
Делаешь жёлтым лицо,
сгибаешь тело,
Налагаешь ты боль,
жжёшь ты плоть, как огнём!
Чтобы ты отошла,
чтобы ты удалилась,
Чтобы ты не вернулась,
чтобы ты не пришла,
Чтобы ты не входила
в тело имярека, сына имярека, —
Я тебя заклинаю
Ану, отцом великих богов,
Я тебя заклинаю
богом Эллилем, великой горой,
Я тебя заклинаю
Эа, царём океана, создателем мира,
владыкой вселенной,
Я тебя заклинаю
Госпожою богов, великой царицей,
созидающей твари,
Я тебя заклинаю
Сином в тиаре, разрешителем судеб,
указующим знаки,
Я тебя заклинаю
Шамашем, светом верхних и нижних,
создавшим страны,
Я тебя заклинаю
богом Мардуком, царём волхвований,
Я тебя заклинаю
Нинуртой, первым из богов, своих братьев,
Я тебя заклинаю
Нинахакуддой, царицей заклятий,
Я тебя заклинаю
Нинкаррак, жрицей в Экуре,

Я тебя заклинаю
богиней Иштар, госпожою земель,
Убшукинной — жилищем богов —
средь Экура да будешь ты заклята!
Чтобы к имяреку, сыну имярека
ты не вернулась, ты не пришла, —
Клятвой незримой,
клятвой Эа с Мардуком,
Клятвою Даму
и Нинкаррак,
Клятвой Нинахакудду,
царицы заклятий,
Я тебя заклинаю!

ЗАКЛЯТИЕ ЛАМАШТУ

Обряд: освети этот дом,
Возьми в нем глины,
Сделай образ Ламашту,
Поставь этот образ
В голове у больного.
Насыпь жаровню
Горящим углём,
Воткни в неё меч,
Три дня её ставь
В головах у больного;
На третий день
На закате солнца
Унеси её прочь,
Разбей мечом,
Закопай её в землю
В углу под стеною,
Засыпь золой,
Не гляди назад.

3. ПЬЕСЫ В. К. ШИЛЕЙКО

ЛУГАЛЬБАНДА И ЗУ

Мистерия

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Зу, птица.
Нингуэнна, его жена.
Энну, его птенец.
Ану, бог неба.
Энлиль, бог земли.
Эа, бог океана.
Мардук, потом Лугальбанда, сын Эа.
Адад, сын Ану.
Иштар, дочь Ану.
Дамкина, жена Эа.
Игиги, духи неба.
Ануннаки, духи земли.
Два хора жрецов, в голубом и красном.

I

(Занавес поднимается, открывая курящийся алтарь
и два хора жрецов по его сторонам,
слева — в голубом, справа — в красном.
Корифеи, помазая жезлами, сходятся у алтаря.)

Первый корифей

Мощный, пресветлый царь Эриду,
славный, великий первенец Эа,
радость вселенной, грозный Мардук,
душеспаситель, жизнехранитель!
О покров над землею, всех людей ты спасаешь,
всех князей ты хранишь!

Второй корифей
(*просыпая курения*)

Жизнь подари мне, боже Мардук,
душу живую дай мне в подарок,
дай неустанно славить тебя,
вместе с богами дай тебя славить!
Пусть тебя величают все великие боги,
ублажая свой дух!

Оба корифея
(*разгоняя жезлами дым над алтарём*)

На устах человеков сладко имя твоё!
О владыка Мардук, воскреси мою душу,
дай устам моим правду, сердцу дай благодать,
пониманье и милость подари моей речи!
Что промолвлю я ныне — да сбудется въявь
предо всеми людьми[1]!

(Трижды склоняются ниц и расходятся к своим хорам.
Дым над алтарём рассеивается, открывая поляну
и рощу с дворцом Энлиля в глубине.
На дереве справа сидит птица Зу.)

Первый хор

Недобрый демон укрылся близко,
к чертогу неба он подступает.
Недобрый гений враждует злобно,
никто не может ему быть равным.
Недобрый призрак таится в поле,
творит убийства среди живущих.
Недобрый дьявол прокрался в город
и от убийства не отдыхает.

Второй хор

О заклятье, заклятье, неизменная воля,
о веление божье, нерушимое слово,
власть небес и земли, недоступная распрям!
Клятва бездны морской, непреложная вечно!

Ни один из богов её не нарушит,
перед нею бессильны человеки и боги.
Неизбежные сети, вы простёрты над миром,
о безвыходный невод, уготованный злым!

Оба хора

Клятвою неба да будешь ты заклят,
клятвой земли да будешь ты заклят!
К столу Энлиля, отца вселенной,
не прикасайся своей рукою!
Полетишь ли ты в небо — да пребудешь бескрылым,
уползёшь ли под землю — да не сыщешь в ней дома!
И землёю и небом я тебя заклинаю,
прочь уходи[2]!

Зу
(*с дерева*)

Перед божьим чертогом жду я ранней зарёю,
здесь Энлиль умывает лик свой чистый[3] водой.
На престол он садится, надевает тиару
и берёт в свои руки книги вечной Судьбы.
Предо мною сверкают непорочные струи,
на даянья владыки смотрят очи мои;
на тиару господства и на божью одежду
и на книги Судьбы всё гляжу и гляжу я.
Жажду господства чую я в сердце,
книги вечной Судьбы я возьму в свои руки,
повеления божьи, как есть, я узнаю,
утвержу я престол мой, овладею законом,
буду править я всеми, сколько есть их, Игиги[4]!

(Из дворца выходит Энлиль, окружённый богами, Игигами и Ануннаками; оба хора склоняются ниц. Боги держат перед Энлилем золотую чашу с водой, Ануннаки подают ему полотенце.
Во время пения хора, сопровождающего омовение, Зу незаметно входит во дворец.)

Первый хор

Когда входишь ты, боже, в дом своих омовений —
Эа, царь океана, очищает твой дух,

матерь бездны Дамкина моет светлые руки,
божий воин Мардук умывает твой лик!

(Голубые жрецы встают.)

Второй хор

Вот небесные боги вкруг тебя, о владыка,
в храмах светлого неба и в святынях земли, —
все великие боги льют прозрачную воду,
умывают Энлиля, властелина земли[5]!

Оба хора
(*склоняясь до земли*)

Ануннаки земные подают утиральник,
утирают Энлиля, властелина земли!

Энлиль

Непорочной водою из пучины Евфрата
я омыл свои очи и пойду во дворец,
на престоле воссяду и надену тиару
и возьму в свои руки книги вечной Судьбы,
буду править я всеми, сколько есть их, Игиги,
обозначу я жребий всем великим богам!

Боги и жрецы
(*склоняясь до земли*)

Воцаришься ты, боже, надо всеми Игиги,
обозначишь ты жребий всем великим богам!

(Энлиль и боги скрываются во дворце. Во время пения следующего хора из дворца выбегает Зу с книгами Судьбы и скрывается в роще.)

Первый хор

Как умылся Энлиль непорочной водою,
и воссел на престол и тиару надел, —
Зу тогда возмущенье в своём сердце почуял,
он затеял дурное и вошёл во дворец,
книги вечной Судьбы ухватил он руками,
улетел и уселся в неприступных горах[6].

(Дворец озаряется изнутри ярким светом. Боги и богини смятенно толпятся у входа.)

Второй хор

От отца и советника, светлого бога,
весь дворец наполняется ясным блеском,
боги дальнего неба ждут приказа его,
и богини приходят за его повеленьем.

(Из дворца появляется седобородый Ану; боги ставят ему престол. Жрецы склоняются до земли.)

Оба хора

Для верховного Ану боги ставят престол,
пролилося молчанье, смолкает голос,
Ану уста открывает, вещает,
обращает он слово к богам, своим детям.

Ану

Кто, о боги, захочет Зу погубить,
по вселенной кто хочет свое имя прославить?

Боги

Вождя призовём мы, первенца Ану,
Ану волю свою пусть ему изречёт!

(Из толпы богов выходит Адад и склоняется перед Ану.)

Первый корифей
(*склоняясь*)

Славься, владыка, первенец Ану,
вождь Ануннаков, царь непогоды!
Светел ты в небесах, высоко твоё место,
ты велик в преисподней, равных нет у тебя!

Второй корифей
(*склоняясь*)

С Эа в сонме богов твоё имя почтенно,
вместе с Сином с небес прозреваешь ты всё!
Ану дал в твои руки всех людей и все травы,
скот и тварь полевую поручил он тебе!

Оба корифея

Неустройство и гибель живут в моём доме,
я зову — и не слышат, я совсем удручён!

Ану

Мощный, страшный Адад, нападай неуклонно,
Зу порази ты своим мечом!
Будешь славен ты, сын мой, в сонме горних богов,
меж богов, своих братьев, не найдёшь себе равных;
всюду строй себе, сын мой, божьи дворцы,
по лицу всей вселенной построй себе храмы,
будь владыкой богов и греми своей славой!

Адад

Отче, кто поспешит в неприступные горы,
кто сравняется с Зу из богов, твоих чад?
Книги вечной Судьбы ухватил он руками,
улетел и уселся в неприступных горах!

Ану

Пусть не ходит Адад, не сражается с Зу.
Обращаю я слово к богам, моим детям:
кто из вас хочет Зу погубить,
по вселенной кто хочет своё имя прославить[7]?

Богини

Призовём мы царицу, дочерь светлую Ану,
Ану волю свою ей пускай изречёт!

(Из толпы богинь выходит Иштар и склоняется перед Ану.)

Второй корифей
(*склоняясь*)

О царица цариц, о богиня богинь!
О царица людей, госпожа человеков!
Высока ты, богиня, велика меж духов,
и сильна и славна ты, высоко твоё имя!

Первый корифей
(*склоняясь*)

О звезда причитаний, о владычица битвы!
Брата ссоришь ты с братом и разводишь друзей!
О заря, что зажглася против гордых врагов, —
ты провидишь разбойных, выводя их на свет!

Оба корифея

Погляди на меня и прими мои просьбы,
благосклонно взгляни и услыши моленья[8]!

Ану

О царица Иштар, нападай неуклонно,
Зу погуби ты своим мечом!
Будешь славной ты, дочерь, в сонме горних богов,
меж богов, своих братьев, не найдёшь себе равных;
всюду строй себе, дева, божьи дворцы,
по лицу всей вселенной построй себе храмы,
будь царицей богов и греми своей славой!

Иштар

Отче, кто поспешит в неприступные горы,
кто сравняется с Зу из богов, твоих чад?
Книги вечной Судьбы ухватил он руками,
улетел и уселся в неприступных горах!

Ану

Пусть не ходит Иштар, не сражается с Зу.
Обращаю я слово к богам, моим детям:
кто из вас хочет Зу погубить,
по вселенной кто хочет своё имя прославить?

(Смущённое молчанье среди богов, тревога в хоре. Мардук подходит к Эа.)

Мардук

Отче, кто поспешит в неприступные горы,
кто сравняется с Зу из великих богов?
Жаждой мести полно моё сердце,
как возьму я обратно книги вечной Судьбы?

Эа

Что я знаю, мой сын, чего б ты не знал?
Что я знаю, Мардук, чего б ты не знал?
Всё, что я знаю, знаешь и ты[9]!
Ступай, мой сын, на землю сойди
и обличие бога смени человечьим;
назовись Лугальбандой, младшим в сонме богов,
и скажи, что исполнишь волю светлого Ану[10]!

(Мардук уходит, и сразу же из оркестра поднимается на сцену жрец и склоняется ниц перед Ану. Волнение среди богов и в хоре.)

Голоса в хоре

Я смотрю на тебя, о незнаемый бог,
ведь ты не иной, ты такой же, как я!
Как вошёл ты в небесные сонмы[11]?

Лугальбанда

Лугальбандой зовусь я меж богами,
Сирис[12] — мать моя, боже, а отца я не знал.
Я отправлюсь, о боже, в неприступные горы,
Зу хочу отомстить я, за богов, твоих чад!

Ану

Мой незнаемый сын, нападай неуклонно,
Зу порази ты своим мечом!
Будешь славен ты, сын мой, в сонме горних богов,
меж богов, твоих братьев, не найдёшь себе равных;
всюду строй себе, сын мой, божьи дворцы.
По лицу всей вселенной построй себе храмы,
будь владыкой богов и греми своей славой[13]!

(Боги окружают Лугальбанду и уводят его. Корифеи выходят к алтарю и просыпают на огонь курения: сцена заволакивается дымом. Жрецы по одному сходят с мест, начиная шествие вокруг алтаря, подвигающееся в противоположных направлениях двумя концентрическими кругами: голубые жрецы образуют внутренний круг, красные — внешний.)

Первый хор

Мы уходим в далёкий неведомый путь,
к неприступной горе, к обиталищу Зу;
обретём ли мы гору — неведомо нам
и вернёмся ль когда — мы не знаем.
Словно яростный ветер, дыхание Зу,
и подобен громам в небесах его крик;
человеку на страх его создал Энлиль
охранять благовонные кедры[14].
Нападает тоска на пришедших сюда,
страх селится в душе, тяжелеют стопы;
у зелёной горы замедляем мы шаг,
и слова на губах замирают.

II

(Дым от курений развеивается, открывая рощу первой сцены,
с вершиной горы Сабу на месте дворца Энлиля;
кедр направо от зрителя скрывает теперь в своих ветвях гнездо Зу.
Хороводы разрывают свои круги и останавливаются.)

Второй хор

Мы стоим и — дивимся на лес,
и глядим на высокие кедры,
на зелёные кущи глядим
заповедного божьего дома.
Превосходны лесные пути,
и дороги проложены прямо,
и прекрасен прохладный приют
сокровенного храма Ирнины.
Пред горой возносится кедр,
проливая покой и отраду,
и в тени его сладкой растут
благовония полные травы[15].

(Из рощи слева появляется Лугальбанда в одежде странника,
с большой сетью в руках. Во время пения следующего хора
он укрепляет свою сеть посреди поляны.)

Первый корифей

Лугальбанда пришёл в далекие горы,
на Сабу-горе он один поселился.
Мать у него не живёт, с ним слова не молвит,
отец у него не живёт, с ним слова не молвит,
дорогие знакомцы у него не живут
и сердечному другу не промолвит он слова, —
в своём собственном сердце говорит он слова[16].

Лугальбанда

С этой гадкою птицей поступлю я как надо!
С Зу, негодною птицей, поступлю я как надо!

(он выносит из рощи два больших чана и ставит их на поляне под сетью)

Жену Зу, сына Зу напою я вином,
Нингуэнну и Энну посажу я за пир.

(он достаёт из-за пазухи ковши и начинает смешивать вино, приговаривая)

Многомудрая матерь всё устроит как надо!
Сирис, мудрая матерь, всё устроит как надо!
Жбан у неё голубой,
а ковш у неё золотой!

(над другим жбаном)

Жбан у неё голубой,
а ковш у неё золотой!

(Из гнезда показываются головы Нингуэнну и Энну.)

(Лугальбанда пробует из обоих жбанов, приговаривая)

В вине — веселье,
а в пиве — радость!

(Пошатываясь, он уходит влево и прячется за деревьями.)

Нингуэнна

Маленький птенчик, весьма премудрый!
Ты слышал, сын мой, речь Лугальбанды?
В вине — веселье, а в пиве — радость!

Энну

Мать, не верь — Лугальбанда хитёр!
Иингуэнна, не верь — Лугальбанда хитёр!

Нингуэнна

Маленький птенчик, весьма премудрый,
ты видел, сын мой, как пил Лугальбанда?
В вине — веселье, а в пиве — радость!
В вине — веселье, а в пиве — радость!
Пойдём, о сын мой, гнездо оставим,
сойдём на землю, напьёмся пива!

Энну

Не пей, о мать! Лугальбанда хитёр!
Не пей, Нингуэнна, — Лугальбанда хитёр!
Когда сойдёшь ты и выпьешь пива, —
сеть Лугальбанды тебя накроет!

Нингуэнна

Маленький птенчик, весьма премудрый!
Ты видел, сын мой, как шёл Лугальбанда?
Он шёл, качаясь, он лёг бессильный,
своей он сетью владеть не может.
Пойдём, напьёмся вина и пива:
в вине — веселье, а в пиве — радость!

(Нингуэнна и Энну спускаются на поляну и пьют, восклицая:
«В вине — веселье, а в пиве — радость!».
Жрецы свиваются хороводом вокруг алтаря, подражая поступи опьяненных.)

Первый хор

Счастье, счастье в пьяной влаге,
без границы пролитое!
Кто, небесный житель щедрый,
дал земле напиток божий?
Все, живущие в чертогах!
Пейте, сильные вельможи!
Просветляйте хмелем очи!

Второй хор

Нет, царям не в пользу брага,
не давай вина вельможам,
чтобы, выпив винограда,
судьи правды не забыли.
Дай вина тому, кто беден,
кто недужен, кто тревожен,
кто, заботой удручённый,
головы поднять не может!

Оба хора

Пей, бедняк, не зная меры,
сколько сердце пожелает,
позабудь свою тревогу
и не помни о невзгодах!

(Жрецы падают. Нингуэнна и Энну пытаются идти, но, опьянённые, тоже падают. При звуках тихой музыки Лугальбанда покрывает птиц сетью, выходит из засады, взбирается на кедр, достаёт книги Судьбы и скрывается в роще[17]. Музыка резко изменяется. На сцену вбегает Зу и с криками мечется вокруг сети. Он взлетает на дерево, видит исчезновение книг Судьбы и выражает своё отчаяние дикими прыжками. Потом он распутывает сети и кружится вокруг спящих Нингуэнны и Энну. Жрецы просыпаются и лениво встают, потягиваясь, видят Зу и с воплями падают снова. Корифеи приближаются к алтарю, бросают на него курения и дрожащими голосами читают заклинания; постепенно к ним присоединяются другие жрецы.
Сцена заволакивается дымом.)

Первый корифей

Как этот ладан брошен в огонь,
и жгучее пламя его сжигает,
как в свою рощу он не вернётся, —
так этот демон да расточится,
да не приступит больше ко мне!
В день этот пламя его да пожрёт!
Злой дух да исчезнет, да увижу я свет!

Второй корифей
(*бросая в огонь луковицу*)

Как этот лук брошен в огонь,
и жгучее пламя его сожгло,
как он на грядку не будет посажен,
бороздой и канавкой не будет окопан,
как его корень земли не коснётся,
не взойдёт его стебель, не увидит он солнца,
не дадут его в пищу царю или богу,
так этот демон да расточится,
да загорится, как этот лук!
В день этот пламя его да пожрёт,
злой дух да исчезнет, да увижу я свет!

Оба хора

Семенем злачным полны мои руки,
жаром, ознобом полны мои руки,
клятвой, заклятьем полны мои руки,
чарой, волшбою полны мои руки!
Демон да будет пламенем пожран,
злой дух да исчезнет, да увижу я свет[18]!

III

(Дым над алтарём разлетается, открывая декорации первой сцены. Справа от рощи появляется Лугальбанда с книгами Судьбы в руках, преследуемый Зу)

Зу

Постой, Лугальбанда, отдай мне книги,
отдай мне книги, мою добычу!

Лугальбанда

Зу, убирайся, прочь уходи,
убирайся отсюда, уходи в свои горы!

Зу

Постой, Лугальбанда, отдай мне книги,
отдай мне книги, тогда уйду я!
Если ты не отдашь их, я пойду ко дворцу,
разломаю я двери и замки разобью,
разломаю пороги, разбросаю засовы,
размечу черепицы под чертогом богов,
бесприютными станут все великие боги[19]!

Лугальбанда

Зу, убирайся, прочь уходи,
убирайся отсюда, уходи в свои горы!
Если ты не отстанешь, если ты не уйдёшь,
я вернусь и поймаю Нингуэнну и Энну,
я отдам их Энлилю, властелину богов,
он зажарит и съест их на обед и на ужин!

Зу
(*взлетая на дерево*)

Сказал ты такое, о чём молчал бы!
Тебя прокляну я великою клятвой:
грязь из канавы ешь вместо хлеба,
сточную воду пей вместо пива,
тень под стеною будь твоим домом,
камень дорожный будь твоим ложем,
голод и жажда разобьют твою силу[20]!

(Зу улетает. Движение ужаса в хоре.)

Первый хор

Злобен он, этот Зу, и враждебен, и дик,
он враждебен и страшен всем созданиям божьим!
Злобен он, этот Зу, и враждебен, и дик,
между божьих созданий, как змея, он таится!

Второй хор

Между божьих созданий он как ловчая сеть,
ужасает он криком, обливает он ядом!

Шамаш светлую руку да протянет над ним, —
Эа, царь океана, благодатный и добрый!

Оба хора

Когда говорю я пречистую клятву, —
бросаю я ладан на жертвенник божий,
благие боги да войдут в дом сей,
а злые духи да удалятся!
Клятвой небесной будешь ты заклят,
клятвой земною да будешь заклят[21]!

(Из дворца выходят боги и богини и окружают Лугальбанду. Ану, Энлиль и Эа выступают вперед.)

Ану

Я послал тебя, сын мой, в утомительный путь,
на зелёную гору Энлиля;
ты пошёл и вернулся из неведомых стран,
а достиг ли горы — мы не знаем.
Что случилось с тобою, что видел в пути —
всё поведай богам, своим братьям!

Лугальбанда

Совершил я, отец мой, утомительный путь,
на зелёную гору Энлиля;
что случилось со мной, что я видел в пути —
всё скажу я богам, моим братьям.
Много месяцев шёл я, перешёл океан
и достиг заповедного дома[22],
с другом слова не молвил и жены не ласкал,
а варил я шумливую брагу,
Нингуэнну и Энну напоил я вином
и покрыл беспощадною сетью,
Зу лишил я добычи, книги вечной Судьбы
я обратно принёс тебе, боже!
Первым стал ты отныне меж великих богов,
твой удел бесподобен, твоё слово — как небо!

Энлиль и Эа

Первый ты, Лугальбанда, меж великих богов,
твой удел бесподобен, твоё слово как небо!

Ану

Непременной отныне будет воля твоя,
вознести и унизить — всё дано твоей длани,
речь твоя непреклонна и незыблем глагол,
из богов ты единый, не пройдёт твоей воли!

Энлиль и Эа

Ты, Лугальбанда, наш отмститель,
мы дадим тебе царство над всею вселенной;
председательствуй в сонме, будь величествен словом,
мощь твоя да не слабнет, да падут супостаты!
На тебя уповающих, боже, щади,
но исторгни замысливших злое!

Боги и жрецы
(*склоняясь*)

На тебя уповающих, боже, щади,
но исторгни замысливших злое!

Ану
(*к Игигам*)

Принесите владыке его царский престол,
над своими отцами он воссядет на царство!

(Игиги уходят.)

Энлиль
(*к богам*)

И большую тиару принесите ему,
он покроется ею, будет править богами!

(Часть богов уходит.)

Эа
(*к Ануннакам*)

И одежду господства принесите ему,
он в нее облечётся, воцарится над миром!

(Ануннаки уходят. Игиги возвращаются с престолом.)

Первый хор

И большую тиару принесли для него,
он покроется ею, будет править богами!

(Ануннаки возвращаются с одеждой.)

Оба хора

И одежду господства воздвигают пред ним,
он в нее облечётся, воцарится над миром!

Боги

Облачися на царство и воссядь на престол,
и венчанное имя избери себе, боже!

Корифеи

Избери себе имя и скажи его нам,
чтобы люди узнали твой жребий!

Лугальбанда
(*к одежде*)

Одежда, разрушься.

(Одежда исчезает.)

Боги

Одежда исчезла.

Лугальбанда

Одежда, возникни.

(Одеяние странника спадает с Лугальбанды, открывая обличие бога.)

Боги

Возникла одежда!

Все

Мардук! Мардук[23]!

(Мардук надевает тиару и восходит на престол. Боги склоняются до земли, жрецы падают ниц.)

Первый хор

Пробегающий небо, укрепляющий землю,
измеряющий воды, насаждающий травы,
обитающий всюду господин Вавилона,
присуждающий судьбы всем богам и всем людям!
Царь великих богов, твоей вышнею волей
для детей Вавилона да вспыхнет свет!

Второй хор

При его нападеньи потрясается небо,
пред лицом его гнева возмущается море.
Меж горящих светил путь его ясен,
в его храме священном высоко его слово,
пред его копиём отпрянули злые,
посреди урагана меч его блещет!

Оба хора

Его свет сожигает неприступные горы,
усмиряет он волны непокорного моря.
Он в пучине — владыка над земными богами,
перед луком Мардука небеса застывают[24]!

Мардук
(*с трона*)

Я облёкся в порфиру и взошёл на престол,
над моими отцами я сажуся на царство.
Человеки и боги, величайте меня,
моё имя прославьте вы от края до края!
Кто почтит эту песню — да будет богат,
а презревший — вовеки не слышит курений!
И воздавший хвалу мне не изведает равных.

Кто прочтёт эту песню — не умрёт от суда,
будет сладко вельможам и царям его слово;
кто её перепишет — будет славен в стране,
я во храме моём умудрю его разум;
дом, где есть эта песня, не узнает врага,
меч суда его минет, он пребудет в покое!

(Корифеи бросают курения на алтарь.)

Эта песнь да поётся всегда,
да пребудет вовеки!
Пусть ей внемлют все страны
и почтят мою мощь!
Пусть все люди услышат
и меня величают[25]!

(Сцена заволакивается дымом.
Корифеи отходят от алтаря и обращаются лицами к рампе.)

Оба корифея

Пусть запомнится это, путь твердят старики,
чтоб разумный и мудрый услыхали об этом.
Чтобы знали об этом господа и цари,
чтоб они ликовали перед светлым Мардуком,
чтоб была им удача, чтоб страна их цвела,
чтобы благо случилось многочисленным людям!

(Жрецы расходятся.)

АДАПА

Миф
(Пьеса)

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Эа, царь океана.
Дамкина, его жена.
Гага, вестник Эа.
Адапа, человек, создание Эа.

Ану, бог неба.
Энлиль, владыка земли.
Илабрат, вестник Ану.
Намтар, демон смерти.
Южный ветер, бес.
Таммуз, страж небесных врат.
Гишзида, страж небесных врат.
Утонувший эридиец[1].
Боги и богини.
Игиги, духи неба.
Ануннаки, духи бездны.
Горожане и горожанки Эриду.

ПЕРВАЯ СЦЕНА

(Опочивальня Эа в его подводном дворце. Бог возлежит на ложе у небольшого столика, по другую сторону которого стоит высокое кресло. В двери справа от зрителей входит Гага.)

Гага

Мир тебе, Эа, мой владыка,
здоровья тела, веселья духа.

Эа

Мир тебе, Гага, посланник божий.
Какое слово несёшь ты в сердце?

Гага

Царица Дамкина, твоя супруга,
стоит у входа в твой дом подводный.

Эа

Благое слово сказал ты, Гага,
отрадной речью наполнил слух мой.
Ступай, посол мой, поспешно шествуй.
Введи Дамкину в мои чертоги.

(Гага уходит, Эа трижды бьёт в ладоши.)

Эй, Ануннаки, земные духи,
сюда несите плоды и вина!

(Ануннаки вносят вино и плоды.)

На стол поставьте перед царицей
дары Нидабы, усладу нёба.

(Входит Дамкина, предшествуемая Гагой.)

Гага

Войди, царица, тебе навстречу
пускай ликует чертог подводный.

(вводит Дамкину и скрывается в дверях.)

(Эа встаёт навстречу жене.)

Эа

Войди, царица, пролей мне радость,
наполни светом покои божьи.
Ты мне супруга, а я супруг твой:
садись, отведай даров Нидабы.

(усаживает её и облокачивается на ложе.)

Дамкина

Благой супруг мой, святой, премудрый,
с печальной вестью к тебе вошла я.

Эа

Печальной речи из уст любовных
внимает сердце с отрадой светлой.

Дамкина

Твой город, боже, твой бедный город
страдает, отдан в удел несчастью.
Едва сегодня заря блеснула —
спустился путник на дно морское.
Из Эриду он, рыбачил в море
и вместе с лодкой нырнул под воду.

Он здесь, у входа в чертог твой, боже,
с премудрым Гагой ведёт беседу.
Вели, владыка, привесть пришельца,
пускай он скажет тебе про город.

Эа

От горькой вести, моя царица,
мрачнеет дух мой, темнеет сердце.

(бьёт в ладоши)

Эй, Ануннаки, земные духи,
введите гостя в мой дом подводный!

(Входит утопленник, сопровождаемый демоном смерти Намтаром.)

Мир тебе, путник, нырнувший в море,
про Эриду мне поведай, гость мой.

(Утопленник хочет говорить и не может.)

Эа

Эй, Ануннаки, земные духи,
живой водою полейте гостя.

Намтар

(выступая вперед)

Святой, премудрый владыка моря,
лишённый жизни — добыча смерти.
Печатью смерти отмечен мёртвый,
над ним не властны святые боги;
одна царица юдоли праха
устам усопших дарует слово.
Но этот мёртвый, нырнувший в море,
лишённый гроба, непогребённый,
не сыщет места в юдоли праха,
избегнет власти моей царицы,
между землёю и тёмным домом
бродить он будет, живых пугая.
Святой, премудрый владыка Эа,

даруй в пучине могилу гостю, —
тогда я губы ему раскрою,
тогда он скажет тебе про город[2].

Эа

Да будет, демон, как ты желаешь:
в пучине гостю я гроб дарую.

(Намтар оборачивается и касается уст эридийца.)

Утопленник

Мир тебе, Эа, царь океана,
святой, премудрый владыка моря.

Эа

Поведай, гость мой, нырнувший в море,
про Эриду мне, про бедный город.

Утопленник

Владыка Эа, твой город стольный
пять лет выносит невзгоды злые.
Каждой ночью луга белеют,
широкое поле рождает соль,
не всходит трава, не приносит семян,
ушли колосья, не стало травы;
в небе Адад на дожди скупится,
и поток заточён, из пещер не выходит,
отняты груди Нидабы, в поле плоды не растут.
При наступлении первого года
великая бедность постигла город.
При наступленьи второго года
спрятали люди остатки сокровищ.
При наступленьи третьего года
люди друг другу стали враждебны.
При наступленьи четвертого года
умалился город, сузились стогна,
как мёртвые, бродят люди по стогнам[3].

Эа

(бьёт в ладоши)

Эй, Ануннаки, земные духи!
Несите глину, смолу земную.

Дамкина

Открой мне тайну, супруг мой Эа,
желанье сердца открой мне, боже.

(Ануннаки приносят глину; Эа поднимается и подходит к бесформенному кому.)

Эа

В сердечных недрах создам я образ,
создам Адапу, людское семя.

(ваяет из глины)

Межу сотворю я среди человеков,
создам Адапу, людское семя.
Мудрей, проворней всех Ануннаков
создам Адапу, людское семя.
Умудрю его разум, открою тайны,
мудрость дам я ему, вечной жизни не дам.

(Дует в ноздри готовой фигуре; Адапа оживает.)

Ступай, Адапа, людское семя,
тебе скажу я твой светлый жребий:
в Эриду с пекарями пеки ты хлебы[4].
Людям пищу и воду готовь ежедневно;
своей чистой рукою столы накрывай ты,
а когда тебя нет — от стола да не вкусят;
каждый день отмыкай ты замки Эриду,
с пристани Новолунья садись ты в лодку.
Как поднимется ветер и погонит твой чёлн —
камышёвым веслом направляй своё судно,
выходи ты в мой дом, в открытое море,
рыбу лови ты для Эриду.
Накорми ты людей, умудри их разум,
пускай раздор свой забудут люди.

Адапа

Мир тебе, боже, меня создавший.
Пойду, исполню твоё веленье.

(Уходит.)

ВТОРАЯ СЦЕНА

(Пристань Новолунья в Эриду.
Горожане и горожанки ждут возвращения Адапы.)

Первый горожанин

Не видишь ли Адапы?

Второй горожанин

Ничего не видать.

Третий горожанин

Для города рыбу он ловит, мудрый.

Горожанка

Верно, полную лодку наловил он еды.
Повара, приготовьте котлы большие!

Старик

Непонятное дело, почему его нет?
Не случилось ли злое с прозорливцем Адапой.

Другой старик

В море уйти — что жизнь пережить.
Неизвестные беды стерегут отовсюду,
не успеешь подумать, а уже согрешишь,
и небесную кару изрекают уж боги.

Мальчик

Едет, едет Адапа!

Первый горожанин

Вот его чёлн.
Чернеет он в море, всё ближе, ближе.

Горожанка

Адапа едет. Скорей, повара,
сюда несите свои корзины!

Второй горожанин

Адапа в море ушёл один,
а двое в лодке теперь вернулись.

Все

Двое, двое!

(Адапа причаливает свой чёлн и выходит на берег, ведя за ухо беса Южного ветра.)

Южный ветер

Ая-яй! Ая-яй! Ая-яй!

Адапа

Ступай, негодник, садись и плачь:
вперёд не будешь топить Адапу.

(к горожанам)

В широком море повёл я чёлн мой, —
а Южный ветер подул навстречу,
опрокинул меня, погрузил в океан,
глотать заставил солёную воду.
Я поймал его, злого, измучил, избил,
в ярости сердца я сломал ему крылья.

(толкая беса)

Ступай, негодник, сиди и плачь:
вперёд не будешь топить Адапу.

Горожанка

А рыбы, Адапа, ты не привез.

Адапа

Пойдёмте в город, спеку вам хлеба.

(Адапа уходит с горожанами в город. Бес садится на берегу и громко плачет. По волнам приходит Илабрат, вестник Ану.)

Илабрат

Южный ветер, о Южный ветер,
зачем ты не дуешь в широком море?

(замечая беса)

Ану послал меня, Южный ветер,
зачем ты не дуешь в широком море?

Южный ветер

Человечек Адапа, людское семя,
бил меня, мучил, сломал мне крылья.

Илабрат

Южный ветер, о Южный ветер,
ступай на небо, к святому Ану.

Южный ветер

Как же пойду я, Илабрат, Илабрат,
если Адапа сломал мне крылья!

Илабрат

Южный ветер, о Южный ветер,
пойдём со мною, тебя сведу я
к престолу неба, к святому Ану
снесёшь ты, ветер, свою обиду.

Южный ветер
(*вставая*)

Я пойду за тобой, Илабрат, Илабрат.
Мы отправимся вместе на далёкое небо.
Я избит, я измучен, мои крылья болят,
к человеку Адапе я полон злобы;

к престолу неба, к святому Ану
снесу я, ветер, свою обиду.

(Уходят по волнам. Со стороны города появляется Адапа.)

Адапа

Южный ветер, о Южный ветер,
пойдём со мною, я дам тебе хлеба.

(Молчание.)

Южный ветер, о Южный ветер,
пойдём со мною, я дам тебе хлеба.

(Молчание.)

Горе мне, горе. Сокрылся ветер,
путём далёким ушёл он в небо,
к престолу неба, к святому Ану
понёс он, злобный, свою обиду.

(обращается к морю)

Эа, отец мой, склонись к моим стонам,
премудрый боже, прими моленья,
о владыка мой, крепко привязался я к горю,
как тростинку, сломила меня невзгода.
Не возьмусь я за разум, ничего не пойму,
как тростник, обречён я день и ночь шелестеть.
Знаменье дай мне, пресвятый боже.

(смотрит на небо)

Пусть небесная птица унесёт мою скорбь,
пусть возьмёт моё горе, унесёт его к небу.

(смотрит на волны)

Пусть хоть рыба морская — развеет тоску,
пусть возьмут эти волны — мою невзгоду.

(смотрит в поле)

Пусть зверьё полевое — снимет беды мои,
пусть размечет в пустыне грехи мои ветер[5].

(снова обращается к морю)

Только начал я жить, — а уж тут и конец,
как подумаю — плохо мне, плохо.
Вырастает тревога, я не вижу спасенья;
звал я светлого бога — не ответил он мне,
прозорливец в виденьи не узнал о грядущем,
возлияньем гадатель не раскрыл моей правды.
Увы, как превратны все вещи на свете.
Погляжу я назад — позади меня горе.

(Молчание.)

А ведь сам постоянно говорил я молитвы,
я возвёл их в обычай, жертву ставил в закон,
я учил мою землю почитать божье имя,
славить имя богини обучал я народ.

(Молчание.)

Но любезное нам отвратительно богу,
а противное сердцу любезно богам.
Помышление божье в небесах кто узнает,
божий замысел бурный кто бы мог разуметь?

(Молчание.)

Да и как бы постигли божий путь человеки.
Кто вчера ещё жил — умирает к утру;
во мгновение ока он поёт и играет,
а шагнуть не успеешь — он рыдает, как выпь.
Вот они голодны — и лежат, словно трупы,
а потом наедятся — и подобны богам;
хорошо им — они поднимаются к небу,
а потом огорчатся — и спускаются в ад.

(Молчание.)

Не помог мне мой бог, не берёт мою руку,
отвернулась богиня, не подходит ко мне.
У раскрытой могилы стоят мои ноги,
я не умер ещё, а уж плач совершён[6].

(После раздумья.)

Я у берега моря постелю себе ложе,
Эа, выйди, владыка, речь со мной поведи ты,
научи моё сердце, успокой мою боль.

(Ложится у воды и засыпает. Из воды появляется Эа.)

Эа

Что ты наделал, человек Эриду!
Что ты сделал, Адапа, людское семя!
Слушай, Адапа, моё веленье,
перед Ану, царя, теперь ты пойдёшь.
Надень дурное, оденься в траур;
когда до неба ты доберёшься,
когда придёшь ты к воротам Ану, —
в воротах Ану стоят два бога.
Тебя увидев, они воскликнут:
«Скажи, зачем ты так разубрался,
зачем, Адапа, надел ты траур?»
А ты скажи им, мой сын Адапа:
«В нашей стране исчезли два бога,
два светлых бога, Таммуз и Гишзида;
вот почему я так разубрался,
вот почему я оделся в траур!»
Друг на друга два бога поглядят, удивятся,
в добрый час они Ану тебе покажут,
доброе слово замолвят Ану.
Когда перед Ану стоять ты будешь,
хлебы смерти тебе предложат —
а ты не ешь,
воду смерти тебе предложат —
а ты не пей;
потом одежду тебе предложат —
и ты надень,
еще елея тебе предложат —
и ты помажься.
Моего повеленья ты не забудь,
слов, что сказал я, крепко держись.

ТРЕТЬЯ СЦЕНА

(Пиршественный чертог богов в обители неба. Большой стол посреди сцены и немного влево от зрителей приготовлен для пира. В глубине сцены справа раскрыты небесные врата, охраняемые Таммузом и Гишзидой. За вратами небесная даль.)

Таммуз

Гишзида, ты смотришь?

Гишзида

Смотрю, Таммуз.

(Молчание.)

Гишзида

Таммуз, ты смотришь?

Таммуз

Смотрю, Гишзида.

(Молчание.)

Таммуз

Посмотри-ка, Гишзида, что за бог там идёт,
я обличие бога узнаю в его теле.

Гишзида

Посмотри-ка, Таммуз, не совсем это бог:
две трети в нем бога, а одна — человека[7].

Оба
(*кричат*)

На помощь!
Человек!

(К воротам неба подходит Адапа, одетый в рваное платье, непричёсанный и немытый.)

Таммуз

Человек, для чего ты так разубрался?

Гишзида

Адапа, зачем ты оделся в траур?

Адапа
(*печально*)

В нашей стране исчезли два бога, —
вот почему я так разубрался.

Таммуз

Кто же эти два бога, что исчезли в стране?

Адапа

Таммуз и Гишзида.
(Боги удивленно переглядываются.)

Таммуз

Мир тебе, человече. Не забыл ты богов,
разоделся ты в траур по ушедшим на небо.

Гишзида

Почитающий бога обретёт благодать,
долголетен пребудет, кто почтит Ануннаков.

Адапа

Испугался я, боги, страх сжимает мне грудь:
Ану, в ярости сердца, приказал мне явиться.
От небесного края и до выси небес
гляжу я и вижу весь ужас неба.

Таммуз

Адапа, не бойся, мы пойдём впереди,
доброе слово замолвим Ану.

(Боги вводят Адапу в чертог и уходят в двери налево. Адапа остается стоять у правой стены и робко озирается. Из левых дверей выходят Таммуз и Гишзида, за ними — Ану, Эа, боги, богини и Игиги.)

Таммуз
(*Ану*)

Вот он, семя людское.

Ану
(*Адапе*)

Подойди-ка, Адапа.

(Адапа подходит.)

Что ж Южному ветру крылья сломал?

Адапа
(*склоняясь*)

Владыка!
В доме Эа, владыки,
в пучине моря,
удил я рыбу;
светлым, как зеркало,
было море.
Южный ветер подул —
и меня потопил,
в дом владыки нырнул я,
в морскую пучину.
В гневе сердца тогда я его ухватил,
избил я его, поломал ему крылья.

Ану

Отойди-ка, Адапа.

(Адапа отходит, Ану обращается к богам)

Зачем ты, Эа,
нечистым людям
небо и землю открыл?
Дал ты им мудрость,
создал им имя, —
что же нам делать теперь?
Хлебы смерти ему предложим —
пусть он их съест,

воду смерти предложим —
пусть изопьёт!

Эа
(*к Ану*)

Благое слово замолвлю, боже,
я за Адапу, людское семя.
Почитает он небо и боится богов,
жизнь на долгие веки — удели ему, боже!

Боги

Дай ему жизнь! Дай ему жизнь!

Ану
(*после раздумья*)

Моё сердце утихло, усмирился мой гнев;
да свершится ныне ваше слово, о боги!
Хлебы жизни ему предложите —
пусть он их съест!
Воду жизни предложите —
пусть изопьёт!

(Ану идёт к столу и ложится на ложе, рядом с ним ложатся Энлиль и Эа; прочие боги садятся вокруг стола на кресла. Игиги вносят яства и кувшины с водой).

Ану
(*Адапе*)

Подойди-ка, Адапа!

(Адапа подходит и становится в конце стола.)

Дайте Адапе небесного хлеба!

Адапа

Мир тебе, боже, на ласковом слове:
не ем я хлеба, питаюсь рыбой.

(Возгласы удивления среди богов; Эа опускает голову.)

Ану

Налейте Адапе небесной воды!

Адапа

Мир тебе, боже, на ласковом слове:
не пью воды я, люблю я пиво!

(Возгласы удивления усиливаются.
Эа поднимает голову и обращается к Игигам.)

Эа

Царское платье дайте Адапе!
(Игиги подают Адапе одежды, которые он надевает.)

Елеем господства помажьте Адапу!
(Игиги помазывают Адапу елеем.)

Ану

Что ж ты, Адапа, зачем ты не поел, не испил?

Адапа

Эа, царь мой, сказал мне: «Ты не ешь и не пей!»

Ану

Из небесных богов кто сделал бы это?
Чьи слова тяжелее повеления Ану?
Был ты, Адапа, мне непослушен,
повелению Эа оказал предпочтенье!
Власть прими ты от Эа, будь судьба твоя светлой,
но не будешь ты жить, человеки не вечны.
(к Игигам)

Вы, небесные духи, позовите Намтара,
пусть возьмёт он Адапу, отведёт его в город[8]!

(Адапа стоит с поникшей головой.
Приходит Намтар, берёт его за руку и ведёт к воротам.)

Намтар

Человечек, не плачь, не пугайся, Адапа!
Божье веленье людям на благо:
беды, что злое людям приносят,
болезни, что тело у людей удручают, —
добрая смерть их всех успокоит,
...скорей отойдёт!

(Уходят.)

ИЕРЕМИЯ

Трагедия
(План пьесы)

ПЕРВОЕ ДЕЙСТВИЕ

Комната в зимнем доме царей Иудейских, в Иерусалиме; первый год вавилонской осады. Время перед вечером. Посреди комнаты пылает жаровня; перед нею, лицом к огню, сидит на низком седалище царь Седекия, окружённый князьями и приближёнными: Герамеилом, Малхией, Сераией, Селемией, Сафатией, Годомией, Юхалом и Пасхором. Этот домашний совет царя разбирает положение дел. Высказывается общая уверенность в несомненной помощи из Египта, откуда скоро должен прибыть гонец. В комнату входят князья: Делаия, Эльнатан, Гемария, Седекия, Иегудий и царский писец Элшам. Перебивая друг друга, они рассказывают о только что случившемся. Они сидели в комнате Элшама; вошёл Михей, сын Гемарии, и сообщил им о смутительном свитке, прочтённом вслух народа Варухом, учеником пророка Иеремии. Они послали к Варуху Иегудия; пророк явился и повторил перед ними все слова свитка.

Царь посылает Иегудия принести свиток из комнаты Элшама. Иегудий приносит свиток, становится по левую руку царя и читает пророчество о гибели Иерусалима. Царь, слушая, играет писцовым ножичком; по мере чтения свитка он отрезает прочитанные столбцы и бросает их в пламя.

Голоса князей разделяются; вновь пришедшие потрясены пророчеством, советники царя смеются. Царь вырывает из рук Иегудия остатки свитка, бросает их на жаровню и посылает Иерамеила, Сераию и Селемию взять Иеремию и Варуха. Вбегает гонец с известием, что вавилонское войско сняло шатры и спешно уходит в сторону Египта. Общее ликование. Посланные за Иеремией докладывают, что оба пророка скрылись. Царь обрывает их речь: теперь это не имеет значения. Все выходят сообщить новость народу.

ВТОРОЕ ДЕЙСТВИЕ

Через месяц после первого. Площадь у Ворот Вениамина; раннее утро. В тени городской стены сидят измождённые, нищенски одетые горожане, ожидающие прохода войск, высылаемых в тыл вавилонянам. Тихие разговоры о возрастающем голоде, о непомерных ценах, об уходящих на войну сыновьях. Солнечная сторона сцены понемногу наполняется рыночными купцами, встречающими повозки с товарами; шумные споры о ценах, об ожидаемой прибыли.

Сидящие в тени вспоминают об осаде Иерусалима Синаххерибом и о чудесном истреблении ассирийского войска. Благочестие и пост действительнее воинской силы. Купцы отвечают смехом: постников в Иерусалиме достаточно. Между обеими группами разгорается перебранка.

Из города подходят воинские отряды. Солдаты бредут, подгоняемые палками пятидесятников. Действие распадается на отдельные сцены проводов. Отцы и матери с плачем обнимают сыновей, суют им узелочки с пищей, талисманы, благословляют их на священную брань. Купцы провожают войска насмешливыми замечаниями. За последним отрядом приходит Анания, пророк из Гаваона. В живой и торжественной речи он обещает близкую помощь Иахве. Обе группы радостно смыкаются вокруг него.

Вдоль стены сумрачно скользит к воротам полунагое, растерзанное видение, с деревянным ярмом на шее — пророк Иеремия. Он прислушивается к речам Анании и яростно обрушивается на него. Лжепророки могут болтать что угодно — надежды нет. Царь Вавилона — бич в руке Божией, и Иерусалим обречен. Только добровольная покорность и сдача облегчат участь бедняков, а грешные князья непременно погибнут. Вот ярмо, одетое на Иуду. Анания срывает ярмо, ломает его и топчет обломки, восклицая: так попирает Яхве ярмо Вавилона. Подходят князья:

Софатия, Годомия, Ихал и Пасхор и эфиоплянин Авдемелех, евнух царя. Иеремия грозит железным ярмом вместо деревянного. Вельможи приказывают схватить Иеремию, обвиняют в намерении перебежать к халдеям и уводят его; народ уходит с ними, грозя пророку.

ТРЕТЬЕ ДЕЙСТВИЕ

Тронная зала во дворце царей Иудейских. Седекия на престоле, окружённый советниками, рядом с царём — князья Сидона и Тира. Зала наполнена вельможами; отдельной группой стоят разукрашенные царские жёны. Иегудий читает письмо фараона, обещающего близкую победу над Набукодросором. Затем прочитываются послания Иезекииля и других пленных с Иехонией, наполненные жалобами на плен и мольбами об освобождении. Царь тихо совещается с финикиянами; царские жёны перекидываются шутками между собой и с придворными. На всём заметен, однако, мрачный налёт истощения. Входит эфиоплянин Авдемелех и докладывает царю о взятии Иеремии; царь рассказывает финикиянам о пророке. Вбегают запылённые военачальники: только что вышедшее войско встретило возвращающихся халдеев, разбито ими и прибежало в город. Общий ужас; финикияне спешно выходят, зала понемногу пустеет. Авдемелех остаётся один у царского трона. Он напоминает царю о Иеремии, просит освободить его и убеждает царя выслушать пророка; Седекия колеблется. Приближаются царские жёны, издеваются над ненавистным евнухом и укрепляют падающий дух Седекии. Царь отказывается от соглашения с пророком.

ЧЕТВЁРТОЕ ДЕЙСТВИЕ

Третий год осады. Площадь в Иерусалиме. Большая яма, служащая темницей Иеремии. Кругом лежат умирающие и умершие от голода; проклятия и стоны, к которым иногда примешиваются грозные выкрики пророка. Появляется царь во вретище, с жёнами и ближайшими советниками, сопровождаемый воинской стражей. Проклятия обращаются к пришедшим. Царь с Авдемелехом останавливаются над ямой и приказывают воинам вытащить Иеремию; пророка вытаскивают на верёвке. В длинной речи Иеремия громит царских жён и друзей, нечестие и разврат, которые вызвали гнев Иахве, и убеждает царя сдаться. Седекия смущённо поникает головой. Жёны и советники обрушиваются на пророка, народ умоляет

Седекию сдаться. Царь поднимает голову и велит вести Иеремию перед собой ко дворцу; он не может уступить. Свита двигается. Старуха хватает царя за край одежды и проклинает его; Седекия приказывает прогнать старуху. Воин замахивается на неё мечом, но опускает оружие — он узнаёт свою мать. Царь удаляется молча, с опущенной головой.

ПЯТОЕ ДЕЙСТВИЕ

Лагерь Набузеридина в Раме. Гонец приносит письмо Набукодросора, в котором царь велит ускорить взятие Иерусалима и даёт наставления относительно пленников [Иеремия, 39]. Письмо опоздало, Иерусалим уже взят, а Седекия перехвачен во время бегства. Появляются отряды, ведущие пленных. Военачальник делает распоряжения. Седекия, его дети и жёны будут отправлены в Ривлу, где детей зарежут перед глазами отца, а царя ослепят; жёны будут проданы в рабство; стража останавливает царственных пленников рядом с Набузеридином. Шествие пленных продолжается. Воины проводят связанного верёвками Иеремию. Военачальник замечает его, спрашивает об имени и приказывает освободить; такова воля Набукодросора. Разговор с Набузеридином [Иеремия, 39]. Его поручают Годомии, сыну Ахикама, новому правителю Иудеи. Иеремия в последний раз облегчает и утешает Седекию. Он узнаёт среди проводимых пленных Авдемелеха, освобождает его и уводит с собой, — создавать царство Божие. Уводят и плачущего Седекию.

4. ЗАКЛЯТИЕ ЖИЗНИ
(МАНДЕЙСКИЙ ТЕКСТ)

I

[1] Во имя великой
и чуждой жизни
да будет хранитель,

победа, спасенье
жилищу и дому,
дворцу и постройке,
супруге и детям,
сыновьям с дочерями
и самому телу
Пер Нухрайи,
сына Абандухта.
Семью печатями
я запечатан,
мои восемь братьев
стоят за мной.
Я пришёл и увидел:
у двери Нухрайи
стоят планеты,
в нашей деревне
живёт разоренье,
у нашего города
ночует несчастье,
на нашем пороге
великая мука.
И я, Иокабар,
сын Анушага,
в боязни и страхе
взываю к жизни
и Манда-дехайе
молю о спасеньи.
И ему говорю я:
«Ты, Манда-дехайе,
разбей несчастье,
столкни эту муку
с порога Нухрайи,
разоренье злое,
от нашей деревни.
Злобны планеты,
стоящие близко
и в ярости сердца
творящие злое».

И Жизнь отвечает:
«Пускай он восстанет,
прогонит несчастье
от двери Нухрайи,
прогонит муку
с его порога,
разоренье злое
из этой деревни».
И вот я, Хибиль,
сюда явился,
узлом Кушты,
узлом великим,
большой печатью
я препоясан,
совсем готов я
к большому делу —
разбить на части
печати Смерти,
порвать на части
узлы кончины.
Моей главою
я наклонился,
перед Великим
склонился долу,
словами Мощи,
царящей в славе,
сказал Иавару,
сказал я Жизни,
сущей пред ним,
сказал я Жизни,
сущей над ним,
лозе виноградной,
сокрытой в тайне.
Тому сказал я,
кого охраняет
его же имя,
чей собственный образ
пред ним склонился:

«Я слышу — голос,
голос Нухрайи
кричит и плачет,
наружу льётся,
дрожит, трепещет.
Всё его тело
дрожит в одежде
и он вещает:
«„О горе, горе,
сошло несчастье
к нашей деревне
и разоренье
к нашему граду.
Планеты дали
свободу Смерти
и злобной мыслью
враждуют с нами"».
Жизнь ударяет
в свои ладони
и так вещает
она Иавару:
«Посла покликай
от края мира,
покличь Иавара
от вод богатых,
благословенье
от Иордана.
Его посадим
у врат Нухрайи».
Что Жизнь сказала,
он так и сделал.
Он встал, поднялся,
воззвал к Иавару,
позвал Иавара
от вод сокрытых,
благословенье
от Иордана.

И Жизнь одела
его одеждой,
одеждой блеска,
его покрыла
благим и чистым
венцом из света,
вооружила,
сделала стойким
и даровала
венец воздушный,
его пустила,
его послала
и заклинала,
ему вещая:
«Вот заклинаю
тебя я жизнью
и Кебар Зивой,
лозою винной,
и этим блеском,
в какой одет ты,
и этим светом,
каким покрыт ты,
венцом воздушным
с твоей главы,
великой мощью
Бар Хаурарана,
и снова после
тебя кляну я
и заклинаю
великим Маной[1],
тебя воздвигшим,
вооружившим,
тебя пославшим
и отпустившим.
Ступай же ныне,
храни по правде
и будь печатью,

и будь опорой
дверям Нухрайи,
и будь защита
его жилища,
и будь хранитель
его душе».
Меня принудил
отец мой клятвой
и заклинаньем
меня он заклял.
И вот пошёл я
силою Мощи
Бар Хаурарана,
силою речи
того Иавара
в эфире крайнем,
силою Мощи,
царящей в славе.
Пошёл сюда я,
пришёл и вижу
планеты в высях.
Они несчастью
свободу дали
в его деревне
и разоренье
они пустили
в его городе.
Тому несчастью
они сказали:
«Ударь, ударь!» —
и разоренью
они сказали:
«Хватай, хватай!»
Ангелу гнева
они сказали:
«Тесни, тесни!»
Силою слова,
силою славы,

силою клятвы,
которой заклял
меня отец мой,
за меч я взялся,
вошёл и крикнул:
«Силою Мощи
начальной жизни,
именем Мощи,
царящей в славе,
силою речи
меня пославших
сюда вошёл я
под вас, планеты,
чтоб не стеклись
вы одна с другою».
И вот пришёл я
под те планеты,
и не стеклися
одна с другою;
их муки были
далече прогнаны,
а их удары
были отброшены,
их разоренье
было рассеяно.
И так я сделал,
чтобы планеты
не сочетались
одна с другою.
От врат Нухрайи,
сына Абандухта,
прочь отогнал я
несчастье с рынков,
большую муку
от всех живущих.
И прочь прогнал я
от него и от дома
Иокабара Бар-Хайе,

сына Анушага,
разорение злое
над их деревней
и несчастье злое
над их городами;
а затем обратился
к дому Нухрайи,
шестнадцатью узами
его обвязал я,
шестнадцать печатей
к нему приложил я.
У всех порогов
его дверей
поставил я стражу,
великую втайне.
Над ним отныне
стоят хранители;
великая Жизнь
да будет хвалима.

II

Во имя Жизни
да будет хранитель,
да будет спасенье
ему самому,
всему его дому,
его супруге,
сыновьям с дочерями,
дверям и порогу,
всему его телу,
Пера Нухрайи,
сына Абандухта.
Посол, посол
я выше всех послов,
от блаженных гонцов
сюда пришёл я.

Во блеске, во свете,
в силе и славе
сюда явился,
пришёл пред скипетр,
венец и силу,
и славу Шамаша.
Ему сказал я:
«Что значит это
трясенье мира
и колебанье
из Преисподней?»
Шамаш клянется
и отвечает:
«Нет, я не знаю».
И я воскликнул:
«Ты, лжец, колдуешь,
что отвечаешь:
нет, я не знаю?»
Он отвечал мне:
«Нет, я не знаю,
но в путь ступай ты,
спроси у Сина,
сына Бела,
царя богов».
Я обратился
и молвил Сину:
«Слепец на небе,
хромой в высотах,
зачем пустил ты
смерть и несчастье
на стогна мира
и отвечаешь:
нет, я не знаю?»
И он ответил:
«Нет» — и поклялся
ангелом, скипетром,
венцом и силой,
и всякой славой,

и он сказал мне:
«Не я виновен,
это — планеты
пустили смерть.
Восстань и кликни
владыку несчастья
и разоренья,
и вопроси:
„Кто дал тебе власть?"»
Я воздвигся и кликнул
ангела Каркела
и молвил ему:
«Кто дал тебе власть?»
И он ответил:
«Шамаш и блеск его
дали мне власть
и мне приказали:
ступай отпусти
смерть и несчастье
на дом и детей
великой Жизни».
Тогда схватил я
меч лучезарный,
клинок лучезарный
и полный света.
С него сорвал я
венец из роз,
схватил одежду
и снял с него,
его схватил я
за его тайну
и так промолвил:
«Женой рожденный!»
А он ответил:
«Что говоришь ты,
того не знаю».
Его я заклял
духами дома

и так промолвил:
«Как говоришь ты —
нет, я не знаю?»
Я удалился
и прочь пошёл я
и вот увидел
ангела Харбела
и так промолвил:
«Против кого
ты возмутился,
против кого
твой меч отточен,
против кого
твой меч направлен,
против кого
колчан твой полон,
против кого
ты мечешь стрелы?»
Так говорил я
этому дэву,
но он не молвил
со мною слова.
И стал вопить я,
вздыхать и плакать
и прочитал я:
«Тебя молю я,
начало Жизни,
чтоб ты послало
мне одоленье
против Харбела,
чей меч отточен,
чей нож направлен,
колчан наполнен.
Смерть и несчастье
он выпускает
на души мира,
меня до срока
он исторгает».

И вот стою я
совсем один,
и он взывает
передо мною
и говорит мне:
«Вот я воздвигнусь
и съем тебя я,
всех, кто с тобою,
и всех, кого ты
поименуешь».
И Жизнь послала
мне одоленье.
Его схватил я
силою Маны,
вперёд ступил я,
разбил его меч,
сломал его лук,
открыл колчан
и разметал я
все его стрелы.
И дух сказал мне:
«Во всяком месте,
где именуют
мне твоё имя,
да будет сторож.
Несчастье это
прочь прогоню я
от врат Нухрайи,
и злую муку —
с его порога.
Твоею мощью,
твоею речью,
твоею славой
я не приближусь
к жилищу, к дому,
к дворцу, к постройке
Пера Нухрайи,
сына Абандухта,

и к душам, сущим
в его жилище,
не прикоснусь я».
И я промолвил
этому духу:
«Если ты знаешь,
что ты не должен
к ним приближаться, —
скажи мне тайну,
в ночи открой мне
своё значенье».
— «Когда ты хочешь
узнать, разведать
сокрытые тайны,
тебе скажу я».
(А я отвечу:)
«Все эти тайны
сохранны и скрыты
у Рухи с Ираббой,
затем что мы посланы
Рухой с Ираббой».
Когда этот дэв
сказал мне такое,
ему провещал я:
«Если не перестанешь,
тебе изреку я
веление дней,
пошлю на тебя я
великий узел,
больше других».
И я изрёк ему
веление дней,
наслал на него
великий узел,
больше других,
наслал на него
высокое слово,
превыше других.

Всё это наслал я
на то несчастье,
и стал он плакать,
стонать над собою,
и стал сгибаться,
и стал вертеться,
и стал скрываться,
и прочь ушёл он,
и так сказал он:
«Как я вертелся,
как я скрывался,
как я был прогнан
и прочь повлёкся, —
так всякое горе
и всякая мука,
и ангелы гнева
да будут вертеться,
да будут скрываться,
да будут исторгнуты
и прочь уйдут
из жилища, из дома,
из дворца и постройки
Нухрайи и всех,
кто с ним в этом доме.
Силою цепи
надо всеми цепями,
силою слова
надо всеми словами,
силой узла
надо всеми узлами».
Манда в блеске своём
и Жизнь в своей тайне
и воздушный владыка
завязали сей узел,
чистый Иошамин
и Абатур
его завязали,

Птаель, мироздатель,
его завязал,
Шамаш в своём блеске,
Бел, Нериг и Кеван[2]
его завязали,
луна в своём блеске
его завязала,
Дилбат[3] и Дуниш
его завязали,
Небо со жрецами
и его богомольцы
завязали свой узел,
семь планет
его завязали,
их двенадцать духов
его завязали,
их пять вождей
его завязали,
восток и запад
его завязали,
четыре края
дома вселенной
его завязали,
восемь ангелов тверди
его завязали.
Неизменна да будет
чистая воля,
данная светом,
правосудна и в правде,
а написана воля
на четырёх чашах
из серебра
и на трёх золотых.
Если ты пожелаешь,
чтобы мы не грешили, —
прочитай эту волю
силою Маны,

и спасенье, и крепость,
и сохранность да будут
уделом дома,
283 сыновей с дочерями,
тела, супруги,
дверей и порога
сего Нухрайи,
сына Абандухта.
Жизнь побеждает
на всех дорогах.

Приложения

ПЕРЕПИСКА ПО ПОВОДУ ИЗДАНИЯ КНИГИ В. К. ШИЛЕЙКО «АССИРО-ВАВИЛОНСКИЙ ЭПОС»

1

ПИСЬМО И. А. ОРБЕЛИ В. К. АНДРЕЕВОЙ-ШИЛЕЙКО[1]

Всесоюзный Комитет по делам искусств при СНК СССР
Государственный Эрмитаж

«?» июля 1940 г.

Глубокоуважаемая Вера Константиновна!

Государственный Эрмитаж предполагает издать книгу «Эпос и мифы Вавилонии и Ассирии». Нам стало известно, что издание «Ассиро-вавилонского эпоса» в переводах покойного проф. Влад. Каз. Шилейко снято с плана Гос. Изд-ва «Худ. Литературы». Поэтому не согласились ли бы Вы на издание этих переводов в виде книги под указанным выше названием, с введением «Мифология вавилонян», написать которое мы поручили бы нашему сотруднику И. М. Дьяконову. Книга состояла бы примерно из след. текстов:

1. поэма о Гильгамеше («Осада Урука» и гимн Гильгамешу)
2. схождение Иштар в преисподнюю
3. то же, шумерский вариант
4. космогонический эпос «Энума элиш»
5. эпос Этаны
6. эпос Адапы

[1] Письма без обозначения архивного адреса хранятся в семье Шилейко.

7. эпос Атархасиса
8. «Царь битвы»
9. поэма о Зу
10. эпос Нинурты (Ниниба)
11. эпос Ирры
12. Нергал и Эрешкигаль
13. Заплачки по Таммузу (Нинни и Таммуз)
14. Заклинание против Ламашту (Лабарту)
15. заупокойные таблетки из Суз
16. из Шурпу, Маклу, «Злых болезней» и др. книг заклинаний
18. из животного эпоса.

Если в бумагах Влад. Каз. отсутствуют переводы каких-либо памятников, имеющих существенное значение, то можно дать их в виде приложений в переводах И. М. Дьяконова; если же основные переводы, предположенные нашим планом, были Влад. Каз. выполнены, то отсутствие того или иного памятника, конечно, не имеет особого значения.

Мы должны, однако, предупредить Вас, что по ряду финансовых причин Государственный Эрмитаж не сможет выплатить Вам аванса, и весь гонорар будет Вам уплачен по выходе книги, т. е. ориентировочно май—июнь 1941 г.

Государственный Эрмитаж предпринял также издание пособия для изучения Древнего Востока — сборник древне-восточных текстов по истории и истории культуры. Отдел Вавилона и Ассирии поручен тому же И. М. Дьяконову, но и в данном случае не хотелось бы дублировать работу, уже выполненную таким мастером, как покойный проф. В. К. Шилейко. Из текстов литературного характера для издаваемого сборника нам хотелось бы иметь:

1. поэма о Гильгамеше (отрывки)
2. поэма об Этане
3. избранные гимны разл. Богам
4. Заплачки по Таммузу
5. заупокойные таблетки из Суз
6. поэма о так. наз. «Невинном страдальце»
7. поэма «Иштар и Сальту» («песнь Агушайя»)
8. космогонические поэмы (отрывки)
9. надписи царей: Эаннатума, Урукагины, Шульги, царей Исина и Ларсы, ассир. царей и др.

10. т. наз. «Omina» (предсказания и гадания) — отрывки
11. ритуалы (отрывки)
12. Заклинания (отрывки)
13. «Царь битвы»
14. эпос Ирры.

Не откажите дать согласие на напечатание в сборнике соответствующих отрывков, если они имеются в Вашем распоряжении. В случае принципиального согласия мы сможем договориться относительно условий.

Директор Эрмитажа
академик И. Орбели

2

ПИСЬМО В. К. АНДРЕЕВОЙ-ШИЛЕЙКО И. М. ДЬЯКОНОВУ

(Черновик)

Москва, Зубовский бульвар, д. 15, кв. 21.

23 августа 1940 г.

[полную наличность]

Многоуважаемый Иван Михайлович,

Гослитиздат переслал мне копию Вашего письма, в котором Вы заверяете цельность и сохранность возвращенной Вами рукописи Ассиро-Вавилонского эпоса. Я в этом не сомневалась и очень сожалею, что возникшие недоразумения причинили Вам беспокойство.

Дело в том, что при получении рукописи из издательства я вынуждена была просмотреть ее очень бегло и обращалась к сотруднице с вопросом, не знает ли она причины обрывавшейся в некоторых случаях нумерации. Но она была очень мало осведомлена в так долго затянувшемся деле с изданием «Ассиро-вавилонского эпоса» и даже не могла мне объяснить, куда девался второй экземпляр рукописи. Лишь по прошествии некоторого времени мне сообщили письмом, что второй экземпляр получен от акад. Струве.

При просмотре рукописи дома я тотчас убедилась в полной целостности Вашего экземпляра и в характере сбившей меня сначала с толку нумерации. В экземпляре, который брал акад. Струве, также все цело, за иск-

лючением десяти гимнов Мардуку. Не будете ли Вы столь любезны при свидании с ним спросить его, не остались ли они случайно у него.

В Вашем письме Вы спрашиваете, не сохранилось ли в бумагах Владимира Казимировича переводов других текстов Гильгамеша. К сожалению, нет, хотя Владимиром Казимировичем были переведены все части Гильгамеша полностью и им об этом эпосе было подготовлено большое исследование. Но по воле рока все материалы по этой его работе пропали на его ленинградской квартире во время пребывания в Москве. Пропажа эта была тяжелым ударом моему покойному мужу, хотя он и имел обыкновение говорить, что горевать не о чем, т. к. то, что не удалось завершить ему, все равно сделают другие. И он, наверное, порадовался бы, найдя в Вашем лице себе продолжателя.

Я получила от акад. Орбели предложение издать стихотворные переводы Владимира Казимировича отдельной книгой под Вашей редакцией и с приложением некоторых недостающих текстов в Вашем переводе. Я этому очень рада, т. к., хотя мне не известно, знали ли Вы лично Владимира Казимировича, но вполне уверена в Вашем бережном и внимательном отношении к посмертному изданию его* большого труда.

Извините еще раз за причиненное беспокойство и примите уверение в моем совершенном уважении.

В. Шилейко

3

ПИСЬМО В. В. СТРУВЕ В. К. АНДРЕЕВОЙ-ШИЛЕЙКО

РНБ, Ф. 1467, оп. I, ед. хр. 78, л. 1

Многоуважаемая Вера Константиновна,

Беседовавший с Вами по моему поручению И. С. Кацнельсон передал мне содержание разговора и Ваше желание получить обратно от И. М. Дьяконова посланную ему несколько лет тому назад рукопись высокоталантливого перевода вавилонского эпоса, сделанного безвременно ушедшим от нас В. К. Шилейко. Я попросил зайти И. М. Дьяконова и говорил с ним. Он подтвердил, что рукопись находится у него и что он считал себя вправе пользоваться ею для занятий со студентами. В ответ на переданное ему Ваше желание получить рукопись обратно, И. М. Дья-

* Далее зачеркнуто: может быть не совсем завершенного, но все же очень значительного.

конов сказал, что он отошлет ее тотчас по получении от Вас соответствующего письма. Поэтому, если Вы считаете желательным опубликовать отрывки из этого перевода в издаваемой мною Хрестоматии на условиях, которые Вам должен был передать И. С. Кацнельсон, прошу Вас написать И. М. Дьяконову и выразить свое желание получить рукопись обратно. Его адрес, Ленинград: Суворовский просп. 30 кв. 8.

За ответом в самом конце июня или в начале июля к Вам зайдет Исидор Саввич.

Уважающий Вас

В. В. Струве

28 июня 1949 г.
Ленинград.

4

ПИСЬМО И. М. ДЬЯКОНОВА В. К. АНДРЕЕВОЙ-ШИЛЕЙКО

19 июля 1949 г.

Глубокоуважаемая Вера Константиновна!

Сегодня, приехав с дачи, я был очень рад получить от Вас известие и указания, как поступать с рукописью Вашего покойного супруга.

Вы пишете о моем письме от 19 июня 1947 года и о Вашем ответе, написанном летом 1948 года. Но я писал Вам не одно, а два письма, не считая устных поручений с оказией, а Вашего письма я не получил. Очевидно, оно пропало у меня на квартире во время моего летнего отсутствия.

Мне очень жаль, что Вы возражаете против ознакомления студентов с рукописью. Как-никак, а студенты-ассириологи — будущие продолжатели дела Вашего мужа, и мне казалось бы, что — имея в виду довольно скверные перспективы для возможного напечатания этой рукописи — имело бы смысл хотя бы до них довести содержание замечательной работы Владимира Казимировича. Я, конечно, не имел в виду давать им рукописи на руки. Но — нельзя так нельзя.

Я между тем дважды зондировал почву в разных направлениях, но о печатании рукописи сейчас, по крайней мере в Ленинграде, кажется, не может быть и речи.

Составили ли Вы, отсылая мне рукопись, ее опись? К сожалению, у меня сохранилась только старая опись, составлявшаяся при первом

получении мною рукописи из издательства Academia. Если у Вас опись есть, то я был бы Вам очень обязан за присылку копии. Рукопись готовилась мной к печати и была переложена по-иному, чем как она была прислана, и если я перешлю ее так, то могут опять, как когда-то, возникнуть недоразумения.

К сожалению, я сегодня же должен буду уехать из города — надеюсь, Вы не посетуете на задержку высылки на несколько недель. Вы ведь помните, какая это канительная история — надежная пересылка такой рукописи. Так или иначе, я сочту долгом вернуть Вам рукопись так скоро, как только*...

5

ПИСЬМО И. М. ДЬЯКОНОВА А. В. ШИЛЕЙКО

⟨1949⟩

Глубокоуважаемый Алексей Владимирович!

Крайне сожалею, что не мог быть к назначенному времени. Рукопись для Вас приготовлена.

Обращаю Ваше внимание на то, что привезенная Вами опись — это опись 1937 года, составленная при первом получении мною рукописи из издательства «Academia». Рукопись, полученная мною перед войной от Веры Константиновны, не вполне соответствовала этой описи. Обо всем этом я пишу подробно Вере Константиновне (письмо в папке).

Если у Вас имеется моя расписка в получении рукописи, прошу Вас не отказать оставить ее; если нет, то очень прошу черкнуть пару строчек в ознаменование того, что я рукопись Вам сдал.

Очень прошу Веру Константиновну написать мне по получении рукописи; ввиду отсутствия описи у меня имеются беспокоящие меня неясности, которые я хотел бы выяснить как можно скорее.

Я буду писать Вере Константиновне не позже 1 октября. К этому сроку я постараюсь провести со своей стороны проверку, действительно ли мной передана рукопись полностью.

Уважающий Вас
И. Дьяконов

* Окончание письма не сохранилось.

6

ПИСЬМО И. М. ДЬЯКОНОВА В. К. АНДРЕЕВОЙ-ШИЛЕЙКО

Ленинград, 23 сентября 1949 г.

Глубокоуважаемая Вера Константиновна!

Пересылаю Вам рукопись Владимира Казимировича с Вашим сыном.

При этом я должен обратить Ваше внимание на следующее:

Опись, которую Вы мне прислали, составлена при моем первом получении рукописи в 1937 году из издательства «Academia». От Вас я получил рукопись перед войной в несколько ином составе. Насколько я помню, в ней не было комментариев (№№ 1—21 по описи)[1] и не было тех отрывков, которые имелись только в рукописном, не перепечатанном виде.

Опись 1937 г. имеется и у меня. Присылаемая Вам рукопись имеет с ней следующие расхождения:

1. В ней отсутствуют комментарии, №№ 1—21. На моем экземпляре старой описи эти номера вычеркнуты.
2. В ней отсутствуют №№ 29 и 33, существовавшие только в рукописи (не на машинке) и в Вашем экземпляре описи, помеченные Вашей рукой стрелкой с правой стороны.
3. Отсутствуют также №№ 31 и 34, не помеченные Вами, но бывшие у меня в 1937 году также только в рукописном виде. Вряд ли Вы прислали бы их мне в 1941 году.
4. Отсутствуют №№ 47 и 49, также помеченные в Вашем экземпляре описи стрелкой с правой стороны.
5. Отсутствует стр. 5 из № 60. Она помечена у меня как отсутствующая, еще до войны.
6. Помеченный Вами стрелкой справа № 88 налицо. Если Вы помните, Вы писали мне, что не можете найти «Гимнов к Мардуку». Очевидно, тогда Вы и пометили этот номер, а впоследствии, найдя их, не стерли стрелки.

Очень прошу Вас сообщить мне, правильно ли я помню, что пересылаемая Вам рукопись соответствует по составу тому, что я получил в 1940—41 г. и, в частности, есть ли у Вас опись того времени или другие данные для проверки, ибо если полагаться только на воспоминания почти десятилетней давности, то это может повлечь неприятные недоразумения, тем более что война застала меня в разгаре работы над рукописью, а когда я был призван, то я не успел даже зайти домой, чтобы привести в по-

рядок дела, и потому вспомнить все обстоятельства того времени мне очень трудно.

Рукопись, которую я пересылаю Вам сегодня, соответствует пакету, отправленному мной в эвакуацию в 1941 г. Крайне мало вероятно, чтобы я, отправляя перепечатанные отрывки в безопасные места, не позаботился бы об оригинальных, не переписанных частях рукописи. Я полагаю поэтому, что это вся рукопись. Я уложил ее в порядке, соответствующем описи.

К сожалению, ввиду слишком скорого отъезда Алексея Владимировича я не успел пересмотреть моего архива, остававшегося во время войны у меня на квартире. Если там будут обнаружены какие-либо еще части рукописи (я ведь работал над ней и, неизбежно, должен был ее разнимать по частям), то я дошлю их Вам не позже 1 октября[2]. Но, повторяю, я думаю, что это вся рукопись. На некоторых листах есть мои редакционные пометки — следы работы над рукописью — надеюсь, за них Вы не посетуете на меня.

Желаю Вам в дальнейшем большего успеха в деле с рукописью, чем Вы имели со мной. Буду с нетерпением ждать Вашего письма относительно описи 1940—41 г. и местонахождения недостающих номеров. Очень прошу Вас проверить, у Вас ли они.

Прошу Вас извинить меня за причиняемые Вам огорчения и беспокойство и быть уверенной в самом искреннем моем желании завершить это дело наилучшим образом.

Уважающий Вас
И. Дьяконов

[1] Написанные, как кажется, А. С. Стрелковым?
[2] Впрочем, я имел обыкновение работать с рукописью только в Эрмитаже.

7

ПИСЬМО И. М. ДЬЯКОНОВА Т. Н. САВЕЛЬЕВОЙ

⟨Без даты⟩

Уважаемая т. Савельева!

Не откажите в любезности передать В. К. Шилейко нижеследующее:

Мною выслана вся рукопись, все, что у меня имелось. Перед отсылкой я проверил ее еще раз, так что у меня не осталось ничего. Если мне не изменяет память (хотя, когда дело идет о сотне или более текстов, она

легко может изменить), отрывок, названный в описи «Молитва, девятая часть», и у меня был неполным, обрывался. Но, как Вы могли заметить, в общую номерацию страниц во многих местах попали обложки разделов, прокладки и т. п. Так как я, готовя рукопись к изданию, естественно, перекладывал ее части в ином порядке, то я мог, конечно, выбросить номерованные листы без текста. Что касается до самих текстов, то заверяю В. К. Шилейко, что все, полученное мною, возвращено в том же самом виде, и если чего-либо не хватает, то оно пропало во время странствования по шкафам изд. «Академия». Мне было бы чрезвычайно неприятно думать, что В. К. Шилейко приписывает моей вине пропажу хотя бы малейшей части рукописи[1].

Передавая все вышеизложенное, — равно как и мои сожаления по поводу этого недоразумения, — В. К. Шилейко, Вы, может быть, спросили бы также еще вот о чем: в находившейся у меня рукописи проф. Шилейко есть мелкие фрагменты переводов эпоса Гильгамеша и космогонического эпоса «Энума элиш». Переводы этих эпосов нужны для одного из планируемых и отчасти уже осуществленных изданий по древнему Востоку, и мне очень не хотелось бы самому проделывать заново труд, уже исполненный таким мастером в области как ассириологии, так и стихотворного перевода, как покойный проф. Шилейко. Не имеется ли в оставшихся бумагах его полного перевода этих поэм? Я думаю, что после многолетней переписки по поводу «Ассирийского эпоса» Вас не очень затруднит черкнуть мне по этому вопросу еще одно письмо.

С товарищеским приветом

Ваш И. Дьяконов

[1] Что касается до упомянутого отрывка, то он вообще в рукописи дан дважды (под № 33 и под № 56), если не ошибаюсь.

8

РАСПИСКА

Получена от Шилейко Веры Константиновны рукопись работы В. К. Шилейко — стихотв. перевод вавилонского эпоса.

Зав. редакцией публикации памятников Издательства восточной литературы

(подпись неразборчива)

19.5.61

9

ПИСЬМО В. В. СТРУВЕ О. К. ДРЕЙЕРУ

РНБ, Ф. 1467, № 78, л. 2—3

Директору Издательства Восточной литературы АН СССР тов. О. К. Дрейеру.

Супруга покойного выдающегося ученого-ассириолога Владимира Казимировича Шилейко Вера Константиновна Шилейко-Андреева любезно ознакомила меня с рукописью стихотворных переводов основных памятников мифологической, эпической и художественной литературы Древнего Двуречья (Шумера, Вавилона и Ассирии), которые безвременно скончавшийся Владимир Казимирович в свое время подготовил к изданию. После его смерти она была передана в издательство «Academia» и не была издана лишь потому, что издательство закрыли.

Как известно, Вольдемар Казимирович был не только выдающимся ученым, заслуженно пользовавшимся мировой известностью, но и талантливым поэтом, чьи стихи в свое время печатались в ведущих литературно-художественных журналах. Поэтому ему как никому другому удалось сочетать точность перевода с высокими поэтическими достоинствами. Эти переводы, невзирая на то, что они были сделаны свыше 30 лет тому назад, не утратили своего значения и поныне. Они нуждаются лишь в незначительных уточнениях, которые легко оговорить в примечаниях. Лишь в отдельных случаях придется внести соответствующие коррективы в текст, в частности в чтении собственных имен.

Издание переводов В. К. Шилейко тем более желательно, что у нас до сих пор памятники одной из древнейших в мире литератур — литературы Двуречья, за исключением эпоса о Гильгамеше, никогда не публиковались. Советский читатель имел возможность знакомиться с отдельными памятниками, притом разбросанными в обычно труднодоступных изданиях. Между тем художественное творчество народов Двуречья наряду с литературой Египта оказало огромное влияние на развитие античной литературы, а следовательно, и мировой литературы.

Таким образом, издание переводов В. К. Шилейко, задержавшихся в силу целого ряда неудачно сложившихся обстоятельств, будет иметь огромное значение как с точки зрения познавательной, так и историко-литературной.

Я настоятельно прошу включить в план издательства Восточной литературы выпуск книги В. К. Шилейко. Конечно, полностью все переводы издавать, может быть, и нецелесообразно, поскольку некоторые из них могут быть интересны для специалистов (они будут изданы в особоспециальных изданиях). Посоветовавшись с некоторыми своими коллегами, я отобрал лишь то, что несомненно представляет интерес для широких кругов читателя (список прилагается). Эти переводы должны быть снабжены кратким комментарием и вступительной статьей, в которой бы содержались краткие сведения о литературе Двуречья и ее значении, а также давалась сжатая характеристика научно-литературной деятельности и трудам покойного В. К. Шилейко, занявшим столь видное место в истории русской науки о Древнем Востоке.

Книга может быть подготовлена к печати в 9—12 месяцев с момента включения ее в план редакционной подготовки.

С искренним уважением

Академик В. В. Струве

Ленинград
«?» января 1964 г.

В. В. Емельянов

В. К. ШИЛЕЙКО И ЕГО «АССИРО-ВАВИЛОНСКИЙ ЭПОС»

I

В истории русской культуры Серебряного века (1890—1930)[1] Вольдемар Казимирович Шилейко занимает особое место. Даты его короткой земной жизни точно умещаются в границы эпохи (1891—1930), и так же, как Серебряный век, Шилейко в своем посмертии оказывает все возрастающее влияние — нет, не на идеи и не на формы культуры, но на тончайшие вибрации российской духовности. В. К. Шилейко шагнул в новое столетие через И. М. Дьяконова, В. Н. Топорова и Вяч. Вс. Иванова, петербургские дома Лозинских и Казанских, через неустанный труд Алексея и Тамары Шилейко[2]. Его помнят и чтут ассириологи всего мира,

---

[1] Вопрос о датировке Серебряного века русской культуры до сих пор остается дискуссионным. Мы поддерживаем версию Н. А. Богомолова, который считает, что эта эпоха начинается в 1890-е гг. и заканчивается в 1930-х (см.: Серебряный век. Мемуары. М., 1990. С. 5), но уточняем, что конец эпохи наступает в 1929—1930 гг., когда были свернуты и запрещены все культурные и идеологические программы начала XX в.

[2] См. ниже библиографию работ о В. К. Шилейко. Эта статья написана на основе документов из архива В. К. Шилейко (Отдел рукописей РНБ, ф. 1467). Архивные документы с 1930 по 2004 г. хранились в семье В. К. Андреевой-Шилейко и А. В. Шилейко, с конца 1960-х гг. с ними работали Т. И. Шилейко, Р. А. Грибов, Вяч. Вс. Иванов, Н. А. Бурановская, И. Г. Кравцова, В. В. Емельянов. Архив состоит из трех частей (картоны I—III). Во-первых, он содержит подлинные документы 1909—1930 гг. Во-вторых — значительное число выписок и копий машинописи из фондов различных российских архивов (СПбГУ, Эрмитажа, ГМИИ им. А. С. Пушкина, Института истории РАН, Института археологии РАН, ЦГАЛИ) и из печатных изданий; все выписки касаются жизни и деятельности В. К. Шилейко. К этой части архива прилагается

его не забыли потомки русских эмигрантов. Через семьдесят пять лет после ухода он оказался близок и необходим всем, в ком не угасло чувство сопричастности человечеству и человеческому — тому, что в языке шумеров передавалось сложным существительным *нам-лу-улу* «судьба человеческого рода».

Посмертная судьба Шилейко точно вписывается в чеховское пророчество о самом себе: «Меня сперва забудут, а потом вспомнят и не забудут уже никогда». После смерти его, казалось, забыли все. Российские востоковеды называли его поэтом и относились настороженно, как к чудаку. Западные коллеги хорошо знали Шилейко по изданиям текстов, но после его смерти, несмотря на посланные вдове соболезнования, почему-то не удостоили некролога в своих журналах. Поэты, напротив, считали его ученым и не придавали стихам Шилейко большого значения. Почти все воспоминания о Шилейко написаны через тридцать—сорок лет после его ухода, когда многим приятелям и знакомым внезапно стало ясно, кого они потеряли. И если в современном массовом сознании ученый-поэт Вольдемар Шилейко по-прежнему продолжает пребывать в тени Ахматовой, то в сознании творцов культуры он не перестает быть совершенно самобытным явлением, оказавшим значительное влияние как на развитие исторической науки, так и на поэтику своих товарищей — акмеистов (А. А. Ахматовой, О. Э. Мандельштама, Н. С. Гумилева) и М. Л. Лозинского.

Гениальный студент без диплома, уважаемый профессор без ученой степени, известный поэт без сборника стихов, легендарный автор перевода «Гильгамеша», рукопись которого была утрачена, второй, но не последний муж знаменитой Анны Ахматовой, полиглот, никогда не бывавший за границей, эпистолярный собеседник западных востоковедов, никогда не видевший их лиц — такова судьба Шилейко, в которой отчетливо проступает разлад между духом и материей. Одного не имел, другое имел, но утратил. Шилейко, как ископаемое в каменном угле, запечатлелся в материи всего четырежды: в сыне, родившемся за три года

также «Хронология жизни и деятельности В. К. Шилейко», составленная А. В. Шилейко и Т. И. Шилейко по всем изученным материалам. Третью часть архива составляет том машинописи под названием «Ассиро-вавилонский эпос». В этой же папке хранятся машинописные копии пьес В. К. Шилейко, найденных в архивах ЦГАЛИ и ИМЛИ, а также черновые наброски к последним статьям.

Составитель благодарит за консультации М. Л. Гаспарова, Т. М. Двинятину, Р. А. Евстифееву, А. А. Кобринского, Н. И. Крайневу, А. Г. Меца, М. В. Тарелко, В. Н. Топорова, В. А. Якобсона; за дружескую помощь — Н. В. Козлову и Е. А. Тахо-Годи.

до его смерти, в рукописи каталога глиняных табличек Цветаевского музея, в личных письмах и в листках машинописи, бережно хранившихся до последнего времени в семейном архиве. Рукописные черновики статей и стихов поглотило время, вещи давно рассыпались прахом.

Шилейко умер точно на сломе эпох, «на сгибе бытия, на полдороге к бездне». В 1929 г. умирает очень похожий на него доктор Живаго, безбытный и вечно влюбленный ученый-поэт. В 30-м арестовывают и переводят в другую эпоху А. Ф. Лосева. Когда он возвращается, то надевает шапочку, на которой мерцает неэримая большинству буква «М». Живаго и Мастер — два способа перехода из Серебряного века в железный, тяжело-промышленный: физическое небытие и духовное спасение. Пастернак родился в 1890-м, Булгаков — ровесник Шилейко, Лосев двумя годами младше. Одни идеи, образы и настроения. Состояние тоже одно — жить невозможно, нужно или умирать, или уходить в монастырь. Университета нет, культура под запретом, религиозное и мистическое равно гонимы. Как известно, Воланд поблагодарил своих собеседников за то, что те не признавали существования Бога. Тем самым он избавился от надоедливого конкурента. И вот умирает Шилейко, остается без работы Булгаков, начинает сходить с ума Мандельштам, подвергается травле Прокофьев (все — 1891 г. рождения). Умирает Живаго, попадает в психушку Мастер. Третий литературный герой эпохи — Остап Бендер — не может преодолеть заколоченных рубежей родины. Всех мыслящих и творческих людей настигает невыносимость бытия. И все они, ушедшие в 30-м, возвращаются в общественное сознание в конце 60-х гг. Позже всех приходит Шилейко, что неудивительно для человека, стоявшего от общественной деятельности дальше всех. Но его положение оказалось счастливым. Когда способные к сознанию умы уже насладились всеми в массе, когда набылись кумирами сразу и Ахматова, и Мандельштам, и Волошин, и Цветаева, и Пастернак, — тогда только пришел одиночкой Шилейко, не ведя за собой никого, и мы получили возможность внимательно всмотреться в его черты. Черты оказались замечательные.

Духовный облик Шилейко не имеет себе равных в русской культуре XX столетия. Обладатель странного имени Вольдемар-Георг-Анна-Мария Казимирович Шилейко, дворянин литовских кровей из пригородного Петергофа. Первый русский преподаватель ассириологии и основатель петербургской ассириологической школы, первый в России историк Шумера, первый переводчик клинописной литературы, первый преподаватель хеттского языка. Близкий к акмеистам завсегдатай «Бродячей соба-

ки», хранитель стихотворной формы под названием «жора»[3]. Домашний учитель детей графа Шереметева, обитатель Фонтанного дома и Мраморного дворца. Второй муж Анны Ахматовой, неприхотливый, безбытный и ревнивый. Хозяин сенбернара по кличке Тапа, подобранного на Марсовом поле в голодном 20-м году. Одет сперва в гимназическую форму, потом в студенческую, гражданскую войну проходил в солдатской шинели, и только к концу жизни, уже в Москве, — сюртук. Высокий, сутулый, горбоносый, в очках, с ярко горящими и в то же время рассеянными глазами, на фото всегда старше своих лет. Обладатель изящного, воздушного и точного почерка. Эрудит, игравший в письмах западными и восточными, древними и современными языками. Язвительный острослов, бескомпромиссный полемист и критик. Отшельник со способностями пророка. Тратил себя, не заботясь о следах и последствиях: рвал-жег черновики, читал трехчасовые лекции двум студентам, которые ничего в них не понимали. За семь лет преподавания в университете — один ученик, Александр Павлович Рифтин. Можно сказать: «Зато какой!» Будущий доктор наук, декан филологического факультета, учитель И. М. Дьяконова и К. Б. Старковой. А каково было Шилейко десять лет на профессорском посту преодолевать сопротивление материала!.. Впрочем, может быть, он читал и не для студентов, и не для домкомовских бабусь (случались и публичные лекции в музеях), а для какого-то идеального, во все посвященного слушателя, которого он себе в это время представлял. Жаль, никто не написал, какой был у него голос — высокий или низкий, в какой манере он читал лекции и как произносил свои стихи, никто не записал Шилейко на фонограф или на граммофон. Но все запомнили, что голос был тихий, как бы старческий, а речь протяжная, как бы нараспев... Последние годы он приберег для себя, желая оторваться от всеобщего бытия. Уехал в Москву, женился, в 1927 г. родился сын. Последняя любовь — Вера Константиновна Андреева-Шилейко — после 1930-го замуж не вышла, вырастила сына одна и дожила до 1974 г. Алексей Вольдемарович Шилейко прошел войну, вернулся, стал изобретателем первого советского магнитофона и первой ЭВМ, получил степень доктора технических наук и звание профессора МИИТ... Человек другой эпохи, но того же духовного направления: читал и писал стихи, с нача-

[3] «Жора» — особая форма шуточных стихов: в каждой стихотворной строке должны присутствовать слоги «жо» и «ра». Изобретение «жоры» В. Пяст приписывает Мандельштаму. Чтобы написать «жору», нужно было получить разрешение у Шилейко. См. об этом: *ПП*, 8, 35, примеч. 18.

ла 70-х издавал отцовское наследие, а его кот носил гордое вавилонское имя Мардук.

Итак, Шилейко безусловно симпатичен нам, людям следующего столетия. Но вряд ли биографические данные давно ушедшего человека способны пробудить в потомстве острое чувство сопричастности его жизни, более того, — восторженное отношение к его личности и глубокие раздумья над его трудами. При современных темпах развития науки любой перевод древневосточного текста, созданный даже полвека назад, должен иметь только историческую ценность. Но переводы Шилейко живут и будут живы всегда. Тихие второстепенные поэты, подобные ему, известны ныне только знатокам-славистам, но стихи Шилейко каким-то чудом выплывают из общей массы и становятся предметом обсуждения даже в современной периодике. Личное присутствие Шилейко в жизни дореволюционного Петербурга сменилось его духовным присутствием в жизни Петербурга современного. Заглавия его посмертных книг — «Всходы вечности», «Через время» — буквально свидетельствуют о состоявшемся бессмертии этого человека и тем самым побуждают к разгадке его тайны.

II

2 (14) февраля 1891 г. в Петергофе появился на свет Вольдемар-Георг-Анна-Мария Казимирович Шилейко. И как для рождения ребенка мало одного факта его появления на свет, а необходимо подготовить все для его жизни, так и гению мало только показаться в мире людей. Если почва для его деятельности еще не готова, гений может и не состояться. Поэтому задержим первый шаг гения по земле и осмотрим само место его появления.

В России гуманитарные науки появились поздно и развивались около полувека — от позднего Александра II до большевиков. Разумеется, и во времена Пушкина были знатоки древних и восточных языков, блестящие переводчики и педагоги (вспомним хотя бы Н. И. Гнедича и О. И. Сенковского). Но научными исследованиями по филологии и истории занимались или приглашенные немцы, или русские монахи в восточных миссиях. И только с 1870-х гг., в эпоху открытости России западному миру, социально-экономических реформ и промышленного подъема, возникла национальная гуманитарная наука, становившаяся к началу следующего столетия

все более свободной от религиозного миросозерцания. Триумфом ее во всех областях, без сомнения, стало время от 1890 до 1930 г. — т. е. все тот же Серебряный век русской культуры. Именно тогда в филологии, истории, археологии, искусствознании, социологии, этнографии возникают те титанические фигуры, которым мы и обязаны самим сознанием того факта, что у нас есть гуманитарная наука: В. О. Ключевский, Б. А. Тураев, И. Ю. Крачковский, В. М. Алексеев, Л. В. Щерба, Ф. И. Щербатской, И. А. Бодуэн де Куртенэ, В. Я. Пропп, М. М. Бахтин, С. И. Соболевский, Ф. Ф. Зелинский, Д. К. Зеленин, А. Ф. Лосев, О. М. Фрейденберг... К этой плеяде принадлежит и Шилейко.

Востоковедение в России XIX в. было делом различных социальных и национальных групп. Православные миссионеры русского происхождения с большим рвением изучали ислам и традиции Дальнего Востока, немцы — мастеровые и дипломаты — интересовались языками всех регионов современного Востока, дворяне из Прибалтики и Польши были замечательными страноведами-ближневосточниками, евреи же тяготели к Древнему Востоку и изучению библейской проблематики. Если же говорить конкретно о ближне- и древневосточном направлениях, то ни один регион не дал российской науке столько славных имен, как прибалтийские княжества империи. Польско-литовское происхождение имели арабисты О. И. Сенковский и И. Ю. Крачковский, основатель российской египтологии и коптологии О. Э. Лемм был эстляндским немцем, из тех же мест происходил В. В. Струве, Виленскую гимназию окончил первый русский историк Древнего Востока Б. А. Тураев. Из того же славного прибалтийского дворянства происходил и отец В. К. Шилейко Казимир Донатович.

Почему именно литовцы и остзейские немцы создали российское востоковедение? В Прибалтике уже в XVII в. существовали университеты с богословскими факультетами, на которых проводилась текстуальная критика Библии и преподавались языки Ближнего Востока. Гимназическая подготовка включала классические языки, риторику, углубленные занятия грамматикой и священной историей. Преподавали в гимназиях и университетах немцы, бывшие для прибалтийских народов учителями протестантизма. В протестантизме же одним из краеугольных камней этики всегда было уважение к мастеру, знатоку своего дела, и тяга к просвещению как к средству достичь материального благополучия. Когда в начале XIX в., после векового перерыва, в балтийских княжествах России начинают открываться университеты, туда немедленно приходит и российская общественная мысль, которая через полвека будет экспортироваться в Петер-

бург и усиливать западнические настроения прогрессивной части имперского общества. Осевшие в столице евреи, литовцы и немцы вели себя тихо и скромно, но именно их дети к концу правления Александра II заняли петербургские гуманитарные кафедры. Одним словом, Шилейко появился на свет именно в той среде, которая была исполнена любовью к знаниям, отличалась постоянством жизненного уклада и уважительным отношением к мастерам своего дела.

С конца 1870-х гг. министр просвещения граф Д. А. Толстой при поддержке царя вводит в России классическое гимназическое образование, проклятое Менделеевым и осмеянное Чеховым, но сыгравшее решающую роль в становлении всех гениев российской гуманитарной науки. Молодой человек, успешно окончивший такую гимназию и сформированный по ее правилам, становился убежденным европейцем, т. е. ощущал себя и свою жизнь частью общемирового движения человечества к совершенному знанию и свободе. Греческий и латынь, три европейских языка, закон Божий, история древнего мира, логика, история мировой литературы, история искусств были неплохим стартом для человека, желающего углубиться в проблемы таинственных восточных народов и языков.

Итак, он родился в счастливом «там и тогда». Добавим: гению повезло с родителями и с предками. Как свидетельствует «Формулярный список о службе исправляющего должность Петергофского уездного исправника статского советника Казимира Донатовича Шилейко», отец нашего героя родился 19 февраля 1860 г. в семье потомственного дворянина Ковенской губернии (ныне г. Каунас) и был крещен в римско-католической вере. Он имел два образования — одно для дела, другое для души. Сперва Казимир Донатович окончил Одесское пехотное юнкерское училище по первому разряду, поступил на военную службу, но побывать на театре военных действий ему так и не довелось. 27 ноября 1887 г. ковенский дворянин Шилейко женился первым браком на дочери статского советника, девице Анне Фоминичне Вельяминовой-Рутской (02.06.1863—1936), крещенной в лютеранской вере. По выходе в отставку в чине поручика 91-го Двинского пехотного полка в 1890 г. К. Д. Шилейко получил должность сперва Шлиссельбургского, а затем Петергофского уездного исправника и быстро рос в чинах. К началу следующего столетия он уже статский советник, кавалер российских орденов Св. Станислава II степени, Св. Анны III и II степеней и итальянского ордена Короны III степени. Но неожиданно в этом почтенном чиновнике возникает удивительная страсть к древностям Востока. Он поступает студентом в Императорский

Санкт-Петербургский археологический институт, слушает полный курс наук и блестяще оканчивает институт в 1902 г., после чего избирается членом-сотрудником этого учебного заведения (1904). К этому времени он уже отец троих детей: Вольдемара, Марии (10.07.1894), Александра (09.11.1899). Потом появляются на свет еще двое: Донан (19.01.1905) и Антонина (22.12.1907) (*ЦГИА СПб.*, Ф. 11, оп. 3, 54827. Дело Имп. СПбУ 1909—1910. № 1262. В. К. Шилейко. Л. 14—28).

О ранних годах Вольдемара Шилейко нам ничего не известно. Можно предположить, что рассказы о древнем мире он впервые услышал от отца, а затем увлекся древностями в гимназиях. В анкете сам Шилейко пишет, что начальное образование он получил в евангелической школе прихода Св. Петра в Петергофе, а среднее — в петергофской классической гимназии Александра II (1901—1909) (автобиогр. 25.02.1920 для ГАИМК; *ГМИИ*, Ф. 5, оп. 4, д. 59, л. 1). Сохранился гимназический аттестат № 385 учащегося Шилейко с перечнем предметов, оценок и подписями преподавателей. Здесь можно прочесть, что учащийся окончил гимназию с золотой медалью, получив отличные оценки по предметам: закон Божий, русский язык с церковнославянским и словесность, философская пропедевтика, латинский язык, математика, физика, математическая география, история, французский язык, греческий язык. Аттестат выдан 2 июня 1909 г. и подписан исполняющим обязанности инспектора гимназии М. М. Измайловым — тем самым, которого В. К. Шилейко отблагодарит потом в предисловии к своей единственной монографии (*ЦГИА СПб.*, л. 8—9). Там будет названо имя «М. М. Измайлова, некогда вложившего в меня первую и самую сильную любовь — любовь к угасшему солнцу Востока» (*ВНШП*, III). С таким аттестатом уже можно было приступать к занятиям классической филологией или сдавать экзамены на должность учителя гимназии. Но Восток привлекал юношу сильнее. Интересно, что это была совершенно бескорыстная тяга к знаниям, чуждая мечтам о дипломатической или миссионерской карьере. Молодой человек подает заявление на самое непопулярное отделение восточного факультета — «отделение семитических наречий». С 26 августа 1909 г. он уже числится студентом по этому экзотическому отделению, которое — теперь он точно это знал — официально называлось «еврейско-арабско-сирийским разрядом». На этот разряд он поступил один.

Основал эту специальность еврей Д. А. Хвольсон — блестящий знаток библейской экзегезы и арамейских надписей, прославившийся своей монографией о жизни североиракской секты сабиев. Обучение на еврей-

ско-арабско-сирийском разряде не сулило никакой блестящей общественной карьеры, а место на самой кафедре в студенческие годы Шилейко было занято ее руководителем П. К. Коковцовым, не нуждавшимся в помощи молодых ассистентов. Коковцов начинал как эфиопист, затем занимался древнееврейскими грамматическими трактатами, и настолько преуспел в семитской филологии и лингвистике, что Хвольсон добровольно уступил ему кафедру. С развитием в Европе ассириологии Коковцов ввел для студентов своей специальности спецкурс по ассиро-вавилонскому (аккадскому) языку, который изучал скорее не как эпиграфист, а как лингвист-семитолог.

К сожалению, до нас не дошли студенческие конспекты Шилейко, зато дошел перечень курсов и спецкурсов, из которого можно узнать о программе еврейско-арабско-сирийского разряда в 1909—1914 гг. Историю Древнего Востока и египетский язык вел Б. А. Тураев, древнееврейский, аккадский (тогда его называли ассирийским), начальный арабский и семитскую эпиграфику преподавал основной лектор отделения П. К. Коковцов, введение в языкознание читал И. А. Бодуэн де Куртенэ, арабские тексты читали со студентами Н. А. Медников и А. Э. Шмидт, историю древней философии Шилейко слушал у русского неокантианца А. И. Введенского. Из западных языков был только итальянский, которого не проходили в гимназии. Его вел преподаватель Р. Лоренцони (*ЦГИА СПб.*, л. 50—53). В перечне спецкурсов отсутствует арамейский язык (с сирийским как его разновидностью), так что остается неизвестным, читал ли его Коковцов в эти годы[4].

За пределами официального документа остались научные поиски юного студента Шилейко и его непростые отношения с единственным преподавателем разряда. Студент влюбился в шумерский язык, но П. К. Коковцов никакого шумерского языка не признавал, вслед за И. Галеви считая его тайнописью вавилонских жрецов. Коковцов был одинокий человек строгих правил, убежденный филолог и никаких занятий, кроме лингвистики и описания рукописей, не одобрял[5]; Шилейко же, напротив, с самых первых студенческих лет был увлечен литературой и религией

[4] Вполне возможно, что в годы учебы Шилейко внимание П. К. Коковцова было сосредоточено только на древних языках, арамейский преподавался в курсе эпиграфики, а сирийский (средневековый диалект арамейского) В. К. Шилейко впоследствии выучил самостоятельно. Впрочем, это только догадки.

[5] *Крачковский И. Ю.* П. К. Коковцов в истории русского востоковедения (1861—1942) // Крачковский И. Ю. Избранные сочинения. М.; Л., 1958. Т. 5. С. 416—427; *Струве В. В.* П. К. Коковцов как ассириолог // Эпиграфика Востока. 1953. № 8. С. 3—9.

Древнего Востока, был влюбчив и проводил вечера в богемных компаниях. Вдобавок ко всему он интересовался несуществующим, по мнению Коковцова, шумерским языком и частенько забывал вносить плату за обучение. Когда Коковцов надоедал особенно сильно, студент Шилейко уходил на занятия к Б. А. Тураеву, у которого занимался египтологией и историей Древнего Востока. Тураев был человеком совершенно другого типа — универсальный мыслитель, ученый-философ, феноменальный эрудит и вещевед, трепетно верующий церковный человек и проницательный исследователь религии древнего мира. Шилейко тяготел к широкому тураевскому охвату событий древней истории, сочетая его со строгим филологическом анализом памятников, которому он научился у Коковцова. Однако ни египтологом, ни семитологом он быть не хотел, а для того чтобы быть ассириологом, мало было и Коковцова, и Тураева.

III

1910 год знаменателен для Шилейко двумя событиями. Об одном витиевато и красноречиво свидетельствует документ, подписанный уездным исправником К. Д. Шилейко, по иронии судьбы оказавшимся отцом юного дворянина:

Свидетельство

Дано сие Петергофским Уездным Исправником студенту Императорского Санкт-Петербургского Университета Вольдемару Казимировичу Шилейко... для представления в Канцелярии Императорского Санкт-Петербургского Университета на предмет исходатайствования пересылки подлинной его метрики в Ковенское Дворянское Депутатское Собрание в том, что подлинная метрика студента Вольдемара-Георга Шилейко необходима для сопричисления его лично, а равно его братьев и сестер к потомственному дворянству, что и удостоверяю.

16.02.1910. Петербургское уездное полицейское управление. Петергофский Уездный Исправник

К. Д. Шилейко.

Итак, метрика о рождении Шилейко, принятая у него в приемной комиссии при зачислении в студенты, теперь была переслана университетской канцелярией в Ковно для причисления 19-летнего студента к потомственному дворянству. Теперь он был ковенский дворянин, петербург-

ский студент, в его арсенале значилось несколько языков: родной для курляндского дворянина немецкий[6], приобретенные в гимназии французский, латынь и греческий. «Семитические наречия» он получал в превосходном исполнении лучших профессоров восточного факультета. Но главной его любовью стала шумерология.

В том же 1910 г. первокурсник Вольдемар Шилейко приступил к самостоятельному изучению шумерского языка. Почему именно шумерология? Кто-нибудь скажет, что ответ на этот вопрос следует искать в способностях и в характере Шилейко. Ему нравилось решать трудные задачи, он хотел быть первопроходцем во всем, за что брался. Семитские языки уже были заняты Коковцовым, и ему трудно было составить конкуренцию в области сравнительного семитского языкознания. Египетский язык был связан с именем профессора Тураева. Шумерологией в России занимался только один человек — профессор Духовной академии М. В. Никольский, издавший в начале века два тома автографий шумерских хозяйственных текстов из Лагаша и Уммы. Однако Никольский занятий по клинописи не вел, предпочитая преподавать священникам древнееврейский язык и заниматься шумерским для себя. Юный студент чувствовал, что здесь он может преуспеть. Читая археологическую литературу на всех европейских языках, он убедился в существовании шумерского народа и его странного, причудливого языка, не имевшего родственников среди известных языковых семей. Была и причина практического характера. Сильнейшим стимулом для занятий Шумером стала покупка коллекционером Н. П. Лихачевым большой партии шумерских глиняных табличек и необходимость в обработке этой коллекции. Но была и еще одна причина, может быть, важнейшая для натуры Шилейко. Ему очень хотелось прочесть письмена народа, о котором ничего не говорилось в Библии, который жил до вавилонян и ассирийцев, где-то в самом начале истории. Заглянуть за край познанного, дойти до самого основания человеческой культуры. Он возжелал именно этого. Амбиции и практическая необходимость — потом.

[6] Хотя большинство зарубежных публикаций В. К. Шилейко издано по-немецки, его немецкий как Muttersprache остается под большим вопросом. В архиве хранятся черновики писем Э. Вейднеру, написанные по-русски. Это может означать, что Шилейко сначала писал по-русски, а потом переводил свой текст на немецкий. А такое невозможно при свободном владении языком. Можно сослаться также и на текст письма к В. К. Андреевой: «Возне с Verdeutsch'иванием сочувствую: я только что проделал то же самое над одной мелочью для Вейднера и до сих пор еще не высох от седьмого пота» (20.11.1928; *ПЛ*, 241—242). По-видимому, писание по-немецки все же давалось Шилейко не без труда.

Пожелав стать непременно шумерологом, Шилейко тут же убедился в отсутствии учителей шумерского языка в России. Требовалось общение, хотя бы эпистолярное, с крупнейшими западными авторитетами в области клинописи. И Шилейко выбирает Франсуа Тюро-Данжена — хранителя клинописной коллекции Лувра, первого издателя и переводчика шумерских царских надписей, блестящего знатока шумерской грамматики и клинописной палеографии. Все, что происходит потом, — настоящий роман в письмах. Но письма самого В. К. Шилейко до нас не дошли; возможно, они и до сей поры пылятся где-нибудь в парижских архивах. Но возможно и то, что их безвозвратно поглотила война. А вот ответы французских коллег многие десятилетия хранились в архиве семьи Шилейко.

На сегодняшний день нам известны 11 писем французских шумерологов: 6 писем Ф. Тюро-Данжена и 5 писем Ф. М. Аллотт де ла Фюи. Письма получены адресатом в 1911—1914 гг. в период подготовки к печати некоторых шумерских документов из собрания Н. П. Лихачева, хранившихся в Эрмитаже. Письма сохранились частично в конвертах с адресами, частично без конвертов, но с адресами и датами на первых страницах. Они написаны на листах плотной бумаги черными чернилами, которые сильно выцвели. Из-за плохой сохранности текстов и неразборчивости французских почерков прочтение писем весьма трудно. На страницах писем встречаются от руки написанные клинописные и пиктографические шумерские знаки, что добавляет осложнений при их чтении. Тем не менее из содержания писем можно с уверенностью заключить, что речь в них шла: а) об издании некоторых эрмитажных памятников в европейских журналах; б) о филологических и хронологических гипотезах; в) о возможности достать то или иное издание шумерских административных документов.

Корреспондентами В. К. Шилейко были крупнейшие французские шумерологи Ф. Тюро-Данжен (1872—1944) и Ф. М. Аллотт де ла Фюи (1844—?). Переписка с Тюро-Данженом касалась преимущественно вопросов публикации памятников и некоторых грамматических гипотез. Объем ответов Тюро-Данжена незначителен, он не вдается в подробные обсуждения вопросов, что, вероятно, объяснялось его редакторской и издательской занятостью. При этом он высоко оценивает шумерологические познания Шилейко и единственные замечания, которые он делает начинающему ассириологу, относятся к области французского языка. Вот некоторые отрывки из ответов французского гения в переводе А. В. Шилейко (мы по возможности опускаем места, связанные с обсуждением чтений клинописных знаков).

31 июля 1911 г.

Милостивый государь.

Вот некоторые данные, которые Вам было угодно у меня запросить.

Таблетка AO 2753 в настоящее время опубликована и переведена в Revue d'Assyriologie vol. VI pages 143 и последующих.

Таблетка, которую я упоминал в письме и которую я знал только в виде отпечатка, вошла в коллекцию Хоффмана и была опубликована Ellen Seton Ogden и George A. Barton в The Journal of the American Oriental Society. vol XXIII (1902) p.p. 19 à 28.

Монументы Blau, которые представляются мне достаточно посредственной штамповкой, находятся в настоящее время в British Museum, где без тени основания они экспонированы как подделка. George A. Barton дал некую сверку с оригиналом в The Journal of the American Oriental Society, vol. XXIV (1903) p.p. 388—389.

Я думаю, что Вы знакомы с текстом, опубликованным Scheil в Recueil de travaux XXII p. 149 и Textes Elamites-Sémitiques I p. 130.

Примите, милостивый государь, мои уверения в самых искренних чувствах.

Ф. Тюро-Данжен

7 ноября 1913 г.

Милостивый государь.

Извините меня за столь длительную задержку ответа на Ваше милое письмо от 5/18 октября. Причина этой задержки состояла в том, что я не решался Вам писать до тех пор, пока не буду знать точно, в каком именно номере я смогу поместить Вашу статью. К сожалению, в январском номере места нет, но можно быть уверенным, что в апрельском номере оно появится. Естественно, Вы получите корректуру ⟨...⟩ К слову, позвольте сделать Вам маленькое замечание. Нельзя говорить parler (говорить) что-то: parler — глагол непереходный. Нужно использовать слова dire, mauder и т. п.

Я очень благодарен Вам за тексты, которые Вы хотели мне свободно передать. Печать SAL-ME (душечка царя) представляет большой интерес. Она была знаменита в интерпретации Jensen (ZDMG 1913 p. 508; в этом месте следует исправить ti-IS-tum, как это сделано в Rev. d'Assyr. IX p. 21 note). Эта SAL-ME была царской фавориткой.

Описание головы демона также представляет большой интерес. Не хотелось бы Вам прислать мне текст, перевод и фотографию головы? Все это я мог бы опубликовать в Revue. Если примечания будут достаточно короткими, я Вам обещаю не заставлять Вас долго ждать (фотография будет опубликована в обрамлении текста).

И снова благодарю Вас, Милостивый государь. Прошу Вас верить в мои самые лучшие к Вам чувства.

Ваш Ф. Тюро-Данжен

14 декабря 1913 г.

Милостивый государь.

Извините меня за задержку с ответом на Ваше милое письмо от 4 дек. Последнее время я был очень сильно занят.

С интересом я прочел Вашу статью для RA. Не откажите в любезности сообщить мне Ваше желание относительно того, должен ли я переслать ее Ms. D. M. Besolo, или вернуть ее Вам. Что касается повторения столбцов со II по V, по моему мнению, оно достаточно естественно объясняется тем фактом, что этот текст представляет собой упражнение. Существует множество документов подобного рода.

Спасибо за копию оттиска печати и фотографию старинной таблетки из собрания г-на Лихачева. Возможно, Вы хотели бы сделать на этом материале приложение к «Заметкам досаргоновского периода». Я намерен опубликовать Вашу статью перед моей, а Ваши «Заметки досаргоновского периода» — в пасхальном номере. Возможно, сюда можно было бы подключить и печать, однако в этом случае придется изменить и само заглавие, например «Шумерологические заметки». Если Вы принимаете такую комбинацию, огромная просьба прислать мне дополнительный материал в чистовике и, по возможности, не очень большого объема, поскольку наше место ограничено.

Ваш Ф. Тюро-Данжен

27 февраля 1914 г.

Милостивый государь.

С большим сожалением я узнал о Вашей болезни, но был счастлив, узнав, что Вы поправились.

К сожалению, Ваша правка поступила слишком поздно. Однако Вы сможете внести правку в гранки, которые, я надеюсь, Вы получите почти одновременно с этим письмом.

Единственно, я прошу Вас не добавлять § V (значение символа 𒄑), так как Ваша статья занимает в точности восемь страниц, и если добавить этот §, нам придется оставить чистыми полторы страницы.

Как Вы увидите, я использовал Вашу таблетку, которую Вы оказали любезность передать мне, для внесения поправок. Эти поправки имеют чисто формальный характер, за исключением горошинки (пассаж, относящийся

к 𒁹𒀭𒌓 [7] — я счел возможным исключить этот пассаж, поскольку противоречие, о котором Вы сообщаете, не существует, если 𒁹𒀭𒌓 означает не тесть, а зять, посмотрите Rev. d'Ass. XI p. 54; меньше всего хотел бы навязывать Вам мое видение предмета, и Вы внесете те изменения, которые кажутся Вам правильными).

Я буду Вам весьма обязан, если Вы вернете мне исправленные гранки. Я займусь размещением клише, которые я надеюсь получить в скором будущем. Вы же получите правку на чистых листах.

Примите, Милостивый государь, мои уверения в самых теплых к Вам чувствах.

Тюро-Данжен

Ответы полковника Аллотт де ла Фюи, одного из крупнейших публикаторов старошумерских хозяйственных текстов, носят более принципиальный характер, поскольку он очень подробно обсуждает проблемы шумерской хронологии и употребление некоторых глаголов в царских надписях и хозяйственных текстах. Его письма дают нам ключ к пониманию того, как складывалась концепция истории раннединастического Шумера, изложенная В. К. Шилейко в книге «Вотивные надписи шумерийских правителей» (Пг., 1915). В частности, становится понятно, что точная гипотеза о порядке правления лагашских царей от Энентарзи до Урукагины была одновременно выдвинута в работах Аллотт де ла Фюи и Шилейко, оспаривавших версию А. Женуйяка. Кроме того, Аллотт де ла Фюи сообщает Шилейко, что обнаруженная им последовательность правления шумерских царей от Лугальзаггеси до Шаркалишарри еще раньше была открыта и сформулирована Тюро-Данженом. В ответах французского коллеги содержится и полемика по вопросам шумерской грамматики. Приведем два письма и несколько выдержек из остальных писем.

Версаль. 1 июля 1911.

Милостивый государь,

Как я понял из Вашего письма от 19 июня, Вы проделали тщательную работу с документами, относящимися к досаргоновской эпохе и находившимися в Вашем распоряжении. Очень обидно, что русские библиотеки не предоставили

[7] Современная транслитерация и чтение знаков mi_2-us_2-sa_2 «зять».

Вам возможность ознакомиться с моей работой, содержащей 600 текстов, относящихся к этой эпохе. Благодаря этим текстам, вопросы, вызвавшие у Вас сомнения, были бы сняты.

Вот те наблюдения, повод к которым дает чтение Вашего письма.

Я сильно сомневаюсь в том, что гипотеза Genouillac, который предполагает, что во время царствования Урукагины Эн-ли-тар-зи и Лугаланда были еще живы и были Sangu и patesi, соответствует действительности, и я не нахожу, что тексты, которые он цитирует, достаточно убедительны.

Вопрос сам по себе достаточно сложен и гипотеза, которую выдвигаю я, также достойна обсуждения.

Вот она.

Поскольку в одном из текстов Лугаланды имеется указание на приношения, сделанные En-li-tar-zi или Ki-a-nag d'En-li-tar-zi, можно предположить, следуя моей гипотезе, что погребальные приношения сделаны Лугалandой своему отцу и покойному предшественнику. Аналогичным образом, поскольку в одном из текстов Урукагины упоминается Эн-ли-тар-зи и Лугаланда, с тем же упехом можно предположить, что приношения сделаны родителям — предшественникам. Текст DP 66, который Вы цитируете, датируется как Урукагина 4 и мне представляется, что речь идет о том же самом, — это приношения, сделанные различным богам и статуе Лугаланды, т. е. той самой статуе, которая, как Вам это прекрасно известно, упоминается под собственным именем Nina и «мать Лугаланды». И будучи возведена живым Лугаландой, она получает приношения также от живого. Затем эти приношения продолжались после его смерти и вплоть до разграбления ⟨...⟩

Что же до одновременности царствования Урукагины и патесиата Лугаланды, — множество документов доказывает, что это невозможно. Я не могу забыть, что Урукагина, перед тем, как стать царем, был патеси в течение одного года. В течение этого года патесиата Урукагины какие же функции исполнял Лугаланда? Можно отыскать и многое другое.

Если сравнить многочисленные категории ежемесячной оплаты служащих Bar-nam-tarra — жены Лугаланды и Sag-Sag — жены Урукагины, то легко констатировать, что это в большей своей части один и тот же персонал и те же самые имена, что было бы совершенно невозможно. Действительно, одни и те же люди в течение одного и того же года не могут служить у царицы и у жены патеси.

По моему мнению, бессмысленно искать другие доказательства, которые подтверждали бы, что Урукагина жил после Лугаланды; даже если предположить, что Лугаланда прожил еще несколько лет после завершения своих функций патеси как властелин, абсолютно нет никакой уверенности, что все 8 лет он и его жена осуществляли свое владычество; или хотя бы в предшествие первого года, в течение которого Урукагина был патеси.

Во времена Урукагины переход от патесиата к царствованию не представлял собой жестокой революции, и новый царь, выступая в областях A и B, не указывал на злоупотребления своих предшественников, и наличие таковых не служило причиной прекращения отправления посмертных почестей перед статуями Ур-Нины и Лугаланды.

Что же касается преемников Урукагины и хронологической позиции патеси Engilsa, отмеченной на обелиске Manishtusu, я занимался этими вопросами с помощью специальной работы, озаглавленной «En-gil-sa patesi de Lagach», опубликованной в журнале, названном «Florilegium Melcheor de Vogue», который, о чем я сожалею, вряд ли распространяется в России.

Примите, милостивый государь, уверения в моем к Вам уважении; с большим удовольствием я ознакомлюсь с работой, которую Вы в скором времени опубликуете.

Аллотт де ла Фюи.

Нант. 21 сентября 1912.

Милостивый государь.

Только 19 сентября я получил Ваше заказное письмо, датированное 1 сентября, в котором Вы выражаете желание издать небольшую работу в Revue d'Assyriologie.

Руководителем этого журнала является Г-н Тюро-Данжен, и количество статей, которые к нему уже поступили и которые ожидают публикации, настолько велико, что у меня возникают серьезные сомнения в том, что он сможет удовлетворить Вашу просьбу. В любом случае, том IX, III уже вышел и Вы найдете в нем совершенно замечательные работы. Том IX, IV сейчас в стадии подготовки и выйдет в ближайшем будущем: добавить туда еще одну статью практически невозможно. Даже если Г-н Тюро-Данжен одобрит Вашу работу, она не сможет быть опубликована ранее следующего года ⟨...⟩

Но, повторяю, это он (а не я) — тот единственный человек, который может принять решение относительно самого факта и времени публикации.

Будучи здесь в деревне вдали от моей библиотеки, я лишен книг Никольского и Лэнгдона и, следовательно, не могу составить достаточно обоснованное мнение о Вашей интерпретации. Что касается Uru-Ka, я уже высказывался в своей статье «En-li-tar-zi patesi» по поводу приверженности в рассматриваемую эпоху к сокращениям, и это позволяет мне считать, что **nig lú nu túm** и **nig lú** — это одно и то же лицо.

Если Вы по-прежнему намерены послать мне Вашу работу, подождите до 1 октября и направляйте ее по адресу: Versailles 2 rue d'Anjou.

В томе IX, IV Revue d'Assyriologie я опубликовал работу, названную «Шумерские заметки». Там Вы сможете почерпнуть некоторые полезные сведения. Там же я ссылаюсь на Вас, цитируя первое сообщение, которое Вы направили мне и которое касается таблетки Никольского. Кажется, можно считать, что Ваше сообщение доказывает существование одного патеси в эпоху царя Урукагины.

Я пишу Ваше имя как W. Chileico. Правильно ли такое написание?

Примите, Милостивый государь, мои заверения в глубоком к Вам уважении.

Аллотт де ла Фюи

С 28 сентября и по 1 октября писать по адресу Versailles 2 rue d' Anjou не имеет смысла.

[Из письма от 13 июля 1912 г.]

Что же касается последовательности: **Lugal-zag-gi-si, Sarrukin, Manistusu**, как следует из открытия Шейля и трудов Тюро-Данжена, **Manistusu** и **Urunin̆**, носившие титул **Lugal Kiš**, за чем не следует **Ki**, и тот и другой были царями Аккада, и Тюро-Данжен окончательно установил последовательность: Лугальзаггеси — царь Шумера, 25 лет. Шаррукин, Маништусу, Нарам-Суэн, Шаркалишарри — цари Аккада.

[Из письма от 17 августа 1912 г.]

Милостивый государь,

Я получил два Ваших последних письма, в первом из которых Вы сообщаете мне о таблетке, относящейся ко времени Enlitarzi, а во втором Вы делитесь со мной интересной поправкой применительно к опубликованным таблеткам и высказываете гипотезу, что:

mu-na-⊳, следует переводить как:

он заставил (приказал) построить ?![8]

Если я не ответил раньше, то лишь потому, что был очень занят, а также потому, что на некоторое время я покинул Версаль и поехал в Нант (низовья Луары).

Ваша гипотеза о том, что следует усматривать **Šafel** в знаке:

mu-na-⊳ абсолютно неприемлема; следует переводить:

mu-na-⊳

il (à lui) a construt — он построил (воздвигнул).

[8] mu-na-du$_3$. В то время чтение знака DU$_3$ еще не было известно.

Имеется множество таблеток, относящихся к досаргоновскому периоду, где мы находим:

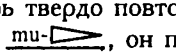
e-ne-ba это им он дал

по соседству с:

e-na-ba это ему он дал,

что доказывает, что **na**, в той же степени, что и **ne**, это косвенное регулярное местоимение.

Замечу попутно, что если память меня не обманывает, в надписи **our-nina** царь твердо повторяет:

 , он построил,

не используя местоимения **na** в том случае, если оно не ставится перед именем бога.

Нет ничего удивительного в том, что в надписях, относящихся к построению дворцов, царь использует формулу:

Он воздвиг,

а не

Он приказал воздвигнуть.

То же самое мы находим применительно к тем же случаям и в латинских надписях, где используется формула: **erexit**, воздвиг.

Что касается 6-го года Enlitarzi, мне кажется, хоть и не могу сейчас подтвердить, поскольку со мной нет моей библиотеки, что это уже известно.

В ближайшее время я опубликую статью в Revue d'Assyriologie, где Вы сможете найти некоторые полезные указания по поводу таблеток досаргоновского периода.

В течение ближайших полутора месяцев мой теперешний адрес:

24 rue des Dervalliéres,
Nantes
Loire Infèrieure

Если будете писать мне в Версаль, не пишите, как Вы это обычно делаете, Paris. В Версале есть специальное отделение, где хранятся письма.

С огромным уважением

Ф. М. Аллотт де ла Фюи.

Письма французских ассириологов Шилейко представляют большой интерес для истории науки. Из них выясняется, что издания по ассириологии почти не поступали в российские библиотеки и приватно высылались европейскими коллегами российским специалистам. Российский ученый, печатавший свои труды на Западе, имел возможность вычитывать несколько присылаемых ему корректур одновременно и даже править

текст в гранках. При этом западные коллеги проявляли интерес не к концепциям и гипотезам российского специалиста (нередко представавшим в виде «изобретенного велосипеда»), а к памятникам древней культуры, хранившимся в российских частных собраниях. Эти памятники рекомендовалось публиковать на европейских языках[9].

Судя по письмам французских ассириологов, уже с 1910—1911 гг. студент Шилейко активно работает с собранием Н. П. Лихачева, находящимся в Эрмитаже. Однако первыми его трудами были статьи для российских энциклопедий. Это очень добротные компилятивные работы, в которых наибольшее внимание уделяется особенностям духовной культуры стран Древнего Востока, прежде всего словесности. Уже в эту раннюю пору обнаруживается двойной интерес В. К. Шилейко к избранной специальности. С одной стороны, он хочет быть первым публикатором самых разных клинописных текстов из российских собраний; с другой стороны, основной областью его научного и поэтического творчества становится художественный перевод памятников шумеро-аккадской словесности. Таким образом, с самого начала наш герой работал и для западной науки, и для отечественной культуры.

Сделаем здесь одно необходимое примечание. Студент Шилейко был самолюбив. Он придерживался правила, что для французских изданий нужно писать по-французски, а для немецких — по-немецки. Но, получив мягкое замечание Тюро-Данжена по поводу глагола parler, в дальней-

---

[9] Обращение к текстам этих писем позволяет опровергнуть легенду, вышедшую из уст Ахматовой в 1962 г. и в таком виде попавшую на страницы популярных изданий: «Он был очень талантлив, еще студентом он получил открытку от выдающегося французского ученого: „...нам скоро придется изучать русский язык в связи с Вашими работами"» (запись М. И. Будыко; *ОАА*, 492). В семье Шилейко также было принято рассказывать о восторженных отзывах Тюро-Данжена по поводу познаний В. К. Шилейко. Однако письма Тюро-Данжена занимают малую часть переписки. Поскольку имя Тюро-Данжена широко известно, то в легенде остался только он. Менее известный Аллотт де ла Фюи, бывший основным консультантом Шилейко, выпал из повествования и совершенно забылся. Что же касается слов о том, что французы будут изучать русский язык для чтения работ Шилейко, то, как мы уже увидели, все обстояло прямо противоположным образом: чтобы быть понятым коллегами, Шилейко должен был печататься только на европейских языках. Никаких восторгов по поводу познаний Шилейко его французские корреспонденты не высказывали. Они только отмечали верную или неверную, на их взгляд, интерпретацию отдельных терминов и текстов. Даже в соболезновании, присланном В. К. Андреевой-Шилейко, Тюро-Данжен отзывается о заслугах ее супруга беспафосно и скупо: «Мы испытывали глубокое уважение к работам Вашего оплакиваемого супруга, который с честью представлял в области ассириологии русскую науку, — его уход оставил пробел, который мы все живо ощущаем» (письмо от 21 января 1931 г.; *ПЛ*, 287). Заметим, что ни в возглавляемом Тюро-Данженом журнале Revue d'Assyriologie, ни в иных европейских журналах по ассириологии некролог Шилейко так и не появился.

шем отказался от сотрудничества с французскими изданиями. С той поры все его статьи, предназначенные для западного читателя, будут писаться по-немецки. Что касается английского, то Шилейко выучил его позднее, никогда на нем не писал и большого интереса к нему не испытывал. В одной анкете конца 1920-х гг. на вопрос о языках, которые он знает, следует четкий ответ: «Немецкий, французский, английский, итальянский, латинский и семитические языки» (*ГМИИ*, Ф. 5, оп. 4, д. 59, л. 1). Греческий и шумерский почему-то не указаны. Зато в другой анкете, явно желая эпатировать, наш герой пишет о себе: «Знает около 40 языков» (2.11.1926; Там же, л. 2). Как всегда, истина где-то посредине. Рабочими языками Шилейко были немецкий, аккадский и шумерский, его литературным пристрастиям лучше всего удовлетворяли французский и итальянский. С научными целями он читал по-английски. Мог прочесть и издать арамейскую и южноарабскую надпись, с листа перевести еврейскую Библию, прочитать и со словарем перевести Коран. Латынь и греческий он знал еще с гимназии. Древнеегипетский язык он студентом учил у Тураева. В 20-е гг. для него не представляла трудности хеттская грамматика. Предположим, что он мог читать по-сирийски[10]. В дневнике П. Н. Лукницкого от 2.11.1927 г. сказано, что Шилейко приступил к изучению испанского языка. Получается, что помимо русского Шилейко знал еще 15 языков.

IV

1911 г. стал для него переломным: внезапно умирает отец, семья остается без кормильца, за учебу в университете нужно платить, денег нет, а все работы временные. Вольдемар ходит на лекции, подрабатывает в энциклопедиях, дает частные уроки, но почти все его время поглощает разбор табличек лихачевского собрания. Таблички, призмы, посвятительные гвозди с царскими надписями становятся главными героями его жизни. Он без устали копирует разнообразные шумерские почерки, читает научную периодику, пытается выстроить историю шумерских правителей в

[10] Такое предположение позволяет сделать фрагмент из его письма: «Вчера мне было очень стыдно. Я получил из Японии фотографии двух страничек сирийской манихейской рукописи, с просьбой дать об них статью в японский восточный журнал. Приходится ответить, что сирийским я давно уже не занимаюсь, манихейством — тем более, и ничего написать не могу» (15.11.1927; *ПЛ*, 196).

правильном хронологическом порядке. Обостряется интуиция, напрягается зрение, подрывается здоровье. Далее процитируем прошение на имя ректора университета, поданное 24 сентября 1913 г. деканом факультета восточных языков Н. Я. Марром и секретарем факультета Н. А. Медниковым: «Факультет восточных языков... имеет честь просить Его Превосходительство возбудить ходатайство об оставлении, не в пример прочим, студента арабско-еврейско-сирийского разряда Вольдемара Казимировича Шилейко, пробывшего два года на втором курсе и имеющего незачтенными четыре семестра подряд, еще на один год на том же втором курсе во внимание к сериозной болезни, помешавшей ему весной сего года явиться на поверочные испытания, и к успехам, оказанным им, по отзывам специалистов, в дешифровании документов, написанных клинописью» (*ЦГИА СПб.*, л. 30). К сему прилагалось медицинское свидетельство, составленное 23 сентября 1913 г. доктором медицины статским советником А. Сердюковым. В документе указывалось, что студент Шилейко был болен туберкулезными язвами зева (Ulcera tuberculosa pharingis), но к тому времени доктор находил «его достаточно окрепшим для возобновления научных занятий, а также не опасным в смысле заразительности для окружающих». Уже через неделю просьба уважаемых профессоров была удовлетворена ректором, и Шилейко был «не в пример прочим» допущен к занятиям на втором курсе... в третий раз. Таким образом, перед нами уникальный пример даже не второгодника, но третьегодника. Матрикул студента Шилейко содержит всего одну запись: «Итальянский язык — весьма удовлетворительно. Преподаватель Р. Лоренцони». Сведений о других сданных им экзаменах в архиве университета нет.

Заполняя в 1918 г. анкету сотрудника Эрмитажа, бывший студент Шилейко написал, что не кончил курс «по расстроенному здоровью и недостатку средств» (*РНБ*, Ф. 1467, оп. I, ед. хр. 19, л. 2). В самом деле, в 1913-м отмечена первая вспышка опасной болезни, которая и станет впоследствии медицинской причиной его смерти. Но в этом же году состоялись и брак студента Шилейко с С. А. Краевской, и первые выступления Шилейко-поэта в богемных компаниях Петербурга[11]. Нашему герою было не до рутины экзаменов. Он давно считал себя сложившимся

[11] Подробнее об этом см.: *Мец А. Г., Кравцова И. Г.* Предисловие // ПП, 9—47. Софья Александровна Краевская — студентка Академии художеств, затем учитель рисования в Васильеостровской и Коломенской гимназиях. Она оставила замечательные акварельные портреты В. К. Шилейко, выполненные в 1917 г.

ученым, а все канцелярские формальности ненавидел. Но денег, разумеется, не было. И результат не замедлил сказаться. В безжалостном постановлении Правления университета от 27 февраля 1914 г. сказано, что В. К. Шилейко «уволен из числа студентов университета как не внесший плату за осень 1913, осень 1912 г.» (*ЦГИА СПб.*, л. 43). В мае того же года ему настоятельно напоминают о том, что он должен выслать 25 рублей за осень 1912 г. (недоимки за осень 13-го, должно быть, уже возмещены). И только после внесения всей оставшейся суммы приказом ректора от 15 июля 1914 г. Шилейко выбывает из числа студентов университета. В свидетельстве, выданном ему 21 июля 1914 г. Правлением университета по сему поводу, сказано, что бывший студент Шилейко «уволен из университета, посему правами, предоставленными студентам, окончившим полный курс университетского учения, воспользоваться не может» (Там же, л. 44).

Итак, он оказывается за порогом университета, этот блестящий ученый, студент-третьегодник, поэт и муж. Однако, кажется, Шилейко ничуть не расстроен этим фактом своей биографии. Он влюблен, у него интересные друзья — Анна Ахматова, Николай Гумилев и Михаил Лозинский. Он преуспел в издании клинописных таблеток и уже с 1913 г. служил сверхштатным сотрудником Эрмитажа (хотя и не получал за это денег). В том же году выходит его первая поэтическая публикация — стихотворения «Она бледнее, чем вчера...», «Я думал, все осталось...», «Ничего не просил у Бога...» (Гиперборей. 1913. № IX—X). Вообще кажется, что радости 1913 г. заслонили для Шилейко неприятности 14-го. И если говорить о первом полугодии, то это, безусловно, так. Но уже в августе 1914 г. Европа забывает о спокойствии и самодовольстве частной жизни. Начинается война.

Время с 1914 по 1920 г. можно назвать легендарным и даже мифологическим. Россия оказалась в вихре войн и революций. Повсюду горели бумаги и гибли люди. Неизвестно, что сталось бы с Шилейко в мирное время, но в политической неразберихе российской жизни карьеру можно было делать и без степени, и даже без диплома. В 1915 г. выходит в свет единственная монография В. К. Шилейко «Вотивные надписи шумерийских правителей». В Предисловии к этому фундаментальному изданию эрмитажных табличек, оконченном 8 марта 1915 г., молодой автор выстраивает хронологию шумерской истории и выдвигает немало ценных историко-политических гипотез. Все изданные тексты автографированы, приведены их транслитерации и переводы на русский язык. Сразу же

по выходе книга Шилейко была высоко оценена российскими историками. Уже в январе 1916 г. ее автор удостаивается большой серебряной медали Российского археологического общества, а с октября этого же года избирается членом-корреспондентом Московского общества изучения древностей. Ему покровительствуют председатель Императорского общества любителей древней письменности граф П. С. Шереметев, графиня П. С. Уварова и Н. П. Лихачев, еще раньше о нем с восторгом отзывался М. В. Никольский[12]. В это же время Шилейко становится домашним учителем детей графа П. С. Шереметева и переезжает в Шереметевский дворец (который Ахматова вскоре назовет «Шумерийской кофейней»)[13]. Но тут наступает 1917 г.

Для государства бывший студент Шилейко — не более чем пушечное мясо. Его призывают в армию и с 13 января по 1 августа 1917 г. он числится рядовым 172-го, а затем 3-го пехотных запасных полков[14]. В августе его комиссуют по болезни (вновь открылся туберкулез), и он возвращается в Петербург в той самой шинели, которую не снимет до начала 20-х гг.

Большинство мемуаристов запомнит Шилейко именно таким, каким он был до 1918 г. Вот как представлен образ Шилейко времен «Бродячей собаки» в изложении нескольких современников:

«Нажмите на кнопку ларца воспоминаний и вы ясно увидите свою собственную фигуру, декламирующую мне „Субботу", посвящающую меня в тайны ассиро-вавилонской и египетской мудрости, увидите себя вместе со мной в „Собаке" или за кружкой пива в какой-нибудь пивной, где вы пишете стихи ночной фее» (открытка японista Н. А. Невского, 8.10.1927 г.; впервые: *ВВ*, 148).

«В „Собаке" играли, пели, сочиняли шуточные экспромты, танцевали, рисовали шаржи друг на друга самые знаменитые артисты и художники. И если бы только сохранился архив этого своеобразного учреждения, многое из того, что кажется необъяснимым сегодня в русской художественной жизни начала нашего века, получило бы ясность и правильное истолкование. Здесь, в „Бродячей собаке", культивировавшей, вопреки всему направлению тогдашней эпохи, „весе-

[12] *Бурановская*, 516—521.

[13] Такое шутливое название апартаменты Шилейко получили из-за постоянного запаха кофе и разбросанных по полу глиняных табличек. Подробнее см.: *Кравцова И.* Анна Ахматова и Фонтанный дом // Новое литературное обозрение. 1994. № 8. С. 210—212; *Попова Н. И., Рубинчик О. Е.* Анна Ахматова и Фонтанный дом. СПб., 2000.

[14] Впрочем, он был настроен патриотично: осенью 1917 г. пил «за здоровье его Величества» (*ПП*, 23). Тогда же написал о своей готовности умереть за Россию: «Что ж, я готов. Я — верный сын страны, / Меня вскормившей молоком и медом» (*ПП*, 128).

лой легкости бездумное житье", было можно встретить неизменно сидящего за одним и тем же столиком саженного Маяковского, похожего на фарфоровую статуэтку или игрушечного барабанщика Судейкина, Евреинова, Мейерхольда, Карсавину. Здесь играл совсем юный Прокофьев и, лениво перебирая клавиши, напевал вполголоса свои песенки жеманно улыбавшийся Кузмин. Встречались иногда и такие монстры, как способный молодой поэт Шилейко, выглядевший весьма ветхим, сгорбленным стариком. Тогда еще студент университета, он обнаружил в хранилищах Эрмитажа два письма вавилонского царя Хаммурапи и получил справедливое признание как учёный-востоковед...» (*Бабенчиков*, 185—186).

«Насколько он (Шкловский. — *В. Е.*) выглядел молодым, настолько старым, ветхим, согбенным под каким-то безмерным бременем лет казался другой частый гость „Собаки", поэт и ученый Шилейко. Шилейко еще гимназистом вступил в переписку с лондонскими египтологами и ассириологами; он, еще не кончив университета, был чуть ли не действительным членом Академии наук... Шилейко, как и его единственный в Петербурге учитель, покойный профессор Тураев, — и то могший научить чему-нибудь Шилейко лишь в филологическом, отнюдь не в лингвистическом отношении, — оба они напоминали зараз и бородатых воинов с вывернутыми плечами с архаических древнегреческих сосудов и с ассирийских росписей, и оживших египетских мумий, несущих на себе весь прах веков под своими длинными сюртуками современного покроя» (*Пяст*, «Встречи»: *ПП*, 36).

«Очень интересным гостем моих вторников был В. К. Шилейко, ученый-ассириолог, поэт и остроумнейшая личность... Бледный молодой человек с поднятыми плечами, сутуловатый, в очках, красивый, но без нескольких зубов, с палочкой, он говорил почти шепотом. Странный вид, точно выходец из тьмы далеких тысячелетий, которые он изучал, вроде какого-нибудь шумерийца Алилиены. ⟨...⟩ Он был женат на художнице С. А. Краевской, впоследствии женился второй раз на Анне Ахматовой. Я знаю, что первой жене он запрещал пудриться, завивать волосы и делал сцены в духе шекспировского мавра. Изучение тысячелетних вотивных надписей не изменило сердца с его слабостями.

До революции Шилейко жил у графа Шереметева на Фонтанке, где теперь Арктический институт, преподавателем его детей. Какие-то знакомства в бывших аристократических кругах расстроили его, можно сказать, свели с пути. ⟨...⟩ Встретив его, я, желая поднять его веру в себя, начала ему говорить о его способностях, о том, что одаренные люди должны служить человечеству.

— Что такое человечество и где оно? — насмешливо спросил меня Шилейко.

— Как что такое человечество?

— А помните, — отвечал чудак, — в старое время в „Ниве" и в подобных журналах появлялись объявления: „Если кто-нибудь соберет известное коли-

чество марок, то получит сервиз" Кто выдаст его? Так и человечество, — продолжал Шилейко. — Где его искать, что это такое?

Разумеется, он думал о человечестве, может быть, более, чем я, но любил поострить.

И он часто отвечал мне остротами. Однажды после лета, приехав с дачи, я встретила его — что вы поделывали летом?

— Я пил пиво, — отвечал он, как всегда, нараспев и очень тихо, и, как всегда, желая меня, очевидно, поразить или рассмешить.

— Что же, вы считаете это занятие делом?

— Позвольте мне ответить маленькой сказочкой Андерсена, — отвечал Ш., — в одном доме жил ученый, булочник и домовой. Домовой любил книги и булочки. Однажды ученый собрал книги и уехал. Домовой, любивший книги, растерялся, но невольно вспомнил о вкусных булочках и понемногу успокоился...» (из неопубликованных мемуаров Е. А. Грековой «Пережитое»: *ПП*, 36—37).

«Вл. Шилейко был очень талантливый поэт и египтолог, рано погибший от туберкулеза. Очень красивое лицо, напоминавшее изображения Христа, красивые руки с длинными пальцами» (Л. В. Шапорина: *ПП*, 23).

«Пил он главным образом пиво, проводя целые часы в трактире, в одиночестве» (Т. Б. Лозинская: *ПП*, 34).

«Здесь (в Петербургском университете. — *В. Е.*) ходил высокий, очень худой, как бы иссохший, очень молодой и очень отдельный Шилейко: он занимался — в целом мире, кажется, один — сумиро-акатским языком, переводил стихотворную повесть „Гильгамеш", сравнительно с которой Библия и Гомер — недавние события» (*Шкловский*, Тын., 51).

«Случилось однажды, что студент В. К. Шилейко, переводчик древневавилонской поэмы о трудах и подвигах царя Гильгамеша, забыл внести двадцать пять рублей за слушание лекций. Канцелярия, находящаяся в нижнем этаже, его механически исключила; но оказалось, что надо закрыть и отделение факультета» (*Шкловский*, ЖБ, 259).

Все мемуаристы подчеркивают уникальность и одновременно одиночество Шилейко, его духовную красоту, старческий облик и тихий голос. Образ, далекий от богемы тех лет и потому больше других врезающийся в память.

Несмотря на эту внешнюю тихость и даже благостность, Шилейко был неутомимым спорщиком и острословом. Мемуаристы вспоминают два весьма показательных случая.

«Однажды этот молодой ассириолог встретился у нас с В. В. Розановым, писавшим тогда об Египте. Розанов очень обрадовался этой встрече. Оказывается, он давно мечтал о ней. Разговор этих двух людей был настолько учен, что некоторые из присутствовавших потихоньку удалились в другую комнату, утомленные этой премудрой беседой. Когда Розанов ушел, Шилейко сказал: „Василий Васильевич по обыкновению своеобразно интересен, в высшей степени оригинален, но ничего не знает о Египте"» (Е. А. Грекова: *ПП*, 46).

В. Пяст во «Встречах» вспоминает о шилейковском оппонировании докладу В. Шкловского «О новом слове», состоявшемуся 23 декабря 1913 г.:

«Шилейко взял слово и, что называется, отчестил, отдубасил, как палицей, молодого оратора, уличив его в полном невежестве, — и футуризм с ним вкупе, — сравнив его, то есть футуризм, с чернокнижными операциями — и еще с чем-то, — Виктор Шкловский в своем ответном слове начал очень скромно, так вкрадчиво обаятельно:

— Думаю, что уже в силу своего возраста мой почтенный оппонент мог бы постесняться употреблять столь резкие выражения, мог бы простить мне незнание многого, извинительное мне по молодости лет.

Вот именно это сказал Виктор Шкловский, хотя, может быть, и не точно этими словами.

Он завоевал симпатии всех присутствующих, всего подвала. Я был председателем диспута. Я, по правде сказать, опасался „кризиса", скандала, я боялся резкости, руготни со стороны обиженного. Помнится, я даже делал замечания почтенному старцу Шилейко по поводу резкости некоторых его выражений... (*Пяст*, 274; также фрагмент в: *ПП*, 10)[15].

Послереволюционный Шилейко резко исчезает из воспоминаний, его запомнят только знакомые Ахматовой. Поэт и чудак вынужден стать присяжным ученым, потому что иначе было не выжить. Его дальнейшие мытарства беспристрастнее всего опишут анкеты и трудовая книжка (выданная только 24 июня 1924 г. в Москве). В 1918—1919 гг. Шилейко становится одновременно штатным ассистентом Эрмитажа, действительным членом ГАИМК (Государственной академии истории материальной

[15] Сохранились также мемуары Г. Иванова, в составе которых есть рассказ «Магический опыт»: *Иванов Г.* Магический опыт // Собр. соч.: В 3 т. М., 1994. Т. 3. С. 374—382. Рассказ этот представляет собой литературную мистификацию: здесь Шилейко назван египтологом, прожегшим пеплом от трубки некий музейный папирус, а также мистически настроенной личностью. Разоблачение мистификации Г. Иванова см.: *Панова Л. Г.* Русский Египет. Александрийская поэтика Михаила Кузмина. М., 2006. Т. 1. С. 184—186. Все сведения, сообщаемые Ивановым, нуждаются в дополнительной проверке.

культуры) и РАИМК (Российской академии истории материальной культуры). В это же время Шилейко подрабатывает чтением лекций в студии художественного перевода при издательстве «Всемирная литература». Здесь он преподает немецкий и учит стихотворному переводу с европейских языков. Кроме того, по приглашению Н. С. Гумилева он редактирует переводы немецких авторов в самом издательстве[16]. В начале 1919 г. Шилейко уходит из Эрмитажа (там мало платят и удерживают зарплату за время командировок). С 1919 г. по 31 июня (так в трудовой книжке!) 1922 г. он числился профессором Археологического института. С 1 июля 1922 г. по 26 июля 1929 г. работал профессором факультета общественных наук Петроградского (позднее Ленинградского) государственного университета по археологическому отделению. К этим петербургским должностям с сентября 1924 г. прибавилась должность заведующего отделом Древнего Востока в московском Государственном музее изящных искусств.

Профессор Шилейко читал аккадский и шумерский языки и историю древневосточной литературы, затем ввел курс по хеттскому языку, а в 1926 г. им был даже объявлен курс по эламской клинописи. Научный сотрудник Шилейко делал музейный каталог табличек из московской части лихачевской коллекции, а также выступал консультантом при закупке новых музейных раритетов. Были еще разовые публичные лекции, которым он отдавался с той же страстью, как и своим занятиям с подготовленными (а чаще — неподготовленными) студентами.

После 1919 г. Шилейко перестает публиковать свои стихи.

V

Шилейко и Ахматова — предмет отдельного исследования. Об их отношениях много писали и ахматоведы, и немногочисленные исследователи творчества В. К. Шилейко. Именно из-за брака с Ахматовой Шилейко стал интересен современной русской культуре. Архив Шилейко в конце концов оказался в Отделе рукописей РНБ рядом с архивом Ахматовой. И публикуемый здесь труд также имеет прямое отношение к связи Ахматовой и Шилейко. Можно сказать, что время с 1918 по 1926 г. стало ярчайшей вехой в биографии нашего героя. Однако начало этой вехи сле-

[16] Об этом см. ниже цитату из неопубликованного варианта статьи Т. И. Шилейко «Легенды, мифы и стихи...» (Новый мир. 1986. № 4. С. 196—209) (с. 509—510).

дует отодвинуть еще как минимум на три года. Предоставим слово документам из архива В. К. Шилейко.

10 сентября 1915 г. М. Л. Лозинский писал своему другу: «Дорогой Владимир Казимирович, пишу Вам два слова наспех. На днях я видел Анну Андреевну. У нее в конце августа умер отец. Она сейчас живет у себя в Царском, просит Вам передать, что была бы рада Вас видеть. Она больна и скоро должна уехать в Финляндию или в Крым. Побывайте у ней и от меня очень кланяйтесь. Николай Степанович невредим. Ваш М. Лозинский» (*РНБ*, Ф. 1467, оп. I, ед. хр. 21, л. 3 = *РНБ*, Ф. 1073, оп. I, ед. хр. 1899, л. 1). Интерес Ахматовой к Шилейко начинается уже во время Первой мировой войны, а может быть, и еще раньше. Сама Ахматова впоследствии так описывала свое знакомство с Шилейко: «Тогда же, т. е. в 10-е годы, составился некий триумвират: Лозинский, Гумилев и Шилейко. С Лозей[17] Гумилев играл в карты, они были на „ты" и называли друг друга по имени-отчеству. Целовались, здороваясь и прощаясь. Пили вместе так называемый „флогистон" (дешевое разливное вино). Оба, Лозинский и Гумилев, свято верили в гениальность третьего (Шилея) и, что уж совсем непростительно, в его святость. Это они (да простит им Господь) внушили мне, что равного ему нет на свете» (*ПП*, 10). Уйдя в армию, Шилейко писал Лозинскому из запасного пехотного полка: «Царскосельской ужо скажи, что малодушным меня перед ней не назовет никто. Перебираю четки, жду от тебя белой стаи» (29.01.1917; *РНБ*, Ф. 1467, оп. I, ед. хр. 35, л. 1). О каком малодушии идет речь, — непонятно. Может быть, Шилейко припомнил строки Ю. Балтрушайтиса: «Жизнь малодушному в любви готовит худшую из казней»? Тогда речь может идти о зарождающемся чувстве Шилейко к Ахматовой, в котором они боялись себе признаться. Образы последнего предложения, — это, разумеется, игра названиями ахматовских сборников. Так что можно предположить, что брак Ахматовой и Шилейко имел длинную предысторию, которую можно датировать 1915—1917 гг.

О дальнейшем сама Ахматова рассказывала своему «первому Эккерману» (по словам Н. А. Струве) П. Н. Лукницкому. Его записи ценны тем, что сделаны еще при жизни Шилейко в 1924—1926 гг.:

В 1918 году Николай Степанович вернулся, остановился в меблиров. комнатах «Ира». Была там до утра. Ушла к Срезневским. Потом, когда Николай Степанович пришел к Срезневским, АА провела его в отдельную комнату и

[17] Так правильно. У Ахматовой ошибочно «с Лизой» (см.: *ПП*, 37, примеч. 24).

сказала: «Дай мне развод...» Он страшно побледнел и сказал: «Пожалуйста...» Не просил ни остаться, не расспрашивал даже. Спросил только: «Ты выйдешь замуж? Ты любишь?» АА ответила: «Да». — «Кто же он?» — «Шилейко». Николай Степанович не поверил: «Не может быть. Ты скрываешь, я не верю, что это Шилейко» (*Acumiana I*, 144; 19.04.1925).

АА говорит про лето 18 года: «Очень тяжелое было лето... Когда я с Шилейко расставалась — так легко и радостно было, как бывает, когда сходишься с человеком, а не расходишься. А когда с Николаем Степановичем расставалась — очень тяжело было. Вероятно, потому, что перед Шилейко я была совершенно права, а перед Николаем Степановичем чувствовала вину» (*I*, 145; 19.04.1925).

За полугодие с 1/IV по 1/X АА напечатала только два стихотворения (в «Русском современнике», № 1). «Больше нигде ничего не зарабатывала. Жила на иждивении Вольдемара Казимировича Шилейко... (*I*, 20; декабрь 1924).

В архиве В. К. Шилейко есть подтверждение этих слов. Сохранились два документа, выданные Ахматовой в РАИМК. Вот текст одного из них:

Удостоверение

Выдано сие, за надлежащими подписями, с приложением печати, Члену Российской Академии Истории Материальной Культуры В. К. Шилейко в том, что его жена Анна Андреевна Ахматова-Шилейко находится на его иждивении и должна уплатить общегражданский налог по закону 2-го ноября 1922 г. в размере половины ставки налога В. К. Шилейко, получающего содержание по 16-му разряду тарифной сетки.

(13.03.1923; *РНБ*, Ф. 1073. I. 1878, л. 2)

В удостоверении, составленном за год до этого, сказано, что Ахматова-Шилейко должна уплатить налог по ставке налога Шилейко (1 млн руб.).

1918 (?). Ездила в Москву с В. К. Шилейко. У него был мандат, выданный отделом охраны памятников старины и подписанный Н. Троцкой, удостоверяющий, что ему и его жене (АА) предоставляется право осматривать различные предметы, имеющие художественную ценность, и накладывать на них печати (*I*, 34; 24.01.1925).

Мандат на поездку также хранится в архиве В. К. Шилейко. Правда, он был подписан другими лицами. Вот текст мандата с сохранением орфографии подлинника:

Комиссариат Народного Просвещения
Отдел по делам музеев

Удостоверение от 8 августа 1918

Настоящим удостоверяется, что предъявитель сего, ассистент Эрмитажа Владимир Шилейко и Анна Андреевна Шилейко командируются в г. Москву по делам Комиссариата. Просим оказать семье Шилейко содействие к бесприпятственному (так! — *В. Е.*) их проезду в Москву и обратно в Петербург к месту постоянной их службы. Правительственный комиссар по делам музеев и охране памятников искусства и старины Г. С. Ятманов.

Секретарь Л. Пиотровская
(*РНБ*, Ф. 1467, оп. I, ед. хр. 19, л. 11)

Шилейко — лютеранин. В 1918 г. сказал, что перешел в православие в 1917 г. и что документ, подтверждающий это, — хранится у его матери. Однако при АА с матерью никогда об этом документе не говорил, мать не говорила тоже, и АА этого документа не видела. Уверена, что Шилейко врал. По ее убеждению, Шилейко — атеист (*I*, 34; 24.01.1925).

Шилейко заставлял ее сжигать, не распечатывая, все получаемые ею письма. Запирал ее дома, чтобы она не могла никуда выходить (*I*, 36; 27.02.1925).

В. К. Шилейко в Москве сделал какое-то открытие мировой важности (из области изучения клинописей). «А мне в письмах пишет всякие пустяки — как здоровье Тапа, например. Он такой». Об этом открытии АА узнала не от него (*I*, 39; 28.02.1925).

О браке с В. К. Шилейко. АА: «К нему я сама пошла... Чувствовала себя такой черной, думала очищение будет»... Пошла, как идут в монастырь, зная, что потеряет свободу, всякую волю. Шилейко мучал АА — держал ее, как в тюрьме, взаперти, никуда не выпускал. АА намекнула, что многое могла бы еще рассказать об его обращении с нею (тут у АА, если заметил верно, на губах дрожало слово «sadiste», но она не произнесла его. А говоря про себя, все-таки упомянула имя Мазоха...). Когда жила с В. К. Ш., постоянно, часами, подолгу, под его диктовку писала (тут же переводимые им с листа) работы, касающиеся Ассирии, Вавилонии, Египта (*I*, 44; 28.02.1925).

Помимо синхронных записей Лукницкого сохранились также воспоминания студентки-студийки Н. П. Колпаковой, учившейся у Шилейко искусству перевода, о визите в Фонтанный дом в сентябре 1919 г. Эти мемуары были записаны сразу после посещения супругов Шилейко.

Он вошел — по обыкновению, в своей неизменной военной шинели — огромный, сгорбленный, с длинными волосами, падавшими на воротник из-под смятой фуражки.

— Здравствуйте, — произнес он тихо и протяжно, слегка картавя и наклоняя, по обыкновению, голову к левому плечу. Поздоровавшись со мной, он подошел к креслу Анны Андреевны и молча, нагнувшись, поцеловал поочередно ее руки. Казалось, он сильно озяб и потому не снимал шинели.

— Как ты долго сегодня, — проговорила Анна Андреевна, отряхивая дождевые капли с его фуражки, — ты читал лекцию? Будешь читать в музее?

— Нет. Нет слушателей. Пришло всего несколько очень старых людей. Я посмотрел на них в щелку и потихоньку ушел по черному ходу, — тем же тихим, глуховатым, замирающим голосом отвечал Владимир Казимирович, — серьезно, но с искрами юмора, блеснувшими из-под стекол очков. Он снял фуражку и стал раскладывать на столе принесенные пакеты; затем опустился в кресло, с которого Анна Андреевна пересела на диван.

— Можно ли так, Володя!

— Не сердись, голубь. Зато я хорошо вел себя на улице: купил спичек и яблок. Осчастливил двух продавцов-жуликов, — также серьезно отвечал он, похожий на большого ребенка, который вел себя умником и хочет, чтобы его похвалили (*ОАА*, 125)[18].

Вновь предоставим слово Лукницкому.

А. Лурье решил вырвать АА от Шилейко... За Шилейко приехала карета скорой помощи, санитары увезли его в больницу... Я: «А предлог какой-нибудь был?» АА: «Предлог? — у него ишиас был... но его в больнице держали м е с я ц!» За этот месяц случилось: Лурье предложил АА перебраться на квартиру к ним, АА переехала, поступила на службу в библиотеку Агрономического института, получила казенную квартиру на Сергиевской, 7 и жила там 20-й и 21-й годы (Поправка АА от 29.III.1925). АА: «Когда В. К. Шилейко выпус-

[18] Еще один эпизод сохранился в воспоминаниях Н. А. Павлович: «⟨...⟩ летом 1920 года мне пришлось выступать с моими стихами в Доме литераторов на Бассейной. В антракте ко мне подошел невысокий болезненный человек и сказал: „Я — Шилейко, муж Анны Андреевны Ахматовой", — и пригласил меня к ним... В 1920—1921 годах мы встречались довольно часто, читали друг другу стихи, иногда вместе гуляли. Шилейко благоволил ко мне и охотно отпускал со мною Анну Андреевну. В то первое мое посещение она показала мне стол своего мужа, ассириолога, заваленный обломками и плитками с клинописью: „Вот его библиотека"» (*ОАА*, 109).

тили из больницы, он плакался: „Неужели бросишь?.. Я бедный, больной... Ответила: „Нет, милый Володя, ни за что не брошу: переезжай ко мне" — Володе это очень не понравилось, но переехал. Но тут уж совсем другое дело было: дрова мои, комната моя, все мое... Совсем другое положение. Всю зиму прожил. Унылым, мрачным был...» (*I*, 45; 28.02.1925).

Шилейко увезли в санаторию летом 1921 г. (в Ц. С.). Надпись на «Подорожнике»: «Шилейке — 25 июля 1921 г.» — уже когда расхождение решено было (*I*, 83; 30.03.1925).

Летом (в августе 1920) было критическое положение: Шилейко во «Всем⟨ирной⟩ лит⟨ературе⟩» ничего не получал; «Всем⟨ирная⟩ лит⟨ература⟩» совсем перестала кормить. Не было абсолютно ничего. Жалованья за месяц Шилейке хватало на 1/2 дня (по расчету). В этот критический момент неожиданно явилась Н. Павлович с мешком риса от Л⟨арисы⟩ Р⟨ейснер⟩, приехавшей из Баку (*I*, 132; 17.04.1925).

Еще о последнем приходе Николая Степановича к АА: АА говорит, что Николай Степанович очень обижался на нее, что она нигде не выступает, бранил ее... Он не верил, что Шилейко не позволяет — не мог себе представить, что АА может кто-нибудь «не позволить», потому что всегда было наоборот... От того, что он не верил в эти слова АА, у него являлось и общее недоверие к ней... Поэтому он был с ней сух и холоден... (*I*, 163; 26.04.1925).

В комнате очень холодно. А. Е. Пунина начинает топить. Время подходит к 9 часам. АА с сожалением говорит, что ей надо уходить домой, потому что она должна застать управдома, чтобы взять у него трудовую книжку В. К. Шилейко. Какую трудовую книжку? Зачем? Оказывается, что трудовая книжка Шилейко лежит у управдома, а без нее В. К. Шилейко не может получить жалованье в университете. И вот вместо того, чтоб самому по лестнице спуститься к управдому и взять ее, Шилейко заставляет АА специально для этого возвращаться на несколько часов раньше в свою ужасную квартиру, идти к управдому, выдумывать повод — почему именно она, а не сам В. К. Шилейко приходит...

Приходит Пунин. Уговаривает АА оставить у управдома книжку до завтра, а не торопиться. И я, и А. Е. Пунина присоединяемся к этим уговорам... «Если он (В. К. Шилейко) сумасшедший, то это не значит, что Вы должны исполнять прихоти сумасшедшего...» (*I*, 218—219; 29.10.1925).

Пятница. В 12 часов дня мне звонит А. Е. Пунина, просит съездить в Мраморный дворец к АА и сообщить ей, что деньги в университете сегодня выдаются и что В. К. Шилейко может их получить. Через 20 минут мне открывает дверь всегда сияющая Маня, выслушивает меня: «Так Павел Николаевич!.. Анна Андреевна здесь, Вы сами ей скажите...». «Нет. АА, наверно, не встала, вы передайте». Маня идет в столовую. Слышу кашель Шилейки, стариковский

кашель, и звонкий голос АА: «Благодарю Вас, Павел Николаевич, простите меня, что я Вас не могу принять... Я еще не одета»... Шилейкин голос расспрашивает меня, как получают деньги, и я ухожу (*I*, 221—222; 30.10.1925).

Вскоре после прихода Пунина я ушел домой. Но еще до прихода Пунина, даже до разговора, было несколько моментов, которые я хочу записать. Во-первых, как-то вскользь говорилось о материальном положении Шилейко и Пунина. Шилейко сейчас будет зарабатывать много — к зиме рублей до 200 в месяц. Так что он будет совершенно обеспечен. «Вы понимаете, что одинокому человеку, который тратит только на себя, это должно хватать...» И совсем тихо, как бы про себя, АА промолвила: «Я ведь у него денег не беру». Сейчас же, как бы спохватившись в том, что она проговорилась, АА быстро заговорила о другом... Да, АА денег у Шилейко не берет. И не только не берет... Я не помню, записано ли это у меня в дневнике, — я знаю, что АА сама посылала весной деньги Шилейке в Москву. (Я читал письмо Шилейко, где он благодарит АА за материальную помощь) (*I*, 233—234; 5.11.1925).

На днях получено жалованье... (Между прочим, Шилейко тоже получил жалованье и сегодня устраивает у себя пьянство. Когда АА уходила из Мр. дв., там на столе стояла солидная батарея бутылок. У него соберутся его приятели — ученые, профессора. АА по этому случаю сегодня ночует в Ш⟨еремете вском⟩ д⟨оме⟩) (*I*, 234; 5.11.1925).

Еще о Шилейко. Шилейко всегда старается унизить АА в ее собственных глазах, показать ей, что она неспособная, умалить ее всячески... Это — вообще. А в частности, даже он принужден был признать правильность ее мнений, касающихся влияний Бодлера на Николая Степановича... — именно в рассуждении черновика «Канцоны» («И совсем не в мире мы, а где-то...») (*I*, 237; 5.11.1925).

Зашел в Ш. д. К Пуниным приехали родственники, квартира переполнена ими, они пируют и пьют водку. АА загнана в кабинет. АА сказала о Шилейко — к нему можно прийти, «когда он будет пить чай», а чай он пьет обычно в десять—половине одиннадцатого. От АА я направился в Союз поэтов. Ничего примечательного. Гнусно, как всегда. Но под конец явился Н. Тихонов. Я обрадовался ему, поговорили. Условились, что он зайдет ко мне с Е. Г. Полонской, которая присутствовала при разговоре. Из Союза поэтов я вышел с Полонской. Она — домой, а я — к Шилейко. Сидел за бумагами. Скоро дописал «до точки». Вылез ко мне — в столовую. Зажег примус, наливал крепкий зеленый чай... Ходил по комнате, диктовал... За справками и за иллюстрациями лазил в книги, которые для этого отыскивал в груде других. В таком занятии мы досидели до 12 часов ночи. Я собрался уходить, но Шилейко предложил остаться еще, так как с минуты на минуту должна прийти «Анечка». Через несколько

минут она действительно пришла, открыв незапертую дверь. Вошла в столовую. Поздоровалась с В. К. Шилейко — он поцеловал ей руку, а она прикоснулась губами к его лбу. Медленным, дребезжащим голосом Шилейко произнес: «Может быть, ты вернешься назад?!» — и показал глазами на Тапа. АА, еще не отдышавшаяся от ходьбы и подъема по лестнице, взяла Тапа и вышла. Через 10 минут вернулась. Села к столу против меня. Шубу сначала сняла, потом опять накинула на плечи (в комнате, хоть и топленной, холодно). Шилейко налил всем чаю. Я ставил ему вопросы — иногда глупые, потому что просто хотел возбудить как-нибудь его ассоциации... Он рассказывал о «Всемирной литературе», о голоде, холоде, о быте 18—20 годов. АА также принимала участие в этом рассказывании (*I*, 238—239; 6.11.1925).

Вчера у Шилейки были его гости, пили до пяти утра, и АА пришлось быть с ними, так как нельзя же лечь спать при посторонних (*I*, 257; 19.11.1925).

В добавление к прежним записям: В марте 1921 года АА встретилась с Николаем Степановичем в очереди КУБУ. Это тысячу раз записано. А стояла она вот почему: получила деньги за пьесу «Зу» (?) Шилейко, написанную для секции Исторических картин. Кажется, я передаю это верно. Но не уверен (*I*, 274—275; 23.11.1925).

Я поехал. Открыл мне дверь Шилейко. АА лежала на своей постели — узком диване — в черном платье, но под одеялом и зимним пальто. Чувствует себя очень плохо... Я сел к дивану, Шилейко, занимавшийся тут же за столом и дымивший как фабричная труба, взял со стола свои фолианты и ушел в другую комнату — топить печку; воротился, наконец, закрыл двери, громко сказал: «мяу» и стал заниматься (*I*, 280—281; 27.11.1925).

Еще когда Тихоновы и Всеволод[19] были у меня, мне позвонила АА и просила зайти к ней взять доверенность, написанную Шилейкой на мое имя, чтобы после его отъезда я мог получить в университете его жалованье за месяц, которое он отдает частично АА. В 7 часов, сразу после ухода Тихоновых и Всеволода, я поехал к АА. Застал в квартире полный разгром: Шилейко снаряжался в путь. Топилась плита, развешано было белье, раскиданы книги, платья, вещи... АА в кухне, одетая в белый свитер, хлопотала и возилась с едой, с бельем, с вещами. Предложила мне чаю. Шилейко налил крепкий чай в 3 чашки, мы пили, сидя за столом, а он, — разгуливая по комнате. Дико острил, возился с Тапом, причем начал эту возню, неожиданно бросившись бегать вокруг стола. Тап с диким протяжным воем бросился за ним... Говорили о разных литературных вещах — о Кузмине; Шилейко острит, будто про него говорили: «Послушайте, Кони — это не вы?» — так он дряхл был и стар в 14 году, после своих «лири-

[19] Всеволод Рождественский.

ческих» похождений. Дразнил Тапа. АА смеялась и сказала: «Попробуйте взять Володину шинель... Тату не даст...» Я обманул «Тату» и взял шинель, пообещав ему, что пойду с ним гулять. А когда я сделал попытку не пойти, Тап обиделся. Чтобы он не разочаровался во мне, я позвал его гулять. И Тап, всегда охотно и долго гуляющий, сегодня страшно спешил и опрометью бросился домой, не дав мне даже дойти до угла и купить папирос. Когда я попытался его увести силой, он уперся всеми лапами и жалобно завыл. «Он боялся, что Володю увезут без него», — сказала АА, когда я вернулся. «Откуда он знает?» Я попрощался с В. К. Шилейкой, пожелал ему счастливого пути, попрощался с АА и пошел домой. АА после провожала Шилейку на Николаевский вокзал (*I*, 291; 2.12.1925).

Вчера АА весь день пролежала в постели и не выходила из Мр. дв. Чувствовала себя плохо. Сегодня утром я получил в университете 40 рублей — оставшаяся часть жалованья Шилейко (всего 70 р.), которую он предоставил АА. Сейчас же поехал на дровяной двор, купил 1/2 сажени дров и доставил их АА (*I*, 292; 4.12.1925).

В архиве В. К. Шилейко сохранилась доверенность за следующий год. Из этого можно заключить, что он многократно прибегал к помощи П. Н. Лукницкого при получении денег: «Следуемое мне по Университету содержание за июль 1926 г. доверяю получить Павлу Николаевичу Лукницкому. 20 июля 1926 г. В. Шилейко» (*РНБ*, Ф. 1467, оп. I, ед. хр. 5, л. 1)[20].

Последний документ их семейной жизни — акт о разводе[21], скопированный рукой В. К. Шилейко. Мы приводим его полностью:

Гр. Дело № 2210-10.

Решение

Именем Российской Социалистической Федеративной Советской Республики 1926 года июня 8 дня Народный Суд Крапоткина участка Хамовнического района г. Москвы в составе председательствующего Народного Судьи Кремнева и Народных Заседателей Минюк и Булгакова, рассмотрел в публичном заседании дело по иску гр. Шилейко Вольдемара Казимировича к Ахматовой-Шилейко Анне Андреевне о расторжении брака. Из данных, представленных сторонами, установлено, что брак супругов Шилейко и Ахматовой-Шилейко был

[20] Аналогичная доверенность от 18.06.1927 г. из архива П. Н. Лукницкого (*РО ИРЛИ*, Альбом X, № 20 а) опубликована Т. М. Двинятиной в издании: Н. Гумилев, А. Ахматова: по материалам историко-литературной коллекции П. Лукницкого. СПб., 2005. С. 297.

[21] Копия хранится в: *РО ИРЛИ*, Ф. 754. П. Н. Лукницкий. Коллекция. Альбом VII-2, № 57.

совершен в декабре 1918 г. в городе Ленинграде в нотариате Литейной части, который они и просили расторгнуть. Фамилии разведенные оставляют добрачные. Считая иск безспорным, суд, на основании ст. 97, 67 П. О. Г. С.,

решил:

брак супругов Шилейко Вольдемара Казимировича, 35 л., и Ахматовой-Шилейко Анны Андреевны расторгнуть с 8 июня с. г. Фамилии им оставить добрачные — ему Шилейко, а ей Ахматова. Копию определения сообщить в Ленинградский ЗАГС для записи в книге разведенных, а супругам выдать свидетельство о разводе. Настоящее решение по существу окончательное, но может быть обжаловано на основании ст. 235, 238 Г. П. К. в кассационном порядке в двухнедельный срок со дня вынесения решения в Московский Губсуд.

С подлинным верно Нарсудья
Секретарь

(*РНБ*, Ф. 1467, оп. I, ед. хр. 6, л. 1; *ПЛ*, 71—72)

Таким образом, документы и воспоминания А. А. Ахматовой позволяют относительно датировать основные фазы совместной жизни Ахматовой и Шилейко. Их романтические отношения начались в 1915—1917 гг. До августа 1918 г. Ахматова попросила Н. С. Гумилева о разводе (развод состоялся 5 августа 1918 г.), а уже 8 августа 1918 г. Ахматова и Шилейко по документу комиссариата Народного просвещения считались мужем и женой. Следовательно, их регистрация в декабре 1918 г. была либо мифом, либо пустой формальностью (никакого документа на сей счет не сохранилось)[22]. Совместная жизнь продолжалась с августа 1918 по июль 1921 г. Весной 1921 г. было решено разойтись, и Ахматова уходит к А. Лурье, но фактически остается иждивенкой и продолжает жить на деньги Шилейко. Затем она переходит к Н. Н. Пунину, но тесные отношения с Шилейко продолжает поддерживать до июня 1926 г., когда сам Шилейко просит у нее развода для оформления своего брака с В. К. Андреевой. Воспоминания П. Н. Лукницкого позволяют судить о характере их отношений с большой объективностью. В частности, становится ясно, что разрыв брачных уз был вызван, мягко говоря, странным отношением Шилейко к Ахматовой. Его невероятный эгоизм, постоянная ревность, склонность к винопитию, желание использовать поэта в качест-

[22] Новые материалы по этому вопросу см. в переписке В. К. Шилейко и П. Н. Лукницкого: Н. Гумилев, А. Ахматова: по материалам историко-литературной коллекции П. Лукницкого. С. 287—299.

ве секретаря заставили Ахматову разочароваться в своем недавнем идеале жизни «в монастыре»[23]. Но уйти совсем она не могла, поскольку ее и Шилейко связывали давняя дружба, принадлежность к одному культурному кругу, к одному литературному направлению и память о погибшем Н. С. Гумилеве. Ахматова и после 1921 г. принимала деятельное участие в жизни Шилейко, помогая ему в различных бытовых делах: ходила к управдому за его трудовой книжкой, укладывала его вещи, провожала к поезду. Несомненно, что Лукницкий получал за Шилейко деньги также по просьбе Ахматовой, которую боготворил.

Между прочим ахматовский миф о монастыре как будто бы поддерживал и сам Шилейко. Об этом говорят его обращения к ней в письмах: «Аннуку-пустынник», «Soeur Anne» («Сестра Анна»). Ахматова ассоциируется для него с кошкой — таинственным и одиноким зверем: «Котинька Акума» (*ПЛ*, 36). В стихотворении Шилейко «Юродивая», героиней которого стала Ахматова, она также изображена святой отшельницей[24]:

Влачится — у! — через волчец,
Скрывая рваную порфиру:
Ее привел сюда Отец
И водит за руку по миру.

Она и жизнью не живет,
Она и мерою не мерит, —
На всех углах поклоны бьет,
На церкви крестится, и верит, —

[23] Сошлемся еще на несколько мнений и свидетельств. «Ахматова вышла за него замуж в августе 1918 г. и разошлась с ним весной 1921 г., однако формальное расторжение брака состоялось только в 1926 г. ⟨...⟩ Ахматова впоследствии в разговоре с Л. К. Чуковской так вспоминала о совместной жизни с ним: „Три года голода... Владимир Казимирович был болен. Он без всего мог обходиться, но только не без чая и не без курева. Еду мы варили редко — нечего было и не в чем. Если бы я дольше прожила с Владимиром Казимировичем, я тоже разучилась бы писать стихи... Он просто человек был невозможный для совместного обитания"» (*Жирмунский В. М.* Творчество Анны Ахматовой. Л., 1973. С. 183). Ахматова — Срезневской: «Он очень нервный, очень подозрительный и требует к себе безраздельного внимания. Все другие мои отношения должны быть исключены». Еще одно свидетельство Срезневской: «Еще Шилейко по своей черной ревности бранил Ахматову за стихи: „Зачем женщине писать стихи? Ни ей, ни кому другому это не надо"» (*Срезневская*, 55).

[24] В этой связи важно учесть наблюдение Вяч. Вс. Иванова: «Вероятно, существеннее, чем отдельные несомненные совпадения строк, позднее написанных Ахматовой, с тем немногим, что сохранилось нам от написанного Шилейко, это единство аскетического отшельнического тона, для стихов Шилейко изначально заданного, а у Ахматовой постепенно возобладавшего» (*ПиЛ*, 73).

Уж так ничтожна и тиха,
Как будто мертвого омыла,
Как будто имя жениха
Неумолимо позабыла.
(*1916*)

Такое восприятие одним поэтом другого могло стать основой игры в монастырь, которая поддерживалась обеими сторонами, на короткое время нашедшими в этом странное садомазохистское удовольствие. Но если рассматривать это явление вне эстетики и игры, то придется признать, что странная форма брака-монастыря стала распространенной в кругах интеллигенции именно с начала 20-х гг. И если Ахматова такого брака не выдержала, то другая женщина — Валентина Михайловна Лосева — прошла этот путь до конца. Брак-монастырь — форма спасения от скверны и хаоса, царивших в то время в мире.

Приведем еще одну запись Лукницкого — от 22.01.1926 г.

Стала рассказывать о том, как вчера показывала Шилейке свою работу. Шилейко долго не хотел смотреть, чтобы не отрываться от своей. Наконец, согласился. Внимательно выслушал, «выглядел» все, что АА показывала ему. «Когда Вам пришлют горностаевую мантию из Оксфордского университета, помяните меня в своих молитвах!» — смеясь заявил, когда АА показала ему все. Согласился со всем, пробовал возражать против деталей, но АА привела новые доказательства, и он принял их... Шилейко, слушая ее, делал свои замечания, приводил соответствующие сравнения из древней литературы, — углубляясь до вавилонян и до народной словесности (*Acumiana II*, 11—12).

Из этого свидетельства становится ясно, что после конца их семейной жизни Шилейко стал внимательнее относиться к стихам Ахматовой, поскольку утратил над ней власть и потерял в ней секретаря. Его пророчество поразительно: Ахматова действительно наденет мантию доктора Оксфордского университета в 1965 г. Помянула ли она Шилейко в своих молитвах, вспомнила ли вообще об этих его словах — неизвестно. Зато известно другое: союз этих двух людей творчески обогатил их обоих. Ахматова лучше узнала историю мировой литературы, поэтические приемы, ритмику и метрику стиха. Шилейко, будучи преимущественно ученым, мог узнать мнение поэта по поводу своих переводов и наверняка пользовался советами своего бесплатного секретаря. Примечательно, что после 1919 г. Шилейко перестает публиковать свои стихотворения. Не было ли тому причиной понимание своей несопоставимости с истинно великим по-

этом? Этого мы не знаем. Творческими результатами их общения стали пьеса Ахматовой «Энума элиш», созданная в Ташкенте в 1940-х гг., и публикуемый ныне том переводов «Ассиро-вавилонский эпос», некогда переписанный набело рукой Анны Андреевны.

VI

Вокруг истории и странной судьбы «Ассиро-вавилонского эпоса» написано уже немало. Мы предлагаем свою версию, основанную на строгом следовании приводимым ниже источникам.

Из воспоминаний В. К. Шилейко о Н. С. Гумилеве (запись П. Н. Лукницкого, 1925 г.):

«Гильгам⟨еш⟩» начал переводиться весной 1914 г. Я читал кусочки из него у Лоз⟨инского⟩ и это ужасно понрав⟨илось⟩ Н⟨иколаю⟩ С⟨тепановичу⟩ и [он решил]. Я ему д⟨олжен⟩ б⟨ыл⟩ перевод⟨ить⟩ это с подлин⟨ника⟩, и он хотел уклад⟨ывать⟩ это в стихи. Причем делал это оч⟨ень⟩ ⟨ба⟨на⟩льно?⟩. Я тогда был моложе и суров⟨ее⟩ и скоро перест⟨ал⟩ переводить, считая, что это буд⟨ет⟩ пересказ. А затем, в ⟨19⟩18 г., он вернулся к нему (после возвращения из Парижа). В ⟨19⟩14 ⟨г.⟩ не б⟨ольше?⟩ 100 стих⟨ов⟩, и они во 2-й перев⟨од⟩ не вошли, он наново начал. Второго перев⟨ода⟩ я совсем не касался, я просто дал ему эту книжку Études bibliques Choix de textes religieux Assyro Babiloniens XII. 1907 Paris Cabalda[25]. Он эту книжку взял у меня, вероятно, в апреле ⟨19⟩18 г. Вернулся — самостоятельно. Я увидел ее уже только напечатанной ⟨...⟩ В ⟨19⟩19 г. он хотел вторично издать «Гильг⟨амеш⟩» во «Вс⟨емирной⟩ лит⟨ературе⟩». После смерти ⟨Гумилева⟩ — мне поруч⟨или⟩ передел⟨ать⟩, и я отказ⟨ался⟩, сказав, что в книге мертв⟨ого⟩ чел⟨овека⟩ нич⟨его⟩ менять нельзя[26].

«Затем, 24 марта (1916 г. — *В. Е.*), В. К. Шилейко прочитал свой перевод ассирийского „Хождения Иштар", предпослав чтению вступительный доклад» (Аполлон. 1916. № 4—5. С. 86; отчет о заседаниях «Общества ревнителей художественного слова»). Перевод этого текста

[25] Мы воспроизводим неверную орфографию автора записи. Правильные выходные данные французской антологии см.: Н. Гумилев, А. Ахматова: по материалам историко-литературной коллекции П. Лукницкого. С. 99, примеч. 5.

[26] Н. Гумилев, А. Ахматова: по материалам историко-литературной коллекции П. Лукницкого. С. 94. Расшифровка Т. М. Двинятиной.

был тогда же принят «Аполлоном» и набран; в архиве М. Л. Лозинского сохранились корректурные экземпляры верстки перевода для последнего номера журнала (1917. № 8—10); в журнале перевод опубликован не был (*ПП*, 39, примеч. 36).

Сошлемся на ценное свидетельство П. Н. Лукницкого от 20.03.1925 г.

В тяжелые годы, когда АА жила с В. К. Шилейко, АА проводила лето в городе. Шилейко переводил клинописи (диктуя АА прямо «с листа», — даже стихи), а АА писала под его диктовку. АА по 6 часов подряд записывала. Во «Всемирной литературе» должна быть целая кипа переводов В. К. Ш. ассирийского эпоса, переписанных рукой АА. И АА переписывала точно, каллиграфическим почерком, так, чтоб ни одной ошибки не было. И это при отвращении АА к процессу писания!.. Если попадалась ошибка, В. К. страшно ругал АА. Они выходили на улицу на час, гуляли, потом возвращались — и до 4-х часов ночи работали. И все только для того, чтоб на следующий день купить фунт хлеба и 4 фунта картошки! В. К. халтурил, конечно. Все халтурили — нельзя было иначе (*I*, 65).

Т. И. Шилейко пишет в неопубликованном варианте своей статьи:

Еще в 1918 г. он передал полный перевод «Гильгамеша» в издательство Сабашникова в Москве, но рукопись, к несчастью, затерялась. Остался только перевод шестой таблицы, той, где Гильгамеш после битвы с Хумбабой отказывается от любви коварной богини Иштар, и еще разрозненные фрагменты.

Но русский перевод эпоса о Гильгамеше, читанный самим Владимиром Казимировичем, слышали многие и много было об этом в свое время разговоров. В 1919 г. вышел перевод «Гильгамеша» на русский язык, сделанный поэтом Н. Гумилевым. Гумилев переводил не клинопись, как это делал Шилейко, а пользовался французским подстрочником. Шилейко написал предисловие к этой книге, которое по существу было серьезным исследованием в той отрасли истории древнего мира, которую сейчас называют гильгамешеведением. По этому поводу Н. Гумилев написал шутливое стихотворение:

Над сим Гильгамешем трудились
Три мастера, равных друг другу,
Был первым Син-Лики-Уннинни,
Вторым был Владимир Шилейко,
Михаил Леонидыч Лозинский
Был третьим.
А я, недостойный,
Один на обложку попал.

Кроме всего прочего, Шилейко активно сотрудничал в издательстве «Всемирная литература», организованном М. Горьким[27]. О том, какие цели ставило перед собой это издательство, видно из слов Горького («Литературное наследство» т. 70, с. 561): «В 19-м году издательство „Всемирная литература", преследуя цель дать русскому читателю лучшие произведения всех литераторов Европы и Америки XIX и XX века, организовало „Студию переводчиков", чтобы воспитывать кадры литературно и художественно грамотных переводчиков, способных — насколько это вообще возможно — ознакомить русского читателя с тайнами слова и красотою образов литературы европейской. Задача несколько утопическая, но, как известно, в России всего меньше боятся утопии.

В „Студии" собралось человек сорок молодежи; руководителями ее выступили члены редакционной коллегии „Всемирной литературы": новеллист Евгений Замятин, хороший знаток русского языка; критик Корней Чуковский, филологи Лозинский, Шилейко, Шкловский и талантливый поэт Николай Гумилев».

Будучи членом редколлегии «Всемирной литературы» и одним из руководителей «Студии переводчиков», Шилейко редактирует переводы. Об одной из таких работ известно из отзыва Александра Блока издательству «Всемирная литература» по поводу перевода с немецкого языка трех драм Карла Иммермана («Мерлин», «Андреас Гофер» и «Алексей царевич»), датированного 31 октября 1920 г.: «Рукопись такова, что ни один наборщик не согласится ее набирать. Редактор двух частей „Алексея" (Шилейко) просит справедливо: дать ему для окончательной проверки после переписки».

Одновременно Владимир Казимирович готовит переводы вавилонской литературы, стремясь как можно точнее воспроизвести ритмику древнего стиха. Чтобы глубже понять художественные достоинства древнейшей литературы, он изучает средневековую европейскую поэзию и вскоре становится крупным специалистом и в этой области.

В. М. Алексеев пишет в «Годовом отчете о деятельности коллегии экспертов Восточного отдела „Всемирной литературы (28.04.1919—28.04.1920)"»:

В отделе «Вавилоняне и ассирийцы» В. К. Шилейко подготовлен том переводов «Ассиро-вавилонский эпос», к отдельным частям которого в ближайшее время ожидается несколько предисловий[28].

---

[27] О «Всемирной литературе» см.: Из литературного быта Петрограда начала 1920-х годов (альбомы В. А. Сутугиной и Р. В. Рур) / Публ. Т. А. Кукушкиной // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 1997 год. СПб., 2002. С. 341—402.

[28] *Алексеев В. М.* Наука о Востоке. М., 1982. С. 252.

Следы работы над переводом различных частей «Гильгамеша» можно найти в письмах Шилейко В. К. Андреевой.

Пятница, 4 ноября 1927 г. Пайка, я хочу тебе сказать, что я нашел уборщицу, и сегодня моя раковина прибрана и вымыта до блеска. День был удивительно хорош, безветренный и снежный, и с утра я выбрался в Азиатский музей. Ернштедт приготовил для меня издание старинных отрывков Гильгамеша, по которым я тосковал шесть лет; теперь мне их хватит на всю зиму (*ПЛ*, 190).

Четверг, 10 ноября 1927 г. Гильгамеша старые отрывки меня научают многому. Бесподобен их язык, тончайший по своему синтаксису. Я было затребовал себе и богазкёйские фрагменты, но Hiersemann мне пишет, что эта тетрадь, по-видимому, вся распродана... (*ПЛ*, 194).

Суббота, 10 марта 1928 г. Я все не оторвусь от Keilschrifturkunden aus Boghazköj. В двух выпусках издана целая серия новых фрагментов хеттского Гильгамеша, с несохранившимися в вавилонской и ассирийской рецензиях эпизодами. В одном отрывке рассказан Совет богов, параллельный гомеровским. Я было начал приводить в порядок и переводить эти отрывки, но боюсь, что немцы это уже сделали. Когда буду писать Гётце или Фридриху — справлюсь (*ПЛ*, 214).

После смерти В. К. Шилейко рукопись несколько раз упоминается в переписке В. К. Андреевой-Шилейко с другом ее мужа коптологом П. В. Ернштедтом.

В. К. Андреева-Шилейко — П. В. Ернштедту (25 января 1931 г.): «Не имеете ли Вы каких-либо сведений о тексте перевода Гильгамеша, сделанного Володей еще до переезда в Москву? Я знаю, что очень большое число его трудов погибло, так как многие его бумаги были сожжены прислугой во время его отсутствия в Москве (кажется, в 1925 г.), но был ли среди них перевод, не знаю. Володя не любил об этом рассказывать» (*ПЛ*, 288).

П. В. Ернштедт — В. К. Андреевой-Шилейко в Москву (Ленинград, 7.03.1931): «Когда Рифтин ознакомил меня с собранными им библиографическими данными о работах В. Каз., он мне сообщил то же, что теперь повторил по поводу Вашего письма, а именно, что, насколько он знает, русский перевод эпоса был сдан для печати представителю Сабашникова около 1918 г. Александр Павлович полагает, что рукопись, если она цела, должна находиться в Москве, в архиве издательства. В бумагах В. К., просмотренных Рифтиным и не раз мною, нет ничего из этой, несомненно, обширной работы...» (*ПЛ*, 289).

В. К. Андреева-Шилейко — П. В. Ернштедту (Москва, лето 1931, черновик): «Рукопись Гильгамеша нашлась и сейчас хранится в издательстве „Академия" Они хотят ее издавать, но не знают, кого можно попросить написать введение. Не взялись бы Вы, Петр Викторович, или посоветуйте кого-нибудь. Только не Рифтина. Это представит и материальный интерес» (*ПЛ*, 291).

В Списке работ В. К. Шилейко, посланном А. П. Рифтиным В. К. Андреевой в 1931 г., последним номером (№ 32) значится: «„Ассиро-вавилонский эпос". Стихотворный перевод древневавилонских эпических произведений (12 000 стихов). Принято к печати как посмертное издание книгоиздательства „Academia", Москва» (*РНБ*, Ф. 1467, оп. I, ед. хр. 7, л. 1). Стало быть, «Гильгамеш» и «Ассиро-вавилонский эпос» — несомненно, два заглавия одной и той же рукописи.

В 1937 г. рукопись забирает из издательства только что окончивший университет И. М. Дьяконов. Какое-то время рукопись и ее опись изучаются им с целью последующей публикации. В 1940 г. издательство «Academia» (затем — «Художественная литература») отказывается публиковать рукопись Шилейко, и И. А. Орбели предпринимает попытку напечатать фрагменты рукописи в планируемых Эрмитажем изданиях. Комментатором и переводчиком недостающих частей эпоса назначается И. М. Дьяконов (см. Приложения: Переписка по поводу издания книги В. К. Шилейко «Ассиро-вавилонский эпос», письмо 1). В. К. Андреева-Шилейко, не зная в точности имени и отчества Дьяконова (она называет его «Иван Михайлович»), соглашается на его кандидатуру и сообщает ему, что перевод эпоса о Гильгамеше пропал во время отсутствия Шилейко в его ленинградской квартире (см.: Там же, письмо 2)[29].

Издание планируется к выходу в мае—июне 1941 г. Начинается война, и И. М. Дьяконов уходит на фронт.

Свидетельство
Московской Государственной Нотариальной Конторы
№ 1, 5 марта 1941 г.

Налога с наследства не причитается, причем Нотконтора имела в виду авторское право на перевод «Ассиро-вавилонского эпоса», согласно справки издательства АКАДЕМИИ

(*РНБ*, Ф. 1467, оп. I, ед. хр. 13, л. 2)

После войны обнаруживается, что одну из копий рукописи хранит В. В. Струве, другая же находится у И. М. Дьяконова. В. К. Андреева-Шилейко просит Дьяконова вернуть ее экземпляр, что незамедлительно и было сделано (см.: Переписка.., письма 3—6). При этом несостояв-

[29] Однако см. ее же письмо к Ернштедту от 25 января 1931 г., где она вовсе не утверждает этого, а только высказывает предположение, что рукопись могла пропасть во время отсутствия мужа в ленинградской квартире.

шийся издатель извещал владелицу рукописи, что возвращаемый текст, полученный от В. К. Андреевой-Шилейко перед войной, не вполне соответствует описи 1937 г., т. к. пропали некоторые части книги (см.: Там же, письмо 6). В конце 1949 г. одна из копий возвращается от Дьяконова в семью Шилейко, другая же (или фрагментарный список с нее) продолжает находиться у Струве.

Письма 8—9 относятся уже к началу 1960-х гг. и отражают попытку В. К. Андреевой-Шилейко и В. В. Струве опубликовать книгу в Издательстве восточной литературы. Вполне возможно, что в данной публикации были задействованы тексты из копии Струве. О дальнейшем можно прочесть в позднем письме И. М. Дьяконова Т. И. Шилейко от 10 мая 1986 г.[30], приведем его отрывок:

Теперь о переводах В. К.: его супруга Вера Константиновна никак не могла взять в толк положение вещей, и Вы повторяете ее ошибки. Не было двух рукописей — «Эпос о Гильгамеше» и «Ассиро-вавилонский эпос», ибо Эпос о Гильгамеше как раз и есть главный и центральный памятник ассиро-вавилонской эпической поэзии; все равно как нельзя было бы составить книгу «Греческий эпос», исключив из нее «Илиаду» и «Одиссею». В. К. подготавливал книгу «Ассиро-вавилонский эпос», но она не была готова, а так как, казалось, появилась возможность опубликовать перевод в издательстве Academia, то он вынул из не готового «Ассиро-вавилонского эпоса» готовую рукопись эпоса о Гильгамеше и отдал в издательство, где она и была потеряна.

Я вел переговоры с Верой Константиновной по поводу издания «Ассиро-вавилонского эпоса» еще в конце 1930-х гг. и предполагал тогда, что эта рукопись содержит все основные ассиро-вавилонские эпические памятники. Однако оказалось, что рукопись, переданная мне тогда Верой Константиновной, представляла беспорядочное собрание обрывков; в ней была только шестая глава «Гильгамеша», ранее изданные переводы «Этаны» и «Хождения Иштар», а остальное составляли главным образом переводы гимнов и заклинаний, к эпосу не имеющих отношения (часто без начала и конца, всегда без указания, откуда текст взят; между тем ассиро-вавилонских гимнов и заклинаний издана тысяча, издания разбросаны по журналам и т. п., и найти их очень трудно). Около половины рукописи составляли переводы гаданий («если рыжие муравьи ползут справа через порог — это счастье дому» и т. п., — и так десятки, если не сотня страниц). Эти тексты гаданий вообще не являются поэзией, тем менее эпической поэзией. По всей вероятности, В. К. переводил строку за строкой как в оригинале, и получился текст столбиком, что Вера Константиновна сочла эпической поэ-

[30] Письмо находится в архиве семьи Шилейко.

зией. Кроме того, в рукопись входили тексты и не ассиро-вавилонские, а шумерские, мандейские и т. п. Часть переводов была явно перепечатана с рукописного текста уже посмертно, без правки, и тоже частично без начала и конца.

На самом деле рукопись, по-видимому, представляла собой остатки незавершенной работы над переводом «Ассиро-вавилонского эпоса» (точнее, может быть, ассиро-вавилонской поэзии) — то, что осталось после изъятия из нее эпоса о Гильгамеше для издательства Academia. Я тогда сказал Вере Константиновне, что «Ассиро-вавилонский эпос» без «Гильгамеша» публиковать нельзя и что гадания и отрывки из неизвестных гимнов в составе «Ассиро-вавилонского эпоса» печатать тоже нельзя. По тому времени безнадежно было и пытаться напечатать мемориальное издание сохранившихся разных переводов В. К. Шилейко. Я сказал Вере Константиновне, что издание «Ассиро-вавилонского эпоса» станет возможным, только если кто-то допереведет недостающее. В этом моем заключении Вера Константиновна видела какой-то подвох с моей стороны.

В дальнейшем мне приходилось еще держать в руках эту же фрагментарную рукопись, причем каждый раз она становилась все тощее; так, в том тексте, который был передан мне сыном В. К. и теперь находится в архиве нашего института, уже не было шестой главы «Гильгамеша» и многого другого, что еще было в ней в 1940 г. Шестая глава «Гильгамеша» еще была в руках академика В. В. Струве в 1959 г.: он оглашал ее на заседании в Ленинградском отделении Союза писателей, где я читал мой собственный перевод «Гильгамеша».

И. М. Дьяконов, «Книга воспоминаний» (1995):

То, что его вдова передавала мне в 1940 г. для подготовки к изданию под видом «Ассиро-вавилонского эпоса» (или «Ассиро-вавилонской поэзии»), были перепечатанные на машинке явно черновые и незавершенные наброски, часто без начала и конца, во всех случаях без указания, с чего и откуда это переведено; часть текстов была не из ассиро-вавилонской, а из шумерской или, напротив, мандейской литературы, значительную часть рукописи составлял перевод Omina (гаданий по естественным явлениям), хотя и написанных столбиком, но поэзией не являющихся. Все это, по-видимому, были отрывки и заготовки для будущего, — большей частью неправленная машинопись. Я сказал тогда Вере Константиновне Шилейко, что мемориальное издание неоконченных работ В. К. Шилейко сейчас неосуществимо, а что «Ассиро-вавилонскую поэзию» можно издать только, если кто-то переведет хотя бы основные недостающие произведения. В. К. сочла это за мои козни. Позже рукопись побывала у В. В. Струве, ⟨...⟩ может быть и еще у кого-нибудь, и в еще более сильно поредевшем виде была передана мне сыном Шилейко и хранится в архиве группы древневосточной филологии вместе с описью более обширной рукописи, какую я держал в руках в 1940 г. (с. 366, примеч. 1).

ПЛ, с. 286, примеч. 2:

Рукопись «Ассиро-вавилонского эпоса», подготовленная самим Шилейко, оставленная у его жены, была передана в издательство Академии наук и пролежала там несколько десятков лет без движения. Веру Константиновну Шилейко много лет обнадеживали тем, что в ближайшем будущем может предоставиться возможность ее опубликовать. В конце концов рукопись «Ассиро-вавилонского эпоса» (как в свое время рукопись «Гильгамеша») «куда-то исчезла» — так ответили А. В. Шилейко в Восточной редакции издательства «Наука» в 1994 г. в ответ на просьбу вернуть ему рукопись отца. В архиве семьи Шилейко остался черновой экземпляр.

Таким образом, можно попытаться реконструировать историю рукописи. Первые поэтические переводы с аккадского сделаны Шилейко еще до 1917 г. (при этом 100 строк эпоса о Гильгамеше в 1914 г. вдохновили Н. С. Гумилева на собственный поэтический перевод), некоторые из них предназначались для публикации в журнале «Аполлон». В 1918 г. (?) рукопись некоторых переводов, включавшую, возможно, не только отрывки из эпоса о Гильгамеше, автор отдает в московское издательство Сабашникова. Ее почему-то не печатают, и Шилейко вместе с М. Л. Лозинским щедро консультирует поэтический перевод Н. С. Гумилева, вышедший в 1919 г. в издательстве Гржебина. Затем издательство «Всемирная литература» (скорее всего, через Гумилева) предлагает Шилейко издать том переводов литературных памятников древней Месопотамии. Сойдясь с Ахматовой, наш герой заставляет ее каллиграфически переписывать с черновиков или записывать под его диктовку все готовые к тому времени переводы. Он предполагает напечатать их под общим названием «Ассиро-вавилонский эпос». Судя по свидетельству Лукницкого о круглосуточной работе и халтуре, можно предположить, что за каждую часть тома Шилейко получал от издательства какие-то деньги авансом, что позволяло сразу купить небольшое количество продуктов. Эти события следует датировать 1919—1920 гг. (что подтверждается и документально, а именно цитированным годовым отчетом группы экспертов «Восточной литературы»). Но тут наступает разрыв с Ахматовой, Шилейко переезжает в Москву и вместе с ним переезжает рукопись. Что происходит с ней в 1920—1930 гг. — совершенно неизвестно. Можно предположить, что после закрытия «Всемирной литературы» в 1921 г. Шилейко передал рукопись в московское издательство «Academia». Поскольку В. К. Андреева после смерти мужа не знала, где находится рукопись, получается,

что Шилейко не посвящал ее в свой проект. Неясно, кто перевел ахматовскую каллиграфию в машинопись и куда делся сам ахматовский рукописный экземпляр. Понятно только то, что в 1931 г. машинопись была обнаружена в московском издательстве «Academia», которое в следующем году опубликовало объявление о предстоящей публикации книги (см.: *ВВ*, 135). Но книга роковым образом не вышла и тогда. В. К. Андреева не хотела, чтобы автором предисловия и редактором был А. П. Рифтин. Затем, уже в конце 1930-х гг., рукопись снова оказывается в Ленинграде. Она попадает к И. М. Дьяконову, который, по-видимому, сам собирался стать редактором и издателем книги. Но начинается война, Дьяконов уходит на фронт. По возвращении он использует отдельные части рукописи в учебных целях, но опубликовать что-либо из наследия Шилейко не представляется возможным. Подлинник в конце 1940-х гг. возвращается В. К. Андреевой. Список с части подлинника (без полной описи) с 1940 г. находился у В. В. Струве, а с 1950-х гг. хранится в архиве Ленинградского отделения Института востоковедения РАН. В начале 1960-х гг. В. В. Струве собирается издать рукопись целиком в московском издательстве Восточной литературы, но вскоре умирает. Единственные дьяконовские публикации маленьких фрагментов рукописи делаются только в 1973 г. В 1980-х гг. рукопись, осевшая с конца 1940-х гг. в семье Шилейко, попадает к Вяч. Вс. Иванову, который подготавливает на ее основе первое издание переводческого наследия В. К. Шилейко. После этого рукопись еще двадцать лет без движения лежит в семейном архиве, пока мы с А. В. Шилейко не начали в 2002 г. переводить ее в электронную форму. В конце 2004 г. рукопись «Ассиро-вавилонского эпоса» в составе архива В. К. Шилейко была помещена в Отдел рукописей РНБ, где принята на хранение Н. И. Крайневой (*РНБ*, Ф. 1467, оп. II, ед. хр. 5—43).

В разные годы рукопись нельзя было печатать по разным причинам. В 20-е гг. ее могли не принять из-за плохой подготовки к печати (отсутствие четкой композиции, предисловия, комментариев и библиографии). В материалистические 30-е гг. она была идеологически неактуальна. В 40-е шла война. В послевоенные годы не нашлось специалиста, который смог бы определить источники переводов, указать время и место их публикации и дать хотя бы минимальный ассириологический комментарий к каждой части книги. Камнем преткновения был и спор между семьей Шилейко и любым потенциальным редактором: следовало издавать рукопись в том виде, как она есть, не делая никаких подчисток и поднов-

лений в тексте. Это было неприемлемо для ассириологов младших поколений, которые хотели издать не каноническую рукопись переводчика Шилейко, а корректный перевод клинописного текста, интересный современному читателю.

Вопросов больше, чем ответов. Прежде всего остается нерешенным вопрос о составе рукописи перевода «Гильгамеша». На сегодня нам известны три отрывка из этого перевода, один из которых опубликован в предисловии к переводу Н. С. Гумилева, а один случайно обнаружен в ЦГАЛИ. Судя по упомянутому предисловию, В. К. Шилейко хорошо знал основное содержание всех табличек аккадской версии эпоса. Но перевести эпос целиком он не мог, поскольку полное издание всех табличек вышло только в год его смерти[31]. Переводчик до 1930 г. мог пользоваться только томом П. Хаупта, содержащим автографии нескольких ассирийских табличек из библиотеки Ашшурбанипала, и десятком автографий старовавилонских и хеттских табличек, опубликованных в ассириологической периодике с 1902 по 1928 г. Следовательно, можно предположить, что рукопись, отданная около 1918 г. московскому издательству Сабашникова, могла содержать только перевод нескольких частей эпоса, в следующем году появившихся в переводе Гумилева. В таком случае она не была слишком толстой или содержала помимо «Гильгамеша» еще какие-то переводы. Но несомненно одно: рукопись связного перевода большинства табличек ассирийской версии эпоса о Гильгамеше, действительно, существовала. Когда она исчезла и где находится — неясно до сих пор[32]. Второй вопрос касается уже рукописи «Ассиро-вавилонского эпоса» (составной частью которой был перевод эпоса о Гильгамеше). Семья

[31] *Campbell Thompson R.* The Epic of Gilgamish. Oxford, 1930.

[32] Некоторые ассирийские фрагменты эпоса вставлены в текст пьесы «Лугальбанда и Зу» (см. Примечания). Известна также публикуемая здесь статья «Паломничество Гильгамеша» с переводом фрагментов старовавилонской версии эпоса о Гильгамеше. Кроме того, в библиотеке П. Н. Лукницкого есть экземпляр издания «Гильгамеша» в переводе Н. С. Гумилева с автографами В. К. Шилейко и А. А. Ахматовой (*РО ИРЛИ*, Ф. 754. П. Н. Лукницкий. Коллекция. Книжное собрание). На с. 2 можно прочесть следующую инструкцию: «Первую, шестую и одиннадцатую таблицы следует дополнить по моему подлиннику, 2—5, 7—10 и 12 таблицы — переделать по моему подлиннику. В. Шилейко». Далее следует карандашная правка перевода рукой Ахматовой. Правка выполнена в конце 1910-х или в начале 1920-х гг., поскольку Ахматова следует старой русской орфографии. Были существенно выправлены I, VI, XI таблицы, III и большая часть II зачеркнуты совсем, в IV и V таблицах зачеркнуто несколько строк. В остальных местах рассматриваемого экземпляра пометок нет. Таким образом, перевод всех таблиц эпоса, по которому Ахматова правила текст Гумилева, действительно был выполнен Шилейко. Однако это не противоречит сказанному выше: каждая таблица эпоса содержала большое число лакун, поэтому полный перевод всех табличек не означал полного перевода эпоса.

Шилейко утверждает, что в семейном архиве находился черновой экземпляр. Но, судя по письму В. В. Струве и воспоминаниям И. М. Дьяконова, коллеги ученого видели ту же самую неправленную машинопись. Если это черновик, то неясно, как же выглядел беловой вариант, был ли он лучше подготовлен к печати и где находится сейчас.

Творческая история единственной известной версии «Ассиро-вавилонского эпоса» пока не поддается исследованию. Можно предположить, что переводчик хотел сделать русскоязычный вариант свода клинописной литературы, подобный двухтомному корпусу П. Йензена или однотомнику П. Дорма (см. Примечания, с. 576). С этой целью он вначале перевел основные литературные тексты, содержавшиеся в указанных выше изданиях (гимны, заговоры, молитвы, мифы, эпические песни), а затем стал расширять свой корпус за счет религиозных текстов (прежде всего гадательных и предсказательных) и царских надписей, не имевших отношения к литературе. Не следует удивляться тому, что Шилейко поступил именно так. В те времена были известны лишь немногие фрагменты больших эпических поэм, поэтому нагнать достаточный книжный объем только за счет литературных текстов было невозможно. Европейские исследователи прибегали к двум способам увеличения объема: во-первых, они помещали перевод вместе с транслитерацией клинописного текста (слева транслитерация, справа — перевод, внизу — построчный комментарий); во-вторых, они разбавляли литературные тексты записями ритуалов и помесячных предсказаний. Шилейко пошел по тому же пути увеличения объема за счет привлечения текстов других жанров. Но, насколько нам позволяет понять сохранившийся текст, он, во-первых, не собирался давать рядом с переводом транслитерацию, во-вторых, расширял объем за счет текстов не только разных жанров, но и разных исторических периодов.

Вначале им были переведены тексты, содержащие минимум лакун и имеющие надежную транслитерацию: шумерские и ассирийские царские надписи, вавилонская поэма о нисхождении Иштар в загробный мир, некоторые ассирийские гимны и молитвы, фрагменты эпических текстов. К этому же разряду относятся и мелкие эрмитажные литературные тексты, которые переводчик издал в транслитерации в 1921—1929 гг. Когда корпус хорошо читаемых и транслитерированных текстов был исчерпан, Шилейко подключил к своему изданию известные только в клинописи сборники гаданий и предсказаний, придав им форму поэтических произведений. Работа с этими текстами потребовала большого количества времени и особой квалификации. Не исключено, что переводчик проделал ее

уже в конце 1920-х гг., когда он работал над изданием астрологических и гадательных текстов из российских музейных собраний[33]. Гадания и предсказания составляют значительную часть публикуемой рукописи. Их присутствие может объясняться как искренним интересом переводчика к текстам подобного рода, так и понятным желанием заработать больше денег за счет увеличения объема книги.

О рубрикации издания можно только догадываться. Скорее всего, образцом для Шилейко была вышедшая в 1921 г. антология А. Унгнада «Религия вавилонян и ассирийцев», где переводы текстов, во-первых, не предварялись транслитерацией, а во-вторых, были строго рубрицированы по четырем разделам: I. Мифы и эпос; II. Молитвы и песнопения; III. Магические тексты; IV Ритуальные и предсказательные тексты. Составитель первой русской антологии явно хотел пойти по сходному пути. Последовательность листов сохранившейся рукописи и нумерация страниц (см. Примечания, с. 572—576) позволяют выдвинуть предположение относительно наиболее предпочтительного варианта рубрикации. Антология должна была открываться царскими надписями, продолжиться переводами литературных текстов всех жанров; за литературными текстами должны были следовать заговорные, а последним разделом стали бы переводы предсказательных текстов и ритуального фрагмента.

Как следует из отчета коллегии экспертов, переводы должны были сопровождаться несколькими предисловиями и, скорее всего, комментариями. Следов этих предисловий и комментариев, за редким исключением, обнаружить не удалось. В ряде случаев Шилейко предваряет текст кратким вступлением, но не исследовательского, а, скорее, поэтического характера. Нигде он не пишет об истории текста, не приводит источник перевода, не разбирает композицию или исторические реалии текста. Как комментатора, его увлекают только наблюдения над отдельными сюжетами и сравнение переведенного текста с известными памятниками мировой литературы. Следует учесть еще и другое. Перевод текстов разных эпох вполне возможен для подготовленного ассириолога, в то время как комментарий к этим текстам под силу только для специалистов-историков,

[33] Подтверждением этому может служить фрагмент письма от 23 ноября 1927 г.: «Hiersemann мне прислал наконец Keilschrifturkunden aus Boghazkoj, и я начал их читать. Очень забавно выглядят мантические тексты, в которых диагнозы излагаются на шумерийском или вавилонском языке, а прогнозы — на хеттском. Надписи автографированы Вейднером, четко и почти без ошибок» (*ПЛ*, 200). Перевод серии «Предсказания по рождениям», связанной с хеттскими мантическими формулами, можно также датировать концом 20-х гг.

знающих реалии данного периода. Не привлекая к своему изданию никого из коллег[34], переводчик рискует попросту не справиться с текстологией и реальным комментарием к корпусу. Исходя из этого можно с большой долей вероятности полагать, что комментарий к данному корпусу был неподъемен для Шилейко как в силу его нежелания обращаться к сложным текстологическим материям, так и вследствие недостаточной подготовки в области послешумерской истории Месопотамии. Впрочем, есть и третье объяснение — поэтическая натура переводчика, его интерес ко множеству мелких тем и нежелание сосредоточиться на одной большой работе.

VII

Последний период жизни В. К. Шилейко — с лета 1926 г. по осень 1930 г. — был неразрывно связан с именем его третьей жены Веры Константиновны Андреевой (1888—1974). Она родилась в Москве в семье профессора математики (впоследствии декана физико-математического факультета Московского университета) К. А. Андреева (1848—1921). Семья имела русско-немецкие корни. Вера Константиновна окончила Московские высшие женские курсы, получив в 1922 г. степень магистра по истории искусства. Была специалистом по итальянскому Возрождению. Сперва она работала в Румянцевской галерее, затем перешла в Музей изящных искусств (ныне — ГМИИ им. А. С. Пушкина)[35].

Пути В. К. Шилейко и В. К. Андреевой пересеклись в Ленинграде. А. В. Шилейко пишет: «Впервые она познакомилась с Шилейко в 1924 г. в Ленинграде: приехав в Ленинград в командировку, остановилась у Зографов, которые, как и многие сотрудники РАИМК, жили в Мраморном дворце. Там и встретились. Когда Владимир Казимирович стал регулярно приезжать в Москву, знакомство молодых людей переросло во взаим-

[34] Никого из коллег в России и не было. Ученик Шилейко А. П. Рифтин не мог быть помощником в этом деле, поскольку занимался юридическими текстами и сравнительным языкознанием.

[35] После смерти мужа она отказалась от личной жизни, в одиночку растила сына. Захотела оставить себе фамилию мужа, но помешала шутка языка: их инициалы совпали. С тех пор она была В. К. Шилейко-Андреева или В. К. Андреева-Шилейко. Степень кандидата искусствоведения получила по совокупности работ. С 1950 г. стала доцентом на кафедре истории искусства Московского городского педагогического института. В 1956 г. написала докторскую диссертацию о влиянии древнекитайской живописи на живопись Раннего Ренессанса, но не смогла найти оппонентов, потому что отношения с Китаем резко ухудшились. Диссертация осталась в столе.

ную любовь. С начала 1926 г. между Владимиром Казимировичем Шилейко и Верой Константиновной Андреевой завязалась регулярная переписка» (*ПЛ*, 20).

Отношения двух влюбленных известны из их переписки, недавно опубликованной А. В. и Т. И. Шилейко (*ПЛ*). Мы же позволим себе обратиться к неопубликованному архивному документу, лучше всего демонстрирующему чувства В. К. Шилейко к своей возлюбленной. Это вручную составленный календарь встреч с памятными записями на каждый день. Вот некоторые из этих записей 1925 г. (*РНБ*, Ф. 1467, оп. II, ед. хр. 1):

20 июля. В Лопатино, вечером в Потапово. Позвольте мне быть Вашим голубем (возд. почта).
23 июля. В Потапово и Лопатино. На лодке по озерку.
29 июля. Вечером в Новодевичий. Ивы; под руку по корням.
30 июля. Вместе в Потапово. «Счастье — легко дышать».
6 августа. Вечером у меня; вино и розы.
26 августа. Розы, чай. Унес платочек.
27 августа. Утром стук в окно. Днем розы.
1 сентября. Напрасно ждал вечером к себе. Болело сердце.
2 сентября. Розы в Музее.
3 сентября. Вечером розы и чай. Прекрасная, сердечная беседа.
4 сентября. Провожал в Потапово. «С Вами мне спокойно, а одна я боялась бы».
6 сентября. Пришла сказать мне, что она вернулась.

В каждом ее письме дышит ответная нежность. Но среди записок, адресованных ему в первое время знакомства, находим и такую:

Любить, жить и творить и умерев оставить живое, часть своей души. Больше этой радости нет и это нас делает простыми и ясными. Ваша Вера (*РНБ*, Ф. 1467, оп. II, ед. хр. 66, л. 1).

Это было подтверждением духовной близости, на которую он надеялся.

В том же самом 1924 г. директор Московского музея изящных искусств Н. И. Романов предложил Шилейко привести в порядок собрание табличек и печатей. Так начался московский период жизни Шилейко. Впрочем, полностью московским его считать нельзя: пять месяцев в году В. К. Шилейко читал лекции в Ленинградском университете.

Спустя много лет, уже в начале 1970-х гг., В. К. Андреева так отзывалась о покойном супруге в частной переписке:

...мне суждено было в его лице встретить человека исключительного по одаренности и, в то же время, большой духовной возвышенности ⟨...⟩ Владимир Казимирович пользовался уважением и признанием всех своих сослуживцев по Московскому Музею Изобразительных Искусств. В 1924 г. речь шла о его назначении заведывающим всем отделом Востока музея, хранящего коллекции клинописных таблеток, доступных лишь его расшифровке. Но, поскольку подотделом Египта уже заведывала другая сотрудница, Владимир Казимирович категорически отказался заведывать всем отделом Востока в целом, оставив за собой лишь переднеазиатский подотдел. Этот акт внимания к своим товарищам по работе, между прочим, характерен для нравственного облика Владимира Казимировича ⟨...⟩ Владимир Казимирович был вынужден делить свое рабочее время между Москвой и Ленинградом, что очень осложняло его жизненный уклад и гибельно отражалось на его здоровье. Поэтому я лишь отрывочно, по его письмам могла знать о его работе в Ленинграде, в Акад⟨емии⟩ Матер⟨иальной⟩ Культуры и в Ленинградск⟨ом⟩ Университете[36].

О жизни Шилейко в период между Москвой и Ленинградом остались неопубликованные воспоминания В. Д. Блаватского — коллеги по ГМИИ:

Очень колоритный и очень принципиальный человек. Сложная, противоречивая фигура. Был крайне одинок ⟨...⟩ Жил просто, по-спартански (вместо одеяла — старая шинель). До брака с Андреевой занимал в Москве каморку во дворе нынешней Академии художеств. Вряд ли хранил письма Ахматовой и письма вообще, это было не в стиле эпохи. Эпоха (20-е годы) была своеобразной, ни на какие другие не похожей.

Когда-то Шилейко жил вместе с Н. С. Гумилевым. В разговорах со мной Ахматову никогда не упоминал, хотя беседовали не только о средневековой, но и о современной поэзии (в частности, о Гумилеве). Известно, что когда Шилейко жил в Мраморном дворце и приходил обедать в соседнюю столовую, обедавшие дворники приветствовали его так:

— Здорово, Мраморный!

После отъезда В. К. в Москву сенбернар Тапа лег на его кровать и не сходил с нее, отказываясь от пищи. Ахматовой пришлось вызвать Шилейко теле-

[36] Из письма к А. В. Шабунину от 22 апреля 1973 г. Автограф впервые опубликован в издании: *Вольдемар-Георг-Анна-Мария Казимирович Шилейко*. Воспоминания. Письма. Стихи / Под ред. В. А. Биличенко. СПб.: Музей «Анна Ахматова. Серебряный век», 2001. С. 16—18.

граммой, и когда Тапа увидел, что хозяин жив, он покинул постель, стал брать пищу, но уже до конца своей жизни грустил без хозяина (*РНБ*, Ф. 1467, оп. II, ед. хр. 14, л. 2; запись М. В. Толмачева).

Единственное воспоминание о московском периоде жизни Шилейко оставил на склоне лет замечательный переводчик С. В. Шервинский.

Мы с Владимиром Казимировичем встречались в Музее изящных искусств, где оба тогда работали. Голодный и холодный, болеющий чахоткой, очень высокий и очень сутулый, в своей неизменной солдатской шинели, в постоянной восточной ермолке, он влачил свое исхудавшее тело среди обломков древнейших азиатских культур ⟨...⟩ Вера Константиновна Андреева была искусствоведом и специализировалась по ранней живописи Возрождения. Вера Константиновна была неглупа, даже остра, при этом с чем-то в облике, похожем на английскую гравюру, один глаз чуть меньше другого. Никто никому не судья в делах любви, но все же, при всех скидках, Вера Константиновна не имела, казалось бы, права торжествовать над Анной Андреевной. А между тем торжествовала (*ПЛ*, 314).

18 июня 1926 г. состоялась их свадьба по православному обряду, 30 сентября 1927 г. родился сын Алексей. Дальнейшая жизнь представляла собой какой-то немыслимый калейдоскоп из семейных радостей и административных неурядиц. Надвигался конец прекрасной эпохи, росло ощущение невыносимости бытия. Пусть об этом расскажут документы.

30 октября 1927 г. В Университете вышло так. ГУС вычеркнул мои два прошлогодних курса, утвердив за мной кафедру общей ассириологии, 16 лет принадлежавшую моему учителю П. К. Коковцову, а ему дана extra ordine кафедра еврейской словесности. Старик разобиделся, и я его утешил, уступив ему элементарный курс... Он утих, просил его не забывать и направлять по-прежнему через него работы для доклада в Академии наук... Светлая моя радость, как я все привязчивей и искренней тебя люблю! Крепко целую сынку, его маму и бабушку. Твой Володик (*ПЛ*, 183—184).

16 марта 1928 г. Апка милая, идут ли у мальчишки зубки? Шестой месяц на половине, пора! Не оттого ли ты и писать перестала? Ждал вчера, ждал сегодня — ничего нет от тебя.

Здесь плохо: кругом умирают ⟨...⟩ Вчера днем меня на улице окликнул Мандельштам, куда-то спешивший на извозчике. Так странно было с ним беседовать, — как будто мы на асфоделевых лугах сошлись. Viximus, floruimus[37]!

[37] «Мы жили, мы цвели!» (*лат.*). Эпитафия на древнеримских надгробиях.

Он еще больше меня приклонился долу, и говорили-то мы о мертвецах (*ПЛ*, 215).

10 октября 1929 г. Апка родная, здравствуй! У меня чисто и тепло. Вчера квартирку вымыли, сегодня принесут дрова. В Университете мне оставили 2 часа (по теперешнему тарифу 46 рублей) (*ПЛ*, 227).

О последних годах ленинградской жизни Шилейко вспомнил в 70-е гг. египтолог Ю. Я. Перепелкин:

У меня с ним в 1927—1928 г. были две чисто деловые встречи. Я хотел читать с ним так называемую телль-эль-амарнскую переписку, которую клинописью около 1400 г. фараоны вели с подчиненными им и независимыми от них азиатскими правителями. Как мы договорились с Владимиром Казимировичем, мы встретились снова в кабинете древностей Ленинградского университета для намеченных занятий, но Владимир Казимирович предложил мне, за отсутствием в ленинградских библиотеках издания O. Schroeder'a берлинской части этой переписки, читать берлинские же хеттские клинописные тексты, касающиеся Египта. Меня это не устроило, и занятия не состоялись.

В тот раз, когда я был у Владимира Казимировича дома, меня поразила обстановка его, по-видимому, просторной квартиры. Он жил тогда в здании бывших великокняжеских конюшенных служб (большой серый дом между Мраморным дворцом и памятником Суворову) на улице Халтурина. Меня поразила странная пустота в квартире — точно Владимир Казимирович находился в ней случайно, проездом или почти из нее выехал.

Владимир Казимирович запомнился мне худощавым мужчиною средних лет, хорошего роста, но сутулым, темноволосым, с короткою бородою, мягким в обхождении[38].

10 декабря 1929 г. канцелярия правления ЛГУ выдает бывшему профессору Шилейко справку о том, что он «ввиду утверждения нового устава учебного плана факультета языкознания и материальной культуры и введения штатной окладной системы, согласно постановлению Правления Университета от 26 июня 1929 г., отчислен от службы по этому факультету с 1-го июля 1929 г. с выдачей установленного выходного пособия» (*ПЛ*, 265).

---

[38] Фрагмент письма к А. В. Шабунину от 25 июня 1973 г. Автограф впервые опубликован в издании: *Вольдемар-Георг-Анна-Мария Казимирович Шилейко*. Воспоминания. Письма. Стихи. С. 21—23. Между прочим, отголоски этих отношений просматриваются в письме В. К. Шилейко жене от 19 октября 1928 г.: «В этом году один из учеников Струве хочет проработать со мной переписку Богазкёйского двора с Египтом» (*ПЛ*, 232).

Из дневника П. Н. Лукницкого от 8.12.1929 г.

4-го был с АА у Шилейко. Он бледен, обильно кашляет кровью — ему недолго осталось жить. Квартира его умирает также — его выселяют, ибо дом перешел в другое ведомство. Но Шилейко уезжает в Москву. Он поручает АА вывезти его вещи и книги вместе с ее вещами и книгами в Шереметевский дом. Коридор Мраморного дворца грязен, забросан мусором... В субботу 7-го Шилейко уехал в Москву. АА провожала его с убеждением, что прощается с ним навсегда (*ПЛ*, 272—273).

Из письма тещи В. К. Шилейко Е. И. Андреевой к сыну от 5 сентября 1930 г.

У нас в доме очень тяжело. Владимир Казимирович лежит уже четвертую неделю, обострившийся туберкулез осложнился воспалением легких. Бедная Вера совсем сбилась с ног, ухаживая за ним... Несколько дней у Владимира Казимировича шла кровь горлом, потом была одышка, потом стало лучше, а сегодня температура опять поднимается. Люба впрыскивает ему камфору три раза в день... (*ПЛ*, 280).

5 октября 1930 г. Вольдемар Казимирович Шилейко умирает в Москве от туберкулеза, осложнившегося воспалением легких. Его хоронят на Введенском кладбище рядом с родственниками В. К. Андреевой. Об этом дошло два документа.

Справка № 3141

Зарегистрирован акт о смерти гр. Шилейко (Вольдемара) Владимира Казимировича 39 лет, умершего 5 октября 1930 г. от туберкулеза легких.

Выдана исключительно для предоставления в контору кладбища.

Заведующий

(*РНБ*, Ф. 1467, оп. I, ед. хр. 11, л. 2)

Нижеподписавшиеся востоковеды обращаются к Президиуму Моссовета с просьбой о том, чтобы он взял на учет могилу выдающегося русского ученого-ассириолога, профессора Ленинградского Государственного Университета, Владимира Казимировича Шилейко. Могила находится на кладбище «Введенские горы», на участке № 34, в Москве. На указанном месте памятник имеется.

Акад. В. В. Струве, Н. Флиттнер, Б. Пиотровский (чл.-корр. АН Арм. ССР), акад. И. А. Орбели, член-корр. К. Тревер, чл.-корр. АН СССР П. В. Ернштедт, Ю. Перепелкин, И. Лурье (доктор ист. наук, ст. н. сотр. Эрмитажа) (Там же, л. 3).

Смерть от туберкулеза легких — внешняя, только медицинская причина смерти. Были еще исторические, и довольно много. Культурная среда Петербурга была разрушена войной и революцией[39], Гумилев расстрелян, жизнь с Ахматовой не получилась, университет и Эрмитаж больше не нуждались в профессоре Шилейко. Жизнь на два города была неимоверно тяжела, поэтому вполовину сократилось участие в работе ГАИМКа и — как следствие — была потеряна половина зарплаты в ГАИМКе (70 руб. вместо ежемесячных 140). Данная ГАИМКом квартира в Мраморном дворце была передана сотруднику другого ведомства. Кроме того, испортились отношения с всесильным председателем ГАИМКа Н. Я. Марром (*ПЛ*, 259). В Петербурге жить и работать было негде. Окончательное переселение в Москву не принесло никакой радости. Москву Шилейко не любил. Преподавать его никто не приглашал, среда искусствоведов Музея изящных искусств не была ему родной, а отношения с начальством музея становились все более напряженными. Книгу переводов в Москве печатать не хотели, и вообще интереса к непартийной поэзии в новой Москве не испытывал никто. Третья жена была человеком знающим, любящим, хозяйственным и духовно близким, но она не могла так же высоко летать. Мечту возвысить ее до себя Шилейко после множества попыток оставил[40]. В политике он участия не принимал, к церковно-философской жизни, всегда отличавшей Москву, был равнодушен.

---

[39] Отношение Шилейко к советской власти лучше всего можно понять по двум эпизодам. Н. Я. Мандельштам вспоминала его слова: «...чем больше пес будет стараться из-за куска, тем кусок покажется сладостней. Нашим властям это хорошо известно. Они заставляют нас... долго скулить, пока не бросят кусок. ⟨...⟩ Изложив теорию воспитания граждан и собак, Шилейко без перехода спросил Мандельштама: „Я слышал, что вы написали стихи «низко кланяюсь». Правда ли?" ⟨...⟩ Мандельштам прочел „1 января" и спросил: „Ну что — низко кланяюсь?" „Нет, — ответил Шилейко, — но, может, есть что другое, где «низко кланяюсь»..." Мандельштам подряд прочел все стихи после „Тристий" и каждый раз спрашивал: „Ну что — низко кланяюсь?" Шилейко отвечал „нет"» (*Мандельштам Н. Я.* Вторая книга. М., 1990. С. 364—365). В воспоминаниях знакомой Ахматовой по Ташкенту Е. М. Браганцевой содержится такой рассказ: «А. А. пришла к нему в больницу после того, как написала стихи „Не с теми я, кто бросил землю" — отповедь белоэмигрантам, которые и ее звали в Париж и Лондон, Шилейко сказал: „Стоило ли уходить от меня, чтобы писать *такие* стихи?"» (цит. по: *Тименчик Р.* Анна Ахматова в 1960-е годы. М.; Торонто, 2005. С. 134).

[40] В. К. Андрееву раздражала манера Шилейко изъясняться в письмах цитатами на древних языках: «Любимый, я Ваша и безраздельно, но не присылайте мне больше латинских загадок, над которыми до головной боли сидишь со словарем. (И в Музее никто перевести не смог)» (15 февраля 1926 г.; *ПЛ*, 43); «Если Вы меня еще раз решитесь назвать сфинксом, мифом или еще каким-нибудь отвлеченным ужасом, я чувствую, что сделаю что-нибудь отчаянное» (25 февраля 1926 г.; *ПЛ*, 47). К концу 20-х гг. количество цитат и поэтических ассоциаций в письмах Шилейко стремительно сокращается, а с рождением сына и переездом в Москву прекращается вовсе.

Стихи давно не писались. Живопись, музыка, театр тоже были не для него. Оставалось сидеть в Музее и составлять инвентарь глиняных табличек. Но такая жизнь при его нелюбви к формальностям не могла надолго его устроить. Замкнуться в семье, в воспитании сына для Шилейко было бы и вовсе непосильно. Наслаждаться жизнью как таковой, по-эпикурейски, ему было не дано. Что же оставалось? Спасение в вере или смерть. Веры не было, для Шилейко всегда была интересна только эстетическая сторона религии. И застарелая болезнь услужливо подсказала ему выход к смерти.

29.03.1927. Лучше быть сокращенным, чем сокращать. Мечта меня одолевает — спрятаться в глухой провинции, недостижимо для обоих городов. — Я стал совсем старым, детка, и совсем хилым, и ты меня окончательно перестанешь любить. Я как-то каждой думой сознаю, что жизнь кончена, и впереди уже не будет ничего, кроме одиночества (*ПЛ*, 157)[41].

Но предположим, что Шилейко не умер бы тогда, в октябре 30-го. Что дальше? В бюрократические 30-е, когда были восстановлены ученые степени, его статус оказался бы под большим вопросом. Он вынужден был бы защитить диссертацию, пройти множество инстанций и к 1934 г. оказался бы профессором истории в каком-нибудь московском вузе (его всегда тянуло из музеев на аудитории). Дальше он был бы втянут в марксистские дискуссии о формациях, от которых попытался бы отстраниться... Опять пошли бы стихи, пиво... И дальше все закончилось бы так, как у Мандельштама: какая-нибудь публичная выходка (обвинение какого-нибудь оратора в невежестве), арест, небольшой срок или ссылка, приступы помешательства... Вряд ли Шилейко дожил бы до 1941 г. Не было в нем веры Лосева, духовной стойкости Проппа и Бахтина, не было и изворотливости Шкловского. Озадачить себя большой работой на долгие годы, как Лозинский, Шилейко также не смог бы. По складу ума он был аналитик и миниатюрист, широкие полотна создавать не умел, методично и долго работать над большой вещью не мог.

Нужно признать, что смерть тоже имеет свою логику.

---

[41] Ср. воспоминание О. Э. Мандельштама о встрече с Шилейко в письме к Н. Я. Мандельштам от 17.02.1926 г.: «Я живучий, говорил я, а он сказал: да, на свою беду...» (цит. по: *ПП*, 29).

VIII

В столе покойного ученого остался лежать прямоугольный листок с планом намеченных работ (см. вклейку). Вот этот план:

1. Греко-вавилонские фрагменты.
2. Саргон и Эдип.
3. Династия Угме.
4. Печать Гим-Нинлиль.
5. Письма к вавилонским инсургентам.
6. Чаши из Суз.
7. Амулет против кошмара.

Переделки:

1. Ikrib mûšitim[42].
2. Печать Артаксеркса.

Приняться за обработку таблеток из Керкука

(*РНБ*, Ф. 1467, оп. I, ед. хр. 30, л. 1)

Работы по пунктам 3—7 остались ненаписанными. Таблетки из Керкука не были разобраны. Научная жизнь В. К. Шилейко оборвалась на полуслове[43].

Итоги жизни любого человека имеют количественное и качественное измерение. Если подходить к жизни Шилейко количественно, то можно подсчитать, что наш герой жил 39 лет в двух городах одной страны[44], трижды был женат, оставил одного сына, работал на шести должностях, выучил 15 языков, написал 1 книгу, 33 статьи, 77 стихотворений, перевел

---

[42] «Молитва к ночным богам» (*аккад.*) (см. Приложения: Библиография В. К. Шилейко).

[43] В. К. Андреева-Шилейко особенно горько оплакивала потерю двух текстов. В письме П. В. Ернштедту она пишет: «Я тоже полагала, что законченного для печати в бумагах Володи ничего не найдется. Особенно тяжело мне то, что нельзя восстановить текст его Эламских чаш. По-моему, это гениальная работа ⟨...⟩ Маленькая заметка Ассирийск⟨ого⟩ ответа (сообщникам Шамашшумукина. — *В. Е.*) не была напечатана в № 4 „Жизни музея", так как дирекция нашла, что текст ее слишком труден для рабочего читателя» (25 января 1931 г.; *ПЛ*, 288—289). К потерям следует также приписать статью «Христос и рабби Бен-Иерахия», которая была отдана в 1918 г. в «Христианский Восток», но почему-то не вышла, а текст ее пропал (В. К. Шилейко упоминает эту статью в анкете при приеме на работу в Эрмитаж 24 апреля 1918 г.; *РНБ*, Ф. 1467, ед. хр. 19, л. 4—5).

[44] Известны также его кратковременные выезды во Псков (сентябрь 1914 г., возможно, к родственникам первой жены) и в Феодосию (лето 1917 г.; в армии) (см.: *ПП*, 142, 150).

13 559 строк[45] клинописных литературных текстов, опубликовал надписи на шести языках (аккадском, шумерском, хеттском, арамейском, южноарабском, финикийском).

Но как бы ни был поучителен и забавен количественный подход, он все же не может заменить качественного. В этом случае речь должна идти не о статистике, а о значении прожитой жизни, о ее ценности для общества. В этом смысле жизнь В. К. Шилейко представляет собой случай многостороннего духовного воздействия на множество областей культуры. Шилейко-филолог дал множество образцовых изданий древних памятников, позволивших коллегам на их основе делать точные переводы и историко-теоретические обобщения. Шилейко-культуролог обогатил своими идеями сравнительное литературоведение и историю культуры, существенно повлияв на построения русских структуралистов. Шилейко-поэт повлиял своим присутствием, своими спорами и консультациями на поэтику и лексику больших мастеров литературы Серебряного века. Шилейко-переводчик изобрел язык и стиль русских переводов с клинописных языков, совершив подвиг, подобный подвигу Н. И. Гнедича, давшего образец русскоязычного Гомера. Все эти аспекты его влияния многократно анализировались специалистами в каждой области. Но никто еще не интересовался тем, как Шилейко приходил к своим поразительным выводам и эстетическим находкам.

Методология Шилейко в науке заслуживает особого разговора. В его научной жизни можно выделить две эпохи. В 1910—1917 гг. Шилейко был преимущественно историком и филологом, его основные достижения в этих областях основаны на исчерпывающем знании политико-экономических клинописных текстов и ассириологической литературы. Итогом этого периода стала монография «Вотивные надписи шумерийских правителей», которую необходимо хотя бы кратко охарактеризовать.

В своей монографии 24-летний бывший студент Шилейко издал 35 посвятительных надписей из коллекции Н. П. Лихачева, сделанных на камне и глине по приказу одиннадцати правителей Шумера. Можно только удивляться смелости этого юноши, который, будучи самоучкой в шумерологии, отважился предъявить ученому миру плоды своей работы. Однако степень оригинальности этой работы не следует преувеличивать. Из 35 надписей 21 однотипная (стандартный текст на посвятительных глиняных гвоздях правителя Гудеа). Уникальными являются только

[45] См. подсчеты количества переведенных строк, сделанные А. В. Шилейко (*РНБ*, Ф. 1467, оп. II, ед. хр. 57, л. 8).

три небольших текста, из которых один не нуждается в связном переводе (это перенесенный на глиняную призму список профессий); прочие имеют дубликаты в других музеях и впервые переведены западными специалистами. В издательской части следует отметить тщательно выполненную тушевую прорисовку каждого текста и образцово сделанную транслитерацию шумерской клинописи.

Гораздо большее значение имеет предпосланное изданию вступление, никак не озаглавленное в монографии. Здесь Шилейко излагает свои представления об основных этапах шумерской истории, соотнося их с изложением Э. Мейера в его «Истории древнего мира». Сперва он устанавливает хронологическую границу начального этапа шумерской истории (вторая половина V тыс. до н. э.). Затем Шилейко спорит с Мейером по вопросу о влиянии семитов на шумерскую культуру. Египтолог и семитолог Э. Мейер утверждал, что приоритет в развитии месопотамской цивилизации принадлежит семитам Аккада и Вавилона. Шумеролог Шилейко поставил этот тезис под сомнение, найдя убедительные для того времени доказательства шумерского культурного приоритета. Он показал, что в семитском языке Месопотамии имеется более 200 заимствований из шумерского языка, а в клинописи все известные изображения голов безбороды и коротковолосы (семиты же всегда изображались с бородами). Кроме того, имена богов и жреческие должности названы по-шумерски и не носят следов семитского влияния. После этой дискуссии автор вступления подробнейшим образом изложил вопрос о термине «Шумер», доказывая, что от эпохи к эпохе географический смысл этого термина подвергался изменениям. Шилейко вычерчивает географическую карту, на которой располагает города-государства Шумера и перечисляет их названия от юга к северу страны. Далее он переходит к рассмотрению терминов, обозначающих должности правителей (энси, лугаль), и, наконец, выходит к основному пункту своего анализа — политической истории Южного Двуречья в шумерский период.

Основываясь на знании огромного числа разрозненных текстовых публикаций, Шилейко определяет число лет правления каждого царя, устанавливает точную последовательность правления царей одной городской династии, соотносит данную династию с династиями других городов (фактически давая синхронистическую таблицу по каждому этапу ранней шумерской истории), выдвигает несколько смелых и впоследствии оправдавшихся гипотез политической истории. Так, Шилейко самостоятельно (хотя и одновременно с французскими специалистами) приходит к выво-

ду о том, что после своего смещения в результате заговора правитель Лагаша Лугаланда не был убит. Напротив, он оставил за собой титул великого правителя (энсигаля), ему было пожаловано имение, и в этом имении он умер год спустя. Вторая важнейшая гипотеза Шилейко-историка заключалась в том, что династия Аккада была разрушена не царями второй династии Урука (как думал Мейер), а нашествием кутиев, впоследствии подчинивших себе всю страну. Интересно, что он приходит к этому выводу на основании нескольких хозяйственных текстов, в которых говорится о доставке больших грузов некоему царю в эпоху Гудеа. Шилейко соотносит это сообщение с надписями Гудеа, в которых констатируется его власть над территорией, ранее принадлежавшей Аккаду, и с датировкой одной хозяйственной таблички годом разрушения Урука. Проведя палеографический анализ всех учтенных текстов, он делает конечный вывод: Гудеа правил после разрушения Аккада, вторая династия Урука имела в эту эпоху второстепенное значение и часто подвергалась нападениям извне, а грузы, которые во времена Гудеа поставлялись царю, — не что иное, как дань кутийским завоевателям Шумера, титуловавшим себя царями (лугалями) (*ВНШП*, V—XXXIV)[46].

Почти все гипотезы вступительной статьи Шилейко впоследствии блестяще подтвердились. Современная археология датирует первые культовые сооружения на территории Южного Двуречья именно концом V тыс. до н. э. Гипотеза о разрушении Аккада кутиями и об их владычестве над Шумером давно нашла многочисленные подтверждения в исторической науке. Что же касается культурного приоритета шумеров над семитами, то этот вопрос еще остается спорным, и доказательств Шилейко здесь явно недостаточно. Филологи и лингвисты второй половины прошлого столетия нашли немало семитских заимствований в шумерских названиях жреческих должностей и в именах богов; к настоящему времени число семитизмов в шумерском языке приближается к известному Шилейко числу шумеризмов в аккадском. Проблема приоритета снимается сама собой, поскольку оказывается, что оба народа находились в постоянном плодотворном сотрудничестве. Можно только сказать, что приоритет шумеров в изобретении клинописи по-прежнему остается бесспорным.

После 1917 г. Шилейко перестает интересоваться вопросами социальной истории (хотя продолжает публиковать тексты политико-экономи-

[46] Первая развернутая характеристика исторических работ В. К. Шилейко принадлежит перу Р. А. Грибова: Из истории ассириологии. В. К. Шилейко (1891—1930) // Очерки по истории Ленинградского университета. 1968. Вып. II. С. 94—99.

ческой тематики до середины 20-х гг.)[47]. Его научная методология в 20-е гг. радикально меняется, и этот вопрос заслуживает отдельного рассмотрения. Американские психологи делят ученых на эрудитов, теоретиков, исследователей, критиков и генераторов идей. Шилейко был феноменальным эрудитом за счет своей превосходной памяти и лингвистической одаренности, но он не был ходячей копилкой знаний, и его эрудиция была не более чем его рабочим инструментом[48]. Шилейко не был теоретиком, поскольку не стремился встраивать свои идеи в какую-либо схему историко-философского характера. Не был он и исследователем, потому что глубоко не интересовался социальной действительностью, стоящей за текстом. Шилейко не написал ни одной рецензии, поэтому нельзя назвать его и критиком. Генератором идей в американском смысле он также не был, потому что ни одна его идея не принесла ему славы или материального успеха и не была подхвачена современниками. Шилейко 20-х гг. был специалистом уникального типа, который оказался неведом новейшей психологии. Это ученый-поэт.

Говоря об ученом-поэте, мы не имеем в виду необузданность фантазии ученого. Нас интересуют только его метод и те результаты, которые этим методом достигаются. В архиве сохранились любопытные черновые наброски к последним статьям (*РНБ*, Ф. 1467, оп. II, № 4, л. 30—31), которые помогут нам понять манеру мышления Шилейко.

Смятенье дум в расстроенной душе героя сравнивается с волнуемой внезапным ветром гладью мертвых вод. King, Creation II pl. LXXX vv. 61—64: «Слабые окрепли, а я ослаб; я бушую как быстрые воды, когда их пучит злой ветер. Взлетает, парит мое сердце, как небесная птица; я стенаю, словно голубка, ночью и днем».

---

[47] В январе 1917 г. он пишет свой последний исторический этюд — статью о фрагменте аккадоязычного договора между хеттским царем Хаттусилисом III и фараоном Рамсесом II. Шилейко сопоставляет его с соответствующим египетским текстом и анализирует весь договор как египто-вавилонскую билингву. См.: *Шилейко В. К.* Фрагмент из Богазкёя в собрании Лихачева // Записки Восточного отделения Русского археологического общества. Пг., 1921. Т. 25. С. 77—82.

[48] Вот один характерный пример. Анализируя маленькие кусочки богазкёйского текста, В. К. Шилейко пишет: «Былая связь частей повествования теперь неуловима. Настойчивое возвращение определенных фраз приводит мне на память сообщение летописей о неудачном браке сына Суппилулиумы со вдовой египетского фараона (KBo V 6 iii-iv). Посланный отцом египтянки в мужья, царевич по дороге был убит египетской придворной знатью. В беспокойном ожидании „вестей" об „этом сыне" сказывается, может быть, тревога Суппилулиумы о судьбе уехавшего принца» (*Шилейко В. К.* Фрагмент из Богазкёя в собрании Лихачева. С. 21). Единственным методом реконструкции текста здесь очевидно служит процесс припоминания ранее читанных текстов с похожими формулами.

В одном магическом старинном тексте (CT IV 8 vv. 2—10) говорится: «Больное нутро, закрытое, словно корзинка; словно воды реки, которым некуда течь; словно воды пруда, в которых нету движенья».

Орест у Эврипида сравнивает пароксизмы своего недуга с морем (Eur. Or. 267—269)[49].

Отношение «луна: Орион» основано, по-видимому, на мифологеме. Звезды Ориона в небе следуют за hypsoma[50] луны, Тельцом; sipa-zi-an-na «верный пастырь неба» пасет gu_4-an-na «небесного тельца»[51].

Аналогичным образом в других работах Шилейко Эдип сравнивается с Саргоном[52], благовещенский обряд выпускания птиц — с вавилонским заговором на отпущение птицы с грехами человека на волю[53], путешествие Гильгамеша к Утнапиштиму названо «паломничеством»[54], а две части аккадского эпоса о Гильгамеше сопоставлены с «Илиадой» и «Одиссеей» Гомера[55]. Поэтому запись Лукницкого от 22.01.1926 г. выглядит не столь уж и иронично: «В. К. Шилейко занимается сейчас изучением связи Гомера с Гильгамешем. А АА — Гомера с Гумилевым и Анненским. Интересно было бы, если бы треугольник замкнулся» (*Acumiana II*, 17).

Если провести критический анализ первой черновой записи, то выяснится, что по крайней мере первые два примера сопоставлению не подлежат. В одном случае говорится о недуге, который бушует, как воды, волнуемые ветром, а в другом — о таком недуге, который подобен стоячим водам. Пример из Еврипида должен согласовываться с первым примером, но явно не подходит для второго.

Аналогичным образом можно развенчать конструкцию второй записи. Символика «Праведного пастыря Неба» связана вовсе не с Тельцом, а с пастырем Неба Ниншубуром и с пастырем Думузи, который во время гелиакического восхождения этого созвездия уходил в Подземный мир. Во времена Шилейко эти факты были уже известны немецким ученым[56].

---

[49] Заготовка к статье «Мес и Солнце» (*ПиЛ*, 90—94).

[50] Место экзальтации планеты (*греч.*).

[51] Заготовка к статье «Fragment eines astrologischen Kommentars» (опубл.: Доклады Академии наук. М., 1927. С. 196—199).

[52] *Шилейко В. К.* Текст предсказания Саргона Аккадского и его отголоски у римских поэтов (*ПиЛ*, 95—101).

[53] *Шилейко В. К.* Родная старина (*ПиЛ*, 82—84).

[54] *Шилейко В. К.* Паломничество Гильгамеша (см. в наст. изд.).

[55] *Шилейко В. К.* Введение (в перевод эпоса о Гильгамеше) (*ПиЛ*, 86).

[56] Об этом см.: *Емельянов В. В.* Ниппурский календарь и ранняя история Зодиака. СПб., 1999. С. 79—82.

Во всех отмеченных случаях угадывается именно подход поэта: поиск внешнего сходства ситуаций при игнорировании внутренних условий, в которых они создавались, и внутренней логики рассматриваемого текста. Приводимые примеры сходств представляются как бы рифмами, за которыми ученый-поэт старается разглядеть сквозной образ, представляющий инвариант ситуации. Можно предположить, что на мышление Шилейко оказало воздействие сравнительное литературоведение по методу «Исторической поэтики» А. Н. Веселовского. Будучи студентом Петербургского университета, Шилейко был знаком с достижениями этой школы, о Веселовском наверняка упоминал в своих лекциях Б. А. Тураев. Но следует отметить, что Шилейко совершенно не интересуется странствиями бродячих сюжетов или поисками прасюжетов. Его увлекает только игра фактами как метафорами, передающими единую ситуацию (аналог такой игры можно видеть в трудах сверстницы Шилейко О. М. Фрейденберг)[57]. При таком подходе к источнику вся эрудиция уходит в сопоставление разведенных в пространстве и времени явлений, упускается шанс проникнуть внутрь эпохи, создавшей текст, понять ее собственный замысел и идеал. Можно сказать, что в своем методе 20-х гг. Шилейко совершенно беспомощен как историк и не вполне профессионален как литературовед. Он не может посмотреть на текст глазами его составителя или читателя-современника.

Но вся эта справедливая позитивистская критика оказывается бесплодной, когда становится ясно, что Шилейко имеет совершенно иной масштаб мышления и кругозора. Когда он говорит о путешествии Гильгамеша за бессмертием как о «паломничестве», первой реакцией современного ученого становится укор автору за анахроничное использование термина. Мы привыкли называть паломничеством исключительно хождение верующих по святым местам в эпоху монотеистических религий. С первого взгляда термин, употребленный Шилейко, кажется странным: Гильгамеш не веровал ни в Христа, ни в Аллаха, он не припадал к святым

[57] Вполне вероятно, что такая манера мышления была присуща многим российским филологам 1920-х гг. В единственную нашу встречу 15 июля 1984 г. В. Б. Шкловский сказал мне, что Гильгамеш переправился через реку мертвых на плоту. Когда я робко возразил, что на лодке, он спокойно ответил: «Это только там на лодке. А вообще-то у всех народов герои переправляются в лучший мир на плотах». Я понял, что он вычислил некое среднее арифметическое сюжета из всей мировой литературы. Тогда я пребывал в недоумении, можно ли так работать. Позднее, услышав песню Ю. Лозы «Плот», я понял, что в методе Шкловского есть своя правда: он позволяет вычленить, условно говоря, «архетип» сюжета. Этим же методом пользовались и Шилейко, и Фрейденберг.

мощам, не посещал монастырей и т. д. Но неожиданно понимаешь, что автор статьи о Гильгамеше сумел выделить вечную общекультурную ситуацию в ее зачаточном состоянии и описать алгоритм этой ситуации. Путешествие Гильгамеша было совершено именно в святое место, с целью приобщения к чуду и достижения сверхъестественного результата. Следовательно, такое путешествие нужно признать прообразом будущих христианских и мусульманских хождений по святым местам. Аналогичным образом обстоит дело и с композицией эпоса о Гильгамеше. Первые шесть таблиц эпоса посвящены противостоянию и борьбе, а последние шесть — внутренним поискам и духовному совершенствованию героя. Эпос заканчивается возвращением героя в свой город. Следовательно, можно говорить о том, что существовал некий инвариант древнейшего эпоса, алгоритму которого подчиняются в одинаковой степени и сказания о Гильгамеше, и поэмы Гомера. В образах Эдипа и Саргона при всем историческом несходстве обоих персонажей обнаруживается одно общее сходство. Оно заключается в специфических чертах, формирующих характер героя во всей древней литературе: его таинственном происхождении, предопределении к власти и трагической борьбе с судьбой.

Таким образом, можно сказать, что ученый-поэт Шилейко, применяя негодные или несовершенные методы анализа источников, приходил в своих работах 20-х гг. к фундаментальным культурологическим выводам, касающимся общих законов устройства того или иного явления в масштабе всей человеческой культуры. К сожалению, эти выводы почти всегда были недостаточно обоснованы, аппарат исследования был скудным. Но тем рельефнее выступает гениальность ученого на фоне тех многочисленных условностей и невозможностей, которые царили в современной ему науке. Научная периодика поступала в Россию плохо, тысячи текстов оставались неопубликованными, коллеги с подозрением косились на слишком смелые и недостаточно проверенные выводы, — в такой ситуации порукой истины мог быть только гений.

Шилейко знал это свое чудное свойство. Вот его слова:

〈...〉 И в час, когда тоску труда
Переплывает смутный гений, —
Душа взмывает иногда
В туманах темных вдохновений.
(*1914*)

IX

Шилейко-переводчик явился точно в свое время. В начале XX в. исторически совпали два события — обнаружение тонических стихов древней Месопотамии и утверждение полиметрии в русской поэзии. Вавилонский стих основан на счете ударных слогов при полном безразличии к безударным. Как правило, в нем от трех до пяти ударных слогов, полустишия разделяются цезурой. Поэзия древней Месопотамии не имеет конечной рифмы, зато знает примеры богатых внутренних рифм. Вяч. Вс. Иванов пишет, что Шилейко «первому удалось найти способ ритмически точной передачи аккадского стиха при помощи русского дольника, в котором ведется счет числу ударений, но допускается значительное разнообразие в числе безударных слогов между ударениями. Такой стих выработан в русской поэзии начала XX в., и здесь Шилейко принадлежит значительное открытие: он первым (а за ним — все последующие переводчики) использовал этот новый в русской поэзии размер в переводах с аккадского, что придало им ритмическую новизну при максимальном приближении к ритмам подлинников. Примечательно, что в оригинальных стихах самого Шилейко дольники появляются очень редко, причем в стихах с ориентацией на восточный — библейский или мусульманский... прообраз...» (*ПиЛ*, 69—70).

Первым русским поэтом, давшим перевод клинописного художественного текста с западного подстрочника, был К. Д. Бальмонт. Заговор против семерых демонов он смело передал ритмически расшатанным размером, имитирующим стиль древнерусского заговора.

ЗАКЛЯТЬЕ ПРОТИВ СЕМИ, ЛЕЖАЩИХ В ОЖИДАНИИ

Семеро их! Семеро их!
В глубине Океана семеро их!
В высотах Небесных семеро их!
В горах Заката рождаются, семеро.
В горах Востока вырастают, семеро.
Заставляют свой голос греметь на высотах
Земли они.
Раскинулись станом в пространствах
Небес и Земли они,
В сокрытых вертепах.
Семеро их! Семеро их!
Они не мужчины, не женщины.

Как ветер бродячий они.
Как сети, они простираются, тянутся.
Нет у них жен, не родят они сына.
Как кони они, что внезапно возникли меж гор.
Злые, из пропасти Эа.
Благоговенья не знают они, благотворенья не знают,
Молитв не услышат, нет слуха у них к мольбам.
На больших проезжих дорогах
Препоной встают, ложатся на путь.
Злые они, злые они.
Семеро их! Семеро их!
Дважды семеро их!
Дух Небес, ты закляни их!
Дух Земли, ты закляни их!
Злые Ветры! Злые Бури!
Палящие Ветры они.
Вихрь, за которым приносится смерч.
Реющий вестник, за вестником Смерч.
Могучие чада, предвестники Мора.
За ними идет Нинэгал.
Проломный они потоп.
Семь богов широкой Земли.
Семь разбойных богов с Небес.
Семь властных богов.
Семь злобных богов.
Семь веющих дьяволов.
Семь дьяволов злых утеснения.
Семь в Небе, семь на Земле.
Злой дьявол, злой дух, злой Алал,
злой Гигим, злой Тэлал, злой бог, злой Маским.
Дух Неба, ты закляни их!
Дух Земли, ты закляни их!
Закляни их!

(*Бальмонт К.* Светлый час. Избранные стихи. Париж. Изд. Поволоцкого, 1921 г.)

Впоследствии все русские переводчики клинописных текстов будут соединять в своих переводах элементы русского былинного сказа и духовного стиха, русского заговора и различных вариантов дольника. Бальмонт сделал это первым, Шилейко последовал за ним, прибавив еще две особенности к своей переводческой манере.

Шилейко первым в русской литературе переводил клинописные тексты с языков оригинала. Заключать их в традиционные русские размеры он не хотел, целиком использовать дольник не мог. Рискнем предположить, что основным, доминирующим, размером всех переводов Шилейко был логаэд, в котором соединялись различные типы дольника, тактовика и анапеста. Если проанализировать подряд множество переводов, то выясняется, что, начав с дольника или тактовика, перевод как-то сам собой соскальзывает через несколько строк на 4-стопный, 3-стопный, или (реже) на 6-стопный анапест. Причем лидером среди анапестов Шилейко явно будет 4-стопный. Приведем несколько примеров:

НЕРГАЛ И ЭРЕШКИГАЛЬ

Когда боги устроили праздник,
к сестре своей Эрешкигаль
они послали посла:
«Мы не можем спуститься к тебе,
да и ты не поднимешься к нам, —
повели принести нам твой хлеб».

(3-ст. анапест)

ГИЛЬГАМЕШ
таблица VI

Он омыл свой меч, он очистил свой меч,
по спине своей он распустил свои кудри,
снял он грязное платье, чистым платьем облекся,
увенчался тиарой и нагрудник надел...

(4-ст. анапест)

ВОЗНЕСЕНИЕ ИШТАР
Миф о Зу

И веление всех богов утвердил он,
Обратился, коснулся, посылает он Зу...

(4-ст. анапест)

НЕРГАЛ

Славный могучий владыка, первенец Бела,
Вождь ануннаков, владыка сражений,
Сын Кутушар, великой царицы,
Нергал, предводитель богов, любимец Нинменны.

Светел ты средь высоких небес, высоко твое место,
Ты велик в преисподней, равных нет у тебя;
С Эа в сонме богов твое слово почтенно,
Вместе с Сином с небес прозреваешь ты все.
(4-ст. анапест)

ПОКАЯННЫЕ ПСАЛМЫ

Преклонение лика всех живущих созданий,
Я, слуга твой, тебя, воздыхая, зову.
Ты приемлешь признанья ото всех, кто виновен,
На кого ты ни взглянешь — тот становится жив.
(4-ст. анапест)

Примеров достаточно, но вот еще один. Шилейко переводит заговор против семерых после Бальмонта:

Семеро их,
Семеро их,
В глубине океана
Семеро их,
Яростных в небе
Семеро их.
Возросли они в доме
В глубине океана,
Не мужчины они
И не жены они,
Ветры они,
бродящие в саду,
Жен не имеют,
Детей не рождают,
Ни прощенья они,
Ни пощады не знают,
Ни молитвам они,
Ни мольбам не внимают,
Словно кони, они
Вырастают в горах,
Разбойники Эа,
Посланцы богов,
Что стоят на дороге,
Помрачая пути.
(2-ст. и 4-ст. анапест)

И здесь мы видим фрагменты постоянно прорывающегося сквозь расшатанный полиметрический стих разностопного анапеста, который так редок у Бальмонта. Итак, первая особенность переводческой манеры Шилейко — частое употребление анапеста внутри логаэда. Вторая особенность — использование лесенки для подчеркивания ритма при переводе непоэтических текстов — царских надписей, гаданий и предсказаний.

Если у женщины
Родится лев, —
Город тот будет взят,
Царь тот будет пленен.

В подлиннике такого ритма нет, здесь чувствуются изыски поэта, желающего сделать любой древний текст художественно привлекательным.

Квинтэссенцией переводческого стиля В. К. Шилейко является фрагмент «Скорбь, как воды речные...» из «Заклинания Солнца». На этом примере мы рассмотрим вопросы о метрическом соответствии перевода подлиннику, о точности перевода и о связи перевода с индивидуальным поэтическим стилем Шилейко.

X

«Скорбь, как воды речные...» — один из самых известных переводов В. К. Шилейко. Впервые он был опубликован И. М. Дьяконовым в томе «Поэзия и проза Древнего Востока», а затем многократно воспроизводился в соответствии с этим изданием[58]. Каждый любитель шумеро-аккадской словесности мог прочесть следующий текст:

ИЗ ЗАКЛИНАНИЙ

Скорбь, как воды речные, устремляется долу,
Как трава полевая, вырастает тоска,
Посреди океана, на широком просторе,
Скорбь, подобно одежде, покрывает живых;
Прогоняет китов в глубину океана,
В ней пылает огонь, поражающий рыб;
В небесах ее сеть широко распростерта,

[58] Библиотека всемирной литературы. Т. 1. Поэзия и проза Древнего Востока. М.: Художественная литература, 1973. С. 223—224; Я открою тебе сокровенное слово... Литература Вавилонии и Ассирии. М.: Художественная литература, 1981. С. 226—227; *ТШВ*, 84—85.

Птиц небесных она угоняет как вихрь;
Ухватила газелей за рога и за уши
И козлов на горах взяла за руно,
У быков на равнине пригнула выи,
Четвероногих Шаккана убила в степи;
Над больным человеком в его собственном доме
Протянула она неуклонную сеть.
Мардук увидел его, к Эа, отцу, в его
дом вошел он и молвит:
«Отче, скорбь, как воды речные, устремляется долу,
Как трава полевая, вырастает тоска,
Посреди океана, на широком просторе,
Скорбь, подобно одежде, покрывает живых;
Прогоняет китов в глубину океана,
В ней пылает огонь, поражающий рыб;
В небесах ее сеть широко распростерта,
Птиц небесных она угоняет как вихрь;
Ухватила газелей за рога и за уши
И козлов на горах взяла за руно,
У быков на равнине пригнула выи,
Четвероногих Шаккана убила в степи;
Над больным человеком в его собственном доме
Протянула она неуклонную сеть».
Эа ответил Мардуку-сыну:
«Сын мой, чего ты не знаешь, чему я тебя научу?
Мардук, чего ты не знаешь, чему я тебя научу?
Все, что я знаю, знаешь и ты.
Сын мой, Мардук, ступай к больному,
Его образ рукою нарисуй на земле,
Государь заболевший на образ свой да встанет,
К господину Шамашу да прострет свою длань;
Прочитай заклинанье, священное слово,
Над его головою воду пролей,
На него покропи ты заклятой водою,
Свою руку простри, свою руку простри:
Пусть проклятая скорбь, как вода, расточится,
Как исчез его образ, пусть исчезнет с земли.
Царь сей пусть будет чист, пусть как день просияет,
В руки бога благого передай ты его»[59].

[59] Текст, приведенный выше, был подновлен издателем. И. М. Дьяконов превратил «лесенку» Шилейко в полноценную строку клинописи, разделив ее пробелом на два полустишия;

Перевод поражает своим поэтическим совершенством, завораживает читателя своим настроением и побуждает обратиться к подлиннику за сравнением.

BĪT RIMKI III

(VR 50—51 = Fossey, Magie, 430ff. = Schollmeyer, HGŠ Nr. 1 = Borger, JCS 21)[60]

60 **en$_2$ azag$_2$ a-gim id$_2$-da ba-an-šu$_2$**
a-sak-ku ki-ma mi-li na-a-ru is-hu-u[ρ]
(Демон)-*асакку*, как половодье, покрыл реку,

61 **BAR-giš-ra u$_2$-šim-gim eden-na ba-ra bi$_2$-in-m[u$_2$]**
'i-i-lu ki-ma ur-qi$_2$-ti ina ṣe-ri a-ṣi-ma
(Демон)-*э'элу*, подобно траве, в степи вырос,

62 **a-ab-ba-ki-gar-dagal-la-še$_3$**
ina tam-ti$_4$ ša$_2$ a-šar-ša$_2$ rap-šu$_2$
В море, на всем его просторе,

63 **azag$_2$ k[ul-b]i tug$_2$-gim ba-an-dul gada-gim ba-an-par$_3$**
a-sa[k]-ku lil-lid-su ki-ma ṣu-ba-ti ik-tum$_3$ **GIM** *ki-te-e uš-pa-ri-ir*
Асакку, подобно одеянию, покрыл его тварей; подобно льняной материи, (их) обхватил,

64 **an-[za-nu]-un-zu-ta suh$_3$-suh$_3$-ha bi$_2$-in-[gar]**
[ina (?) an-z]a-nu-un-zi-i[61] *te-ša$_2$-a iš-ku[n]*
В глубинах смуту он установил,

65 **NUN (?)-[x(x)]-sur$_3$-ra-bi a-gu-la-aš ba-an-tu**
sur-ra-ni-šu ana **A.MEŠ GAL.MEŠ** *ut-tir*
Его стоячие воды в «большую воду» превратил,

66 **ša$_3$-bi izi mu-un-bil ku$_6$ ba-ni-in-šeg$_6$**
ina lib$_3$-bi-šu$_2$ i-ša$_2$-tu i-šar-rap nu-ni-šu$_2$ u$_2$-šab-šal
Внутри него огонь разжег, рыб его подпалил,

он убрал нумерацию и заменил некоторые слова: «четвероногих Гирры» (устаревшее чтение) на «четвероногих Шаккана», «сыну Мардуку» (неблагозвучное ударение на предпоследний слог в имени бога) на «Мардуку-сыну» (ударение на первый слог). Особый интерес вызывает исправление «убила в полях» на «убила в степи». Последнее благозвучнее, но в подлиннике, которого не знал издатель, стояло «на пастбище».

60 *Rawlinson H. C.* The Cuneiform Inscriptions of Western Asia. Vol. 5. London, 1884. Pl. 50b; *Fossey C.* La magie assyrienne. Paris, 1902. P. 438—440; *Schollmeyer A.* Sumerisch-babylonische Hymnen und Gebete an Šamaš. (Studien zur Geschichte und Kultur des Altertums, 1912). N 1; *Borger R.* Das dritte «Haus» der Serie *bīt rimki* // Journal of Cuneiform Studies. 1967. N 21. S. 1—17.

61 У Р. Боргера ошибочная транслитерация DINGIR-*za-nu-un-zi-i*. См.: *anzanu(n)zû, anzananzû* «water-table, subterranean waters» jB < Sum (*Black J., George A. R., Postgate N.* A Concise Dictionary of Akkadian. Wiesbaden, 2000. P. 19).

67 **an-še$_3$ sa-par$_3$-na an-še$_3$ ba-ni-in-par$_3$**
ana **AN**-*e sa-par-šu$_2$ uš-pa-ri-ir-ma*
В Небе сеть свою расставил,

68 **mušen-an-na-ke$_4$ u$_4$-gim im-mi-in-ra-ah**
iṣ-ṣur **AN**-*e ki-ma* ^{d}**IM (= Iškur)** *ir-hi-iṣ*
Птиц небесных, подобно Ишкуру, затопил,

69 **dara$_3$ sag-ga$_2$-na si ba-ni-in-dib**
tu-ra-ha ina qaq-qa-di-šu$_2$ u qar-ni-šu$_2$ iṣ-ṣa-bat
Газель за голову и за рога ее схватил,

70 **šeg$_9$ šeg$_9$-bar-ra-kur-ra su-munsub$_2$ bi$_2$-in-dib-ba**
a-tu-da šap-par **KUR**-*i šap-par-ta-šu$_2$-nu iṣ-ṣa-bat*
Диких баранов, горных баранов за руно их схватил,

71 **am-gul-eden-ke$_4$ gu$_2$-bi ki bi$_2$-in-gam**
ri-ma ša$_2$ ṣe-rim u$_2$-šak-niš
Дикого быка степи к земле пригнул,

72 **ni$_3$-ur$_2$-lim$_2$-ma-^{d}Šakkan-an-na-ke$_4$ u$_2$-a im-ma-an-da-an-šub**
bu-ul ^{d}**ŠAKKAN** *ina ri-i-ti uš-tam-qit*
Четвероногий скот Шаккана на пастбище он повалил,

73 **lu$_2$-u$_x$-lu-bi e$_2$-ni ni$_2$-te-a-ni sa-al-ur$_3$-ra bi$_2$-ib$_2$-šu$_2$**
LU$_2$ *šu-a-tu$_4$ ina* **E**$_2$ *ra-ma-ni-šu$_2$ te-šu-u$_2$ is-sa-hap-šu$_2$*
Человека этого в собственном доме его сетью для птиц он накрыл.

74 ^{d}**Asal-lu$_2$-hi igi : ni$_3$-ga$_2$-e : gen-na dumu-gu$_{10}$**
Асаллухи перед... То, что я... Ступай, сын мой...

75 **alam-ni$_3$-sag-il$_2$-la-a-ni zi$_3$-še$_3$ ki-a u-me-ni-hur**
ṣa-lam an-du-na-ni-šu$_2$ ša$_2$ tap-pi-in-ni ina qaq-qa-ri e-ṣir-ma
Образ заместителя его из ячменной муки на земле начерти, (а затем)

76 **lugal-e ugu-na u-me-ni-gub**
šar-ra e-li-šu$_2$ šu-ziz-ma
Царя на него поставь,

77 **igi-^{d}Utu-še$_3$ šu-na u-me-ni-dib**
ma-har ^{d}**UTU ŠU**-*su ṣa-bat-ma*
Перед Шамашем за руку его возьми[62],

[62] Р. Боргер переводит «Ergreife seine Hand vor Šamaš» (Das dritte «Haus»... S. 14). Речь идет о том, что заклинатель должен взять больного царя за руку перед статуей Шамаша. Ср.: ŠU *marṣi* DIB-*ma šipta... tušamnāšu* «Ты возьмешь руку больного и заговор... заставишь его прочесть» (*CT*, XXIII, 1:11; Chicago Assyrian Dictionary, *Ṣ*, 30). Н. О. Чехович полагает, что, напротив, сам больной должен взять за руку статую Шамаша. Такой обычай был известен в Вавилонии: жрецы брали руку только что изготовленной и освященной статуи и за руку вводили бога в ворота храма. См.: *Walker C. B. F., Dick M.* The Induction of the Cult Image in Ancient Mesopotamia. The Mesopotamian Mis Pi Ritual. Helsinki, 2001. P. 76 (BM 4549, rev. 59—60: *qāt ili taṣabbat* «за руку ты бога возьмешь»). Однако в нашем тексте ясно сказано, что жрец должен «схватить» руку *больного* (буквально «его») *перед (mahar)* Шамашем.

78 **tu_6-tu_6 nam-šub $šir_3$-ku_3-ga u-me-ni-šid**
ta-a [šip]-ta **ŠIR$_3$.KU$_3$.GA-***e mu-nu-ma*
Формулу заклинания, священную песню исполни,
79 **a sag-ga_2-na-$še_3$ u-me-ni-[d]e_2**
me-e [ana qaq]-qa-di-$šu_2$ [šubī'(?)-m]a
Воду на голову его возлей,
80 **a-nam-išib-ba [u-me-ni-s]u_3**
me-e i-šip-pu-[ti ziriq (?)]
Воду заклятья излей (?)!
81 **šu-ha_3-a-na gir_3-ha_3-[a]-na [...]**
Из (?) его руки, из (?) его ноги...
82 **azag$_2$-a-ni a-gim he_2-em-ma-a[n-sur-sur-re]**
Асакку его, воде подобно, пусть выльется,
83 **alam-ni_3-sag-il_2-la-a-ni ki-$še_3$ ha-ba-an(?)-[xx]**
Образ его заместителя в землю пусть...
84 **lugal-bi he_2-en-sikil he_2-en-dadag$_2$**
Царь этот пусть будет чист, пусть сияет!
85 **šu-sig_5-ga-dingir-ra-na-$še_3$ he_2-en-ši-in-gi_4-g[i_4]**
В добрые руки своего бога пусть он вернется!

Обратимся к большому контексту данного заговора. Ниневийская библиотека Ашшурбанипала дает в руки исследователю несколько копий очистительных текстов, объединенных общим заглавием *bīt rimki* («Дом омовения»). Дом омовения — специальное культовое строение, расположенное в большинстве известных текстов за стенами города. Царский ритуал устраивался в этом строении перед восходом Солнца. Весь ритуал *bīt rimki* состоит из семи частей, которые называются семью «домами». Под «домами» имеются в виду комнаты дома омовения. Пребывая поочередно во всех комнатах, царь очищается различными веществами и читает заклинания по-аккадски, а жрец-экзорцист читает над ним заклинания на священном шумерском языке. При этом и аккадские, и шумерские заклинания обращены к богу Солнца и справедливого суда Шамашу. Омовение так же, как и в тексте VAT 8382 из Ларсы[63], сопровождается проце-

[63] Текст VAT 8382, дошедший из Ларсы, сохранился плохо, но все же это первая известная нам запись царского очистительного ритуала. Точнее, перед нами первая попытка создания неаранжированной записи ритуала. Вполне возможно, что создавался этот текст с сугубо мнемонической целью, т. е. с целью напомнить жрецу-консекратору, в каком порядке должна проходить церемония царского омовения и очищения. Об этом говорит краткость и лапидарность текста. Открывается он сообщением об умащении царя заранее освященным маслом. Затем жрец, названный здесь учеником Ана, вкладывает в руку царя чашу для омовений. После совершения

дурой изгнания враждебных сил — врагов царя, колдунов и, возможно, враждебных к нему духов предков. Для этой цели изготавливаются статуэтки, замещающие их. О том, как проходила эта церемония в Ниневии VII в., рассказывает табличка Kh. 338 из музея Пенсильванского университета в Филадельфии[64].

1—5. Царь входит в первый дом, экзорцист читает заклинание [...] Небес и Земли в «месте Уту»[65], царь читает заклинание *Шамаш — верховный судья Небес и Земли* и омывает свои руки над изображением врага. Он кладет [...]

6—9. Царь входит во второй дом, и ты читаешь заклинание *Владыка с чистого неба* в «месте Уту», а он читает заклинание *Шамаш — царь Небес и Земли, владыка истины и справедливости* и омывает свои руки над образом врага.

10—14. (Царь входит) в третий дом, и ты читаешь заклинание *Уту с великой горы* в «месте Уту», ты читаешь заклинание *Уту! Асакку, подобно половодью, реку покрывает*, а он омывает свои руки над образом заместителя. Он произносит заклинание *Шамаш, царь Небес и Земли.*

15—19. (Царь входит) в четвертый дом, и ты читаешь заклинание *Уту с давних пор* в «месте Уту», а он читает заклинание *Воззвал я к тебе, о Шамаш, в глубину небес великих.* Ты должен очистить (царя произнесением) заклинания *Имеющий злой язык бодается.* Царь омывает свои руки над расколотыми образами.

20—26. (Царь входит) в пятый дом, и ты читаешь заклинание *Великий владыка из сердцевины светлого неба* в «месте Уту», а он читает заклинание *Шамаш, судья Небес и Земли.* Ты делаешь образ оскверненной, набиваешь его изнутри акацией и тамариском (?), царь плюет на него, (после чего) омывает свой рот водой и пивом. Ты хоронишь образ оскверненной в углу стены.

омовения он надевает на него чистое льняное одеяние. Царь подпоясывается ремнем и надевает сандалии. После этого начинается процедура изгнания от него демонов. Читаются многочисленные заклинания, в жертву приносится овца. К сожалению, последние строки текста разбиты. Из них можно понять только то, что Энки дает Асарлухи некий рецепт избавления от демонов. Составными частями этого рецепта являются семь сосудов с освященной водой, лазурит и еще какие-то камни. Текст заканчивается заклинательной формулой: «Глаз-преследователь, язык-преследователь, злой язык из тела пусть изыдут!» (*Van Dijk J. J. A.* VAT 8382 // Festschrift für A. Falkenstein. Wiesbaden, 1967. S. 267—268).

[64] Транслитерация издана в: *Læssøe J.* Studies on the Assyrian Ritual and Series *bīt rimki*. Ejnar Munksgaard, 1955. P. 29—30. Русский перевод текста впервые опубликован: *РДМ*, 163—164.

[65] То есть в месте, где стоит статуя Уту-Шамаша.

27—35. (Царь входит) в шестой дом, и ты читаешь заклинание *Уту из сердцевины Неба выходит* в «месте Уту», а он читает заклинание [...] *Неба и Земли*. Ты делаешь образы колдунов из воска, [...] бросаешь их, [...] связываешь их середины, [...] камень-*шадану*, [...] запечатываешь, [...] хоронишь.

36—42. (Царь входит) в седьмой дом, и ты читаешь заклинание *Уту с великой горы* в «месте Уту», а он читает заклинание... (против) злых духов (*этемму*). ...при помощи растения [...] (и) растения *балту* ты связываешь, [...] хоронишь, [...] заклинаешь.

Когда же, в каком сезоне и в каком месяце года устраивался ритуал царского омовения? Можно найти немало датировок. Омовение могло устраиваться и летом, в месяце Таммуз (в это время оно приурочивалось к ритуалу плача по божественному супругу Инанны-Иштар), и в конце весеннего месяца Айару (вероятно, в это время оно связано с окончанием священного брака)[66]. Следует вспомнить и об осеннем омовении, проходившем в седьмом месяце ниппурско-вавилонского календаря накануне осеннего равноденствия. Об этом времени комментарии на календарь говорят в связи с очищением владык и людей и очищением их эмблем. Покровителем седьмого месяца в Ассирии и Вавилоне был как раз Шамаш, названный в тех же комментариях судьей Небес и Земли[67]. Следует также учитывать связь обряда царского омовения с ежемесячным праздником обновления луны[68].

Все, о чем мы знаем сегодня, не было известно гениальному ученому и переводчику В. К. Шилейко. Он переводил данный фрагмент, руководствуясь исключительно его эстетической ценностью и не подозревая о его месте в ассирийском ритуале. Полагаю даже, что Шилейко не заглядывал в автографию текста, иначе он не последовал бы за неверной транслитерацией колофона у Ш. Фоссе[69].

---

[66] *Læssøe J.* Studies on the Assyrian Ritual and Series *bīt rimki*. P. 97—98.

[67] *Емельянов В. В.* Ниппурский календарь... С. 100—105.

[68] Й. Лассёэ обращает внимание на то, что *ûm rimki* «день омовения» приходится в некоторых текстах на время перед новолунием и сопоставляется со словом *têdištu* «обновление» (Studies... P. 101). Таким образом, обряд царского омовения мог иметь помесячный характер и символизировать очищение и обновление месяца перед его появлением на небе.

[69] Ш. Фоссе спутал знаки TU_5 и ŠINIG (эти составные логограммы содержат общий знак SUM), и вместо en_2 giš-[š]inig-dili an eden-na mu_2-a «Заговор. Тамариск одинокий, Аном в степи выращенный...» прочел [...]-tu_5 aš an-eden-na šar-a (?) «...de la maison d'ablutions (?) dans la plaine il sort (?)». Шилейко последовал за ним, переведя: «Молитва в доме омовений, стоящем в поле». Однако нельзя не восхититься гениальной интуицией Ш. Фоссе, который умудрился дать такой неправильный перевод, который точно определил ритуальную принадлежность текста.

Предположив, что Шилейко пользовался преимущественно транслитерацией Фоссе (а из других изданий текста тогда существовал только воспроизводивший старую транслитерацию сборник гимнов и заговоров А. Шолльмейера), интересно выяснить, насколько буквально он этой транслитерации следовал, и что в ней могло вызвать его критику. Приведенный выше текст имеет у Фоссе иную нумерацию (строки 27—72). Мы будем следовать нумерации Р. Боргера. В издании Фоссе строки 60—65, 79—85 частично разбиты. Особенно пострадали строки 64—65, где нельзя было дать связный перевод, поскольку сохранились только несколько знаков. Кроме того, транслитерация Фоссе местами неверна и скорее может ввести переводчика в заблуждение, нежели подвигнуть к правильной интерпретации строк. Шилейко понимал это и потому в случаях невнятной или отсутствующей транслитерации прибегал к художественному домыслу.

Итак, проследим путь В. К. Шилейко по доступному ему тексту. Первую строку текста (60) он сознательно искажает, хотя она имеет полную аккадскую транслитерацию (шумерская частично разбита). Демон-*асакку*, покрывающий реку подобно полой воде, превращается у него в некую абстрактную Скорбь, которая почему-то устремляется вниз. Образ красивый, но что за ним стоит — неясно. Ясно другое: с первой строки переводчик решил, что его версия будет выразительным описанием меланхолического состояния души[70]. Он понял данный текст как образец психологизма, что-то сродни символистским (а еще раньше — апухтинским, ср. «Черные мысли, как мухи, всю ночь не дают мне покою...») переживаниям угнетенных состояний духа, разлитых в природе и одолевающих человека. В том же ключе он переводит и имя демона-*э'элу* (*e''ēlu* «вяжущий, связывающий»)[71] из следующей строки, толкуя его как «тоска»[72]. Точно переведя две следующие строки (и правильно прочитав *ki-te-e* «лен» вместо *tuš-te-e* у Фоссе), Шилейко останавливается перед строками 64—65, более всего поврежденными. В строке 64 ему представляются киты, которых Скорбь прогоняет в глубину Океана. Слово «кит» в клинописных языках неизвестно, поэтому можно смело назвать эту

[70] По мнению В. А. Якобсона, в переводах Шилейко поэтические ассоциации берут верх над филологией. Такой перевес вообще характерен для переводов, делаемых поэтами. Для поэта Шилейко за «скорбью» (понимаемой и как «болезнь», и как «тяжкая печаль») естественно следует «тоска» (ср. у Пушкина: «грусть-тоска меня снедает...») (устное сообщение).

[71] *Black J., George A. R., Postgate N.* A Concise Dictionary of Akkadian. P. 66.

[72] В корпусе поэтических переводов Шилейко существительное «скорбь» встречается 14 раз, «тоска» — 9 раз, «скорбь и тоска» — 2 раза. Все случаи употребления этих слов зафиксированы в переводах заговоров против злых духов.

строку чистой фантазией переводчика. Но строку 65 Шилейко выпустил совсем, не придумав ей замены даже в своей фантазии. Следом за выпущенной строкой идет точный перевод строк 66—73, имеющих у Фоссе надежную транслитерацию. Вольности здесь минимальны: затопление небесных птиц заменено их угоном, а сравнение демона-*асакку* с богом дождя и ветра Ишкуром (аккад. Адад) стало сравнением Скорби с вихрем; головы газелей превращаются в уши. Идущую затем сокращенную формулу «Эа-Мардук» переводчик делает развернутой, выписывая, в соответствии с шумерским каноном, повтор начальной части заговора (инцидент) перед произнесением рецепта Энки. Далее опять точный перевод строк 74—77. Но хочется отметить один явный курьез. В авторской машинописи и затем в издании И. М. Дьяконова в строке 75: «его образ рукою нарисуй на земле». Между тем в подлиннике слово «рука» отсутствует, зато там сказано о заместительном образе из ячменной муки. Можно предположить описку переводчика, должно быть «его образ *мукою* нарисуй на земле». В переводе последних строк вольностей больше, поскольку отсутствует аккадский перевод, а шумерские строки разбиты. Наиболее существенными недостатками здесь являются непонимание проводимого ритуала и неверный перевод последней строки текста: вместо «в добрые руки его (личного) бога» Шилейко пишет: «в руки бога благого», что хорошо по размеру, но неверно по существу, поскольку заклинаемый не мог передаваться в руки злых богов. Если задаться вопросом, насколько точен перевод Шилейко, то обнаружится, что из 26 строк текста правильно переведены 14. При несовершенной транслитерации и отсутствии надежных словарей это очень высокий показатель точности.

Разобрав детальные расхождения перевода Шилейко с подлинником, следует обратиться к его размеру, языку и образной системе. Сравним начальные строки текста и перевода:

Аса́кку ки́ма ми́ли / на́ру и́схуп (11 слогов, 5 ударных слогов)
Э'и́лу ки́ма урки́ти / ина це́ри ади́ма (15 слогов, 5 ударных)
Ина та́мти / ша аша́р-ша ра́пшу (10 слогов, 3 ударных)
Аса́кку лилли́ссу ки́ма цуба́ти и́ктум / ки́ма ките́ ушпа́рир (20 слогов, 8 ударных)

Скорбь, как воды речные, устремляется долу,
Как трава полевая, вырастает тоска,
Посреди океана, на широком просторе,
Скорбь, подобно одежде, покрывает живых.

Удивление читателя способен вызвать уже размер, совершенно уникальный для русской поэзии: 4-стопный анапест с цезурой после второй стопы и околоцезурными наращениями и усечениями. Никто до Шилейко не использовал такой размер в переводах и только один поэт написал в нем оригинальное стихотворение[73]. Следовательно, можно предположить, что переводчик создал для поэтического переложения клинописных текстов совершенно новую форму[74]. Именно размер и ритмика перевода сообщают читателю первоначальный эффект завораживания. Между тем в оригинале ничего обворожительного обнаружить нельзя. Текст состоит из строк разной длины, количество ударных слогов в строках весьма различно, и при всем желании здесь нельзя выявить какого-либо размера.

Этому же стремлению зачаровать служат и интонация, и язык перевода. В языке встречаются архаизмы и сочетания, присущие высокому стилю: скорбь «устремляется долу», покрывает «живых» (вместо «тварей»), пригибает у быков «выи», берет козлов за «руно», простирает над человеком «неуклонную» сеть; «государь» встает на свой образ и «простирает длань» навстречу Шамашу; скорбь должна «расточиться», подобно воде[75]. Удивление вызывает соседство «высоких» слов со словами

---

[73] Размер определен по просьбе автора М. Л. Гаспаровым (устное сообщение). Консультант также припомнил, что встречал оригинальное стихотворение в этом размере у В. В. Гофмана (1884—1911).

[74] О частом употреблении анапеста в переводах Шилейко см. выше. 4-стопный анапест не был случайным для Шилейко. В нем переведен заговор «Для чего, словно барка на реке, ты простерта» (*СС*, 213—214), частично он использован в заговоре «Шамаш, когда ты восходишь...» (со строки 10 и далее), отдельные строки в этом размере встречаются в оригинальной мистерии «Лугальбанда и Зу»: «Я отправлюсь, о боже, в неприступные горы, Зу хочу отомстить я за богов, своих чад!» (*ЧВ*, 111). 4-стопный анапест, по-видимому, возникает из песенного 2-стопного, заимствованного А. С. Пушкиным из молдавских песен (впервые в «Цыганах»: «Старый муж, грозный муж...»; см.: *Гаспаров М. Л.* Очерк истории русского стиха. М., 2002. С. 134). До революции 4-стопный анапест чаще всего встречается в застольных народных песнях и жестоких романсах («Хасбулат удалой, бедна сакля твоя», «Ах, зачем эта ночь так была хороша...»). Народно-песенный размер превращается у Шилейко в одический, передающий торжественность момента или скорбь.

[75] Шилейко, с гимназии изучавший церковнославянский язык, широко использовал древнерусскую и церковнославянскую лексику в своих переводах с клинописных языков (особенно при переводах гимнов, плачей и псалмов). В частности, «скорбь» может употребляться здесь в значении «болезнь, недуг» (как в сочетании «животом скорбен»). Однако вместе с тем, как поэт своего времени, он пытается объединить древний смысл этого слова с современным значением, обозначающим психологическое состояние. Роль церковнославянизмов в лексике и стилистике переводов Шилейко еще предстоит изучить. Автор статьи благодарен Р. А. Евстифеевой за внимание к этой теме.

среднего стиля. На первый взгляд, следовало бы подбирать к именам эпитеты из того же высокого стиля. Если «государь», — то «занемогший», «занедуживший», но никак не «заболевший». Если «устремляется», «покрывает», — в этом глагольном ряду неуместно «вырастает» (лучше и велеречивее «прорастает»), тем более неуместен просторечный глагол «прогоняет». Однако в целом от такого столкновения стилей перевод только выигрывает.

Сложные процессы происходят в переводе и с глагольными формами: сперва они идут в настоящем времени, а затем почему-то начинают следовать в прошедшем. Теоретически может возникнуть причинно-следственное смещение: получается, что сперва Скорбь расправилась с животными в степи, потом настигла человека, а в данный момент времени она овладевает океаном и его обитателями. Но впрочем, никакого смещения в реальности не возникает, и формы прошедшего времени воспринимаются читателем перевода в контексте настоящего.

Образная система перевода отличается от подлинника. У Шилейко говорится о скорби-тоске, которая охватывает океан, степь и человека и от которой можно спастись только магическим ритуалом, совершаемым перед ликом Шамаша. При этом из перевода не вполне ясно, куда исчезает образ больного после окропления водой. Но поэту нужна не передача тонкостей ритуала, а трансляция своего эмоционального состояния в соответствии с очень простой поэтической идеей, выраженной еще А. С. Пушкиным: «Да здравствует Солнце, да скроется тьма!» Еще рельефнее эта идея проступает у М. Лохвицкой:

Во тьме кружится шар земной,
Залитый кровью и слезами.
Повитый смертной пеленой
И неразгаданными снами.

Мы долго шли сквозь вихрь и зной,
И загрубели наши лица.
Но лег за нами мрак ночной,
Пред нами вспыхнула денница.

Чем ближе к утру — тем ясней,
Тем дальше сумрачные дали.
О, сонмы плачущих теней
Нечеловеческой печали!

Да, в вечность ввергнется тоска
Пред солнцем правды всемогущей[76].
За нами средние века.
Пред нами свет зари грядущей.
(*1904*)[77]

С пафосом перевода Шилейко это стихотворение сближает противостояние тоски и «солнца правды всемогущей», которое непременно должно уничтожить тоску, превратившую людей в «плачущих теней печали». Эта оппозиция имеет отчетливое временное соотнесение: тоска — средние века и ночь, солнце правды — светлое будущее и утренняя заря.

В оригинальном творчестве самого В. К. Шилейко слово «тоска» встречается три раза, причем дважды — в очень характерной ситуации.

⟨...⟩ И в час, когда тоску труда
Переплывает смутный гений,
Душа взмывает иногда
В туманах темных вдохновений.
(*1914*)

Глаза, не видя, смотрят вдаль,
Знакомой болью ноет тело, —
Какая острая печаль,
Тоска какая налетела!

И что случилось? Все равно,
Сам позабыл... Плывет дремота...
Но только знаю, что давно, —
Еще вчера, томило что-то.

Не вспомнить, нет! А день к концу:
Уже слуга приносит свечи,
И теплый сумрак льнет к лицу...
Сегодня будет длинный вечер!
(*1914*)

---

[76] На наш взгляд, в этой и следующей строке нелогично расставлены знаки препинания. Следовало бы ожидать здесь пожелание: «Да в вечность ввергнется тоска пред Солнцем правды всемогущей!» (инверсия «да ввергнется тоска в вечность..!»).

[77] Серебряный век. Петербургская поэзия конца XIX—начала XX в. Л.: Лениздат, 1991. С. 35—36.

Нет, ты только подумай, какая тоска!
А ведь, может быть, это последний вечер...
(набросок, б. г.)[78]

Обратим внимание на то, что тоска связана здесь с водой: либо лирический герой Шилейко — «смутный гений» — переплывает тоску, либо вместе с налетевшей острой печалью и тоской «плывет дремота». Заметим и то, что ощущение тоски, как и у Лохвицкой, связано здесь с вечером и, следовательно, с отсутствием Солнца. Стало быть, уже в поэтическом мире Шилейко есть это соотнесение тоски-печали с водным пространством[79] и наступлением тьмы. Поэтому не стоит удивляться, что, взявшись за перевод ассирийского заговора, поэт почувствовал в нем что-то до боли знакомое и родное и легко слился с его настроением.

В подлиннике все иначе. Там говорится о демонах-*асакку*, несущих миру физические недуги. *Асакку* сравниваются с потопом. Они превращают спокойную воду моря в большую воду, — т. е. в шторм, воспламеняют море (т. е. вспенивают его волны), затем устраивают ураган, который настигает и рыб в море, и птиц в небе, и степных тварей в горах и на равнине, и, наконец, достигают человека, затопляя его жилище. Весь мир оказывается подвластен катаклизму. Мардук видит, что произошло, и идет к своему отцу Эа за советом. Эа дает рецепт: следует ячменной мукой начертить на земле образ больного царя, попросить его встать на этот образ, протянуть его руку к Шамашу, затем окропить царя водой и прочесть над ним заговор. Во время кропления вода размоет нарисованный мукой образ, и образ уйдет в землю, а вместе с образом из рук и ног больного утечет болезнь[80].

Здесь мы видим буквальное понимание подступивших болезней в натурфилософском и календарном смысле. Демоны-*асакку*, называемые также Семеро, — существа эпического происхождения. Они воплощают

[78] *ПП*, 55, 95, 113.

[79] Похожая ассоциация «тоска — водное пространство» появляется в 1940-х гг. у Б. Л. Пастернака: «Когда сквозь иней на окне / Не видно света божья, / Безвыходность тоски вдвойне / С пустыней моря схожа» («Разлука»).

[80] В ритуальном тексте Kh. 338 описана иная процедура: царь после произнесения нашего заговора омывает руки над заместительной фигуркой, а затем произносит третий заговор (см. выше, рукопись В. К. Шилейко). Но магическое значение идентично: болезнь царя через его руки переходит на воду, вода стекает вниз и размывает образ, и он исчезает, а вместе с ним должна утечь и поразившая царя болезнь.

коллективный образ злодея по имени Асаг[81]. Этот злодей был создан Аном в браке с Землей накануне Нового года, и именно его уничтожил в горах весенний бог-герой Нинурта[82]. В ассирийском календаре временем господства Семерых назван последний, двенадцатый месяц календаря (февраль—март), характерный усилением осадков и шквальных ветров[83]. Таким образом, затопление мироздания демонами-*асакку* — не что иное, как образ неблагоприятных климатических событий конца зимы, в самом деле чреватых различными болезнями как простудного, так и инфекционного характера[84]. Именно с бедствиями этого времени года в заговоре сравнивается внезапное нападение болезни на человека. Болезнь стремительна, как потоп, она охватывает жертву не только водой, но и огнем. И одолеть эту напасть можно, только обратившись к Шамашу как к силе света и справедливости. Чем в этой образной системе является Шамаш — светом нового дня или светом приближающейся весны? Текст не дает ответа на этот вопрос.

Теперь можно, наконец, понять, в чем заключается художественное мастерство переводчика и что так притягивает читателя к этому тексту. Это правильный выбор размера и интонации, умелое сочетание слов высокого и среднего стилей, и, наконец, самое главное — родственность своего собственного лирического настроения древнему подлиннику, а потому и гармоничное слияние с ним.

---

[81] Этимология имени A_2-sag$_3$ («рука=сила» — «бить») не выяснена. Ш. Фосс переводит: «тот, кто лишает сил» (La magie assyrienne. P. 87). Однако такой перевод лучше подошел бы к имени демона-*ала* (a_2-la$_2$ «уменьшающий руку=силу»).

[82] Lugale, 26—29: ^{26}lugal-gu$_{10}$ an-e ki sig$_7$-ga giš$_3$ im-ma-dug$_4$ / ^{27d}nin-urta ur-sag ni$_2$ nu-zu a_2-sag$_3$ mu-un-ši-ib-tu-ud / ^{28}dumu um-me ga nu-tuš-a ne$_3$ ga gu$_7$-a / ^{29}lugal-gu$_{10}$ bulug$_3$ a-a nu-zu gab$_2$-gaz kur-ra-ka «Государь мой! Небо с желто-зеленой Землей совокупилось! Нинурта-герой! Асага она породила, не знающего почтенья, — Дитя, что не грудью матери вскормлено, а молоком диких тварей! Хозяин мой! Это отродье, отца не знающее, гор погубитель!» (цит. по: *Black J. A., Cunningham G., Flückiger-Hawker E., Robson E., Zolyómi G.* The Electronic Text Corpus of Sumerian Literature (Oxford, 1998—): http://www.etcsl.orient.ox.ac.uk/). Временем рождения демонов-*асакку* в надписи Асархаддона назван 21-й день месяца кислиму (ноябрь—декабрь), т. е. максимально темное время года, награжденное эпитетами *uhulgallû ūtu lemnu ilitti asakki* «злой день, день рождения *асакку*» (Esarh. 104, II 3; Chicago Assyrian Dictionary, A/2, 326).

[83] *Емельянов В. В.* Ниппурский календарь... С. 138, 140. Ср. с описанием демонов в серии «Злые духи»: «Они — бури из туч, из злых ветров; гибельная буря, ураган им служат; гибельная буря, ураган впереди идут.., они — потоп, что проносится по стране, — Семеро богов просторного Неба, Семеро богов Земли просторной, Семеро алчных богов, Семеро богов вселенной, Семеро богов-злодеев!..» (IV R 1-2, 66-1a 20).

[84] Время перед наступлением весны у многих народов мира ассоциируется с временной победой злых сил над мирозданием (так называемое «плохое время»). Подробнее см.: *Агапкина Т. А.* Мифопоэтические основы славянского народного календаря. Весенне-летний цикл. М., 2002.

XI

Почему знакомые называли Шилейко гением — понятно. Во-первых, его внешность производила странное впечатление: худой, сутулый, с тихим голосом, чем-то похожий на старика. Во-вторых, ассириолог, читает таинственные глиняные книги. В-третьих, поэт, поэт по определению должен быть гением. В богемной среде Петербурга такой был только один, ни с кем не спутаешь. С ним можно было поговорить о самых странных и ученых материях, он давал историко-филологические консультации не только товарищам по поэтическому цеху, но даже известным философам. Он метал молнии на поэтических диспутах. Он считал себя хранителем стихотворного жанра «жора»: прежде чем написать следующее творение в этом жанре, отважившийся должен был спросить разрешения у Шилейко. Его уважали, его боялись, к нему прислушивались. Мнения современников нам понятны. Но почему, присоединяясь к ним, мы тоже называем Шилейко гением? У потомков другие на то причины.

Шилейко читал шумерские тексты в ту «детскую» пору ассириологии, когда не существовало ни словарей, ни грамматик шумерского языка. Сведения грамматического характера он брал из научной периодики, к которой нужно было подходить максимально критически, поскольку многие гипотезы первых ассириологов были ошибочными. Для того чтобы приходить к правильным выводам, исследователь должен был обладать сильными лингвистическими способностями, помноженными на критический ум и феноменальную память, позволяющую учитывать сотни контекстов в соотнесении их с издаваемой музейной таблеткой. Из такого сложного перебора гипотез и вариантов у исследователя, в конце концов, возникал собственный словарь и собственные представления о грамматике, что позволило впоследствии говорить: «сколько на свете шумерологов, — столько и грамматик шумерского языка» (И. М. Дьяконов). Во всем этом нужно было не запутаться, и в условиях той эпохи максимально правильные чтения и переводы могли давать только истинные гении филологии. В области художественного перевода Шилейко совершил подвиг, равный подвигу Н. И. Гнедича, когда стал переводить шумеро-аккадские литературные тексты в близком метрическом соответствии с оригиналом. Кроме того, им был разработан ряд формульных и лексических клише, которые стали затем использовать его российские последователи.

Но это все же область узкоспециальных достижений, для ореола гениальности этого явно мало. Гораздо существеннее другое. Шилейко

умудрился не заболеть ни одной из модных духовных болезней начала XX в. Для него как будто бы не существовало немецких панвавилонистов с их идеей о происхождении мировой культуры из вавилонской. Он не был увлечен социализмом, мы даже не знаем, читал ли он труды классиков марксизма. Для него не были актуальными споры об общественно-экономических формациях. Он не был поклонником Дж. Дж. Фрэзера и социальных антропологов. Ему были равно чужды фрейдизм и павловское физиологическое объяснение психологии. В его статьях и письмах нет никаких следов национализма, ура-патриотической истерии или, напротив, космополитизма. Нельзя считать его и декадентом, потому что современники не оставили воспоминаний о неприлично пьяном Шилейко, о Шилейко в помрачении рассудка, о Шилейко в депрессии. Для его общественного поведения нехарактерно выставление напоказ своих эмоций или публичное высказывание мнений о политике. Он весь сосредоточен внутри сферы Духа[85]. Поэзия, поэтика, эстетика религии, вечные сюжеты мировой культуры — вот его предметы. Шилейко весь в слове и в красоте, ему свойственна особая духовная утонченность. Он изучал памятники словесности единственным доступным ему методом поэтической ассоциации. Он изучал историю, руководствуясь культурно-историческим подходом Б. А. Тураева. И то, что еще недавно воспринималось как поверхностность, оказалось залогом его бессмертия. Когда стали терять актуальность марксистские споры о формациях, когда духовная жизнь человека стала понемногу заслонять материальную жизнь человеческой массы, — Шилейко вышел из толщи времени как вдохновенный поэт и честный ученый. Слово и красота победили все схемы и догмы столетия. Слабый тихий голос сутулого юноши-старца пересилил все митинговые голоса прошедших эпох. И новая эпоха уже по своим резонам назвала В. К. Шилейко давно примененным к нему словом «гений».

Теперь мы можем сформулировать разгадку тайны Шилейко. Но прежде дадим слово его собственному голосу, голосу ученого и поэта.

Хотя бы все безумье ночи
Мир заковало в мрак и в лед —
А дух повеет где захочет, —
И солнце духа не зайдет!

(*1914*)

[85] О духовном подданстве Шилейко лучше всего свидетельствует его вопрос, обращенный к В. К. Андреевой: «Что Вам прислать из государства книг, голубка?» (29 января 1926 г.; ПЛ, 37).

Над мраком смерти обоюдной
Есть говор памяти времен,
Есть рокот славы правосудный —
Могучий гул; но дремлет он
Не в ослепленьи броней медных,
А в синем сумраке гробниц,
Не в клекоте знамен победных,
А в слабом шелесте страниц.
(1 ноября 1917 г.)

20.11.1928. Было у меня одно соображение, которое я собирался доложить у себя в Академии, да помешала Вейднеровская мелочь. Может быть, оно и к лучшему: *время очищает мысль, я с ним в дружбе.* (*ПЛ*, 242).

В жизни Шилейко очевиден разлад между материей и духом. Такой разлад, плохо совместимый с жизнью, оказывается благоприятен для времени и для посмертной судьбы. Можно предположить, что в памяти и разуме человечества такому существу живется гораздо уютнее, легче и естественней, чем в тисках обступающих со всех сторон материальных обстоятельств. Шилейко действительно оказался в дружбе со временем[86]. В этом и заключена разгадка его бессмертия.

[86] О власти своего друга над временем пророчески написал в 1909 г. М. Л. Лозинский в посвященном ему стихотворении «Нерукотворный град»: «Из чаши золотой я лью кристалл времен, / И струи плещутся изменчивым алмазом» (*ПЛ*, 34, примеч. 1). В этом образе можно усмотреть намек на знак Зодиака, под которым родился В. К. Шилейко, — Водолей. Его средневековая символика — работа человека со временем, а на изображениях можно видеть бородатого великана, льющего воду из золотой чаши или из двух чаш.

Т. И. Шилейко, А. В. Шилейко

ОСНОВНЫЕ ДАТЫ ЖИЗНИ И ТВОРЧЕСТВА В. К. ШИЛЕЙКО

1891 2(14) февраля — родился в Петербурге (Петергофе).

Отец — поручик 91-го пехотного Двинского полка — Казимир Донатович Шилейко, римско-католического вероисповедания (1860—1911).

Мать — Анна Фоминична, урожд. Вельяминова-Рутская, евангел. лютеранского вероисповедания (1863—1936).

1894 10 июля — родилась сестра Мария. Есть упоминание о Марии в письме П. В. Ернштедта от 27.2.36 г. В то время она жила в Ташкенте, служила домработницей, прислала после уведомления П. В. Ернштедта для своей больной матери 25 р.

1899 9 ноября — родился брат Александр (больше никаких сведений о нем нет).

1901 Поступление в Петергофскую гимназию Александра II. Начальное образование получил в евангелической приходской школе св. Петра в Петергофе.

1903 22 декабря — родилась сестра Антонина. Антонина упоминается в том же письме П. В. Ернштедта как больная и «выйдет из больницы не раньше, чем через 2 месяца». После смерти матери Антонина пишет Вере Константиновне Шилейко с просьбой прислать денег на похороны.

1909 Апрель — окончание гимназии: полный, 8-классный курс (золотая медаль).

Август — поступление в Императорский Санкт-Петербургский университет на факультет восточных языков.

1910 Живет на Васильевском острове, 8-я линия, 2, кв. 19 (свидетельство от 16.2.1910).

Начало занятий ассириологией (?).

1911 Март (?) — смерть отца.

31 июля — первое письмо от французского шумеролога Ф. М. Аллот де ла Фюи (ответы на ассириологические вопросы).

1912 Лето — проводит в Пскове.

Статьи «Вавилония» и «Гудеа» в Новом энциклопедическом словаре Брокгауза и Ефрона (т. IX, XV).

6 июля — письмо проф. Никольского с восторженным отзывом о работах молодого Владимира Казимировича.

13 июля — второе письмо от Ф. М. Аллот де ла Фюи (научные проблемы).

17 августа — третье письмо от Ф. М. Аллот де ла Фюи (научные проблемы); адрес: Псков, ул. Постникова, дом Красавина.

21 сентября — четвертое письмо от Ф. М. Аллот де ла Фюи; адрес: Санкт-Петербург, Тучкова наб., 12.

21 октября — пятое письмо от Ф. М. Аллот де ла Фюи.

С сентября по январь проживает по адресу: СПб., В. О. Филологический переулок, 3.

1913 Март — Псков (первое письмо Ф. Тюро-Данжена).

Сотрудник сверх штата по научной части в Эрмитаже.

Статья «Иероглифы» в Энциклопедическом словаре издательства «Деятель» (т. IX).

Статья «Тетраграмматон» в Еврейском энциклопедическом словаре (т. XIV).

Посвящение Вл. Каз. Шилейко стихотворения А. А. Ахматовой «Косноязычно славивший меня...».

Май — обращение к доктору А. Сердюкову по поводу туберкулезных язв зева. В сентябре доктором была выдана справка, где указывалось, что после лечения и отдыха в деревне признаков болезни не осталось.

9 июня — венчание с Софьей Александровной Краевской, дочерью отставного штабс-капитана.

Лето провел в Пскове.

24 июня — второе письмо Ф. Тюро-Данжена (сообщает о получении статьи для «Revue d'Assyriologie»); адрес: Псков, ул. Постникова, дом Красавина.

Сентябрь (1913?) — просьба декана факультета Восточных языков Петербургского университета — Н. Марра об оставлении В. К. Шилейко еще на один год на 2-м курсе университета.

«Она бледнее, чем вчера...», «Я думал, всё осталось...», «Ничего не просил у Бога...» («Гиперборей» № IX—X).

7 ноября — третье письмо Ф. Тюро-Данжена: СПб., В. О. 5-я линия, 10.

23 декабря — первая из трех открыток из Гейдельберга от Бецольда (нем.); адрес тот же.

14 декабря — четвертое письмо от Ф. Тюро-Данжена; адрес тот же.

1914 Февраль — уволен из университета; причина: невзнос платы за 1912—1913 гг. и пропуск занятий.

27 февраля — пятое письмо Ф. Тюро-Данжена; адрес тот же.

Пять статей на немецком и французском языках в журналах «Zeitschrift für Assyriologie», «Orientalistische Literaturzeitung» и «Revue d'Assyriologie».

13 марта — шестое письмо Ф. Тюро-Данжена; адрес тот же.

5 мая — открытка Марра с благодарностью «за обстоятельную заметку»; адрес тот же.

25 мая — вторая открытка из Гейдельберга от Бецольда (нем.); адрес тот же.

«На Васильевском славном острове...», «Живу томительно и трудно...», «Смущенно думаю о нем...» (опубликованы в 1917 г. в сб. «Тринадцать поэтов»).

7 июля — Шилейко забирает из университета увольнительное свидетельство.

14 июля — третья открытка из Гейдельберга от Бецольда; адрес тот же.

«Муза» («Аполлон», № 6, 7).

1915 Выход в свет книги «Вотивные надписи шумерийских правителей» (серебряная медаль Российского археологического общества — в 1916 г.).

Статья «Клинопись» в Энциклопедическом словаре Брокгауза и Ефрона (т. XXI).

«Глаза, не видя, смотрят вдаль...» («Северная звезда», № 9).

«Арабески» (три стихотворения), «Восьмистишия» (четыре стихотворения), «Томительно люблю цветы», «Уста любви истомлены» (Аполлон», № 10).

«Душа бездетна и убога...», с посвящением О. П. Снегиной («Северная звезда», № 13).

1916 «Господь мой! Видишь, как тебе...» («Северная звезда», № 1).

Три статьи: «Меновой контракт», «Купчая крепость на раба», «Вопрошение оракула» в «Сборнике в честь графини Уваровой».

«Лебедь», «Хозяин скуп, жнецы ленивы» — стихотворения, датированные 1916 г., но опубликованные в сборнике «Тринадцать поэтов» (1917).

«Лилии», «Юродивая» («Аполлон», № 3).

«С полуотравой мадригала», «Как небу летнему ликующие грозы» (стихотворения, датированные в архиве А. А. Ахматовой 1916 г.).

Проживает: СПб., Фонтанка, 34 (Шереметевский дом). Открытки из Москвы Н. Щербакова, датированные 20.9.1916—17.8.1917; по-видимому, примерно с этого времени и до начала военной службы в январе 1917 г. он работает репетитором у графа Шереметева.

«Над мраком смерти обоюдной» (1 ноября 1916 г.).

1917 С 13 января по 1 августа — военная служба, рядовой 172-го и 3-го пехотных запасных полков.

2 мая — открытка Б. Тураева с просьбой принять участие в заседании по обсуждению экспедиции в Ирак; адрес: СПб., Фонтанка, 34.

2 августа — письмо М. Лозинского с приветом Софии Александровне.

Статья «Две досаргоновские таблетки в Московском музее изящных искусств» в «Сборнике в честь профессора В. К. Мальмберга».

«Тысячелетний шаг вигилий» в сборнике «Тринадцать поэтов».

8 августа — открытка от Н. А. Невского из Японии (Токио) с приветом Софии Александровне; адрес: СПб., 4-я Рождественская, 10.

23 августа — письмо графини Уваровой из Евпатории с просьбой присутствовать на заседании в память проф. М. В. Никольского в Петрограде.

Живет с А. А. Ахматовой в Шереметевском доме (по свидетельству А. В. Любимовой (дневник); Любимов — ученый секретарь Музея изящных искусств).

1918 Август — командирован в Москву по делам Комиссариата народного просвещения вместе с А. А. Шилейко (3-й Зачатьевский, 3).

15 октября. Все еще живет на Фонтанке, 34.

Принят на штатную должность ассистента в Государственный Эрмитаж.

1 октября — избран членом Археологической комиссии на заседании Совета Российской государственной археологической комиссии (РГАК).

«Пора, пора, о чем жалеть?..», «Увял, увял цветущий мир...», «В простосердечии на воздухе целебном...» («Сирена», № 2—3).

Декабрь — регистрация брака с А. А. Ахматовой; увольняется из Эрмитажа.

1919 21 января — делегирован в Москву как член Комиссии по охране памятников (клинописных таблеток, хранящихся в Музее при Московском университете).

Введение к Гильгамешу (перевод Н. С. Гумилева).

«Над мраком смерти обоюдной», «Да, наша слава не былое...», «В ожесточенные годины...» («Сирена», № 4—5).

Утвержден в должности профессора Ленинградского археологического института; читал курсы: история Шумера и Аккада, история вавилонской литературы; практические занятия: чтение и объяснение ассирийских, вавилонских и шумерийских текстов (работал до 1922 г.).

Избран действительным членом Российской академии истории материальной культуры.

1920 Август — живет вместе с А. А. Ахматовой в Шереметевском доме.
Прописан: Мраморный дворец (Миллионная, 5, кв. 12) (ведомость зарплаты РГАК).
31 октября — отзыв А. А. Блока по поводу редактирования переводов драм Иммермана для «Всемирной литературы».

1921 «Фрагмент из Богазкёя в собрании Лихачева» и другие статьи (всего 5) в «Записках Восточного отделения Русского археологического общества» (т. XXV).
«Заметки по семитической эпиграфике» и «Документы из Гюльтепе» в «Известиях Российской академии истории материальной культуры» (т. I).

1922 Профессор Археологического отделения факультета общественных наук Ленинградского университета (работал по 1 июля 1929 г.), читал курсы: аккадский, шумерский и впервые в России — хеттский языки.
«Из поэзии Вавилона»: «Молитва», «Сошествие Иштар», а также «Родная старина» («Восток», № 1).
Май — избран заведующим разрядом археологии Древнего Востока ГАИМК.
Июль — избран членом правления ГАИМК.
Посвящение В. К. Шилейко стихотворений А. А. Ахматовой «Как мог ты, сильный и свободный...» и «Что ты бродишь неприкаянный...».

1924 «Из книги Edinna usagga», «Орел и змея» (из поэмы об Этане) («Восток», № 4).
«Таблетка с молитвой ночным богам в собрании Лихачева» в «Известиях РАИМК» (т. III).
Осень — знакомство с Верой Константиновной Андреевой в Ленинграде у Зографов (письмо Е. И. Андреевой в Париж).
Сентябрь — зачислен на должность заведующего подотделом Ассирии Отдела классического Востока ГМИИ; предоставлена комната в Москве по адресу: ул. Кропоткина (б. Пречистенка), 21 (4 квадрат. сажени).
Декабрь — живет в Москве (письмо А. А. Ахматовой в Ленинград от 16 декабря).

1925 Февраль — живет в Москве (письмо А. А. Ахматовой в Ленинград от 8 февраля).
«Богазкёйские фрагменты в собрании Лихачева» в «Известиях РАИМК» (т. IV).
Лето — живет под Москвой на даче в Суханове.
3 сентября — железнодорожный билет Москва—Расторгуево туда—обратно.
«Печать с легендой Артаксеркса» в: «Жизнь музея: Бюллетень ГМИИ» (№ 1).
С 5 по 15 сентября — присутствовал на праздновании 200-летия Академии наук в Ленинграде.
7 декабря — посещение Мансарды по поводу торжественного празднования 50-летия Бориса Пронина (приглашение — листок со штампом «Странствующий энтузиаст»).

1926 27 января — отъезд в Ленинград (письмо В. К. Андреевой).
Февраль — «Как путник при конце дороги» (в письме В. К. Андреевой от 19.2.26).
Апрель, после 20-го числа — отъезд в Москву (Кропоткинская, 21).
8 июня — развод с А. А. Ахматовой в Москве, Хамовнический районный суд.
19 июня — венчание с В. К. Андреевой
Лето — живет под Москвой в Расторгуево с Верой Константиновной.
«Печать из Ашнуннака» в «Памятниках ГМИИ» (вып. 5).
12 октября — уезжает из Москвы в Ленинград.
20 декабря — переизбран действительным членом ГАИМК и утвержден Советом Академии.
21 декабря — едет в Москву.

1927 Две статьи на немецком в «Докладах АН СССР».
22 января — отъезд из Москвы в Ленинград (Мраморный дворец).
30 апреля — приезд из Ленинграда в Москву (Зубовский бульвар, 15).
30 сентября — рождение сына Алеши.
5 октября — отъезд из Москвы в Ленинград (Мраморный дворец).

7 декабря — отъезд из Ленинграда в Москву (Зубовский бульвар, 15).

1928 «Ein babylonischer Weihtext in griechischer Schrift» в журнале «Archiv für Orientforschung» (Bd. V).
14 февраля — отъезд из Москвы в Ленинград (Мраморный дворец).
Апрель — приезд из Ленинграда в Москву (Зубовский бульвар, 15).
15 июля — письмо Ааге Шмидта из Дании.
8 октября — отъезд из Москвы в Ленинград (Мраморный дворец).
8 декабря — отъезд из Ленинграда в Москву (Зубовский бульвар, 15).

1929 19 февраля — отъезд из Москвы в Ленинград (Мраморный дворец).
Апрель — отъезд из Ленинграда в Москву (Зубовский бульвар, 15).
«Ein Omentext Sargons von Akkad und sein Nachklang bei römischen Dichtern» в журнале «Archiv für Orientforschung» (Bd. V).
«Колыбельная песенка из Ассура» в «Докладах АН СССР».
16 мая — письмо Гётце из Гейдельберга с фотографиями таблеток.
1 июля — отчислен от службы в Ленинградском университете с выдачей установленного выходного пособия.
12 ноября — отъезд в Ленинград по делам ГАИМК (Мраморный дворец).
3 или 4 декабря — возвращение в Москву (Зубовский бульвар, 15).
Декабрь — письмо Э. Вейднера из Берлина.

1930 6 февраля — письмо Ааге Шмидта из Дании.
Май — отъезд на дачу в Зубцов.
Июль — возвращение в Москву на работу в ГМИИ.
Сентябрь — обострение болезни.
5 октября — умер в Москве.

БИБЛИОГРАФИЯ В. К. ШИЛЕЙКО

I. ПРИЖИЗНЕННЫЕ ПУБЛИКАЦИИ

Прижизненные научные публикации

1. Вавилония // Новый энциклопедический словарь: Ф. А. Брокгауз и И. А. Ефрон. СПб., 1912. Т. IX. С. 186—217.
2. Иероглифы // Русская энциклопедия. СПб.: Русское книжное товарищество «Деятель», 1913. Т. IX. С. 154—157.
3. Тетраграмматон // Еврейская энциклопедия. СПб., 1913. Т. XIV. С. 831—834.
4. Гудеа // Новый энциклопедический словарь: Ф. А. Брокгауз и И. А. Ефрон. СПб., 1912. Т. XV. С. 227.
5. Das sechsseitige Tonprisma Lugalušumgals aus der Sammlung Lichatschew // Zeitschrift für Assyriologie. 1914. Bd. XXIX. S. 78—84.
6. Ein Brief Hammurabis aus der kaiserlichen Ermitage zu St. Petersburg // Orientalistische Literaturzeitung. 1914. Bd. XVII. Sp. 112.
7. Fragment einer sumerisch-assyrischen Liste von Steinnamen // Zeitschrift für Assyriologie. 1914. Bd. XXVIII. S. 291—294.
8. Notes présargoniques // Revue d'assyriologie. 1914. XI. P. 61—68.
9. Tête d'un Démon assyrien à l'Ermitage Imperial dè Saint Petersbourg // Ibid. P. 57—59.
10. Вотивные надписи шумерийских правителей. Клинописные тексты памятников Южной Месопотамии собрания Н. П. Лихачева. Пг., 1915.
11. Клинопись // Новый энциклопедический словарь: Ф. А. Брокгауз и И. А. Ефрон. СПб., 1915. Т. XXI. С. 893—895.
12. Из Лихачевского собрания: I. Меновой контракт (=Никольский № 300); II. Купчая крепость на раба (=Никольский № 17.); III. Во-

прошение оракула (=Никольский № 174) // Сборник в честь графини Уваровой. М., 1916. С. 284—290.
13. Ларса // Новый энциклопедический словарь: Ф. А. Брокгауз и И. А. Ефрон. СПб., 1915. Т. XXIV. С. 82.
14. Две досаргоновские таблетки в московском Музее изящных искусств // Сборник в честь проф. В. К. Мальмберга. М., 1917. С. 87—91.
15. Введение // Гильгамеш. Вавилонский эпос. Перевод Н. С. Гумилева. Пг.: Изд. Гржебина, 1919. С. 9—17.
16. Ассириологические заметки. I. Титулы SAL, NIN и SAL. ME LUGAL в документах XXVIII—XXIV веков; II. Надписи государей из дома Ур-Бау в русских собраниях: 1) Статуи Гудеи. 2) Надпись Наммахни. 3) Надпись Гудеа. 4) Цилиндр Ка-азага. 5) Надпись Ур-Гара; III. Неизданная надпись Дунги; IV Об одной ханаанской поговорке // Записки Восточного отделения Русского археологического общества. 1921. Т. XXV. С. 133—144.
17. Документы из Гюль-тепе // Известия Российской академии истории материальной культуры. 1921. Т. I. С. 356—364.
18. Заметки по семитической эпиграфике // Там же. С. 103—110.
19. Фрагмент из Богазкёя в собрании Лихачева // Записки Восточного отделения Русского археологического общества. 1921. Т. XXV. С. 77—82.
20. Из поэзии Вавилона: 1) Молитва. 2) Сошествие Иштар. Перевод и вступительные статьи // Восток. Журнал издательства «Всемирная литература». Пг., 1922. Кн. I. С. 7—14.
21. Родная старина // Там же. С. 80—81.
22. Из книги Edinna usagga // Там же. Пг., 1924. Кн. IV. С. 21—23.
23. Орел и змея // Там же. С. 24—27.
24. Таблетка с молитвой ночным богам в собрании Лихачева // Известия Российской академии истории материальной культуры. 1924. Т. III. С. 144—152.
25. Богазкёйские фрагменты в собрании Лихачева // Там же. 1925. Т. IV. С. 318—324.
26. Печать с легендой Артаксеркса // Жизнь Музея: Бюллетень Государственного музея изящных искусств. 1925. № 1. С. 17—19.
27. Печать из Ашнуннака // Памятники Государственного музея изящных искусств. 1926. Вып. V. С. 5—6.
28. Fragment eines astrologischen Kommentars // Доклады Академии наук СССР. М., 1927. С. 196—199.
29. Mes und die Sonne // Там же. С. 129—132.

30. Mondlaufsprognosen aus der Zeit der ersten babylonischen Dynastie // Там же. С. 125—128.
31. Ein babylonischer Weihtext in griechischer Schrift (mit I Tafel) // Archiv für Orientforschung. 1928. Bd. V. S. 11—13.
32. Ein Omentext Sargons von Akkad und sein Nachklang bei römischen Dichtern // Ibid. 1929. Bd. V. S. 214—218.
33. Колыбельная песенка из Ассура // Доклады Академии наук СССР. М., 1929. С. 14—15.

Прижизненные поэтические публикации

1. «Она бледнее, чем вчера...», «Я думал, всё осталось...», «Ничего не просил у Бога...» // Гиперборей. 1913. № IX—X.
2. «Муза» // Аполлон. 1914. № 6, 7.
3. «Глаза, не видя, смотрят вдаль...» // Северная звезда. 1915. № 9.
4. «Арабески» (три стихотворения), «Восьмистишия» (четыре стихотворения), «Томительно люблю цветы», «Уста любви истомлены» // Аполлон. 1915. № 10.
5. «Душа бездетна и убога...» — с посвящением О. П. Снегиной // Северная звезда. 1915. № 13.
6. «Господь мой! Видишь, как тебе» // Северная звезда. 1916. № 1.
7. «Лилии», «Юродивая» // Аполлон. 1916. № 3.
8. «На Васильевском славном острове...», «Живу томительно и трудно...», «Смущенно думаю о нем...», «Лебедь», «Хозяин скуп, жнецы ленивы...», «Тысячелетний шаг вигилий» // Тринадцать поэтов. Сб. стихов. Пг., 1917.
9. «Пора, пора, о чем жалеть?..», «Увял, увял цветущий мир...», «В простосердечии на воздухе целебном...» // Сирена. 1918. № 2—3.
10. «Над мраком смерти обоюдной...», «Да, наша слава не былое...», «В ожесточенные годины...» // Сирена. 1919. № 4—5.

II. ПОСМЕРТНЫЕ ПУБЛИКАЦИИ

Книги

1. Всходы вечности. Ассиро-вавилонская поэзия в переводах В. К. Шилейко / Сост. Вяч. Вс. Иванов, Т. И. Шилейко. М.: Книга, 1987.
2. *Шилейко В. К.* Через время. Стихи, переводы, мистерия / Сост. Т. И. Шилейко, Вяч. Вс. Иванов. М., 1994.

3. *Шилейко В. К.* Тысячелетний шаг вигилий. Стихи и переводы / Сост. А. Н. Шустов, Е. А. Кольчужкин. Томск: Водолей, 1994.
4. *Шилейко В.* Пометки на полях. Стихи / Сост. И. В. Платонова-Лозинская, А. Г. Мец, И. Г. Кравцова. СПб.: Издательство Ивана Лимбаха, 1999.
5. *Вольдемар-Георг-Анна-Мария Казимирович Шилейко.* Воспоминания. Письма. Стихи / Музей «Анна Ахматова. Серебряный век»; сост. В. А. Биличенко. СПб., 2001.
6. *Шилейко В.* Последняя любовь. Переписка с Анной Ахматовой и Верой Андреевой и другие материалы / Сост. А. В. Шилейко, Т. И. Шилейко. М.: Вагриус, 2003.

Публикации в сборниках

1. *Струве В. В.* История Древнего мира. М., 1937. С. 37, 124—125 (начало пролога к Эпосу о Гильгамеше).
2. *Воробьев-Десятовский В. С., Итс Р. Ф., Липин Л. А., Петровский Н. С.* Очерки истории Древнего Востока / Под ред. В. В. Струве. Л., 1956. С. 137 (начало пролога к Эпосу о Гильгамеше).
3. Библиотека всемирной литературы. Серия первая. Т. 1. Поэзия и проза Древнего Востока / Сост. И. М. Дьяконов. М.: Художественная литература, 1973. С. 220—224.
4. Я открою тебе сокровенное слово... Литература Вавилонии и Ассирии / Сост. И. М. Дьяконов. М.: Художественная литература, 1981. С. 92—97, 201—202, 213—214, 221—227.
5. *Гумилев Н. С.* Стихи. Поэмы. Тбилиси, 1988. С. 48—50 (воспоминания В. К. Шилейко о Гумилеве, записанные П. Н. Лукницким).
6. Памятники и люди / ГМИИ им. А. С. Пушкина. М., 2003. С. 82—108 (= № 15, 21, 29, 32 Прижизненных научных публикаций; подготовил Вяч. Вс. Иванов).
7. Н. Гумилев, А. Ахматова: по материалам историко-литературной коллекции П. Лукницкого. СПб., 2005. С. 91—101, 214—236, 287—299 (воспоминания В. К. Шилейко о Н. С. Гумилеве, переписка В. К. Шилейко с А. А. Ахматовой и П. Н. Лукницким — публикации Т. М. Двинятиной).

III. ЛИТЕРАТУРА О В. К. ШИЛЕЙКО

Статьи и тезисы

1. *Берлев О. Д., Грибов Р. А.* Египтология и ассириология в Ленинградском университете // Востоковедение в Ленинградском университете. Л., 1960. С. 167—168.
2. *Бузескул В. П.* Всеобщая история и ее представители в России. Л., 1929. Ч. 1. С. 118.
3. *Барановская Н. А.* Письмо М. В. Никольского к В. К. Шилейко // Петербургское востоковедение. 1997. № 9. С. 516—521.
4. *Гальперин Ю. М.* О поэтическом наследии В. К. Шилейко // Материалы XXVII научной студенческой конференции. Литературоведение. Лингвистика. Тарту, 1972. С. 76—77.
5. *Голубева О. Д.* Автографы заговорили. М., 1991. С. 216.
6. *Грибов Р. А.* Из истории русской ассириологии. В. К. Шилейко (1891—1930) // Очерки по истории Ленинградского университета. Л., 1968. Вып. 2. С. 94—99.
7. *Дьяконов И. М.* Изучение клинописи в СССР за 30 лет // Вестник древней истории. 1947. № 3. С. 43—44.
8. *Иванов Вяч. Вс.* Одетый одеждою крыльев // Всходы вечности. Ассиро-вавилонская поэзия в переводе В. К. Шилейко. М., 1987. С. 129—158. То же: *Шилейко В. К.* Через время. Стихи, переводы, мистерия. М., 1994. С. 5—18.
9. *Иванов Вяч. Вс.* В. К. Шилейко. Очерк творчества // Памятники и люди / ГМИИ им. А. С. Пушкина. М.: Восточная литература, 2003. С. 62—81.
10. История отечественного востоковедения с сер. XIX в. до 1917 г. М., 1997. С. 463, 465, 472.
11. *Крачковский И. Ю.* Избранные сочинения. М.; Л., 1958. Т. 5. С. 425, 435, 436.
12. *Мец А. Г., Кравцова И. Г.* Предисловие // Шилейко В. Пометки на полях. Стихи. СПб., 1999. С. 3—47.
13. *Милибанд С. М.* Шилейко Владимир Казимирович // Биобиблиографический словарь советских востоковедов. М.: Наука, 1977. С. 611.
14. *Парнис А. Е., Тименчик Р. Д.* Программы «Бродячей собаки» // Памятники культуры. Ежегодник 1983. М., 1985. С. 190, 221—222.
15. *Постовская Н. М.* Изучение древней истории Ближнего Востока в Советском Союзе. М., 1961. С. 54—58, 61, 66, 75.

16. Работы советских ученых по ассириологии и шумерологии. 1917—1983. Библиографический указатель. Л., 1984. С. 69—71.
17. *Рифтин А. П.* Шилейко Владимир Казимирович (некролог) // Сообщения ГАИМК. Л., 1931. С. 30.
18. *Рифтин А. П.* В. К. Шилейко. 2(14).II.1891—5.X.1930 // Сборник египтологического кружка при Ленинградском университете, 6. Л., 1930. С. 1—2 (некролог); С. 2—4 (список работ)[1].
19. *Тименчик Р. Д.* Автометаописание у Ахматовой // Russian Literature. Amsterdam, 1974—1975. N 10/11. P. 213—226.
20. *Тименчик Р. Д.* Анна Ахматова в 1960-е годы. М.; Торонто, 2005. С. 129, 132, 134, 156, 179—181, 206, 229, 230, 304, 426, 439, 466, 495, 535—536, 539, 592, 597—598, 662.
21. *Топоров В. Н.* Две главы из истории русской поэзии начала века: 1. В. А. Комаровский — 2. В. К. Шилейко: (К соотношению поэтики символизма и акмеизма) // Russian Literature. Amsterdam, 1979. Vol. 7. N 4. P. 249—326.
22. *Топоров В. Н.* Шилейко Владимир Казимирович // Краткая литературная энциклопедия. М., 1978. Т. 9. Стлб. 794.
23. *Цивьян Т. В.* Заметки к дешифровке «Поэмы без героя» // Труды по знаковым системам. Тарту, 1971. Вып. 5. С. 271.
24. *Шабунин А.* Любовь к солнцу Востока // Заря коммунизма. 1973. 13 сентября.
25. Шилейко Владимир Казимирович // Большая Советская Энциклопедия. М., 1932. Т. 62. Стлб. 389—390.
26. Шилейко Владимир Казимирович // Большая Советская Энциклопедия. М., 1957. Т. 48. С. 35.
27. Шилейко В. К. // Востоковедение в Петрограде: (1918—1922). Пг., 1923. С. 10, 12, 31.
28. Шилейко В. К. // Советская историческая энциклопедия. М., 1976. Т. 16. Стлб. 276—277.
29. *Шилейко Т. И.* Легенды, мифы и стихи... // Новый мир. 1986. № 4. С. 196—209.

[1] После списка работ следует список докладов, прочитанных В. К. Шилейко в Ленинграде с 1922 г.: 1. Развалины некоторых городов Месопотамии; 2. Из вавилонской литературы; 3. Псалм Иштар; 4. Значение муки в поэме о Гильгамеше; 5. Ласточка Иштар; 6. О культовом характере эламского рисунка; 7. Термины, означающие «солнце» и «день»; 8. Царский миф в Шумере; 9. Сузианские чаши первого периода; 10. Конкретное значение семитического 'el; 11. Печать Гим-Нинлиль в собрании Лихачева; 12. Печати Дария и Артаксеркса; 13. Голубка Иштар; 14. Аннеты Нины; 15. Мужья Иштар; 16. Государства Умма и Шургулла.

В. К. Шилейко в опубликованных документах и воспоминаниях современников

1. *Алексеев В. М.* Наука о Востоке. М., 1982. С. 250, 252, 421.
2. *Бабенчиков М. В.* «Счастливые дни золотой юности...» // Встречи с прошлым. Сборник материалов ЦГАЛИ. М., 1982. Вып. 4. С. 185—186.
3. *Будыко М. И.* Рассказы Ахматовой // Об Анне Ахматовой. Л., 1990. С. 492.
4. *Гинзбург Л. Я.* Записные книжки. Воспоминания. Эссе. СПб., 2002. С. 66.
5. *Жирмунский В. М.* Творчество Анны Ахматовой. М., 1973. С. 183.
6. *Иванов Г.* Магический опыт // Собр. соч.: В 3 т. М., 1994. Т. 3. С. 374—382.
7. *Колпакова Н. П.* Страницы дневника // Об Анне Ахматовой. Л., 1990. С. 124—126.
8. *Лукницкий П. Н.* Acumiana: Встречи с Анной Ахматовой. Т. I—II. Париж; М., 1991, 1997 (множественные упоминания).
9. *Маковский С.* Портреты современников. М., 2000. С. 451.
10. *Мандельштам Н. Я.* Вторая книга. М., 1990. С. 364—365.
11. *Одоевцева И. В.* На берегах Невы. М., 2005. Т. 1. С. 150, 390—391.
12. *Пяст Вл.* Встречи. М., 1929. С. 274.
13. *Срезневская В. С.* Из воспоминаний // Искусство Ленинграда. 1989. № 2. С. 55.
14. *Чуковская Л. К.* Записки об Анне Ахматовой. М., 1997. Т. 1 (1938—1941). С. 34, 46, 85, 88, 90, 137. 207, 211, 285, 295—296, 324, 366; Т. 2 (1952—1962). С. 77, 101, 146; Т. 3 (1963—1966). С. 20, 164.
15. *Чуковский К. И.* Дневник. 1901—1929. М., 1997. С. 138—139, 143, 188, 260, 269.
16. *Шервинский С. В.* Стихотворения. Воспоминания. Томск, 1997. С. 108—109.
17. *Шкловский В. Б.* Жили-были. М., 1966. С. 259.
18. *Шкловский В. Б.* Университет // Шкловский В. Б. Юрий Тынянов. Писатель и ученый. М., 1966. С. 51. (ЖЗЛ).

ПРИМЕЧАНИЯ

Рукопись под условным названием «Ассиро-вавилонский эпос» (второе название «Ассирийский эпос») была подготовлена профессором Петроградского университета В. К. Шилейко для издательства «Всемирная литература» в 1918—1920 гг. на основе переводов, выполненных им в 1914—1920 гг.; но судьба рукописи оказалась несчастливой, поскольку издательство вскоре перестало существовать. На протяжении 1920-х гг. В. К. Шилейко продолжал работать над рукописью, вводя в нее переводы только что опубликованных текстов (преимущественно религиозного характера). В 1931 г. папка с машинописным экземпляром рукописи была обнаружена в издательстве «Academia». В 1932 г. издательство заявило о скором выходе рукописи в свет[1], однако этого не произошло. С конца 1940-х гг. рукопись хранилась в семье Шилейко. В конце 2004 г. она была сдана в Отдел рукописей РНБ (Ф. 1467, оп. II, ед. хр. 5—43). Автографы не сохранились. Отдельные переводы из этой рукописи публиковались в сборниках «Поэзия и проза Древнего Востока» (Библиотека всемирной литературы. Т. 1. М., 1973), «Я открою тебе сокровенное слово...» (М., 1981; подготовил И. М. Дьяконов), «Всходы вечности» (М., 1987; подготовили Вяч. Вс. Иванов и Т. И. Шилейко) и «Через время» (М., 1994; подготовили Т. И. Шилейко и Вяч. Вс. Иванов), но многие тексты корпуса остались неизданными и здесь публикуются впервые.

Текст рукописи «Ассиро-вавилонский эпос» состоит из 503 нумерованных (нумерация некоторых частей по несколько раз менялась) и ненумерованных листов машинописи. По свидетельству П. Н. Лукницкого, все переведенные тексты переписывала с черновых автографов или записывала под диктовку переводчика А. А. Ахматова. Рукописный вариант корпуса был переведен в машинопись в конце 1920-х гг. неизвестным лицом (предположительно, в издательстве «Academia»). По свидетельству И. М. Дьяконова, отдельные листки рукописного текста сохранялись в семье Шилейко до конца 1930-х гг., после

[1] Издательство «Academia». Каталог изданий 1929—1933 гг. С приложением плана изданий 1933—1935 гг. М.; Л., 1932. С. 54.

чего были переведены в машинопись. Некоторые фрагменты рукописи вторично переводились в машинопись со старой машинописи в 1980-х гг. родственниками переводчика А. В. Шилейко и Т. И. Шилейко. Рукопись содержит правки разного времени, выполненные чернилами, карандашом и шариковой ручкой различных цветов.

Существовала и опись рукописи, сделанная в 1937 г. В ней каждый текст был помечен отдельным номером. К сожалению, о судьбе описи ничего не известно. Впрочем, на некоторых листах рукописи есть проставленные фиолетовыми чернилами цифры, возможно, означающие номер данного текста согласно описи.

Содержание рукописи не соответствует ее заглавию. Помимо эпических произведений, составляющих меньшую часть корпуса, в ее составе также есть предсказания (бóльшая часть рукописи), гимны, заклинания, молитвы, колыбельная песня, фрагменты плачей, погребальные песнопения, ритуальные тексты и царские надписи. В состав рукописи также входит средневековый мандейский текст. Возможно, что отказ издательств от ее публикации при жизни переводчика был обусловлен хаотическим состоянием самого предлагаемого текста, в котором все смешивалось со всем, где-то давался комментарий, а где-то он вовсе отсутствовал. Ниже дается таблица соответствий между страницами рукописи и современными публикациями ее фрагментов.

Стр. рукописи Номер текста	Название текста	Публикация	Стр. публикации
1—7 № 60	Конусы Урукагины		
8—10	Плач по Лагашу		
11—15 № 60 а	Надпись Лугаль-заггиси		
16—18 № 65	3 надписи Син-иддинама	*ЧВ*	69—70 (1-я надпись)
19—27 № 62	Сиппарская легенда		
8 с. + 1 титул. № 64	Династия Ур-нины (+ конусы B—C): 1. Ур-Нина. 2. Акургаль. 3. Эаннатум (I, II). 4. Энаннатум I (I, II). 5. Энметена	*ЧВ*	68—69 (Эаннатум)
1—22 № 46	Сон Гудеа (Цилиндр A)		

Продолжение

Стр. рукописи Номер текста	Название текста	Публикация	Стр. публикации
28—38	Гудеа. Статуя B		
1—4 (238—241)	Уту-Хегаль-Гутиу		
1—10	Династия Ларсы. 1. Кудур-мабук. 2. Арад-Син. 3. Рим-Син		
48—56 № 87	Шамашшумукин и Ашурбанипал (надписи)		
74—76 № 28	Песнь о Невинном Страдальце	*ЧВ*	72—74
77	Пословицы		
1—7 (68—74) № 25	Нинив		
1—4 (159—162)	Эа и Атрахасис		
1—4 (4—7) № 26	Нергал		
5—7 (27, 38, 39) № 27	Нергал и Эрешкигаль	*ВВ* *ТШВ*	29—33 40—42
4—9 (16—21)	Ирра		
56—60 № 43	Адапа	*ВВ* *ТШВ*	53—63 35—39
60—64 № 44	Зу		
64—65 № 44	Лугальбанда и Зу		
4—10 № 68	Этана		
42—46 № 41	Хождение (Сошествие) Иштар	*В* *СС* *ЧВ* *ТШВ*	1922, I, 7—14 92—97 92—96 50—56
47—48	Вознесение Иштар	*ВВ* *ТШВ*	47—50 57—60

Продолжение

Стр. рукописи Номер текста	Название текста	Публикация	Стр. публикации
49—55 № 42	Этана. Орел и змея	*B*	1924, IV, 24—27
12 № 73	Верхняя половина листа — разделение Тиамат из Энума элиш, нижняя — фрагмент гимна Идин-Дагана		
1—11 № 54	Покаянные псалмы	*BB* *ТШВ*	103—109 86—89 (фрагм.)
1—4	Миф о Зу Похищение Книги Судьбы	*BB* *ТШВ*	64—73 31—34
71—82 № 56	Заклинание Солнца	*БВЛ*	222—223 («Шамаш, когда ты восходишь...»), 223—224 («Скорбь, как воды речные...»)
		CC	224—226, 226—227
		ТШВ	82—83, 84—85
31—47 № 85	Заклятие жизни (манд.)		
1—5	Нинни и Думузи	*BB* *ТШВ*	19—29 43—46
1—3	Предсказания по рождениям	*BB* *ТШВ*	91—96 77—79 (фрагм.)
1	Молитва Нергалу	*BB* *ТШВ*	73—74 68
Ненум. № 59	Псалом Энлилю		
Ненум. № 58	Псалом Ададу		
1 № 73	Мардук	*BB* *ТШВ*	80 67

Продолжение

Стр. рукописи Номер текста	Название текста	Публикация	Стр. публикации
1—3 № 55	Песня Идин-Дагана, царя Исина	*ВВ* *ЧВ* *ТШВ*	75—80 70—71 (фрагм.) 65—66 (фрагм.)
43	Житель потемок...	*ДАН* 1929 *БВЛ* *СС* *ТШВ*	14—15 221 201—202 75
243—257	Шурпу		
1—41 № 81	Злые духи	*ВВ* *ТШВ*	81—90 (фрагм.) 70—74 (фрагм.)
Ненум. № 82	Молитвы Иштар о больном		
42—46 № 83	Литания Мардуку о болящем		
1—3 № 78—80	Из ритуала для прорицателей	*ВВ* *ТШВ*	97—102 80—81 (фрагм.)
1—50	Из ритуала «Злые болезни»; из «Ритуала для заклинателей»	*ЧВ*	77—89 (фрагм.); 97—101 (фрагм.)
1—28 № 75—77	«Злые болезни», табл. 11		
40—48	Маклу	*ЧВ*	75—76 (отрывок)
	Древневавилонские фрагменты поэмы о Гильгамеше: 1. Фрагм. Мейснера (1—3). 2. Фрагм. ДГ. 42. 3. Осада Урука. 4. Вариант VI табл. (1—9).	*ВВ* *ПЛ* *ТШВ*	34—44 (вариант VI табл.) 102—108 (вариант VI табл.) 61—64 (вар. IV (sic!) табл.)
11—25	Шурпу 2—5—6—7. Погребал. таблетки из Суз		

Продолжение

Стр. рукописи Номер текста	Название текста	Публикация	Стр. публикации
1—29, 1—39 № 84	Предсказания по рождениям		
1—6	Паломничество Гильгамеша (*ЦГАЛИ*)		
1—15	Адапа. Миф (пьеса) (*ИМЛИ*)		
1—17	Лугальбанда и Зу (мистерия) (*ИМЛИ*)	*ЧВ*	104—122

Рукопись имеет следующие особенности:

1. Отсутствует композиция книги.

2. Многие тексты переведены только фрагментарно, со значительным количеством пропусков (что объясняется отсутствием в то время полных изданий этих текстов).

3. Все тексты — как прозаические, так и ритмизованные — переведены как поэтические произведения.

4. Переводам некоторых текстов предпосылаются краткие вступления (до 2 с.).

При подготовке переводов автором были использованы следующие основные издания:

— Cuneiform Texts from Babylonian Tablets in the British Museum. T. XIII, XV, XVI—XVII, XXVII—XXVIII, XXX, XXXVIII—L (*CT*);

— *Dhorme P.* Choix de textes religieux assyro-babyloniens. Paris, 1907 (*CTRAB*);

— *Haupt P.* Das babylonische Nimrodepos. Leipzig, 1884—1891 (*Haupt*);

— *Jensen P.* Assyrisch-Babylonische Mythen und Epen (= Keilinschriftliche Bibliothek VI/1). Berlin, 1900 (*KB VI/1*);

— *Jensen P.* Kultische Texte (= Keilinschriftliche Bibliothek VI/2). Berlin, 1915 (*KB VI/2*);

— *Langdon S.* Sumerian and Babylonian Psalms. Paris, 1909 (*Psalms*);

— *Thureau-Dangin F.* Die Sumerischen und Akkadischen Königsinschriften. Leipzig, 1907 (*SAKI*).

Переводчик также пользовался информацией, содержавшейся в исследованиях:

— *Schrader E.* Die Keilinschriften und das Alte Testament. Berlin, 1903;

— *Ungnad A.* Die Religion der Babylonier und Assyrer. Jena, 1921 (*Ungnad, Religion*);

— *Weber O.* Die Literatur der Babylonier und Assyrer. Leipzig, 1907 (*Weber*).

В архиве Санкт-Петербургского филиала Института востоковедения РАН с конца 1940-х гг. хранилась машинописная копия нескольких частей рукописи, выполненная И. М. Дьяконовым. Атрибуция копии именно И. М. Дьяконову может быть доказана тем фактом, что все строки переведенных текстов разделены на полустишия пробелами (чего В. К. Шилейко никогда не делал, выделяя полустишия лесенкой). В состав текста (Архив востоковедов Института народов Азии АН СССР, раздел III, опись 1, № 42)[1] входят следующие переводы:

— «Атрахасис» + «Адапа» + комментарий (все во фрагментах). С. 1—4.

— Нергал и Эрешкигаль (2 экз.). С пометкой «Ассирийский эпос. Шилейко». С. 5—7.

— Эа и Атрахасис + фрагмент текста о Мардуке. С. 8—12.

— «...возбудительница Иштар, сводящая сонмы». Текст начинается со строки 38. С. 1—3. В основном тексте рукописи отсутствует.

— Ирра. С. 4—10.

— Нинив. С. 1—7.

— Заклинания против Ламашту. В основном тексте рукописи отсутствуют. С. 89—93.

— Фрагмент «Энума элиш» (V табл., создание небесной тверди). С. 12.

— Заклинание Солнца. С. 13—23.

— Песнь о Невинном Страдальце. С. 8—11.

— Нергал. С. 1—4.

— Нинни и Думузи. С. 31—41.

— Покаянные псалмы. С. 51—61.

— Песня Идин-Дагана. С. 67—69.

— Псалом Аддду. С. 82—85.

— Псалом Энлилю. С. 85—87.

— Фрагменты из вавилонского новогоднего ритуала вместе с молитвами Мардуку. В основном тексте рукописи отсутствуют. С. 94—102.

— Маклу. С. 95—104.

— Фрагменты различных текстов (множественная нумерация). В основной рукописи приведены более полные варианты их перевода.

[1] Составитель благодарит М. А. Дандамаева и В. А. Якобсона за обеспечение доступа к этому документу.

В настоящем издании тексты расположены по языку (шумерские и аккадские) и по хронологии. За основу рубрикации взяты немецкие и французские антологии 1910—1920-х гг., в которых тексты распределены по четырем основным рубрикам: исторические надписи, литературные тексты, магические тексты, записи ритуалов и предсказаний. В нашем издании тексты выделены в три рубрики: «Царские надписи», «Литературные тексты», «Религиозные тексты». Шумерские и шумероязычные тексты датируются серединой III—началом II тыс. до н. э. Аккадские тексты записаны во II—I тыс. до н. э., бóльшая их часть происходит из библиотеки Ашшурбанипала (VII в. до н. э.). Встречаются также шумеро-аккадские билингвы (в основном I тыс. до н. э.), что оговаривается особо.

Для каждого текста приводятся старое издание, по которому он переведен В. К. Шилейко, и новые издания, содержащие корректные современные переводы. Поскольку состав библиотеки В. К. Шилейко до настоящего времени неизвестен, в некоторых особо сложных случаях (например, когда имеется несколько старых изданий одного текста) указываются только предположительные источники перевода.

В переводах В. К. Шилейко встречаются ошибки (особенно в шумерской части корпуса), а зачастую и примеры поэтической фантазии переводчика. Указывать на такие ошибки в каждом случае не представляется возможным, иначе нужно было бы дать в примечаниях множество новых переводов. Поэтому наиболее спорные или интересные случаи интерпретации оговариваются отдельно, а современные переводы текстов и развернутые комментарии к ним читатель сможет найти в рекомендованных научных публикациях.

Особую проблему представляют устаревшие чтения имен собственных и топонимов. В случаях, когда исправление не влияет на ритмику стихотворного перевода, они заменяются на современные. Во всех других случаях оставляются устаревшие чтения, а современные оговариваются в примечаниях. Шумерские имена собственные приводятся в соответствии с современными чтениями, но без учета назализации (Утухегаль, а не Утухенгаль).

В тексте сохранены авторские обозначения: квадратными скобками отмечаются восстановленные слова, круглыми — предполагаемые слова. Замечания в круглых скобках между частями текста принадлежат составителю. Курсивом выделяются слова, не имеющие перевода, и слова, вставленные переводчиком по смыслу. Многоточиями и строчками отточий обозначаются поврежденные части текста, не имеющие вариантов восстановления.

ШУМЕРСКАЯ ЛИТЕРАТУРА

ЦАРСКИЕ НАДПИСИ

Большинство шумерских царских надписей переведено автором по *SAKI*. Современное издание: *Steible H.* Die Altsumerischen Bau- und Weihinschriften. Wiesbaden, 1982 (= FAOS 5).

НАДПИСИ УР-НАНШЕ, ЦАРЯ ЛАГАША

Посвятительные надписи XXV в. до н. э., выполненные линейным письмом.

Машинопись 1920-х гг.

Перевод по: *SAKI*, 4.

[1] В рукописи устаревшее чтение Ур-Нина.

[2] В рукописи «сын Гуршара».

[3] В рукописи устаревшее чтение Нина.

[4] Правильно «святилище Гирсу» ($eš_3$-Gir_2-su).

[5] Строка трудна для перевода. В подлиннике ^{d}Nin-gir_2-su-ra_3-da LAK 500 (= $erim_x$ (?))-ma-ni mu-dun «канал Нингирсупада, его... он прорыл» (Urn. 27, 3:2—4). Ср. перевод Х. Штайбля: «(Den Kanal) Ningirsupada, sein... hat er gegraben» (*GABW*, 92).

[6] Буквально «Абзу он построил». Абзу — подземный пресноводный океан, вместилище мудрости и тайного знания, жилище бога мудрости Энки. В переносном значении — бассейн храма, в котором хранилась освященная вода.

[7] Правильно «женский дом». Имеется в виду женская половина храма, где живет богиня.

[8] Так переведено шум. Ib-gal — название части храмового комплекса.

[9] Точное значение неизвестно. Возможно, место, где стояла эмблема храма.

[10] В рукописи «Багу» (устаревшее чтение). Багара — один из храмов Нингирсу.

[11] Шум. E_2-RA можно переводить и как «храм-башня» (зиккурат).

[12] В рукописи Уру-ниг (неверное чтение).

[13] Слово «роща» добавлено переводчиком. Тираш — один из храмов на территории Лагаша.

[14] Правильный перевод e_2 bi_2-ku_2 «храм съел» (Urn. 34, 3:10). Имеется в виду, что в день окончания строительства храм «насытился» жертвенной трапезой.

[15] Современный перевод фразы «Ладья Дильмуна из чужих стран древесные стволы доставляла» (Х. Штайбль; *GABW*, 228).

[16] После этого пропущены две строки: «Абзубанду построил».

[17] Правильно «могучую госпожу» ($nin\text{-}uru_{16}$).

НАДПИСЬ АКУРГАЛЯ, ЭНСИ ЛАГАША

Посвятительная надпись XXV в. до н. э.
Машинопись 1920-х гг.
Перевод по: *Sarzec E. de.* Découvertes en Chaldée, partie épigraphique, pl. LIV.

[1] В рукописи всюду устаревшее чтение «патеси».

НАДПИСИ ЭАННАТУМА, ЭНСИ ЛАГАША

Посвятительная надпись XXV в. до н. э.
Машинопись 1920-х гг.
Перевод по: *SAKI*, 20—21, 26. Надпись издана переводчиком в *ВНШП*, 3—5.

[1] Правильно $pu_2\text{-}sig_4\text{-}BAHAR_2$ (= REC 742)-га «колодец из обожженного кирпича» (Ean. 29, 3:3).

[2] В рукописи устаревшее чтение Дун-Ушбар.

[3] В рукописи устаревшее чтение Нинни.

[4] В рукописи неполное написание имени «Лугаль-уру». Лугальурукар — одно из имен Думузи.

[5] Вводная часть надписи: «Такому-то богу — имярек». Далее следует перечисление построек и праведных деяний.

[6] Перевод топонима Урукуг.

[7] В рукописи «Ану».

[8] В рукописи устаревшее чтение Ки-баббар. «Место Уту» — место суда и принесения клятвы в шумерских храмах.

[9] Правильный перевод шумерского составного глагола $sag\text{-}sig_3$ («голова — бить») — «бодать(ся)» (*GABW*, 289). Нужно переводить «горные страны забодал» (Ean. 2, 4:24).

[10] В рукописи устаревшее чтение Опис.

[11] Затем выпущены 2 строки «от Антасурры Нингирсу». Антасурра — приграничный район Лагаша.

[12] Далее выпущены 4 строки: «Эаннатум — его собственное имя. Его имятиднум — Лумма». Тиднум (диданум, дитану) — название западносемитского

племени. Речь идет о смене имени, данного во младенчестве, на тронное имя при восшествии Эаннатума на престол Лагаша. Выпустив эти строки, переводчик не смог понять, почему канал назван именем Лумма.

[13] Буквальный перевод «подобно Лумме хороший». Т. е. канал так же хорош, как и сам Лумма-Эаннатум. В рукописи неверное чтение Хумма-дим-дуг.

[14] Или «возлюбившая его всем сердцем».

[15] Здесь и далее слово nam-lugal должно пониматься и как «царство» (государство), и как «царственность» (субстанция власти).

[16] Имеется в виду, что к титулу энси Лагаша Инанна специально для Эаннатума прибавила титул лугаля (царя) Киша.

НАДПИСИ ЭНАННАТУМА I, ЭНСИ ЛАГАША

Посвятительные надписи XXV в. до н. э.
Машинопись 1920-х гг.
Перевод по: *SAKI*, 29—30.

[1] Удачный перевод ur-sag (обычно «герой, витязь»).

[2] Вольный перевод En. I, 18, 1:6—7. В подлиннике kur-gu$_2$-gar-gar-[^{d}Nin]-gir$_2$-su$_2$-[ka] «подчинивший Нингирсу (все) чужие страны».

[3] Буквально bur-sum-gaz «ступку (для) толчения лука». Лук здесь — огородное растение.

[4] То есть чтобы бог, довольный жертвой, оберегал жизнь дарителя.

[5] В подлиннике E$_2$-an-na kur-kur-ra mu-na-dirig-ga-a «Эанну над (всеми) странами вознес» (En. I, 10, 1:8—9).

[6] В подлиннике KIB mu-dim$_2$-dim$_2$ E$_2$-an-na-ke$_4$ mu-na-du$_{11}$ «глиняные гвозди изготовил и (о том, что эти гвозди предназначены для) Эанны, сказал» (En. 1, 10, 2:6—8).

НАДПИСЬ ЭНМЕТЕНЫ, ЭНСИ ЛАГАША

Историческая надпись XXIV в. до н. э.
Машинопись 1920-х гг.
Перевод по: *SAKI*, 36—40. Русский перевод: *ОНН*, 229—235.

[1] В рукописи устаревшее чтение Энтемена.

[2] В рукописи «богиня Кади». Имя Иштарана пишется знаками KA.DI.

[3] Правильно eš$_2$ GANA$_2$ bi$_2$-ra «поле веревкой измерил» (Ent. 28—29, 1:11).

[4] В подлиннике nam-inim-ma diri-diri-$še_3$ e-ak «чтобы слово нарушить, (так) сделал» (1:18).

[5] Правильный перевод идущих далее строк 42—46 см. у В. К. Афанасьевой (*ОНН*, 230): «Пограничный ров от Инун-канала к полю Гуэден, он его провел. Поле для Нингирсу, 210 с половиною эше длиною, в сторону Уммы он отрезал. Поле, царя не имеющее, установил». Далее по тексту.

[6] В рукописи устаревшее чтение «в Нинне-эше».

[7] Строки 97—130 поняты неверно. См.: *ОНН*, 232—233. Иль самовольно вторгся во владения Уммы и провозгласил себя энси Уммы. Кроме того, он высказал претензии на водные источники Лагаша. Но любимец богов Энметена не позволил ему овладеть пограничными рвами и отвести воду от Лагаша.

[8] Неверный перевод. Энметена одел камнем основание канала Инун в районе Намнундакигарра.

[9] Буквально «на место свое вернул».

[10] Буквально «пусть в его собственном городе его заколют!».

НАДПИСИ УРУКАГИНЫ, ЭНСИ ЛАГАША

Надписи XXIV в. до н. э.
Машинопись 1920-х гг. с правкой.
Перевод по: *SAKI*, 46—54, 56—58. Русский перевод: *ДШ*, 286—292.

[1] Имя этого царя может также читаться Ирикагина, Уруинимгина. Точное чтение неизвестно.

[2] Ukg. 4—5 (конусы B—C). Надпись законодательного характера.

[3] В рукописи «король».

[4] В рукописи «маллур».

[5] Словом «священник» Шилейко переводит названия различных жреческих должностей. Здесь «жрец-умаститель».

[6] Правильно «возделывали». Вероятно, описка переводчика.

[7] Современное чтение «2 уль» (по шестидесятиричной системе 120, по десятиричной нужно читать 2). В дальнейшем замена «ка» на «уль» не оговаривается.

[8] Перевод строк 30—95 неточен, выпущено несколько строк подлинника. См.: *ДШ*, 287—289.

[9] Правильно «судьбы прежних времен он (Урукагина. — *В. Е.*) установил».

[10] Выпущено несколько строк. В подлиннике: «Жителей Лагаша от подушной подати, меры положенной, насыпания зерна, воровства, убийства он избавил; освобождение установил. Чтобы бедняк (и) вдова сильному человеку не предавались, с богом Нингирсу Урукагина этот договор заключил».

[11] Ukg. 16 («Плач по Лагашу»). Предтеча шумерских плачей по городам.

[12] Правильно в единственном числе «человек Уммы». Имеется в виду захвативший предместья Лагаша уммийский царь Лугальзаггеси. Далее все глаголы нужно переводить в единственном числе.

[13] Устаревшее чтение. Правильно «Анзу-баббар». Чтение оставлено в целях сохранения ритмики перевода.

[14] Правильно «в гигуну». Gi-gu_3-na — храмовая терраса.

[15] По мнению переводчика, название поля Нингирсу. Так прочтено сочетание знаков PU_2.BA.NI.RU, которое Х. Штайбль читает pu_2-ba i_3-šub «((und) hat (die Statue?)) dort in den Brunnen geworfen» («(и) сбросил (статую) в колодец») (*Steible H.* Die Altsumerischen Bau- und Weihinschriften. S. 337). Обе интерпретации остаются спорными.

[16] Правильно šu in-ši-DU-a-am_6 e-ta-ku_5-ku_5 «руку, на него (Нингирсу. — *В. Е.*) поднятую, он ему отрежет!» (Ukg. 16, 8:3—4).

[17] В подлиннике nam-dag-bi gu_2-na he_2-il_2-il_2 «вину эту на шею его пусть возложит!» (Ukg. 16, 9:2—3).

НАДПИСЬ ЛУГАЛЬ-ЗАГГИСИ, ЦАРЯ УРУКА

Посвятительная надпись XXIV в. до н. э.
Машинопись 1920-х гг. с правкой.
Перевод по: *SAKI*, 152—156.

[1] Здесь «жрец-окропитель» (*ишиб.*).

[2] В подлиннике жреческий титул lu_2-mah (буквально «высокий человек»), не имеющий отношение к пророчествам.

[3] Современное чтение Бубу (bu_{11}-bu_{11}).

[4] В рукописи устаревшее чтение Нинабухаду.

НАДПИСЬ НА СТАТУЕ ГУДЕА, ЭНСИ ЛАГАША

Посвятительная надпись XXII в. до н. э., составленная с целью обеспечения постоянных загробных жертв к статуе правителя Гудеа.

Машинопись 1920-х гг. с правкой фиолетовыми чернилами.

Перевод по: *SAKI*, 66—74. Современное издание текстов Гудеа см.: *Edzard D. O.* Gudea and His Dynasty. Toronto, 1997. Русский перевод: *ДШ*, 292—300.

[1] Общепринятое название: Gudea, St. B.

[2] Буквально «который ME Нингирсу уменьшит». Имеется в виду уменьшение количества жертв статуе Гудеа. ME — многозначная религиозная катего-

рия, означающая «сила», «священный блеск», «потенция», «жертва», «предопределение», «ритуал».

[3] Буквально «приказы».

[4] Здесь эпитет к имени Гудеа: «Гудеа, драгоценное имя».

[5] Современное чтение Нанше. Ниндар — мужское божество. Чтения оставлены ради сохранения ритмики и аллитерации перевода (Нина — Ниндар).

[6] Ошибка переводчика: Нингишзида — мужское божество, личный бог Гудеа.

[7] Вольный перевод строк 55—59. В подлиннике изгоняются «нечистые, вызывающие страх своим видом... женщины в тягости». Речь идет прежде всего о внешнем уродстве или временной непривлекательности, что может нанести ущерб ритуалу освящения нового храма.

[8] То есть «храм Нингирсу, (по святости) подобный (храму Э-Абзу в) Эреду».

[9] Вольный перевод. В подлиннике «певчие арфу не приносили».

[10] В подлиннике: «Никто в пределах Лагаша подсудимого к месту клятвы не приводил, ни один кредитор в дом человека не входил».

[11] Так передано выражение ni_3-du_7 ра-e_3 «необходимое видимым сделать».

[12] Далее пропущено несколько строк. См.: *ДШ*, 295.

[13] Буквально «сияющими узорами».

[14] Далее пропущено несколько строк. См.: *ДШ*, 295.

[15] В рукописи Кагаллад.

[16] Или «мой дар — ради (моей) жизни».

[17] Правильно «О статуя! Хозяину моему расскажи...

[18] В подлиннике «семь дней зерно не мололи».

[19] В подлиннике «в моем городе нечистый спать не ложился». Имеется в виду удаление всех нечистых из города перед праздником освящения храма.

[20] После «чистый елей» заканчивается обращение Гудеа к статуе. Далее говорится: «Вот что в уста статуи он вложил».

[21] Пропущена одна строка: «Пусть стоит она в месте напоения водою!».

[22] Правильно «О статуя! Твой глаз — глаз Нингирсу!».

[23] Правильно «заявит, что его бог подобен моему хозяину Нингирсу».

[24] Правильно «кто праздник Нингирсу, моего хозяина, во дворе Энинну отменит».

[25] Правильно «Нанше, защитница обиженных».

[26] В рукописи «предводитель страны».

[27] Наоборот: Думузи-абзу — женское божество, а Нингишзида — мужское.

[28] Правильно «на мятеж его народа».

[29] Правильно «пусть будет голод в его правленье».

[30] Оригинальный перевод непонятного сочетания трех знаков.

СОН ГУДЕА

Надпись религиозного характера на глиняном цилиндре.

Машинопись 1920-х гг. с карандашными пометками.

Перевод по: *SAKI*, 88—122. Русский перевод избранных отрывков: *ОНН*, 235—242; *РДМ*, 73—84.

[1] Общепринятое название: Цилиндр А Гудеа.

[2] Буквально «Лагаш в великих ME голову к Небу поднял». То есть Лагаш обрел силу и независимость, стал особым городом.

[3] Первую часть nam конструкций (ра) nam-e_3, nam-gi_4, nam-de_6 Шилейко вслед за Тюро-Данженом (*SAKI*, 89) понимает как частицу отрицания nu- «не», в то время как остальные переводчики видят здесь показатель подтвердительного наклонения na- «воистину, действительно». Перевод Тюро-Данжена: «In meiner Stadt was sich gehört scheint nicht, das Flutwasser En-lils steigt nicht... Gutes Wasser bringt, wie die Tigris, das Flutwasser En-lils nicht» (*SAKI*, 89). Наиболее распространенный перевод: «В городе нашем все подобающее воистину явным стало. Сердце к берегу своему воистину вернулось... Сердце Энлиля — Тигр — пресную воду воистину принесло». Тогда получаются две разные интерпретации текста. Согласно Тюро-Данжену и Шилейко, Гудеа должен построить храм Нингирсу, чтобы вернуть в страну половодье. Такая интерпретация согласуется с обещанием Нингирсу оросить земли Лагаша после возведения храма (A XI, 10—17). Согласно современным прочтениям, Гудеа получает приказание Нингирсу сразу после прихода половодья, т. е. в первые дни календарной весны.

[4] Правильно «К храму хозяин его (т. е. Нингирсу. — *В. Е.*) обратился».

[5] Так переведено существительное me (см. примеч. 2 к «Надписи на статуе Гудеа, энси Лагаша» на с. 583—584).

[6] В подлиннике ensi-ku_3-zu-me-te-na-gu_{10} «Моя вещунья, по природе своей ясновидящая».

[7] В рукописи устаревший перевод «Нина, сестра Сирарашумты».

[8] Правильно «На барку свою он ногу поставил, в ее город Нигин по каналу И-Нина-гена барку направил».

[9] Правильно «О Нингирсу, говорящий великое в Абзу!».

[10] Правильно «То, что ты приказал, правой рукой (т. е. честно. — *В. Е.*) я для тебя исполню».

[11] Правильно «Путь пусть мне установит!».

[12] Точное чтение сочетания знаков NU.DU.ZU неизвестно. Шилейко понимает NU.DU как nu-ra_2 (аккад. *nūru* «свет»), а вместо ZU «знать» домысливает «лить». При точном следовании его чтению получилось бы «знающая свет в городе своем». Что это значит — непонятно.

[13] Правильно «Семя мое ты приняла. В святилище ты меня родила».

[14] В подлиннике iri-ni nigin$_6^{ki}$-še$_3$ ⟨ma$_2$ mu-ni-ri⟩ kar nigin$_6^{ki}$-na-ke$_4$ ma$_2$ bi$_2$-us$_2$ «К ее городу Нигин ладью он направил, на пристань Нигина ладью причалил».

[15] В рукописи устаревшее чтение Имгиг. Правильно «по крыльям своим — Анзу».

[16] В рукописи «святую подушку». Далее упоминается не глина, а священная форма для изготовления кирпичей.

[17] Пропущено несколько строк. Правильный перевод следующей строки: «Осел справа от моего государя землю копытом скребет».

[18] Правильно «как осел, для Энинну землю ты будешь копытом скрести». Имеется в виду, что Гудеа будет много и с большим энтузиазмом работать для построения храма Нингирсу.

[19] В переводе «Дракон Страны».

[20] a-gi$_4$-a «возвращающий воду» можно понять и как «возвращающий воду половодья, утраченную ранее». Из эпоса о Нингирсу (в Ниппуре — Нинурта) и Асаге мы знаем, что это божество возвращает на землю половодье, запертое в горах злодеем Асагом.

[21] Правильный перевод строк 228—230: «храм, хозяин которого зоркий глаз поднял, криком своим, подобно Анзу, Небо и Землю расколол».

[22] Дальнейший перевод содержит большое количество ошибок и некоторое количество пропусков строк. Следующая далее строительная терминология не поддается полной расшифровке. Читатель может обратиться к наиболее совершенному современному переводу текста на английский язык: *Black J. A., Cunningham G., Flückiger-Hawker E., Robson E., Zolyómi G.* The Electronic Text Corpus of Sumerian Literature (Oxford, 1998—) // http://www-etcsl.orient.ox.ac.uk. Строительная терминология текста анализируется в: *Suter C. E.* Gudea's Temple Building. The Representation of an Early Mesopotamian Ruler in Text and Image. Groningen, 2000.

[23] Здесь «фундамент, основание».

НАДПИСЬ УТУ-ХЕГАЛЯ, ЦАРЯ УРУКА

Литературный текст, имитирующий историческую надпись. Составлен в конце III тыс. до н. э.

Машинопись 1920-х гг. с правкой черными чернилами.

Перевод по: *Gadd C. J.* A Sumerian reading book. Oxford, 1924. P. 65—66. Современное издание: *Frayne D. R.* Sargonic and Gutian Periods (2334—2113). Toronto, 1993. P. 283—293. Русский перевод: *ДШ*, 348—351.

[1] Собирательное название кутиев.

[2] Правильно «на горло его наступил ногою».

НАДПИСИ СИН-ИДДИНАМА, ЦАРЯ ЛАРСЫ

Посвятительные надписи начала II тыс. до н. э.

Машинопись 1920-х гг. с правкой черными чернилами.

Надписи царей Старовавилонского периода переведены с учетом: *Pinches T. G.* Certain Inscriptions and Records Referring to Babylonia and Elam and their Rulers. London, 1894—1895. См. также: *SAKI*, 208, 212, 214, 216—220. Современное издание: *Frayne D. R.* Old Babylonian Period (2003—1595). Toronto, 1990.

Перевод по: *SAKI*, 208—210.

[1] В рукописи устаревшее чтение Син-идиннам.

[2] В подлиннике me giš-hur. Последний термин означает «план» (в религиозном контексте — «предначертание»).

[3] ni_3-nu-til_3-le-da «бесконечно, непрестанно» (у Тюро-Данжена «unaufhörlich»). Имеется в виду, что Син-иддинам беспрерывно отводил воду весеннего половодья в канал своего города для обеспечения ирригации посевов.

НАДПИСИ КУДУР-МАБУКА, «ОТЦА СТРАНЫ АМУРРУ»

Машинопись 1920-х гг. с правкой черными чернилами.

[1] В рукописи устаревшее чтение Не-уну-гал.

НАДПИСИ ВАРАД-СИНА, ЦАРЯ ЛАРСЫ

Машинопись 1920-х гг. с правкой черными чернилами.

Перевод по: *SAKI*, 212, 214. Изданы переводчиком в *ВНШП*, 20—22.

[1] В рукописи всюду устаревшее чтение Арад-Син.

[2] В подлиннике gi-$gunu_4$-ku_3 «священная терраса».

[3] В подлиннике E_2-u_2-nam-ti-la «Храм растения жизни».

НАДПИСИ РИМ-СИНА, ЦАРЯ ЛАРСЫ

Машинопись 1920-х гг. с правкой черными чернилами.

Перевод по: *SAKI*, 216—220. Изданы переводчиком в *ВНШП*, 23—24.

[1] В подлиннике ^{d}Na-na-a. По-видимому, надпись посвящена Нанайе.
[2] В подлиннике E_2-me-ur_4-ur_4 «Храм собрания ME».
[3] Домысел переводчика. Строка сильно разбита.

ЛИТЕРАТУРНЫЕ ТЕКСТЫ

«ВЫШЛА ОНА НА ПРОСТОР»
(ИЗ КНИГИ ЗАКЛИНАНИЙ ЭДИННА УСАГГА)
ПЕСНИ О НИННИ И ДУМУЗИ

Несколько фрагментов из цикла ежегодных плачей по Думузи. Тексты составлены в III тыс. до н. э., записаны в начале II тыс. Шумерские тексты и билингвы. В переводе несколько разных по форме и протяженности текстов склеены в один.

Машинопись 1920-х гг. с правкой черными чернилами.

Перевод устарел и имеет только литературное значение. Перевод по: *Zimmern H.* Sumerisch-babylonische Tamuzlieder. Leipzig, 1907. S. 201 ff.; *Psalms*, 300—341; см. также: *Ungnad, Religion*, 231—239.

[1] Данная формула всюду домыслена автором.
[2] В подлиннике $gudu_4$ «помазыватель» или «помазанник».
[3] В подлиннике me-sag-e na-u_3-tud, где me-sag — вариант написания gi_6 (MI)-sag «черноголовые». Переводчик понял me в составе этого слова как магическую силу. Правильный перевод: «(и) черноголовые не рождаются».
[4] В подлиннике zi-$ša_3$-gal_2 na-u_3-tud «живые существа не рождаются».
[5] Начало следующего плача.
[6] В подлиннике ^{d}Ka-di, что в равной мере можно прочесть и как имя Иштаран (что маловероятно), и как dingir-gu_3-silim «бог со сладостным голосом». Во всяком случае бог Кади или Касса (если читать Ka-sa_2) в месопотамской мифологии неизвестен.
[7] В указанном издании mu-gig-ge ni_2-tuk-ki a-ka, что С. Лэнгдон ошибочно переводит: «The amorous mother of the honoured one». При данной издателем транслитерации перевод был бы «черное имя почтенного...»; однако непонятно, как понимать ki после ni_2-tuku («почтенного земли»?) и что делать с формой a-ka. Шилейко понимает первое слово как опечатку dumu «сын, ребенок», а ni_2-tuk-ki прочитывает идеографически Dilmun (NI_2.TUKU) с постноминативом ki «место». В результате получается фраза dumu-gig-ge-Dilmun^{ki}-a-ka «черные дети (земли) Дильмуна». Это более удачная интерпретация строч-

ки, но непонятно, почему после Dilmun стоит не ожидаемое -na, а просто -a. Хотя при этом хорошо объясняется a-ka как форма генитива.

[8] Далее до конца текста домысел переводчика. В подлиннике «его отец...» (далее лакуна).

[9] Правильно Таммуза.

ПСАЛОМ ЭНЛИЛЮ

Фрагмент плача по затопленным городам. Этот жанр известен с конца III тыс. до н. э. Перевод с таблички селевкидского времени (конец I тыс.).

Машинопись 1920-х гг.

Перевод по: *CT* XV, 12—13; *Psalms*, 293—295. Современное издание: *Kutscher R.* Oh Angry Sea (a-ab-ba hu-luh-ha). The History of a Sumerian Congregational Lament. New Haven, 1975. P. 61—62. Современный русский перевод отрывков из этой серии см.: *ОНН*, 287—294.

[1] Так переводчик называет жанр er_2-šem-ma «плач (под аккомпанемент) флейты».

[2] В подлиннике umun-kur-kur-ra «владыка всех стран».

[3] В подлиннике a-a ka-na-ag_2-ga_2 «отец Страны».

[4] В подлиннике še-ib-e_2-kur-ra «над кирпичом Экура».

[5] В рукописи ошибочно «Кенура».

[6] Современное чтение Дулькуг (священный холм, один из приделов храма).

[7] Со слов «Свой осажденный город...» неверный перевод. В подлиннике «В твоем уничтоженном, затопленном городе...». Далее пропущено 14 строк.

[8] В подлиннике еще страшнее: «из пастей собачьих гениталии свешиваются, рассеянные руины огню преданы, места игрищ наполнены ветром» (строки 49—54).

ПСАЛОМ АДАДУ

Гимн шумерскому богу дождя и ветра Ишкуру, в котором отец Энлиль призывает его поскорее покинуть Ниппур. Записан в конце I тыс. до н. э., но составлен значительно ранее.

Машинопись 1920-х гг.

Перевод по: *CT* XV, 15; *Psalms*, 280—283.

[1] В подлиннике «брат-близнец Энки». «Крепкий козел» — неверное понимание maš-tab-ba «близнец», «царь океана» — домысел.

[2] В подлиннике u_4-gal-la u_5-a «оседлавший великие бури».

[3] «Устрояющий землю и творящий благое» — нелогичный домысел переводчика. Текст посвящен изгнанию Ишкура как несущего смерть разрушителя.

[4] Пропущена строчка «твое сияние ($me\text{-}lam_2$), подобно одежде, Страну покрывает».

[5] Имеется в виду, что Энлиль — отец небесных богов.

[6] В переводе данного текста словом «дух» обозначается u_4 «буря; демон бури».

[7] В подлиннике «подобно Плеядам».

[8] Имеются в виду молнии.

[9] Домысел переводчика. В тексте не говорится об уходе Ишкура в свой дом, а сказано только о его уходе из Ниппура.

[10] В подлиннике предположительно u_4-KA-gar-ra, что С. Лэнгдон переводит «the spirit of counsel». Прочитав KA как inim, можно понять данное сочетание слов как «буря рокочущая» (inim-gar = аккад. *ragāmu* «кричать, взывать»).

АККАДСКАЯ ЛИТЕРАТУРА

ЦАРСКИЕ НАДПИСИ

СИППАРСКАЯ ЛЕГЕНДА

Надпись на стеле исторического характера, IX в. до н. э. Неверно датирована переводчиком VIII в. до н. э.

Машинопись 1920-х гг. с карандашной правкой.

Перевод по: *CTRAB*, 382—397. Современное издание: *Rashid S. A.* Zur Sonnentafel von Sippar // Berliner Jahrbuch für Vor- und Frühgeschichte. Berlin, 1968. S. 297—309.

[1] Современное произношение «сутии» (потомки Шета, Сута) — шумерское именование семитов.

НАДПИСИ ШАМАШШУМУКИНА, ЦАРЯ ВАВИЛОНА

Посвятительные надписи VII в. до н. э.

Машинопись 1920-х гг. с правкой красным карандашом.

Перевод по: *Schrader E.* Sammlung von assyrischen und babylonischen Texten. Bd. I. Berlin, 1889. S. 194—207. См. также: *Lehmann C. F.* Samassumukin, König von Babylon. Leipzig, 1892.

НАДПИСИ АШШУРБАНИПАЛА, ЦАРЯ АССИРИИ

Посвятительная надпись и молитва VII в. до н. э.

Машинопись 1920-х гг. с правкой красным карандашом.

Перевод по: *Streck M.* Assurbanipal und die letzten assyrischen Könige bis zum Untergange Ninives. Leipzig, 1916.

ЛИТЕРАТУРНЫЕ ТЕКСТЫ

ХОЖДЕНИЕ ИШТАР

Ассирийский текст I тыс. до н. э.

Машинопись 1920-х гг. с пометой фиолетовыми чернилами.

Перевод по: *Rawlinson H. C.* Western Asia Inscriptions. IV. Pl. 31; Cuneiform Texts from Babylonian Tablets in the British Museum. XV. Pl. 45—48 (строки 1—24 также: *Delitzsch Fr.* Assyrishe Lesestücke); *KB* VI/1, 80—91; *CTRAB*, 326—341. Издан переводчиком в журнале «Восток» (Пг., 1922. Кн. I. С. 7—14; под загл. «Сошествие Иштар»). Современное издание в составе диссертации: *Sladek W. R.* Inanna's Descent to the Netherworld. Baltimore, 1974 (Ph. D). В публикуемой рукописи содержится один из ранних вариантов перевода, сделанный до публикации 1922 г. Комментарии В. К. Афанасьевой к переводу см.: «Когда Ану сотворил Небо...». Литература древней Месопотамии. М., 2000. С. 361—363.

Переводчик работал над текстом несколько лет. В архиве семьи Лозинских хранится чистовая рукопись перевода и два варианта корректуры для литературного журнала «Аполлон» (октябрь—декабрь 1917, №№ 8—10, с. 80—89). Публикация тогда не состоялась. В этом же архиве нашлось написанное для журнала предисловие к переводу (2 страницы рукописи), не вошедшее в текст верстки (редакция журнала заменила его собственным пересказом «Хождения Иштар»). Здесь впервые публикуются варианты отдельных строк перевода, предисловие и примечания к переводу. Составитель выражает благодарность И. В. Платоновой-Лозинской за разрешение на публикацию.

[Предисловие]

Ассирийский подлинник предлагаемой в переводе поэмы «Сошествие Иштар» сохранился в единственной редакции[1], исполненной ассирийскими учеными половины VII в. до Р. Х. для библиотеки царя Ашшур-бан-аплу (668—626).

[1] На основной таблетке К.152, дополняемой фрагментами К.7600 и К.7601. Издания: *Rawlinson H. C.* Western Asia Inscriptions. IV. Pl. 31; Cuneiform Texts from Babylonian Tablets etc. in the British Museum. XV. Pl. 45—48 (строки 1—24 также: *Delitzsch Fr.* Assyrische Lesestücke).

Подобно другим большим произведениям, известным по спискам этой эпохи, — эпосу Гильгамеша и эпосу «Когда вверху», — текст поэмы Иштар представляет компиляцию из более ранних вавилонских фрагментов, спаянных позднеассирийскими вставными строфами. Непоследовательность и недостаточная связность в течении рассказа, очевидная для современного читателя, являлась безразличной для компиляторов текста. Во-первых, поэма задевала цикл сказаний настолько общеизвестных, что непонятное нам для ассирийского читателя разумелось само собой; во-вторых, окончательной строительной единицей семитической поэзии является строфа; связанность строф вообще чужда семитическому вдохновению. Благодаря этой манере письма поэма Иштар сохранила нам в сущности два в корне различных мифа: хтонический миф о плодотворящем боге Таммузе, ежелетно умирающем на земле и уходящем в преисподнюю, куда за ним следует плодоносящая Иштар, и астральный миф об Иштар — утренней Венере, закрываемой преисподним богом Нергалом-Марсом. В этом последнем мифе Таммуз оплакивает богиню, оставаясь на земле, как Орфей, а Иштар играет роль Эвридики; обратно, хтоническая часть поэмы, параллельная Аппиановой редакции мифа Деметры-Коры, заключается (см. последние строфы поэмы!) плачем Иштар по оставшемся в преисподней боге.

Искусство поэмы также различно в различных ее частях. Основной единицей повсюду является попарно сочетаемый стих, распадающийся на два полустишия. Стопа полустишия состоит из любого количества неударяемых слогов, сгруппированных вокруг одного ударяемого. Таких стоп непременно две во второй половине каждого стиха и две или три в первой половине.

ПРИМЕЧАНИЯ

Erich Ebeling, Keilschrifttexte aus Assur religiösen Inhalts I, 1915, n° 1, издан фрагментарный дупликат таблетки K.162 (так! — *В. Е.*) в несколько иной редакции; книга еще не достигла России. Я мог использовать эту новую рецензию (A) поэмы по транскрипции S. Geller (Orientalistische Literaturzeitung XX, 1917, n° 2) лишь для нескольких отмеченных в переводе угловатыми скобками дополнений. Круглые скобки отмечают реконструкцию текста, полученную помимо рецензии A.

1b. Делич (Assyrische Lesestücke 1885 S. 110) различал ещё после *qaqqāri* два теперь исчезнувших знака, читавшихся им, очевидно под влиянием *bīti edê* 4a, как *i-di-[e]*. Я предположил бы в них начало (*qaqqāri*) *ra-pa-[aš-ti]* 'земли обширной' — намек на эвфемистическое обозначение Эреба Kigallu 'большая земля', ср. подобный же эвфемизм Kimahhu 'гроб'. Знаки *ra-pa*... на попорченной глине легко могут быть приняты за *i-di*.

2b. Ср. 3a. Выражение *uznā šakānu* ср. 96c.

3b. Я читаю *uzunša [ellūti]* — обычный эпитет *uznu*, см., например: Delitzsch, Assyrisches Handwörterbuch, S. 37b.

7—10. В подлиннике эти четыре стиха стоят в последовательности 7.9.8.10, с нарушением параллелизма обоих двустиший. Любопытно, что повторяющий стихи 4—10 Хождения Иштар пассаж фрагмента K.2589 (и его дупликат у P. Haupt, Das Babylonische Nimrodepos, I, S. 19, n° 6) поэмы о Гильгамеше дает новую последовательность 7.9.10.8, с параллельным двустишием 9—10, разбивающим стихи 7 и 8. A приводит стихи 9.8.10, выпуская 7-й стих. Дело обстоит так, как будто бы все три пассажа покоились на устной традиции.

17—20. Этими же, с небольшим вариантом, словами в поэме о Гильгамеше Иштар угрожает своему отцу Ану (K.231 кол. III + Sm. 401 + Sm. 2112), и те же слова, обращенные к нимфе Сабиту, влагаются в уста Гильгамеша: Rm. 621 (и дупликат у P. Haupt, Das Babylonische Nimrodepos, I, S. 65, n° 33).

42a—60a. *Umtaṣi* текста не имеет, конечно, ничего общего с корнем *maṣû*, на который ссылаются, вслед за Деличем (Assyr. Handw. S. 422a), почти все переводчики (последними — A. Ungnad, Altorientalische Texte Gressmann'a, S. 66 и H. Figulla, Memnon, VI, S. 190). Я могу объяснить себе эту формулу только как > *uwtaṣi* II, 2 от глагола *(w)aṣû* 'выходить'.

68b. Восстановление H. Figulla, l. c. S. 184.

70—73b. Стих 70b, не имеющийся в подлиннике, вставлен здесь как требуемый параллелизмом 70a. Стих 73b я дополняю: *ana [kali zumriša]*.

74—78. Ср. 86—89. Глагол *šahāṭu* значит только 'прыгать', см.: Meissner, Orientalistische Literaturzeitung, XI, Sp. 407; Thureau-Dangin, Huitième Campagne de Sargon, P. 4, note 5.

92a. В подлиннике: 'Ступай, Асушу-намир, к преисподней', etc. Ритм стиха заставляет видеть в обращении Асушу-намир глоссу, не сохраненную поэтому в переводе (о приемах глоссировки см. F. E. Peiser. Hosea 1914, passim; Orientalistische Literaturzeitung, XVII, Sp. 256 ff.). Это же относится и к 102a.

127b. Ср. K.231 кол. II, 2 + Sm. 2112.

129a. В подлиннике нет. В переводе вставлено как требуемое параллелизмом 129b; ср. 81a.

138b. etc. 'На нем' — проблематичный перевод *ittišu*.

Вл. Шилейко.

[1] Гипотеза переводчика о полугодовом пребывании Думузи-Таммуза в Преисподней блестяще подтвердилась после публикации С. Н. Крамером шумерской версии нисхождения Инанны в Подземный мир (см.: *ОНН*, 139—152). Однако в целом его идея о приурочивании встречи Таммуза к празднику 25 марта (день всех усопших), равно как и его реконструкция прамифа Инанны, нуждается в тщательном исследовании и проверке. В пользу весеннего времени свидетельствует серия песен «Эдинна усагга», в которых встреча Думузи

и всех умерших царей происходит именно в начале года (т. е. весной, в конце марта).

[2] К стране Преисподней.

[3] дочь Сина.

[4] дому мрака.

[5] которого гости (вариант: чьи гости).

[6] дороге, которой пути.

[7] во тьме.

[8] будто бы птицы.

[9] в (окружении врат) пролилась тишина.

[10] на двери и засове стелется пыль.

[11] стражу ворот изрекает слово.

[12] Привратник там!

[13] чтобы войти мне (вариант: пускай войду я).

[14] Если ты не откроешь ворот, не войти будет мне.

[15] изломаю я дверь (вариант: разобью я дверь).

[16] изломаю (вариант: разобью) порог.

[17] подыму.

[18] живущих пускай мертвецы пересилят (вариант: тогда над живыми воздвигнутся мёртвые).

[19] рот свой.

[20] Стой, госпожа моя, не порывайся.

[21] доложу.

[22] Вошёл.

[23] Сестра твоя это, Иштар, дочь Сина, стоит в воротах.

[24] блудница пышных садов выкликает дурное (вариант: Госпожа на великих пирах, возмутившая воды пред Эа).

[25] дуб.

[26] она закачалась.

[27] почернели уста.

[28] Что принесло её помыслы? (вариант: Что мне несёт её сердце, что мне стремит её чрево?).

[29] Эта! Что же, и я с нею воссяду (вариант: Эта вот там! Что-ли, и я с нею сяду).

[30] оставивших.

[31] по древним законам.

[32] да ликует лицу твоему.

[33] солнца с груди её.

[34] родильный.

[35] платье стыда.

[36] в лицо ей взъярилась.

[37] наступает.

[38] рот свой.

[39] изрекает слово.

[40] замкни её во дворце моём.

[41] сестру мою.

[42] на сестру Иштар.

[43] осёл не покрывает ослицы.

[44] жены при дороге не кроет супруг (вариант: на улице девушки не покрывает любовник).

[45] почивает супруг в своей постели, почивает жена в своей стороне (вариант: спит любовник на месте, девушка спит в стороне).

[46] нос повесил.

[47] дерюгу.

[48] прыщами покрылся (вариант: прыщами стал он покрыт).

[49] к земле.

[50] в мудрости сердца.

[51] Асушу-намира.

[52] ступай, к Преисподней склони свои взоры.

[53] семь врат ада отворятся перед тобою.

[54] Эрешкигаль увидит тебя и тебе да ликует (вариант: Эрешкигаль, увидав, тебе да ликует).

[55] заставь её клясться клятвой великих богов.

[56] к меху склони свой дух.

[57] мех пускай мне дадут, воды оттуда я выпью!

[58] волю поволил, какой бы не волить! (вариант: Пожелал ты желание, что не желают!).

[59] яма дай тебе воду (вариант: стоки городские питьё твоё будь!).

[60] местом.

[61] могил.

[62] сломи твою силу!

[63] Экальгина (вариант: Эгальгина) — жилище Ануннаков в Подземном мире. Ударяя в ворота Эгальгины, Намтар будит этих судей Подземного мира и заставляет их решать судьбу Иштар.

[64] доску.

[65] Анунна.

[66] возьми её от меня!

[67] если же выкупа тебе не отдаст она.

[68] снова возьмись за неё, за Таммуза, дружка её юности.

[69] полей.

[70] умасти.

[71] в платье веселья одень его.

[72] да разобьёт его сердце.
[73] девы весёлые да полонят (его) думы.
[74] (перед) Белили сокровища разложены.
[75] наполняют.
[76] оземь разбила.
[77] рассыпались.
[78] не мучь (вариант: не обижай).
[79] мне.
[80] про него.
[81] Мертвецы да восходят, фимиам да вдыхают!

ВОЗНЕСЕНИЕ ИШТАР

Ассирийский текст I тыс. до н. э. (табличка Селевкидского периода).

Машинописная копия 1980-х гг. с правкой черной шариковой ручкой.

Перевод по: *Thureau-Dangin F.* L'éxaltation d'Ištar // Revue d'assyriologie. 1914. XI. 141—158; см. также: *Ungnad, Religion*, 139—141.

[1] В этом позднем тексте Иштар является не дочерью Ану, а его любовницей и затем женой. Отцом же ее назван Син (как и в предыдущем тексте).
[2] В рукописи, должно быть, опечатка «модная».
[3] Имеются в виду три звездных пути и четыре сезона года, которые посвящены Ану (весна и осень), Эллилю (лето) и Эа (зима).

МИФ О ЗУ. ПОХИЩЕНИЕ КНИГИ СУДЬБЫ

Фрагмент вавилонского эпоса о Нинурте и Анзу (ассирийская версия I тыс. до н. э.).

Машинопись 1920-х гг. с правкой карандашом и синими чернилами. Машинописная копия 1980-х гг. с правкой черной шариковой ручкой.

Перевод по: *KB VI/1*, 47—54. Современное издание: *Annus A.* The Standard Babylonian Epic of Anzu. Helsinki, 2001. Полный русский перевод: Эпос о Нинурте и Анзу / Предисл., пер. и коммент. В. В. Емельянова // Вестник древней истории. 2004. № 4. С. 232—247.

[1] В рукописи «Таблица судеб».
[2] dur-an-ki «Пуповина Неба и Земли» — эпитет города Ниппура. Боги Дуранки — совет богов в Ниппуре.

ИЗ ПОЭМЫ ОБ ЭТАНЕ. ОРЕЛ И ЗМЕЯ

Фрагменты вавилонского эпоса (ассирийская версия I тыс. до н. э.).

Машинопись 1920-х гг. с правкой карандашом и пометой фиолетовыми чернилами; машинопись 1920-х гг. с правкой красным карандашом.

Перевод по: *KB* VI/1, 100—114. Издан переводчиком: Орел и змея // Восток. Журнал издательства «Всемирная литература». Пг., 1922. Кн. I. С. 24—27. Современное издание: *Novotny J. R.* The Standard Babylonian Etana Epic. Helsinki, 2001.

Текст воспроизводится по изданию («Орел и змея») и по рукописи — неопубликованные фрагменты.

[1] Происхождение мифа об Этане до сих пор не изучено.

АДАПА

Фрагменты вавилонского эпоса, середина II тыс. до н. э.

Машинопись 1920-х гг. с правкой карандашом и синими чернилами.

Перевод по: *KB* VI/1, 92—100. Современное издание: *Izre'el S.* Adapa and the South Wind. Winona Lake, Indiana, 2001. См. также комментарий к пьесе «Адапа».

[1] Гишзида — сокращенное имя Нингишзида. Исчезновение Таммуза и Нингишзиды свидетельствует о временном исчезновении плодородия с земли.

НЕРГАЛ И ЭРЕШКИГАЛЬ

Фрагменты вавилонского эпоса, известного с середины II тыс. до н. э.

Машинопись 1920-х гг. с правкой фиолетовыми чернилами.

Перевод по: *KB* VI/1, 74—79. Полный русский перевод: «Когда Ану сотворил Небо... Литература древней Месопотамии. М., 2000. С. 91—104.

[1] В современном переводе В. К. Афанасьевой имена этих демонов раскрываются как Молниеносный, Вихрь неистовый, Подстерегающий, Преследование, Вихрь-Ветер, Падучая, Судороги, Припадок, Дух Крыши, Жар, Лихорадка. Речь идет о болезнетворных демонах, несущих психические и нервные заболевания.

ПЕСНЬ О НЕВИННОМ СТРАДАЛЬЦЕ

Фрагменты вавилонского религиозно-этического текста, известного с начала II тыс. до н. э.

Машинопись 1920-х гг. с карандашными пометками.

Перевод по: *CTRAB*, 372—379. Классическое издание: *Lambert W. G.* Babylonian Wisdom Literature. Oxford, 1960. Переводы фрагментов различных версий см.: «Когда Ану сотворил Небо... Литература древней Месопотамии. М., 2000. С. 249—254.

[1] В подлиннике *этемму* — дух мертвеца. После этой неверно понятой строчки идет перечисление различных демонов, охвативших больного.

[2] В рукописи опечатка «бог их».

КОЛЫБЕЛЬНАЯ ПЕСЕНКА ИЗ АССУРА

Колыбельная песня из г. Ашшура (Ассирия, I тыс. до н. э.).

Автограф не обнаружен.

Перевод по табличке из собрания Государственного Эрмитажа. Издан переводчиком: Колыбельная песенка из Ассура // Доклады Академии наук СССР. М., 1929. С. 14—15. Текст публикуется по изданию.

[1] Правильно Кицир-Набу.

[2] То есть дитя.

[3] В публикации устаревшее чтение Силиглушар.

ПОГОВОРКИ

Машинопись 1920-х гг.

Перевод по: *CTRAB*, 398.

РЕЛИГИОЗНЫЕ ТЕКСТЫ

МОЛИТВА НЕРГАЛУ

Несколько молитв, обращенных к богу мертвых Нергалу. Записаны в Ассирии в I тыс. до н. э. Билингвы.

Машинопись 1920-х гг. с правкой фиолетовыми чернилами.

Перевод по: *King L. W.* Babylonian Magic and Sorcery. London, 1896. N 27. Современное издание: *Ebeling E.* Die Akkadische Gebetsserie «Handerhebung». Berlin, 1953. S. 113—114.

[1] В подлиннике *me-lik-ka šu-tur* «твой совет превосходен».

[2] В подлиннике *id-din-ka-ma* ^{d}Ellil *abu(-ka) ṣalmat qaqqadi ρu-hur napišti*^{ti} «дал тебе Эллиль, твой отец, черноголовых — собрание душ».

[3] В подлиннике *(w)ardu-ka* «я раб твой».

[4] Современное чтение Дулькуг.

[5] Нергал отождествляется здесь с Нинуртой и его подвигами.

ПОКАЯННЫЕ ПСАЛМЫ

Заклинания из серии «Утишение сердца божия». Билингвы I тыс. до н. э.

Машинопись 1920-х гг. с правкой карандашом и пометой фиолетовыми чернилами.

Перевод по: *Rawlinson H. C., Ρinches T. G. (ed.).* The Cuneiform Inscriptions of Western Asia. Vol. IV. Second Edition. London, 1891. Nr. 26, 27; *Langdon S.* Babylonian ρenitential ρsalms to which are added fragments of the epic of creation from Kish in the Weld Colection of the Ashmolean Museum. Ρaris, 1927. Ρ. 35—36 (с привлечением: *Weber*, 139—147; *Ungnad, Religion*, 228 ff.). Современное издание некоторых частей серии: *Lambert W. G.* Dingir.$ša_3$.dib.ba Incantations // Journal of Near Eastern Studies. 1974. N 33. Ρ. 267—321. Русский перевод некоторых из заклинаний этой серии см.: «Когда Ану сотворил Небо...». Литература древней Месопотамии. М., 2000. С. 286—290.

[1] В подлиннике нет указания на действующих лиц.

(«ДЛЯ ЧЕГО, СЛОВНО БАРКА...»)

Плач по умершей роженице, составленный от ее имени. Ассирия, I тыс. до н. э.

Автограф не сохранился.

Перевод частично устарел. Источник перевода: *Strong S. A.* On some oracles to Esarhaddon and Asurbanipal // Beiträge zur Assyriologie. 1891—1894. II. S. 633—635. Издан переводчиком: Родная старина // Восток. Журнал издательства «Всемирная литература». Пг., 1922. Кн. I. С. 81. Современное издание: *Reiner E.* Die Akkadische Literatur // Altorientalische Literaturen. Wiesbaden, 1978. Bd. I. S. 186—187. Публикуется по изданию.

ЗАКЛИНАНИЕ СОЛНЦА

Третья таблица ассирийской ритуальной серии Bīt rimki «Дом омовения» (I тыс. до н. э.).

Машинопись 1920-х гг.

Перевод по: *Fossey C.* La magie assyrienne. Paris, 1902. P. 438—440; *Schollmeyer A.* Sumerisch-babylonische Hymnen und Gebete an Šamaš. Paderborn, 1912. Nr. 1. Современное издание: *Borger R.* Das dritte «Haus» der Serie *bīt rimki* // Journal of Cuneiform Studies. 1967. 21. S. 1—17.

Комментарий см. в статье «В. К. Шилейко и его „Ассиро-вавилонский эпос"», с. 539—552.

[1] В рукописи ошибочно Гирра.

«ПОЧИЮТ КНЯЗЬЯ». МОЛИТВА ИЗ ВАРКИ

Старовавилонская вечерняя молитва о принятии жертвенного ягненка богами. Перевод по табличке селевкидского времени (III—II в. до н. э.) из собрания Государственного Эрмитажа.

Табличка и перевод опубликованы автором: Таблетка с молитвой ночным богам в собрании Лихачева // Известия Российской Академии истории материальной культуры. 1924. Т. III. С. 144—152. В конце публикации имеется дата: «Февраль 1921 г.». Современное издание текста: *Horowitz W.* Astral Tablets in The Hermitage, Saint Petersburg // Zeitschrift für Assyriologie. 2000. 90. S. 194—206.

Сам автор перевода определял жанр подобных текстов следующим образом: «Носившая особое название ikribu, „посвящение", молитва... произносилась над готовым для заклания животным. На ухо убитой жертве шепталось „вопрошение" (tamitu), и освобожденная душа ягненка уносилась вестницей к Шамашу и Ададу, объявлявшим свой оракул в печени животного. Это гадание могло сопровождаться чтением узоров, образуемых елеем, вылитым в чашу с водой... Вопрошение Шамаша и Адада совершалось рано поутру» (с. 145 указанной публикации).

Представляет интерес перевод молитвы утренним богам, помещенный Шилейко в прологе своего издания: «Шамаш, владыка суда! Адад, владыка прозрения! Я приношу вам, я посвящаю вам чистое чадо газели, сына газели, с голубыми глазами, с серою мордой, с цельным копытом, сына газели. Родила его мать в степи, степь простерла над ним свою добрую сень, степь взрастила его, словно отец, и поле — словно мать. Увидал его мощный Адад — и пролил дожди от краев земли; поднялась тогда зелень, стал богат урожай, взошел посев, довольст-

во скота. Щиплет он травы в степи, пьет он светлые воды ключа, он пылает и жаждет пастись в степи, он не знает... над собой. Отборного агнца я посвящаю вам, Шамаш и Адад, явитесь мне! В моей молитве, воздеянии моей длани, во всем, что я учреждаю, в приносимом гаданьи да объявится правда! — Посвящение чада газели» (с. 144; перевод по: Zimmern, Beiträge, N 100, 8—22; вариант этого перевода см. ниже в разделе «Из ритуала для прорицателей»).

Машинописная копия 1980-х гг. сохранила более ранний вариант работы над текстом и комментарием, чем публикация 1924 г. По-видимому, за три года ожидания публикации перевод текста неоднократно перерабатывался, а в комментарий вносились новые сведения.

[1] В публикации «уснули».

[2] В публикации «боги мира, богини мира».

[3] В астрологической энциклопедии «Энума Ану Эллиль» Син, Шамаш, Иштар и Адад воплощают четыре мировые стихии. Поэтому они названы здесь богами вселенной (гипотеза В. К. Шилейко: Таблетка с молитвой ночным богам в собрании Лихачева. С. 150).

[4] В публикации «не решают больше раздоров».

[5] В публикации «созидается ночь».

[6] В публикации «и просящий суда исполняется сном».

[7] В тексте рукописи эта строка отсутствует, она добавлена из публикации.

[8] В публикации Бильги (правильно Гибиль) — бог огня.

[9] В публикации Ирра (современное чтение Эрра).

[10] В публикации «Распятье» (поправка И. М. Дьяконова: «Крестовина»). В подлиннике Šitaddalu=Орион. Значение этого аккадского слова — «пораженный оружием».

[11] В подлиннике Mušhuššu «Змей Яростный».

[12] В подлиннике Kusarikku «Бизон» (звезда в созвездии Овна).

[13] В подлиннике Bašmu «Дракон».

[14] По мнению переводчика, «эти четыре пары призываются в молитве как вещательницы судеб четырех стран света» (Там же. С. 151): Аккада, Амурру, Элама и Субарту.

МАКЛУ

Ассирийская заговорная серия II—I тыс. до н. э.

Машинопись 1920-х гг. с правкой черными чернилами.

Перевод по: *Tallquist K.* Die assyrische Beschwörungsserie Maqlû. Leipzig, 1895. Современное издание: *Meier G.* Die assyrische Beschwörungssammlung Maqlû. Berlin, 1937. Современный русский перевод фрагментов серии см.: *РДМ*, 207—210.

[1] В подлиннике «демон бури». Слово *уму* в аккадском языке означает «день» и «буря».

[2] В рукописи ошибочно Гирра.

ШУРПУ

Ассирийская заговорная серия II—I тыс. до н. э.

Машинопись 1920-х гг. с правкой карандашом и черными чернилами.

Перевод по: *Zimmern H.* Beiträge zur Kenntnis der babylonischen Religion. 1. Leipzig, 1896. S. 1—51. Современное издание: *Reiner E.* Šurpu. A Collection of Sumerian and Akkadian Incantations. Graz, 1958. Современный русский перевод фрагментов серии см.: *Клочков И. С.* Духовная культура Вавилонии. М., 1983. С. 199—203; *РДМ*, 215—223.

[1] Начало строки в подлиннике разбито. Э. Райнер восстанавливает: «[Кто (на) равного себе] пальцем указал». Однако предложенный Шилейко вариант более логичен: нельзя указывать пальцем на изображение бога.

[2] В подлиннике «на *ламассу* указал он пальцем». *Ламассу* — дух-хранитель человека, к которому следует относиться почтительно.

[3] То есть вопрошает своего бога повсюду, в том числе в недостойных местах.

[4] В подлиннике *Урук супури* «Урук огражденный».

[5] Имеется в виду проклятие, порча.

ИЗ КНИГИ «ЗЛЫЕ ДУХИ»

Вавилоно-ассирийская заговорная серия, известная с начала II тыс. до н. э. Билингвы.

Машинопись 1920-х гг. с поздней редакторской правкой красной шариковой ручкой и карандашной пометкой. В переводах этой серии имя «Мардук» имеет ударение на последний слог.

Перевод по: *CT*, XVI. Издание транслитерации: *Campbell Thompson R.* Demons and Evil Spirits. London, 1903. Vol. I. P. 1—211. Современный русский перевод фрагментов серии см.: *Фоссе Ш.* Ассирийская магия. СПб., 2001. С. 212—271; *РДМ*, 201—207.

[1] Так переведено слово *галлу* (демон подземного мира).

[2] Так переведено слово *илу* (помимо богов, этим словом обозначаются в семитских языках умершие предки).

[3] Имеются в виду не демоны, а целители, посланные богом мудрости Эа.
[4] В подлиннике *рабицу* «укладывающий (на одре болезни)».
[5] Так в подлиннике.
[6] Вероятно, опечатка, «вихри».
[7] То есть Гирра.
[8] Тутовое дерево.

ИЗ КНИГИ «ЗЛЫЕ БОЛЕЗНИ»

Ассирийская заговорная серия II—I тыс. до н. э. Билингвы.
Машинопись 1920-х гг. с правкой черными чернилами.
Перевод по: *CT*, XVI—XVII. Издание транслитерации: *Campbell Thompson R.* Demons and Evil Spirits. London, 1903. Vol. II. P. 44—97. Современный русский перевод фрагментов серии см.: *Фоссе Ш.* Ассирийская магия. СПб., 2001. С. 212—271; *РДМ*, 201—207.

[1] Либо «дикий огурец».
[2] Непорочной.
[3] Душа (*напишту*) помещалась в области рта и в случае смерти выходила оттуда. Чтобы она не вышла, горло следовало перевязать.
[4] Остатки грязной воды на дне сосуда.
[5] В подлиннике *ардат лили* «дева-*лилу*».

МОЛИТВЫ ИШТАР О БОЛЬНОМ

Молитвы из ассирийской серии заклинаний I тыс. до н. э., обращенных к Иштар и Таммузу, таблица II. Ассирия. Перевод во многом устарел.
Машинопись 1920-х гг.
Перевод по: *Ebeling E.* Keilschrifttexte aus Assyrischen religiösen Inhalts. Leipzig, 1915. Nr. 57. Современное издание: *Farber W. Attī Ištar ša harmaša Dumuzi.* Beschwörungsrituale an Ištar und Dumuzi. Wiesbaden, 1974. S. 72—74.

[1] В подлиннике «создательница людей».
[2] В подлиннике «хранящая обряды, надзирающая за престолами».
[3] В современном издании *nindabê* «хлебные жертвы».
[4] В подлиннике *галлу*.
[5] В подлиннике «парня и девушку».
[6] В подлиннике «обходящая нивы» (*qarbāti*).

[7] Здесь всюду *harmu* «любовник».

[8] Сокращенное именование Хумбабы — демона-хранителя кедрового леса, побежденного Гильгамешем.

[9] То есть к изножью постели.

МОЛИТВЫ К МАРДУКУ

Вавилонские молитвы II—I тыс. до н. э.

Машинопись 1940-х гг. из собрания Санкт-Петербургского филиала Института востоковедения РАН.

Перевод по: *Hehn J.* Hymnen und Gebete an Marduk // Beiträge zur Assyriologie. 1906. V / 3. S. 279—400. Современное издание: *Ebeling E.* Die Akkadische Gebetsserie «Handerhebung». Berlin, 1953.

[1] В подлиннике «оживление мертвых». Вавилонская религия приписывала способность оживлять мертвых (*bulluṭu mīti*) богам врачевания Мардуку (аналог шумерского целителя Асарлухи) и Гуле.

[2] В подлиннике «Эа пусть пребывает в веселии!».

ИЗ РИТУАЛА ДЛЯ ЗАКЛИНАТЕЛЕЙ

ИЗ РИТУАЛА ДЛЯ ПРОРИЦАТЕЛЕЙ

Ассирийские ритуальные инструкции для жрецов I тыс. до н. э.

Машинопись 1920-х гг. с пометками карандашом и поздней правкой черной и синей шариковыми ручками.

Перевод по: *Zimmern H.* Beiträge zur Kenntnis der babylonischen Religion. Leipzig, 1896—1901. S. 96—121 (ритуал для прорицателя *бару*); S. 122—132 (ритуал для заклинателя *ашипу*). См. также: *Weber*, 184—188.

[1] Таблетка «Овцу заколи» является первой таблицей ритуала bīt rimki «Дом омовения».

[2] То есть Плеяды.

[3] Имеется в виду не храм Энлиля в Ниппуре, а «Дом Подземного мира». Эрешкигаль названа царицей Преисподней.

[4] То есть Гирра.

[5] То есть Шаккана.

ПРОРИЦАНИЯ

Серия ассирийских предсказаний Šumma ālu «Если город...» I тыс. до н. э. Машинопись 1920-х гг.

Перевод по: *CT*, XXXVIII—L; *Boissier A.* Choix de Textes relatifs à la Divinátion Assyro-Babylonienne. Bd. I. Genf, 1905. Современное издание: *Freedman S. M.* If a City Is Set on a Height. The Akkadian Omen Series Šumma Alu ina Mēlê Šakin. V. 1: Tablets 1—21. Philadelphia, 1998.

[1] В рукописи ошибочно Имби-Уры (ошибка машинистки).

ПРЕДСКАЗАНИЯ ПО РОЖДЕНИЯМ

Серия ассирийских предсказаний Šumma izbu «Если плод...» I тыс. до н. э. Машинопись 1920-х гг. с правкой красным карандашом.

Перевод по: *CT*, XXVII—XXVIII; *Dennefeld L.* Babylonisch-assyrische Geburtsomina. Leipzig, 1914. Современное издание: *Leichty E.* The omen series Šumma izbu. Locust Valley, 1970.

[1] Кошка (шум. *sa-a*).

[2] Имеется в виду свидетель этих родов.

[3] Сочетание знаков TI.IG.RI.AN переводчик читает как *zi-ik-ri* AN «подобие Ану». Современный издатель текста Э. Лихти прочел *tigrilu*, но вынужден был констатировать, что такого монстра нигде обнаружить не удалось (p. 39, fn. 82).

[4] То есть подбородка.

[5] То есть рта.

[6] В подлиннике птица-*huqu*.

[7] В рукописи *хупипу*. Неверное чтение знаков HU.PI (=wa).PI (=wa).

[8] В рукописи устаревшее чтение Эллит-Бау.

[9] То есть прогневается.

ПОГРЕБАЛЬНЫЕ ТАБЛЕТКИ ИЗ СУЗ

Эламский погребальный плач I тыс. до н. э. на аккадском языке. Машинопись 1920-х гг.

Перевод предположительно по изданию: *Scheil V.* Textes élamites-sémitiques, Mémoires de la Délégation en Perse. Paris, 1902—1913. Современное издание: *Bottéro J.* Les inscriptions cunéiformes funéraires // La mort, les morts dans les sociétés anciennes: Actes du Colloque sur l'idéologie funéraire. Cambridge, 1977. P. 373—406.

ДОПОЛНЕНИЯ

1. ЭПОС О ГИЛЬГАМЕШЕ

(СТАТЬИ И ФРАГМЕНТЫ)

ВВЕДЕНИЕ К ПЕРЕВОДУ Н. ГУМИЛЕВА

Опубликовано: *Гумилев Н. С.* Гильгамеш, вавилонский эпос. Пг.: Изд-во Гржебина, 1919. С. 9—17. Переиздано: *ПиЛ*, 85—89 (в переиздании содержатся ошибки).

[I] Правильно Атрахасис (аккад. «весьма премудрый»).

[II] Датировка устарела. Возможно, речь идет о списке богов из Шуруппака, в котором упоминаются два правителя Урука — Лугальбанда и Бильгамес (шумерское имя Гильгамеша). Он датируется концом XXVI в. до н. э., но ни о каких жертвах в этом списке не говорится.

[III] Вероятно, имеется в виду мотив глиптики, известный как «фриз сражающихся» (человек и дикарь одолевают зверя).

[IV] В современном чтении Аккад.

[V] В современном чтении кутии.

[VI] Современная датировка XXI—XX вв. до н. э.

[VII] Современная датировка XX—XVII вв. до н. э.

[VIII] Во второй половине XX в. были изданы средневавилонские фрагменты Эпоса на аккадском языке, а также фрагменты на хеттском, хурритском, эламском языках.

[IX] В современном чтении Энкиду.

[X] Сидури-шинкарка (так переводится аккад. *сабиту*) не была нимфой, а скорее может быть названа параллелью к сказочному образу Бабы Яги. Она живет на границе мира живых и мертвых (либо людей и богов) и выпытывает у путника, куда он идет.

[XI] Син-леке-уннинни был, скорее всего, не сочинителем Эпоса, а самым авторитетным из его составителей. Он упоминается в поздневавилонском списке знаменитых писцов. Время его жизни неизвестно.

ДРЕВНЕВАВИЛОНСКИЕ ФРАГМЕНТЫ ЭПОСА О ГИЛЬГАМЕШЕ

ВАРИАНТ VI ТАБЛИЦЫ

ФРАГМЕНТ МЕЙСНЕРА

Машинопись 1920-х гг. Машинописная копия 1980-х гг.

Перевод по: *Haupt*; *KB* VI/1, 116—272; *CTRAB*, 184—325. Современный русский перевод: Эпос о Гильгамеше / Пер. с аккадского и коммент. И. М. Дьяконова. М.; Л., 1961. (Серия «Литературные памятники»).

[I] Правильный перевод строк 132—137: «Чего моя мать не пекла — того я не ел. (Разве ел я) пищу стыда и позора, (разве) рогожа была мне укрытием в холод?». Метафора об одевании в терновник — несомненно из области христианских реминисценций.

[II] То есть, скорее всего, в паука.

[III] Гиш, Гиль — сокращенные написания имени Гильгамеш.

[IV] Одно из чтений имени Энкиду.

[V] Устаревшие чтения ассирийских имен Уршанаби и Утнапиштим.

ОСАДА УРУКА

Табличка из Куюнджика K.3200 (Ассирия, VII в. до н. э.), изданная П. Хауптом и Р. Кэмпбелл-Томпсоном в числе таблиц эпоса о Гильгамеше (*Thomspon R. C.* The Epic of Gilgamish. Oxford, 1930. Pl. 59).

Начало и конец таблички не сохранились. Происхождение и жанр текста не выяснены до сих пор. Сравнение с формулами шумерских плачей по городам позволяет прийти к выводу, что данный текст может быть аккадским переводом одного из таких плачей либо самостоятельным произведением, написанным по канону древнего шумерского плача.

Источник перевода — автография П. Хаупта: *Haupt P.* Das Babylonische Nimrodepos. I. Leipzig, 1884. S. 51, N 23. Переведена Шилейко вместе с другими фрагментами эпоса о Гильгамеше и входит в рукопись под названием «Древневавилонские фрагменты эпоса о Гильгамеше».

Машинопись 1920-х гг.

[1] В подлиннике *Урук супури* «огражденный Урук» (буквально «Урук Ограды»).

[2] В подлиннике *шеду* «дух-хранитель».

[3] В подлиннике «Три года враг осаждает Урук».

ПАЛОМНИЧЕСТВО ГИЛЬГАМЕША

Статья обнаружена в ЦГАЛИ (Ф. 629 «Academia», оп. I, д. 1714-А). Автограф, машинопись. Вверху справа карандашная пометка: «Пока не набирать. 15.VIII». Подпись неразборчива. Возможно, статья предназначалась для издательства «Всемирная литература». Архивная датировка: [1919—1920]. На первой странице внизу от руки вписаны источники: «B. Meissner, Ein altbabylonisches Fragment des Gilgamosepos в Mitteilungen der Vorderasiatischen Gesellschaft 1902, N 1, стр. 611; O. Weber, Die Literatur der Babylonier und Assyrer, 1907, с. 88—90; Dhorme, 298—303».

[1] Так в машинописи.

[2] Заметки не найдены.

2. МЕЛКИЕ ФРАГМЕНТЫ

НИНУРТА

Фрагмент гимна An-gim dim_2-ma «Подобно Ану созданный...», посвященного подвигам Нинурты. Ассирийская билингва I тыс. до н. э.

Машинопись 1920-х гг.

Перевод по: *CT*, XV, 42. Современное издание: *Cooper J. S.* The Return of Ninurta to Nippur. Rome, 1978. Полный русский перевод: *РДМ*, 259—268.

[1] В рукописи устаревшее чтение Нииб.

[2] Перевод этого шумерского текста делался по аккадскому подстрочнику. Об этом говорит написание имени Энлиля на аккадский манер — Эллиль. Перевод изобилует ошибками и неверными интерпретациями множества строк.

[3] Фантазия переводчика. Ср. то же в переводе «Заклинания Солнцу»: «прогоняет китов в глубину океана».

ЭА И АТРАХАСИС

Фрагмент вавилонского эпоса о потопе; известен с начала II тыс. до н. э.

Машинопись 1920-х гг. с правкой красным карандашом.

Перевод по: *KB VI/1*, 274—290. На полях справа от перевода в машинописи указаны дополнительные источники: «1) CT XIII, pl. 31; 2) Die Keilschrifttexte und das Alte Testament, 3 Auflage 1903, S. 520 ff.; H. Zimmern. Archiv für Religionswissenschaft II, S. 165 ff.; 3) CT XIII pl. (?) ид. перевод текста включен в настоящее издание».

Классическое издание: *Lambert W. G., Millard A. R.* Atra-hasis, the Babylonian story of the Flood. Oxford, 1969. Полный русский перевод см.: «Когда Ану сотворил Небо... Литература древней Месопотамии. М., 2000. С. 58—86.

ИРРА

Фрагмент вавилонского эпоса об Эрре; конец II тыс. до н. э.

Машинопись 1920-х гг.

Перевод по: *KB VI/1*, 56—73. Классическое издание: *Cagni L.* L'epopea di Erra. Roma, 1969. Полный русский перевод: «Когда Ану сотворил Небо... Литература древней Месопотамии. М., 2000. С. 112—136.

ЛУГАЛЬБАНДА И ЗУ

Фрагменты шумерского эпоса, известного с начала II тыс. до н. э.

Машинопись 1920-х гг. с правкой карандашом и синими чернилами.

Перевод по: *KB VI/1*, 54—56.

Классическое издание: *Wilcke C.* Das Lugalbandaepos. Wiesbaden, 1969. Полный русский перевод: *ОНН*, 192—203.

МАРДУК

Фрагмент гимна Мардуку; II—I тыс. до н. э.

Машинописная копия 1980-х гг.

Перевод по: *CTRAB*, 353. Современное издание: *Ebeling E.* Die Akkadische Gebetsserie «Handerhebung». Berlin, 1953. S. 65.

ПОБЕДА МАРДУКА НАД ТИАМАТ

Фрагмент таблицы V вавилонского эпоса «Энума элиш»; известен с середины II тыс. до н. э.

Машинопись 1920-х гг.

Перевод по: *CTRAB*, 56—64. Полный русский перевод эпоса: «Когда Ану сотворил Небо... Литература древней Месопотамии. М., 2000. С. 35—57.

ПЕСНЯ ИДИН-ДАГАНА, ЦАРЯ ИСИНА

Небольшой фрагмент гимна царя Исина Идин-Дагана богине Инанне по случаю их священного брака; начало II тыс. до н. э.

Машинопись 1920-х гг.

Источник перевода точно не установлен. Возможно, это первая транслитерация С. Лэнгдона (Journal of the Royal Asiatic Society. 1926. P. 15 ff.). Классическое издание: *Römer W. H. Ph., Hecker K., Kaiser O.* Lieder und Gebete. I. Gütersloh, 1989. S. 659—673. Полный русский перевод: *РДМ*, 268—277.

[1] То есть девятый поклон.

[2] Здесь и далее устаревшее чтение имени Инанна оставляется в целях сохранения ритмики перевода.

ЛИТАНИЯ МАРДУКУ О БОЛЯЩЕМ

Ошибочное название. Переведенный текст представляет собой вавилонский новогодний ритуал, записанный в V—IV вв. до н. э.

Машинопись 1920-х гг. и машинописная копия 1940-х гг. из собрания Санкт-Петербургского филиала Института востоковедения РАН.

Первое издание: *KB VI/2*, 32—36. Классическое издание: *Thureau-Dangin F.* Rituels accadiens. Paris, 1921. P. 127—154. Русский перевод большинства фрагментов: *РДМ*, 278—286.

МОЛИТВА К ИШТАР

Молитва к богине Иштар из серии «Утишение сердца божия» (см. примеч. к «Покаянным псалмам», с. 599). Ассирия, I тыс. до н. э.

Машинопись 1940-х гг. из собрания Санкт-Петербургского филиала Института востоковедения РАН. Начало текста не сохранилось.

ЗАКЛЯТИЕ ПРОТИВ ЛАМАШТУ

Заклятие Ламашту из заговорной серии «Злые духи» (см. примеч. на с. 602). Ассирия, I тыс. до н. э.

Машинопись 1940-х гг. из собрания Санкт-Петербургского филиала Института востоковедения РАН.

3. ПЬЕСЫ В. К. ШИЛЕЙКО

ЛУГАЛЬБАНДА И ЗУ
(Мистерия)

Пьеса написана для серии «Исторические картины» по заказу издательства «Всемирная литература». В дневнике П. Н. Лукницкого читаем: «В марте 1921 года АА встретилась с Николаем Степановичем в очереди КУБУ. Это тысячу раз записано. А стояла она вот почему: получила деньги за пьесу „Зу" (?) Шилейко, написанную для секции Исторических картин. Кажется, я передаю это верно. Но не уверен» (*Acumiana I*, 274—275). Правильно «Зу» (устаревшее чтение имени Анзу).

Машинопись пьесы обнаружена в ИМЛИ (архив издательства «Всемирная литература», 1920; Ф. А. Н. Тихонова, оп. 2, д. 578).

Пьеса представляет собой центон из вавилоно-ассирийских текстов, ранее представленных в корпусе переводов «Ассиро-вавилонский эпос». По содержанию она является смешением двух сюжетов: шумерского мифа о Лугальбанде и судьбоносной птице Анзу и аккадского эпоса о битве Нинурты со злодеем Анзу, укравшим Таблицу судеб Эллиля. Шумерский прототип аккадского эпоса (по первой строчке Lugale, условное название «Нинурта и Асаг») был, по-видимому, неизвестен автору. Герои пьесы соотносятся с другими литературно-мифологическими персонажами: так, Анзу ассоциируется с Хумбабой (злодей, обитающий в горах), а Лугальбанда — с Мардуком, Нинуртой и Гильгамешем (избранник богов, побеждающий злодея в горах и получающий власть в мире богов).

[1] Цитаты из гимнов и молитв Мардуку (см. в наст. изд.).
[2] Заговоры из серии «Злые духи» (см. в наст. изд.).
[3] В подлиннике возможен вариант «чистой».
[4] Монолог Анзу из аккадского эпоса «Нинурта и Анзу».
[5] Молитвы из ритуальной серии «Дом омовения».
[6] Текст эпоса «Нинурта и Анзу».
[7] Текст эпоса «Нинурта и Анзу».
[8] Молитва к Иштар (см. в наст. изд.).
[9] Формула «Эа—Мардук» из заклинаний (см. в наст. изд.).
[10] Вместо Нинурты в тексте пьесы фигурирует Лугальбанда. По-видимому, переводчик понимал шумерский эпос о Лугальбанде и Анзу как ритуальное путешествие в горы за Таблицей судеб. Отождествление Лугальбанды с Мардуком имеет произвольный характер.
[11] Измененный вопрос Гильгамеша к Утнапиштиму в XI таблице аккадского эпоса о Гильгамеше.
[12] Сирис — устаревшее чтение имени шумерской богини пива Нинкаси.

[13] Измененные формулы шумерского гимна «Подобно Ану созданный...» и аккадского эпоса «Нинурта и Анзу».

[14] Произвольное сопоставление Анзу с Хумбабой из аккадского эпоса о Гильгамеше.

[15] Начало V таблицы аккадского эпоса о Гильгамеше.

[16] Начало шумерского эпоса о Лугальбанде и птице Анзу. Далее следуют фрагменты этого текста, перемежающиеся поэтическими домыслами автора.

[17] Автор придумал сюжетный ход, действительно существующий в неизвестном ему шумерском тексте о коварстве Инанны, которая опоила Энки и обманом забрала у него ME. Кроме того, здесь использован мотив пожирания змеиных детей орлом с последующим опутыванием орла сетью Шамаша из поэмы об Этане (см. в наст. изд.).

[18] Фрагменты заговорной серии «Шурпу» (см. в наст. изд.).

[19] Измененная формула угрозы Иштар привратнику Нети из аккадской поэмы о нисхождении Иштар в подземный мир (см. в наст. изд.).

[20] Проклятие Аснамира богиней Эрешкигаль из «Хождения Иштар» и проклятие блудницы умирающим Энкиду из VII таблицы аккадского эпоса о Гильгамеше.

[21] Формулы заклятия злых духов из одноименной заговорной серии.

[22] Измененные формулы пролога к аккадскому эпосу о Гильгамеше.

[23] Переосмысление сцены избрания Мардука полководцем богов из III таблицы вавилонского эпоса о сотворении мира.

[24] Молитвы к Мардуку (см. в наст. изд.).

[25] Эпилог аккадского эпоса об Эрре (конец V таблицы).

АДАПА

Миф (Пьеса)

Рукопись и машинопись пьесы обнаружены в ИМЛИ (архив издательства «Всемирная литература», 1921; Ф. А. Н. Тихонова, оп. 2, д. 579 (машинопись), 580 (рукопись)).

Как и предыдущая, пьеса об Адапе также является центоном, однако с большими вкраплениями авторского домысла. Судя по предисловию к переводу мифа об Адапе, автор пьесы увязывал сюжет мифа с вавилонским текстом об Атрахасисе. По его мнению, Адапа был дарован людям как спаситель от потопа, вызванного порывами Южного ветра. В пьесе Адапа сопоставляется с Атрахасисом, Невинным Страдальцем и Гильгамешем.

[1] Далее в тексте — Утопленник.

[2] Авторский домысел. В конце фрагмента автор фантазирует по мотивам вавилонских заклинаний против непогребенных мертвецов.

[3] Описание бедствий из вавилонского мифа о потопе «Атрахасис».

[4] Начало вавилонского мифа об Адапе.

[5] Фрагмент из «Покаянных псалмов» (см. в наст. изд.).

[6] Фрагменты из «Песни о Невинном Страдальце» (см. в наст. изд.).

[7] Характеристика Гильгамеша в Прологе к аккадскому эпосу о Гильгамеше.

[8] Далее до конца текста — формулы вавилонского мифа об Адапе.

ИЕРЕМИЯ

Трагедия (План пьесы)

Рукопись и машинопись пьесы обнаружены в ИМЛИ (архив издательства «Всемирная литература», 1921; Ф. А. Н. Тихонова, оп. 2, д. 576 (машинопись в двух экземплярах с росписью автора на 1 экз.), 577 (рукопись)).

Фабула пьесы основана на тексте еврейской Библии (Иеремия, 39).

4. ЗАКЛЯТИЕ ЖИЗНИ

(МАНДЕЙСКИЙ ТЕКСТ)

Надпись заговорного характера на свинцовом сосуде, сделанная на мандейском языке. Датируется 400 г. н. э.

Перевод по: *Lidzbarski M.* Ein Mandäisches Amulett // Florilegium ou Recueil de Travaux d'Erudition Dédiés a M. Melchior de Vogüé. Paris, 1909. P. 349—373. Современное издание: *Yamauchi E. M.* Mandaean Incantation Texts. New Haven, Connecticut, 1967. P. 234—255. По мнению консультанта данного раздела М. В. Тарелко (Минск), перевод сделан не с мандейского оригинала, а с немецкого перевода М. Лидзбарски[1].

[1] Ошибка переводчика. В подлиннике: «Клянусь великой Маной». Мана — важнейшая религиозная категория мандеев. Возможно, она имеет индоевропейскую этимологию (иран. man, m'n «сознание, дух, сердце»). Словарь мандейского языка толкует ее как «spirit, soul, mind, intelligence» (*Drower E. S., Macuch R.* A Mandaic Dictionary. Oxford, 1963. P. 246—247).

[2] Нериг — мандейское имя Нергала, Кеван — мандейское искажение аккад. Кайаману, название планеты Сатурн, которой управляет Нергал.

[3] Дилбат — одно из имен планеты Венера у вавилонян.

[1] Составитель благодарит М. В. Тарелко за помощь при атрибуции мандейского текста.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

Бабенчиков — *Бабенчиков М. В.* «Счастливые дни золотой юности...» // Встречи с прошлым. Сборник материалов ЦГАЛИ. М., 1982. Вып. 4.

БВЛ — Библиотека всемирной литературы. Серия первая. Т. 1. Поэзия и проза Древнего Востока. М.: Художественная литература, 1973.

Брановская — *Брановская Н. А.* Письмо М. В. Никольского к В. К. Шилейко // Петербургское востоковедение. 1997. № 9.

В — Восток. Журнал издательства «Всемирная литература». 1922—1925.

ВВ — Всходы вечности. Ассиро-вавилонская поэзия в переводах В. К. Шилейко / Сост. Вяч. Вс. Иванов, Т. И. Шилейко. М.: Книга, 1987.

ВНШП — *Шилейко В. К.* Вотивные надписи шумерийских правителей. Клинописные тексты памятников Южной Месопотамии собрания Н. П. Лихачева. Пг., 1915.

ГАИМК — Государственная академия истории материальной культуры.

ГМИИ — Государственный музей изобразительных искусств им. А. С. Пушкина (Москва).

ДАН — Доклады Академии наук СССР.

ДШ — *Емельянов В. В.* Древний Шумер. Очерки культуры. СПб., 2001.

Жирмунский — *Жирмунский В. М.* Творчество Анны Ахматовой. М., 1973.

ЗВОРАО — Записки Восточного отделения Российского археологического общества.

ИМЛИ — Институт мировой литературы им. А. М. Горького РАН (Москва).

ОАА — Об Анне Ахматовой. Стихи, эссе, воспоминания, письма. Л., 1990.

ОНН — *Афанасьева В. К.* От начала начал. Антология шумерской поэзии. СПб., 1997.

ПЛ — *Шилейко В.* Последняя любовь. Переписка с Анной Ахматовой и Верой Андреевой и другие материалы / Сост. А. В. Шилейко, Т. И. Шилейко. М.: Вагриус, 2003.

ПиЛ — Памятники и люди / ГМИИ им. А. С. Пушкина. М.: Восточная литература, 2003.

ПП — *Шилейко В.* Пометки на полях. Стихи / Сост. И. В. Платонова-Лозинская, А. Г. Мец, И. Г Кравцова. СПб.: Издательство Ивана Лимбаха, 1999.

Пяст — *Пяст Вл.* Встречи. М., 1929.

РАИМК — Российская академия истории материальной культуры.

РДМ — *Емельянов В. В.* Ритуал в древней Месопотамии. СПб., 2003.

РНБ — Российская национальная библиотека (Санкт-Петербург). Отдел рукописей и редких книг.

РО ИРЛИ — Рукописный отдел Института русской литературы (Пушкинский Дом) РАН.

Срезневская — *Срезневская В. С.* Из воспоминаний // Искусство Ленинграда. 1989. № 2.

СС — Я открою тебе сокровенное слово... Литература Вавилонии и Ассирии / Сост. И. М. Дьяконов. М.: Художественная литература, 1981.

ТШВ — *Шилейко В. К.* Тысячелетний шаг вигилий. Стихи и переводы / Сост. А. Н. Шустов, Е. А. Кольчужкин. Томск: Водолей, 1994.

ЦГАЛИ — Центральный государственный архив литературы и искусства (Москва).

ЦГИА СПб. — Центральный государственный исторический архив (Санкт-Петербург).

ЧВ — *Шилейко В. К.* Через время. Стихи, переводы, мистерия / Сост. Т. И. Шилейко, Вяч. Вс. Иванов. М., 1994.

Шилейко — *Шилейко Т. И.* Легенды, мифы и стихи... // Новый мир. 1984. № 4.

Шкловский, ЖБ — *Шкловский В. Б.* Жили-были... М., 1966.
Шкловский, Тын. — *Шкловский В. Б.* Юрий Тынянов. Писатель и ученый. М., 1966. С. 48—72. (ЖЗЛ).
Acumiana — Лукницкий П. Н. Acumiana: Встречи с Анной Ахматовой. Т. I—II. Париж; М., 1991, 1997.
GABW — *Behrens H., Steible H.* Glossar zu den Altsumerischen Bau- und Weihinschriften. Weisbaden, 1983. (FAOS 6).

СПИСОК ИЛЛЮСТРАЦИЙ

Володя Шилейко. Нарва, фото 1893 г.
В. К. Шилейко (фрагмент фото семьи Шилейко на даче у Баньковских). Начало 1910-х гг.
В. К. Шилейко. Рисунок Н. Альтмана. 1910-е гг.
В. К. Шилейко. Фото середины 1910-х гг.
Фрагмент письма Ф. М. Аллотт де ла Фюи В. К. Шилейко от 13 июля 1912 г. Публикуется впервые.
Открытка Ф. Тюро-Данжена В. К. Шилейко от 13 марта 1914 г. Публикуется впервые.
Страница перевода «Хождения Иштар». Рукопись. Петербург, 1917 г. Из семейного архива Лозинских. Публикуется впервые.
В. К. Шилейко. Рисунки С. А. Краевской. 1917 г. Акварель.
Участники Первой Всероссийской конференции археологов. Третий справа в третьем ряду стоит В. К. Шилейко. Петроград, 6 августа 1919 г. Фото.
Рисунок В. К. Шилейко (шуточное обращение Тапа к М. Горькому). 1919 г. Фонд Музея Анны Ахматовой в Фонтанном доме (КП 12978). Публикуется впервые.
В. К. Шилейко. Рисунок Н. Нерадовского на заседании ГАИМК. 9 января 1922 г. Карандаш.
В. К. Шилейко. Рисунок на заседании ГАИМК. 22 июля 1922 г. Карандаш.
В. К. Шилейко и сенбернар Тапа. Рисунок М. В. Фармаковского. 1923 г. Карандаш.
А. А. Ахматова. Фото М. Наппельбаума. Петроград, 1921 г.
В. К. Шилейко. Фото 1927 г. (пропуск ГМИИ).
В. К. Шилейко и В. К. Андреева с сыном Алешей. Москва, 1928 г. Фото.

21 Зак. № 4345

Черновик одной из последних статей В. К. Шилейко. Москва, 1928 г. ОР РНБ. Публикуется впервые.

В. К. Шилейко с сыном Алешей. Москва, весна 1930 г. Фото.

Записка с планом будущих работ. Москва, 1930 г. ОР РНБ. Публикуется впервые.

А. В. Шилейко. Фото 1970-х гг.

Т. И. Шилейко в шумерском зале Лувра. Париж, 1980 г. Фото.

При оформлении издания использованы прорисовки цилиндрических печатей шумерского времени, сделанные В. К. Шилейко в 1920-х гг.

УКАЗАТЕЛЬ СОБСТВЕННЫХ ИМЕН И ГЕОГРАФИЧЕСКИХ НАЗВАНИЙ*

А — возможно, вавилонское божество, связанное с водой (точное значение неизвестно) 178, 201, 390

Абандухт 440, 445, 446, 450, 453

Абатур 452

Авдемелех 438, 439

Авель-Ханнар — легендарный автор эпоса об Этане 110

Агапкина Т. А. — фольклорист 552

Адад — семитское божество ветра, дождя и бури, см. Ишкур 52, 81, 108, 109, 117, 119, 142, 154, 182, 186—188, 248—251, 253, 257, 258, 261, 262, 378, 380, 381, 401, 405, 406, 423, 547, 589, 600, 601

Адапа — сын Эа, герой аккадского эпоса 119—125, 176, 353, 419, 424—428, 432—436, 457, 597, 612, 613

Адонис — сиро-финикийское божество умирающей и воскресающей природы 100

Айя — аккадская богиня, супруга Шамаша 88—90, 92, 249, 251, 253, 254, 256

Аккад (устар. Агаде) — семитский город на Евфрате, столица государства Саргонидов; впоследствии — название северных земель Месопотамии 58—60, 63, 64, 66—68, 84—86, 91—94, 167, 332, 341, 386, 529, 530, 606

Акургаль — сын Ур-Нанше, правитель Лагаша 7, 9, 12, 580

Акшак — семитский город в северной Месопотамии 10, 11

Александр II (1818—1881) — русский император (1855—1881) 471, 473, 475

Алексеев В. М. (1881—1951) — востоковед-китаист, академик АН СССР 473, 509

Аллах 532

* Указатель составлен Ю. Б. Гавриловой и В. В. Емельяновым. Ссылки на широко известные имена и географические названия (страны, города, поселения) даются без комментариев. Не комментируются также второстепенные имена собственные и неизвестные археологам топонимы.

Аллотт де ла Фюи М. Т. (1844—?) — французский шумеролог 479, 482, 485—487, 557, 617
Альтман Н. 617
Ама-гештинна — шумерская богиня, почитавшаяся в г. Лагаше 24, 25
Аман — горный массив в Киликии 95
Америка 509
Амнану — аморейское племя, жившее недалеко от г. Мари 91
Амурру — в текстах древней Месопотамии обозначение территорий и народов, обитающих к западу от Шумера 61, 62
Ан (Ану; аккад. Анум) — бог Неба, старейшина богов в шумеро-аккадской мифологии, хозяин г. Урука 25, 26, 28, 36, 44, 48, 64, 66—68, 85, 100, 106, 108—110, 117, 118, 121—125, 131, 134, 142, 143, 156—158, 166, 175, 180, 183, 186, 187, 226, 230, 237, 239, 248, 362—364, 373—375, 377, 382, 383, 388, 394, 395, 399, 401, 405—407, 415, 416, 420, 427, 428, 430, 432—435, 545, 552, 593, 596
Анания — иудейский пророк 437
Андерсен Г.-Х. (1805—1875) — датский писатель-сказочник 493
Андреев К. А. (1848—1921) — декан физико-математического факультета Московского императорского университета, профессор; отец В. К. Андреевой-Шилейко 519
Андреева-Шилейко В. К. (1888—1974) — искусствовед, специалист по искусству раннего Ренессанса; третья жена В. К. Шилейко 459, 460, 462, 463, 465, 466, 468, 471, 487, 504, 509—511, 515, 519, 520, 522, 527, 554, 556, 561, 562, 617
Андреева Е. И. — мать В. К. Андреевой-Шилейко 561
Анзу — мифологический львиноголовый орел, определяющий судьбы (в шумерский период) или крадущий Таблицу судеб у богов (со старовавилонского времени) 40, 41, 44—46, 48, 52, 53, 596, 611, 612
Анненский И. Ф. (1855—1909) — поэт 532
Анту — супруга Анума 106, 131, 156, 166, 238, 362
Анунит — месопотамская богиня 167
Ануннаки — братья Нинурты (в шумерский период), боги Подземного мира, судьи мертвых (со старовавилонского времени) 45, 49, 52, 58, 59, 104, 105, 133, 142, 145, 151, 153, 158, 182, 232, 351, 373, 374, 401, 403—405, 417, 420, 421, 424, 432
Анушаг 440, 446
Аншан — эламский город; горный район эламского государства 33
Аратта — древний город, расположенный в глубине Иранского нагорья или в Индии, соперник Урука 52
Артаксеркс 527
Аруа — город, часто осаждавшийся царями Месопотамии; местонахождение неизвестно 10
Асаг — мифологическое существо, созданное Аном в браке с Землей, соперник Нинурты 552
Асаллухи (Асарлухи; или Асари) — в шумерское время сын Энки, покровитель магии и медицины; в Вавилонии слился с Мардуком 131, 544, 604
Асарлухи — см. Асаллухи

Асархаддон (681—669) — ассирийский царь, завоеватель Египта 92, 94
Аснамир (или Ацушунамир) — аккадское божество, связанное со светом 99, 100, 104, 612
Ассирия 92, 94, 95, 466, 498, 545
Ассур — см. Ашшур (город)
Атрахасис (аккад. «весьма внимательный») — вавилонское имя праведника, спасшегося от потопа 119, 377, 379, 381, 458
Аттис — фригийское божество умирающей и воскресающей природы 100
Ахикам 439
Ахматова А. А. (1889—1966) — поэт, вторая жена В. К. Шилейко 469—471, 490—492, 494—509, 514, 516, 532, 557, 559—562, 571, 611, 617
Афанасьева В. К. — шумеролог, поэт-переводчик, искусствовед 582, 591, 597
Афродита — греческая богиня любви и красоты 100
Ашшур (бог) — верховный бог г. Ашшура, покровитель ассирийского народа 94
Ашшур (город) (Ассур) — первоначальная столица Ассирии 91, 97, 99, 131, 598
Ашшурбанипал (668—626) — ассирийский царь, завоеватель Элама и Аравии, основатель клинописной библиотеки в г. Ниневия 93—95, 99, 110, 354, 357, 516, 543, 578, 591

Бабенчиков М. В. — искусствовед 492
Баббар — одно из имен солнечного бога Уту 26, 27, 394
Баку 500
Баньковские 617
Балтрушайтис Ю. (1873—1944) — поэт 496
Бальмонт К. Д. (1867—1942) — поэт 535, 536, 538
Бар Хайе 445
Бар Хаураран 443, 444
Барме — область к востоку от Месопотамии 33
Басалла — область к западу от Месопотамии 33
Бау (или Баба, точное чтение неизвестно) 18, 36, 48, 50, 52, 377
Бахтин М. М. (1895—1975) — литературовед, философ 473, 526
Бел (семит. «господин») — в некоторых аккадоязычных текстах имя Энлиля или Мардука 107, 108, 117, 118, 133, 134, 156, 157, 161, 231, 239, 373, 374, 391—394, 453, 537
Белили — одно из имен шумерской богини-матери 100, 105, 144
Бель-упри — злой демон в вавилонской мифологии 126, 127
Белит-цери — дева-писец Подземного мира 156
Бендер Остап — главный герой романов И. Ильфа и Е. Петрова «Двенадцать стульев» и «Золотой теленок» 470
Бенну — злой демон в вавилонской мифологии 126, 127
Берлин 563
Бецольд К. (1859—1922) — востоковед-ассириолог (Германия) 558
Блаватский В. Д. — сотрудник ГМИИ 520

Блок А. А. (1880—1921) — поэт 509, 561
Богазкёй — город близ Анкары (Турция), на месте которого обнаружена столица Хеттского царства г. Хаттуса 531
Богомолов Н. А. — литературовед 468
Бодлер Ш. (1828—1867) — французский поэт 501
Бодуэн де Куртенэ И. А. (1845—1929) — лингвист, профессор Петербургского императорского университета 473, 476
Боргер Р. — востоковед-ассириолог (Германия) 546
Борсиппа — шумерский город, расположенный к юго-западу от Вавилона на правом берегу Евфрата 368, 392
Браганцева Е. М. — подруга А. А. Ахматовой 525
Будыко М. И. (1920—2001) — геофизик, академик РАН 487
Булгаков М. А. (1891—1940) — писатель 470
Булгаков 503
Бунене — в аккадской мифологии вестник Шамаша 88, 89, 91, 249, 251—254
Барановская Н. А. — исследователь жизни и творчества В. К. Шилейко 468

Вавилон — город в Южной Месопотамии, расположенный за 110 км к югу от Багдада; с XVIII в. до н. э. — столица объединенной Месопотамии 84—88, 90—92, 94—97, 142, 144, 154, 166, 230, 368, 383, 391—393, 418, 437, 466, 529, 545, 590
Вавилония — в современной науке название Южной Месопотамии после падения шумерских государств 498
Варад-Син — царь г. Ларсы (1834—1823 до н. э.) 61—65, 587
Варад-Эа 90
Варка — см. Урук
Варух — ученик пророка Иеремии 436, 437
Введенский А. И. (1856—1925) — философ-неокантианец, профессор Петербургского императорского университета 476
Вейднер Э. (1891—1976) — востоковед-ассириолог, профессор (Австрия) 478, 518, 563
Вельяминова-Рутская А. Ф. (1863—1936) — мать В. К. Шилейко 474, 556
Веселовский А. Н. (1838—1906) — литературовед, профессор Петербургского императорского университета, академик РАН 533
Волошин М. А. (1877—1932) — поэт 470

Гаваон 437
Гаврилова Ю. Б. 619
Гага — в вавилонской мифологии вестник богов 419—422
Гатумдуг — дочь Ана, одна из богинь г. Лагаша 6, 24, 36, 39, 46, 48
Галеви И. (1827—1917) — востоковед-семитолог 474
Гаспаров М. Л. (1935—2005) — филолог-классик, стиховед, переводчик, академик РАН 469, 548

Гейдельберг 558, 563
Гемария 436
Герамеил 436
Гётце А. (1897—1971) — востоковед-хеттолог (Германия) 510, 563
Гештинанна — шумерская богиня виноградной лозы, сестра Думузи 69—77, 391
Гибиль (правильное чтение: Гирра) — шумерский бог огня 243, 601
Гиль — см. Гильгамеш
Гильгамеш (Гиш, Гиль) — обожествленный пятый правитель г. Урука, герой шумерских и вавилонских эпических сказаний 56, 99, 100, 111, 353—360, 363—366, 369—372, 457, 458, 466, 493, 508, 510, 512—514, 532—534, 537, 593, 604, 606—608, 611—613
Гильгамос — Гильгамеш у Элиана 111
Гирра — см. Гибиль 109, 110, 167, 233, 243, 262, 541, 601, 603, 604
Гирсу — одно из крупных поселений на территории г. Лагаша 5, 9, 16, 19, 22, 25, 41, 45, 65
Гиш — см. Гильгамеш
Гишзида — см. Нингишзида
Гнедич Н. И. (1784—1833) — переводчик, поэт 470, 528, 553
Годомия 438, 439
Гомер — легендарный греческий поэт 528, 532, 534
Горький М. (1868—1936) — писатель, драматург 509, 617
Гофман В. В. (1884—1911) — поэт 548
Грекова Е. А. (1875—1937) — писательница, жена хирурга И. И. Грекова 493
Гржебин — издатель 514
Грибов Р. А. (1933—2001) — востоковед-ассириолог, доцент Ленинградского университета 468, 530
Губин — горная страна в районе Загроса 33
Гудеа (ум. 2123? до н. э.) — правитель II династии г. Лагаша 29—31, 33—36, 38—40, 42, 45—54, 528, 583—586
Гула — богиня врачевания 131, 173, 239, 604
Гумилев Н. С. (1886—1921) — поэт 469, 490, 494, 496, 497, 500—505, 507—509, 514, 516, 521, 532, 560, 611
Гуниду — дед Ур-Нанше 5, 6
Гурсар — отец Ур-Нанше 5
Гушкин-банда (или Кусибанда) — шумерское божество, покровитель златокузнецов 87

Даган — бог земледелия у семитских народов 383
Дайану — бог правосудия у семитских народов 166
Дамкина — супруга Эа 142, 144, 151, 176, 180, 214, 234, 238, 396, 401, 404, 419, 421, 424
Даму (аккад. «ребенок») — эпитет Думузи 131, 400
Дандамаев М. А. — востоковед-ассириолог, член-корреспондент РАН 577
Дания 563
Двинятина Т. М. — литературовед 469, 503, 507
Двуречье 466
Делаия 436
Делич Ф. (1850—1922) — востоковед-ассириолог (Германия) 592, 593

Деметра — греческая богиня земледелия 592
Дер — город на северо-востоке Месопотамии, на границе с Эламом 166
Дилбат — божество мандеев 396, 453
Дильмун (аккад. Тильмун) — современный о. Бахрейн 72, 580
Дириту — месопотамское божество 167
Дорм П. (Dhorme P.) — востоковед-ассириолог (Франция) 373, 517
Дрейер О. К. — директор издательства «Восточная литература» 466
Дубрум 57, 58
Дулькуг — «Священный холм», эпитет Эа 145, 232, 599
Думузи — бог весны, покровитель пастухов, супруг Инанны 74, 77, 532, 588, 593
Думузи-абзу — шумерское божество 8, 24, 37, 584
Дуниш — божество мандеев 453
Дур-Кургурри 59
Дьяконов И. М. (1915—1999) — востоковед-ассириолог, лингвист, переводчик 457, 459—465, 468, 471, 511—513, 515, 517, 539, 540, 547, 553, 571, 577

Евреинов Н. Н. (1879—1953) — драматург, режиссер 492
Еврипид (Эврипид) — древнегреческий драматург 532
Европа 490, 509
Евстифеева Р. А. — лингвист 469, 548
Евфрат 86, 160, 171, 196, 365, 366, 369, 394, 404
Египет 436, 437, 466, 494, 498, 523
Емельянов В. В. 468, 619
Ернштедт П. В. (1890—1966) — филолог-классик, коптовед, член-корреспондент АН СССР; друг В. К. Шилейко 510, 524, 527, 556

Женуйяк А. (Genouillac H.; 1881—1940) — востоковед-ассириолог (Франция) 482, 483
Живаго Ю. А. — главный герой романа Б. Л. Пастернака «Доктор Живаго» 470
Жирмунский В. М. (1891—1971) — филолог, академик АН СССР 505

Забалам — шумерское поселение в окрестностях г. Урука 16
Замятин Е. И. (1884—1937) — писатель 509
Зеленин Д. К. (1878—1954) — этнолог, член-корреспондент АН СССР 473
Зелинский Ф. Ф. (1859—1944) — филолог-классик, профессор Петербургского императорского университета 473
Зу — устар. чтение имени Анзу 107—110, 113, 115, 387, 388, 401—410, 413, 414, 459, 502, 537, 596, 609, 611
Зубцов 563
Зузу — царь Акшака 10

Иавар 442, 443
Иахве — см. Яхве
Иванов Вяч. Вс. (1929) — лингвист, историк культуры, академик РАН 468, 505, 515, 535
Иванов Г. (1894—1958) — поэт, мемуарист 494

Игалим — божество г. Лагаша 37, 47
Игиги — в вавилонской религии боги верхнего мира 151, 157, 166, 225, 230, 232, 234, 238, 385, 393, 401, 403, 404, 416, 420, 432, 435
Игихегаль — шумерское божество 201
Игишуб — месопотамское божество шумерского происхождения, см. Иштаран 76
Идибту — злой демон в вавилонской мифологии 126, 127
Идин-Даган — царь г. Исина (1974—1954 до н. э.) 388, 610
Иегудий 436, 437, 438
Иезекииль — иудейский пророк 438
Иерамеил 437
Иеремия (VI в. до н. э.) — иудейский пророк 436—439
Иерусалим 436—439
Иехония 438
Изида — супруга бога плодородия Осириса в египетской мифологии 100
Измайлов М. М. — учитель Петергофской классической гимназии 475
Илитабба 57
Иль — правитель г. Уммы, современник Энметены 16
Икби-дунки — месопотамское божество 166
Илабрат — вестник Анума 106, 122, 420, 427
Иммер(ия) 167
Иммерман К. (1796—1840) — немецкий писатель 509, 561
Инанна — шумерская богиня любовной и воинской страсти, хозяйка планеты Венера и г. Урука 8, 10, 13, 26, 56, 60, 63, 65—67, 354, 390, 581, 593, 610, 612
Иншушинак — эламское божество войны, смерти и Подземного мира, покровитель царской власти 167
Иокабар 440, 445
Иорабба 451
Иошамин 452
Иркалла — одно из имен Нергала 100
Ирра (или Эрра) — бог чумы и смерти, одна из ипостасей Нергала 382—387, 458, 459, 601, 609
Исин — город в Месопотамии, в начале II тыс. до н. э. один из политических центров Южного Двуречья 154, 458
Иуда 437
Ихал 438
Ишби-Эрра — основатель аморейской династии Исина (2017—1985 до н. э.) 274, 307
Ишкур — шумерское божество дождя и ветра 56, 57, 81—83, 589, 590
Ишмекараб — месопотамское божество семитского происхождения 351
Иштар — божество любви и войны у семитских народов, см. Инанна 69, 97, 99—107, 109, 117, 143, 154, 167, 170, 182, 186, 187, 224—226, 228, 239, 355—357, 359, 360, 362—365, 368, 376, 380, 383, 384, 396, 398, 400, 401, 406, 407, 457, 507, 592, 596, 601, 603, 610, 612
Иштаран — шумерское божество мирных договоров 13, 581
Ишуллану — в аккадской мифологии садовник, соблазнивший Иштар 361, 362
Ишум — привратник Подземного мира 184, 385—387

Ишхара — богиня любви и созидания, управительница созвездия Скорпион 167

Йензен П. — востоковед-ассириолог, религиовед (Германия) 517

Кади 72, 76, 581, 588
Казаллу — город в северной части Южной Месопотамии 62
Казанские 468
Кайаман — одно из аккадских имен планеты Сатурн 167
Каркар — город в Сирии 16
Каркел — ангел в религии мандеев 448
Карсавина Т. П. (1885—1976) — балерина 492
Каунас — город в Литве 474
Кахегаль — шумерское божество 201
Кацнельсон И. С. (1910—1981) — востоковед-египтолог, профессор Московского университета 460, 461
Кашшу-надин-ахи — царь II династии Приморья (1007—1005 до н. э.) 85
Кебар Зива 443
Кеван (манд.) — эпитет планеты Сатурн, см. Кайаман 453, 613
Керкук 527
Киан 28
Кибела — фригийская богиня любви и плодородия 100
Кимаш — область к востоку от Месопотамии 46
Кинунир — предместье г. Лагаша 37
Китту — вавилонское божество, олицетворяющее истину и справедливость в паре с Мишару 251—253
Кицир-Набу (VII в. до н. э.) — маг храма Эшара, составитель «Ассирийского учебника магов» и текстов заговорного характера 131, 598
Киш — семитский город на севере Южной Месопотамии; в первой половине III тыс. до н. э. соперник г. Урука 11, 13, 581
Ключевский В. О. (1841—1911) — историк, профессор Московского императорского университета, академик РАН 473
Кобринский А. А. — литературовед 469
Ковенская губерния 474
Ковно — ныне г. Каунас (Литва) 477
Козлова Н. В. — востоковед-ассириолог 469
Коковцов П. К. (1861—1942) — востоковед-семитолог, профессор Петербургского императорского университета, академик РАН 474, 476, 477, 522
Колпакова Н. П. — детский писатель 499
Кора — в греческой мифологии одно из имен Персефоны 100, 592
Кравцова И. Г. — литературовед 468, 491
Краевская С. А. — художник; первая жена В. К. Шилейко 489, 492, 617
Крайнева Н. И. — литературовед 469, 515
Крачковский И. Ю. (1883—1951) — востоковед-арабист, профессор Ленинградского университета, академик АН СССР 473, 476
Кремнев 503
Крым 496
Ку-Баба — царица IV династии Киша 336

Кудур-Мабук — отец Варад-Сина и Рим-Сина, имевший титул «отец страны Амурру» 61—64, 66, 67, 587
Кузмин М. А. (1872—1936) — поэт 492, 494, 502
Кукушкина Т. А. 509
Кулаб (Куллаб) — священный квартал г. Урука, место почитания Инанны и Думузи 56, 75, 78, 175
Куту — город в Южной Месопотамии 102
Кутушар — мать Нергала 134, 537
Кэмпбелл-Томпсон Р. (1876—1941) — востоковед-ассириолог (Великобритания) 607

Лабасу — одно из демонических существ в вавилонской религии 146—148, 174, 178, 179, 193, 204, 205, 219
Лаббу — демоническое существо, напоминающее льва 49, 376
Лагабаль (или Лагамаль) — эламское божество, царица Кисурры 351
Лагаш — шумерский город-государство близ канала И-нина-гена, отведенного от р. Тигр; включал до десятка больших и малых поселений 5—18, 21, 25, 29, 36, 38, 39, 41, 45, 48, 50, 52, 54, 65, 478, 579—583, 585
Лаз — касситская богиня 167
Ламашту — демон женского пола, несущий болезни роженицам и младенцам 146—148, 156, 172, 174, 176, 179, 193, 204, 205, 212, 219, 398, 400, 458, 610
Ларса — шумерский город на юге Месопотамии 27, 58—67, 80, 458, 545, 587
Лассёэ Й. (1924) — востоковед-ассириолог (Дания) 545
Латарак — одно из божеств Элама 167, 242
Лахаму — водное чудовище в мифологии вавилонян 51
Лахуратиль — западносемитское божество, тождественное Нинурте 167
Лемм О. Э. (1856—1918) — востоковед-египтолог, коптовед, член-корреспондент РАН 473
Ленинград 504, 515, 519, 521, 562, 563
Либу — злой демон в вавилонской мифологии 126
Ливан 95
Лидзбарски М. — востоковед-семитолог (Германия) 613
Лилу и Лилиту — демонические существа в шумерской и вавилонской мифологии, инкубы и суккубы 146, 174, 178, 179, 193, 219, 316, 326, 327
Лилиту — см. Лилу и Лилиту
Лихачев Н. П. (1862—1936) — предприниматель, коллекционер, член-корреспондент РАН 478, 479, 487, 491, 528, 531, 562
Лихти Э. — востоковед-ассириолог (США) 605
Лоза Ю. — автор-исполнитель песен 533
Лозинские 468, 591, 617
Лозинский М. Л. (1886—1955) — переводчик, поэт; друг В. К. Шилейко 469, 490, 496, 508, 509, 514, 526, 555, 559
Лозинская Т. Б. —жена М. Л. Лозинского 493
Лондон 525
Лопатино 520

Лоренцони Р. 476, 489
Лосев А. Ф. (1893—1988) — историк античной философии, культуролог, профессор Московского педагогического института им. В. И. Ленина 470, 526
Лосева В. М. (1898—1954) — астроном; жена А. Ф. Лосева 506
Лохвицкая М. (1869—1905) — поэт 549, 551
Лугаланда (XXIV в. до н. э.) — правитель г. Лагаша 483, 530
Лугаль-эдинна — один из шумерских эпитетов Нергала («Владыка степи») 167
Лугальбанда — обожествленный четвертый правитель г. Лагаша, герой шумерского эпоса 365, 387, 401, 407, 409—411, 413, 417, 516, 606, 609, 611, 612
Лугальгирра — одно из имен бога Луны Сина; по другим источникам — имя Нергала 241
Лугаль-дулькуга — в вавилонской мифологии одно из имен Эа 232
Лугаль-загтиси — см. Лугальзагтеси
Лугальзагтеси (Лугаль-загтиси) (XXIV в. до н. э.) — правитель г. Уммы, соперник Саргона в борьбе за власть в Южной Месопотамии 25, 26, 28, 482, 485, 583
Лугаль-кисальси (XXIV в. до н. э.) — последний царь II династии г. Урука 50
Лугалькурдуб — божество войны, подчиненное Нинурте 47
Лугальуру — см. Лугальурукар
Лугальурукар (Луальуру) — одно из имен Думузи 9, 24
Лукницкий П. Н. (1900—1973) — геолог, мемуарист; знакомый А. А. Ахматовой и В. К. Шилейко 488, 496, 499, 500, 501, 503, 504, 506—508, 516, 524, 532, 571, 611
Лумматур — сын Энаннатума I 13
Лурье А. С. (1893—1966) — композитор; друг А. А. Ахматовой 499, 504, 524
Лурье И. М. (1903—1958) — востоковед-египтолог 524
Лухуша — месопотамское божество 167
Лэнгдон С. (1876—1937) — востоковед-ассириолог (США) 588, 590, 610
Любимов 560
Любимова А. В. 560

Маган — современный Оман 44, 45
Мадга — область к востоку от Месопотамии 46
Мазох 498
Малхия 436
Мана 443, 450, 453
Манда 452
Манда-дехайе 440
Мандельштам Н. Я. (1899—1980) — вдова О. Э. Мандельштама 525, 526
Мандельштам О. Э. (1891—1938) — поэт 469, 470, 522, 526
Маништусу (Manishtusu; XXIII в. до н. э.) — царь г. Аккада 483, 485
Мапиришу — месопотамское божество 167
Мардук — верховный бог г. Вавилона 85—87, 94, 95, 144, 150—152, 156, 160, 166, 168, 171—173, 176, 180, 181, 188, 189, 191, 198, 199, 202—204, 206—209, 211—215, 217, 221, 223, 224, 229—234, 241,

242, 244, 245, 247, 248, 250, 251, 254, 257, 383, 387, 388, 391, 399—402, 404, 407, 408, 418, 460, 463, 471, 540, 541, 551, 602, 604, 609, 610, 612
Мардук-балату-икби — вавилонский царь (818—813 до н. э.) 90
Мардук-табик-зери (правильно: шапик-зери) — вавилонский царь II династии Исина (1082—1070 до н. э.) 90
Мардук-шум-укин 90
Мари — семитский город на среднем Евфрате 11
Марр Н. Я. (1865—1934) — востоковед-кавказовед, лингвист, профессор Ленинградского университета, академик АН СССР 489, 525, 558
Марс — бог войны у древних римлян 592
Маяковский В. В. (1893—1930) — поэт 492
Медников Н. А. (1855—1918) — востоковед-арабист, профессор Петербургского императорского университета 476, 489
Мейер Э. (1855—1930) — немецкий востоковед-египтолог, историк древнего мира, иностранный член-корреспондент Петербургской Академии наук 529, 530
Мейерхольд В. Э. (1874—1940) — театральный режиссер 492
Мейснер Б. (Meissner B.; 1868—1947) — востоковед-ассириолог (Германия) 366, 373, 607
Мелухха — отдаленная страна, с которой шумеры вели морскую торговлю; в ранних текстах, скорее всего, имелось в виду западное побережье п-ва Индостан, в поздних текстах этим термином обозначали Нильскую Эфиопию 44, 45, 46
Менделеев Д. И. (1834—1907) — химик, профессор Петербургского императорского университета, член-корреспондент РАН 474
Менуа — область к западу от Месопотамии 46
Мес — см. Гильгамеш (Бильгамес) 26
Месилим — правитель г. Дера 13, 14
Мец А. Г. — литературовед 469
Микит — злой демон в вавилонской мифологии 126, 127
Минюк 503
Михей 436
Мишару — принцип справедливости и божество справедливости в Вавилонии 251—255
Мишиме 10
Москва 497, 498, 501, 503, 508, 519, 521, 525, 560—563
Муру — поселение в северной Сирии 57
Мутабрику — злой демон в вавилонской мифологии 126, 127
Мушекиль — месопотамское божество 351
Мути-абалла 62

Наби-Энлиль — полководец Тирикана 57
Набу — вавилонский бог мудрости и грамотности, сын Мардука 93, 166, 229, 239
Набу-апла-иддин — вавилонский царь (ок. 870—854 до н. э.) 85—87, 90
Набу-надин-шум 86, 87

Набузеридин 439
Набукодросор — царь г. Вавилона (Навуходоносор; 605—562 гг. до н. э.) 439
Нагар — шумерское божество 76
Намтар — шумерский бог смерти, вестник Подземного мира 103—105, 125—127, 435, 436
Нана — здесь: эпитет Иштар 144, 166, 588
Нанна(р) — шумерский бог Луны, хозяин г. Ура 60—63, 65
Нанше — шумерская богиня, дочь Энки, покровительница бедных, толкователь снов 5—9, 15—17, 19, 23, 38—40, 42, 45, 46, 48, 584
Наппельбаум М. 617
Наруду — вавилонское божество 241
Небо (манд. Набу) 453
Невский Н. А. (1892—1937) — востоковед-японист 491, 560
Нерадовский Н. 617
Нергал — бог Подземного мира, эпидемий и смерти 61, 62, 126—128, 134, 135, 154, 166, 177, 184, 229, 243, 357, 458, 537, 592, 597—599, 612
Нериг (манд. Нергал) 453, 613
Нети — привратник Подземного мира в шумерской мифологии 612
Нидаба (Нисаба) — шумерская богиня грамотности и школы 25, 26, 41, 46, 47, 120, 220, 378, 421
Никимит 172
Никольский М. В. (1848—1917) — первый русский ассириолог, профессор Духовной академии 478, 491, 557, 560
Нин-Анна 176
Нин-задим — шумерское божество, покровитель ювелиров 87
Нин-илду — шумерское божество, покровитель плотников 87
Нин-курра — шумерское божество, покровитель каменщиков 87
Нин-Ниппур — супруга Нинурты, богиня г. Ниппура 376
Нин-Эанна — эпитет Инанны 167
Нина — устар. чтение имени Нанше 16, 37, 38, 41, 48
Нина — см. Сирара 9, 19, 23, 40
Ниназу — шумерский бог плодородия и врачевания 200
Нинакукуттум (Нинахакудду) — устар. чтение имени Нингиримы 131, 399
Нинахакудду — см. Нинакукуттум
Нингирима — шумерская богиня заговоров 26, 200
Нингирсу — божество земледелия и войны, хозяин г. Лагаша; функционально эквивалентен Нинурте 6—18, 20—23, 25, 29, 36—39, 41—46, 48, 50, 51, 53—55, 176, 580—586
Нингишзида (Гишзида) — шумерское божество, администратор в храме Нингирсу 37, 41, 54, 69, 70, 76, 123, 124, 420, 430—433, 584, 597
Нингуэнна — жена орла Анзу 387, 401, 410—412, 414, 415
Ниндар — один из сыновей Нингирсу 24, 584
Ниндуб (или Нинуруда) — шумерское божество, покровитель строительных проектов 41
Нинив — см. Нинурта 153, 177
Нинисина — одно из имен Инанны (Инанна как планета) 64, 65
Нинкарнунна — шумерское божество, слуга Нинурты 376

Нинкаррак — одна из богинь врачевания 125, 399, 400
Нинкаси — шумерская богиня пивоварения 611
Нинки 166
Нинкигаль — супруга Ниназу 200
Нинкум — энкум и нинкум — дворцовые должности: сначала начальники рыбаков, затем интенданты дворца 176
Нинлиль — супруга Энлиля, богиня г. Ниппура 182, 238
Нинмарки — дочь Нингирсу 37
Нинмах — одно из имен шумерской богини-матери 23, 396
Нинменна — предположительно эпитет Дамкины 537
Нинни — устар. чтение имени Инанна 24, 28, 36, 55, 67, 71, 74, 75, 78, 390, 391, 588
Нинни-эш 28
Нинтудкаламма — одно из имен шумерской богини-матери 46
Нинурта (устар. чтение: Ниниб) — бог земледелия и войны в шумерской мифологии 153, 157, 234, 236, 238, 373, 376, 377, 399, 458, 552, 586, 596, 599, 608, 611
Нинхурсаг — одно из имен шумерской богини-матери, см. Нинмах 8, 14, 16, 26
Ниншар — см. Эншар и Ниншар
Ниншубур — помощник Инанны 68, 532
Ниппур — шумерский город на Евфрате, религиозный центр Южной Месопотамии 23, 28, 39, 66—68, 80, 142, 368, 376, 589, 590, 596
Нисаба — см. Нидаба
Нур-Адад — царь г. Ларсы (1865—1850 до н. э.) 59
Нуску — посол Энлиля и помощник Нинурты 156, 157, 182, 187, 239, 241, 374
Нухрайя 440—442, 444—446, 450, 453

Опис — устар. чтение названия г. Кеша 52
Орбели И. А. (1887—1961) — востоковед-кавказовед, профессор Ленинградского университета, академик АН СССР, директор Государственного Эрмитажа 457, 459, 460, 511, 524
Орест — герой греческой мифологии, отомстивший матери за смерть своего отца 532
Орфей 592
Осирис — египетский бог плодородия 100

Павлович Н. А. (1895—1979) — поэт 499, 500
Панова Л. Г. — литературовед 494
Папсуккаль — вавилонское имя Ниншубур 100, 103
Париж 525, 561
Пастернак Б. Л. (1890—1960) — поэт, писатель, переводчик 470
Пасхор 436, 438
Перепелкин Ю. Я. (1903—1982) — востоковед-египтолог 523
Персефона — греческая богиня царства мертвых 100
Персия 272
Петербург 525, 556, 557, 560
Петергоф 556
Пиотровский Б. Б. (1908—1990) — археолог, профессор Ленинградского

университета, академик АН СССР, директор Государственного Эрмитажа 524
Пиотровская Л. 498
Платонова-Лозинская И. В. 591
Полонская Е. Г. 501
Польша 473
Поморье (Приморье) — область на юге Ирака, примыкающая к Персидскому заливу 385
Потапово 520
Прибалтика 473
Прокофьев С. С. (1891—1953) — композитор 492
Пронин Б. 562
Пропп В. Я. (1895—1970) — фольклорист, профессор Ленинградского университета 473, 526
Псков 527, 557, 558
Птаель 452
Пунин Н. Н. (1888—1953) — искусствовед; третий муж А. А. Ахматовой 500, 504
Пунина А. Е. 500
Пушкин А. С. (1799—1837) — поэт 548, 549
Пяст В. (1886—1940) — литератор 471, 492, 494

Рабису (Рабицу) — одно из демонических существ в шумерской мифологии 126, 127, 243
Рабицу — см. Рабису
Рама 439
Рамсес II (XIII в. до н. э.) — фараон XIX династии, соперник хеттов в борьбе за земли Южной Сирии 531
Рейснер Л. — активный участник гражданской войны 500
Ривла 439
Рим-Син — последний царь аморейской династии г. Ларсы (1822—1763 до н. э.) 66—68, 587
Рифтин А. П. (1900—1945) — востоковед-ассириолог, лингвист, профессор и декан филологического факультета Ленинградского университета 471, 510, 511, 514, 519
Рождественский Вс. (1895—1977) — поэт 502
Розанов В. В. (1856—1919) — писатель, мыслитель 494
Романов Н. И. 520
Рур Р. В. 509
Руха 451

Сабашников М. В. (1871—1943) — издатель 510, 514
Сабиту — см. Сидури
Сабу (или Забуа) — область в горах Загроса, к востоку от Месопотамии 387, 409
Савельева Т. Н. — востоковед-египтолог 464
Саккут — шумерское божество, см. Нинурта 167
Саргон Древний (кон. XXIV—XXIII вв. до н. э.). — семитский правитель, царь Аккада, основатель династии Саргонидов 527, 532, 534
Саргон II — ассирийский царь, завоеватель Израильского царства (722—705 до н. э.) 92
Сарсар-гора (Шаршар или Хехе) 385
Сафатия 436
Седекия (VI в. до н. э.) — царь Иудеи 436, 438, 439
Селемия 436, 437

Сенковский О. И. (1800—1858) — востоковед (арабист и тюрколог), профессор Петербургского императорского университета, литератор 470
Сераия 436, 437
Сердюков А. 489, 557
Сидану — злой демон вавилонской мифологии 126, 127
Сидон — город в Финикии 438
Сидури (или Шидури; Сабиту) — богиня-родительница у эламитов; хозяйка корчмы богов в аккадском эпосе о Гильгамеше 167, 356, 366, 368—370, 372, 606
Силили — персонаж аккадского эпоса о Гильгамеше 361
Симмашипак — совр. чтение: Симбар-Шипак — первый царь II династии Приморья (1025—1008 до н. э.) 84
Симти-Шильхак — отец Кудур-Мабука, дед Варад-Сина 61, 62, 66, 67
Син — вавилонский бог Луны 26, 67, 97, 100, 104, 107, 117, 154, 177, 184, 186—188, 211, 239, 368, 371, 391, 395, 405, 447, 596
Синаххериб — ассирийский царь, разрушитель Вавилона (705—681 до н. э.) 92, 95, 437
Син-иддинам (1849—1843 до н. э.) — царь г. Ларса 58, 59, 60, 587
Син-леке-уннинни (в стихотворении Гумилева Син-Лики-Уннини) — составитель эпоса о Гильгамеше 111, 357, 368, 508, 606
Сиппар — шумерский город на севере Южной Месопотамии 84—88
Сирара — шумерское поселение восточнее г. Лагаша 38—40
Сирис — устар. чтение имени Нинкаси 171, 387, 410
Соболевский С. И. (1864—1963) — филолог-классик, член-корреспондент АН СССР 473
Соккар — имя вавилонского царя в рассказе Элиана 111
Срезневская В. С. (1888—1964) — подруга А. А. Ахматовой 505
Срезневские 496
Старкова К. Б. (1915—2000) — востоковед-семитолог 471
Стрелков А. С. (1896—1939) — искусствовед, сотрудник ГМИИ и Эрмитажа 464
Струве В. В. (1889—1965) — востоковед-египтолог, историк древнего мира, профессор Ленинградского университета, академик АН СССР 459—461, 466, 467, 473, 512, 513, 515, 517, 524
Струве Н. А. 496
Субарту — см. Амурру 274, 307, 331, 385
Судейкин 492
Сузы — столица эламского государства 45, 167, 458, 527
Суппилулиума — хеттский царь (ок. 1200 г. до н. э.) 531
Сурсунабу — см. Уршанаби
Сутугина В. А. 509

Таммуз — см. Думузи 56, 59, 69, 100, 105, 123, 124, 201, 225—227, 354, 360, 430—433, 458, 545, 592, 593, 597, 603
Тарелко М. В. — востоковед-семитолог 469
Тахо-Годи Е. А. — литературовед 469
Ташкент 525

Ташмет(у) — супруга Набу 166, 229, 239
Тиамат — богиня моря и соленых вод; в вавилонском эпосе — враг Мардука 388, 609
Тибаль — месопотамское божество 167
Тидану — область к западу от Месопотамии 46
Тигр 38, 53, 56, 58, 60, 144, 160, 171, 196, 394
Тименчик Р. — литературовед 525
Тир — город в Финикии 438
Тирид — злой демон в вавилонской мифологии 126, 127
Тирикан — последний царь династии кутиев в Южной Месопотамии 56, 57
Тихонов Н. С. (1896—1979) — поэт 501
Токио 560
Толмачев М. В. 522
Толстой Д. А. (1823—1889) — министр просвещения и внутренних дел России, граф 474
Топоров В. Н. (1928—2005) — лингвист, литературовед, культуролог, академик РАН 468, 469
Тревер К. В. (1892—1974) — искусствовед, член-корреспондент АН СССР 524
Троцкая Н. И. — жена Л. Д. Троцкого 497
Тубалат-Иштар 90
Тураев Б. А. (1868—1920) — востоковед (египтолог и эфиопист), религиовед, профессор Петербургского императорского университета, академик РАН 473, 477, 478, 488, 492, 533, 554, 559
Тюро-Данжен Ф. (1872—1944) — востоковед-ассириолог, основатель шумерологии (Франция) 479—482, 484, 485, 487, 557, 558, 585, 617

Убар-Туту — в ассирийской литературе отец Утнапиштима 356, 371
Уварова П. С. (1840—1924) — археолог, коллекционер, председатель Московского археологического общества, графиня 491, 560
Укуш (или Бубу) — отец Лугальзагеси 25
Уману 32
Умма — шумерский город в дельте Евфрата и Тигра, соперник г. Лагаша 8, 9, 13—18, 23, 25—27, 478, 582
Умму — злой демон в вавилонской мифологии 126, 127
Унгнад А. (Ungnad A.; 1879—1945) — востоковед-ассириолог (Германия) 518, 593
Ур — шумерский город на берегу Персидского залива; в конце III тыс. до н. э. — политическая столица Южной Месопотамии 8, 9, 27, 58, 60, 61, 63, 64, 66—68, 80, 354
Ур-Нанше (XXV в. до н. э.) — правитель г. Лагаша 5, 7, 579
Ур-Ниназу — полководец Тирикана 57
Урлумма — правитель г. Уммы, современник Энаннатума I 15
Уруа — город, часто осаждавшийся царями Месопотамии; местонахождение неизвестно 8, 9
Уруаз 10
Урук (Варка) — шумерский город; в начале III тыс. до н. э. — центр военно-политического союза шумерских городов 9, 25—28, 55, 56,

68, 78, 153, 167, 174, 354, 355, 364, 365, 367, 368, 384, 457, 530, 582, 586, 607
Урукагина — царь г. Лагаша (2318—2312 до н. э.), известный своей законодательной деятельностью 18, 21—23, 458, 482, 484, 582
Уршанаби (Сурсунабу) — корабельщик мира богов в аккадском эпосе о Гильгамеше 367, 368, 370, 371, 607
Утнапиштим — ассирийское имя праведника, спасшегося от потопа 356, 367, 368, 370—372, 607, 611
Уту — шумерский бог Солнца 14, 23, 36, 58—60, 62, 65, 544
Уту-хегаль (XXII в. до н. э.) — правитель г. Урука, один из победителей кутиев 55—58, 354, 578, 566
Уш — правитель г. Уммы, современник Эанатума 13
Ушабши-илу 90

Филадельфия 544
Финляндия 496
Феодосия 527
Флиттнер Н. М. (1879—1957) — востоковед-египтолог, искусствовед 524
Фоссе Ш. (1869—1946) — востоковед-ассириолог, религиовед (Франция) 545—547
Фрейденберг О. М. (1890—1955) — литературовед, филолог-классик, профессор Ленинградского университета 473, 533
Фридрих И. (1893—1972) — востоковед-хеттолог, лингвист (Германия) 510
Фрэзер Дж. Дж. (1854—1941) — филолог-классик, религиовед (Великобритания) 554

Хаббан 90
Хамхур — вавилонское божество 232
Харбел — ангел в религии мандеев 449
Харран — семитский город в северной Месопотамии 97
Хаттусилис III — хеттский царь (ок. 1270—ок. 1250 до н. э.) 531
Хаупт П. (1858—1926) — востоковед-ассириолог (Германия—США) 354, 516, 607
Хвольсон Д. А. (1819—1911) — востоковед-семитолог, профессор Петербургского императорского университета, член-корреспондент РАН 474
Хендурсаг(га) — шумерское божество ночи, хозяин планеты Сатурн 9, 37, 167
Хоффман — коллекционер 480
Христос 527, 533
Хумба — см. Хумбаба
Хумбаба (Хумба) — хранитель кедрового леса в шумерских и аккадских эпических песнях, жертва Гильгамеша и Энкиду 227, 305, 355, 604, 612
Хумбан — одно из божеств Элама 167

Царпанит(у) — супруга Мардука 85, 166, 231, 391, 392
Цветаева М. И. (1892—1941) — поэт 470
Циммерн Г. (1862—1931) — востоковед-ассириолог, религиовед (Германия) 119

Чехов А. П. (1860—1904) — писатель, драматург 474

Чехович Н. О. — востоковед-ассириолог 542
Чуковский К. И. (1882—1969) — писатель, критик 509
Чуковская Л. К. (1907—1996) — писатель, мемуарист; подруга А. А. Ахматовой 505

Шабунин А. В. — исследователь творчества В. К. Шилейко 521
Шаккан (или Сумукан) — шумерский бог, покровитель диких зверей 149, 162, 540, 604
Шамаш — вавилонский бог Солнца и справедливого суда 84—92, 94, 104, 107, 112—117, 132, 143, 145, 147, 148, 152—154, 157, 158, 160, 161, 166, 167, 173, 177, 182, 186—189, 200, 201, 206, 209, 211, 243, 246, 248—253, 257—262, 355, 366, 369, 395, 399, 447, 448, 453, 542—545, 548, 551, 600, 601, 612
Шамашшумукин (668—648 до н. э.) — старший сын Асархаддона, соперник Ашшурбанипала 91, 92, 95—97, 527, 590
Шапорина Л. В. 493
Шарабду — злой демон в шумерской и вавилонской мифологии 126, 127
Шаркалишарри (XXIII в. до н. э.) — царь г. Аккада 482, 485
Шарраху — месопотамское божество 167
Шарур — боевая дубина, волшебный помощник Нинурты в шумерском эпосе 44, 45, 50, 375, 377
Шейль П. (Scheil P.) — востоковед-ассириолог (Франция) 480, 485
Шервинский С. В. (1892—1991) — филолог-классик, переводчик 522
Шереметев П. С. (1871—1943) — историк, художник, граф 470, 491, 492, 559
Шилейко А. В. (1927—2005) — физик, изобретатель, профессор Московского института инженеров транспорта; сын В. К. Шилейко и В. К. Андреевой-Шилейко 462, 464, 468, 469, 479, 513, 571, 572, 617, 618
Шилейко Ал. К. — брат В. К. Шилейко 474, 556
Шилейко Ант. К. — сестра В. К. Шилейко 474, 556
Шилейко Д. К. — брат В. К. Шилейко 474
Шилейко К. Д. (1860—1911) — статский советник; отец В. К. Шилейко 473, 474, 477, 556
Шилейко М. К. — сестра В. К. Шилейко 474, 556
Шилейко Т. И. — редактор, публикатор наследия В. К. Шилейко; жена А. В. Шилейко 468, 469, 495, 512, 520, 571, 572, 618
Шималийя — касситское божество 166
Шкловский В. Б. (1893—1984) — писатель, литературовед 482, 493, 494, 509, 526, 533
Шмидт А. — востоковед-ассириолог (Дания) 563
Шмидт А. Э. (1871—1939) — востоковед-арабист, член-корреспондент АН СССР 476
Шолльмейер А. — востоковед-ассириолог (Германия) 546
Штайбль Х. — востоковед-ассириолог (Германия) 579, 580, 583
Шубару 181
Шубур — область к западу от Месопотамии 11

Шугурнак — месопотамское божество 351
Шукамуна — касситское божество 166
Шуль-Утуль — шумерский бог, покровитель династии г. Лагаша 8, 11, 17
Шуль — месопотамское божество шумерского происхождения 167
Шульги — шумерский царь III династии г. Ура (ок. 2093—2046 до н. э.) 458
Шульпаэ — у шумеров покровитель планеты Юпитер 385
Шульшагга — один из сыновей Нингирсу 37
Шумер 27, 49, 55—60, 63, 64, 66—68, 91—94, 354, 466, 478, 529

Щерба Л. В. (1880—1944) — лингвист, профессор Ленинградского университета, академик АН СССР 471
Щербаков Н. 559
Щербатской Ф. И. (1866—1942) — востоковед-буддолог, академик РАН 473

Эа — вавилонский бог вод и мудрости, см. Энки 87, 95—97, 99, 104, 106, 118, 121—126, 131, 134, 147, 151, 156, 160, 166, 168, 171, 377, 379, 380, 400, 603
Эабани (Эа-табу; правильно: Энкиду) — наперсник и друг Гильгамеша 355, 356, 364, 369, 371
Эа-риманни 90
Эаннатум (XXV в. до н. э.) — царь г. Лагаша 7—11, 14, 458, 580, 581
Эвридика 592
Эврипид — см. Еврипид
Эдимгалькаламма — месопотамское божество шумерского происхождения 166
Эдип — сын фиванского царя, герой греческой мифологии и литературы 527, 532, 534
Экур-шум-ушабши — верховный жрец Сиппара 85, 86, 88
Элам — государство на юге Иранского нагорья, восточный сосед и извечный враг Месопотамии 7, 9, 11, 45
Элиан — позднеантичный писатель 111
Элшам 436
Эльнатан 436
Эмутбала — аморейское племя 62, 63, 66, 67
Энаннатум I (XXIV в. до н. э.) — правитель г. Лагаша, брат Эаннатума 12, 15, 581
Энбилулу — шумерский бог ирригации 152
Энентарзи (XXIV в. до н. э.) — правитель г. Лагаша 482, 483
Энки — шумерский бог пресных подземных вод, покровитель мудрости, магии и искусств, создатель и спаситель человечества, хозяин г. Эриду 8, 17, 20, 26, 36, 46, 48, 68, 166, 547, 612
Энкиду 369, 606, 607, 612
Энкур — сын Энлиля 211
Энлиль (аккад. Эллиль) — шумерский бог воздуха и срединного мира, покровитель царской власти, хозяин г. Ниппура 8, 12—14, 17, 18, 21, 23, 26—29, 36, 38, 40, 42—44, 46, 50, 54—58, 60, 62, 63, 79, 82, 83, 85, 106, 134, 143, 153, 166, 174, 182, 184, 186, 196, 211, 212, 238, 243, 248, 335, 368, 373, 375—

377, 379, 382, 388—394, 399, 401—404, 409, 414—416, 419, 420, 434, 589, 594, 596, 604, 608, 611
Энметена (XXIV в. до н. э.) — правитель г. Лагаша 13—17, 581, 582
Энну — птенец Анзу 387, 401, 410—412, 414, 415
Эннакале — правитель г. Уммы, современник Энметены 14
Эншар и Ниншар — боги-супруги, одни из первых божеств мироздания 166, 167
Эреб — в греческой мифологии бог мрака 99
Эрешкигаль — шумерская богиня Подземного мира, супруга Нергала 100, 102—104, 125—127, 240, 351, 357, 458, 537, 597, 604, 612
Эриду (или Эреду) — один из древнейших городов на юге Месопотамии 39, 48, 54, 65, 68, 78, 119, 121, 122, 142, 143, 151—153, 166, 171, 179, 181, 191, 199—201, 204, 208, 209, 217, 223, 388, 394, 420, 424, 425, 430
Эруа — ассирийская богиня-мать 91, 229
Этана — легендарный царь г. Киша, герой аккадского эпоса 110, 111, 114—119, 353, 457, 597, 612
Эульмаш-шакин-шум 85
Эос — богиня зари в греческой мифологии 354

Ябру — эламское божество 167
Якобсон В. А. — востоковед-ассириолог 469, 546, 577
Япония 560
Ятманов Г. С. 498
Яхве (Иахве) 437, 438

Bar-nam-tarra (Baranamtarra) — жена Лугаланды 483
Barton G. A. 480
Besolo D. M. 481

Dhorme P. — см. Дорме П.

En-li-tar-zi (правильно: Enentarzi) — правитель г. Лагаша 483, 485, 486

Figulla H. 593

Geller S. 592
Genouillac H. — см. Женуйяк А.
Gressmann 593

Hiersemann 510

Jensen P. 480

King L. W. 531

Manishtusu — см. Маништусу
Meissner B. — см. Мейснер Б.

Ogden E. S. 480

Sag-sag (правильно: Šag-šag) — жена Урукагины 483
Scheil P. — см. Шейль П.

Ungnad A. — см. Унгнад А.

Weber O. 373

СОДЕРЖАНИЕ

ШУМЕРСКАЯ ЛИТЕРАТУРА

Царские надписи 5
Надписи Ур-Нанше, царя Лагаша 5
Надпись Акургаля, энси Лагаша 7
Надписи Эаннатума, энси Лагаша 7
Надписи Энаннатума I, энси Лагаша 12
Надпись Энметены, энси Лагаша 13
Надписи Урукагины, энси Лагаша 18
Надпись Лугаль-заггиси, царя Урука 25
Надпись на статуе Гудеа, энси Лагаша 29
Сон Гудеа 38
Надпись Уту-хегаля, царя Урука 55
Надписи Син-иддинама, царя Ларсы 58
Надписи Кудур-Мабука,«отца страны Амурру» 61
Надписи Варад-Сина, царя Ларсы 63
Надписи Рим-Сина, царя Ларсы 66

Литературные тексты 69
«Вышла она на простор» (Из книги заклинаний Эдинна усагга) . . 69
Песни о Нинни и Думузи 71
Псалом Энлилю 79
Псалом Ададу 81

АККАДСКАЯ ЛИТЕРАТУРА

Царские надписи 84
Сиппарская легенда 84
Надписи Шамашшумукина, царя Вавилона 91
Надписи Ашшурбанипала, царя Ассирии 94

Литературные тексты 99
Хождение Иштар 99
Вознесение Иштар 106
Миф о Зу. Похищение Книги Судьбы 107
Из поэмы об Этане. Орел и змея 110
Адапа 119
Нергал и Эрешкигаль 125
Песнь о Невинном Страдальце 128
Колыбельная песенка из Ассура 131
Поговорки 132

Религиозные тексты 133
Молитва Нергалу 133
Покаянные псалмы 136
(«Для чего, словно барка...») 144
Заклинание Солнца 145
«Почиют князья». Молитва из Варки 153
Маклу 154
Шурпу 162
Из книги «Злые духи» 173
Из книги «Злые болезни» 202
Молитвы Иштар о больном 224
Молитвы к Мардуку 229
Из ритуала для заклинателей 234
Из ритуала для прорицателей 243
Прорицания 262
Предсказания по рождениям 275
Погребальные таблетки из Суз 351

ДОПОЛНЕНИЯ

1. Эпос о Гильгамеше (статьи и фрагменты) 353
Введение к переводу Н. Гумилева 353
Древневавилонские фрагменты эпоса о Гильгамеше 358
Паломничество Гильгамеша 368

2. Мелкие фрагменты 373
Нинурта 373
Эа и Атрахасис 377
Ирра 382
Лугальбанда и Зу 387

Мардук 388
Победа Мардука над Тиамат 388
Песня Идин-Дагана, царя Исина 388
Литания Мардуку о болящем 391
Молитва к Иштар 396
Заклятие против Ламашту 398

3. Пьесы В. К. Шилейко 401
Лугальбанда и Зу. (Мистерия) 401
Адапа. Миф. (Пьеса) 419
Иеремия. Трагедия. (План пьесы) 436

4. Заклятие Жизни (мандейский текст) 439

ПРИЛОЖЕНИЯ

Переписка по поводу издания книги В. К. Шилейко «Ассиро-вавилонский эпос» 457
В. В. Емельянов. В. К. Шилейко и его «Ассиро-вавилонский эпос» . . 468
Т. И. Шилейко, А. В. Шилейко. Основные даты жизни и творчества В. К. Шилейко 556
Библиография В. К. Шилейко 564

Примечания 571
Список сокращений 614
Список иллюстраций 617
Указатель собственных имен и географических названий 619

Научное издание

АССИРО-ВАВИЛОНСКИЙ ЭПОС

Переводы с шумерского и аккадского языков
В. К. Шилейко

Утверждено к печати
Редакционной коллегией серии «Литературные памятники»

Редактор издательства *Л. Н. Мурзенкова*
Художник *Е. В. Кудина*
Технический редактор *Е. Г. Коленова*
Корректоры *О. В. Гусихина, З. Ю. Иванова, Т. С. Павлова, А. К. Рудзик* и *Я. Л. Сухова*
Компьютерная верстка *О. В. Никитиной*

Лицензия ИД № 02980 от 06 октября 2000 г.
Сдано в набор 24.04.2007. Подписано к печати 10.10.2007.
Формат 70 × 90 1/16. Бумага офсетная. Гарнитура Академия.
Печать офсетная. Усл. печ. л. 48.8. Уч.-изд. л. 37.3.
Тираж 3000 экз. Тип. зак. № 4345. С 226

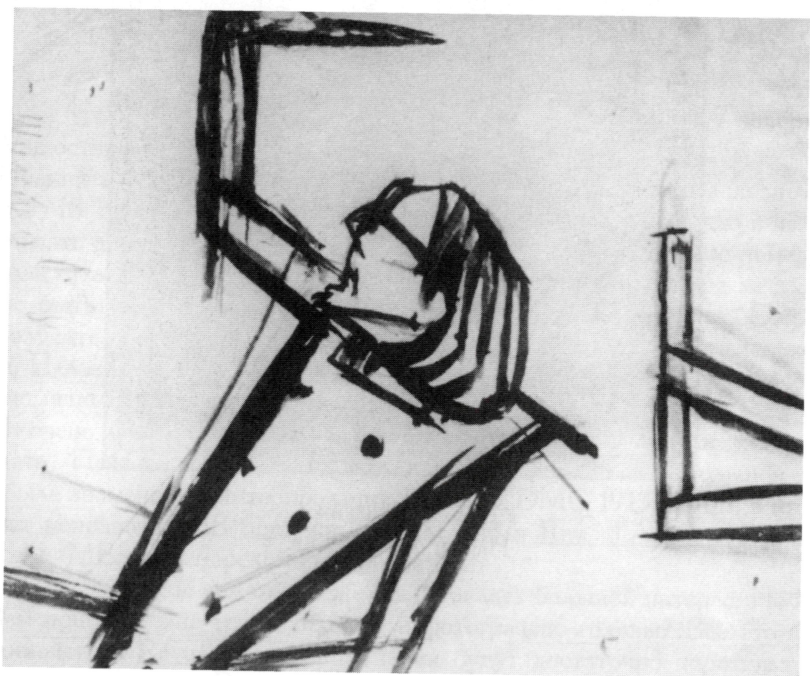
Санкт-Петербургская издательская фирма «Наука» РАН
199034, Санкт-Петербург, Менделеевская линия, 1
E-mail: main@nauka.nw.ru
Internet: www.naukaspb.spb.ru

Первая Академическая типография «Наука»
199034, Санкт-Петербург, 9 линия, 12

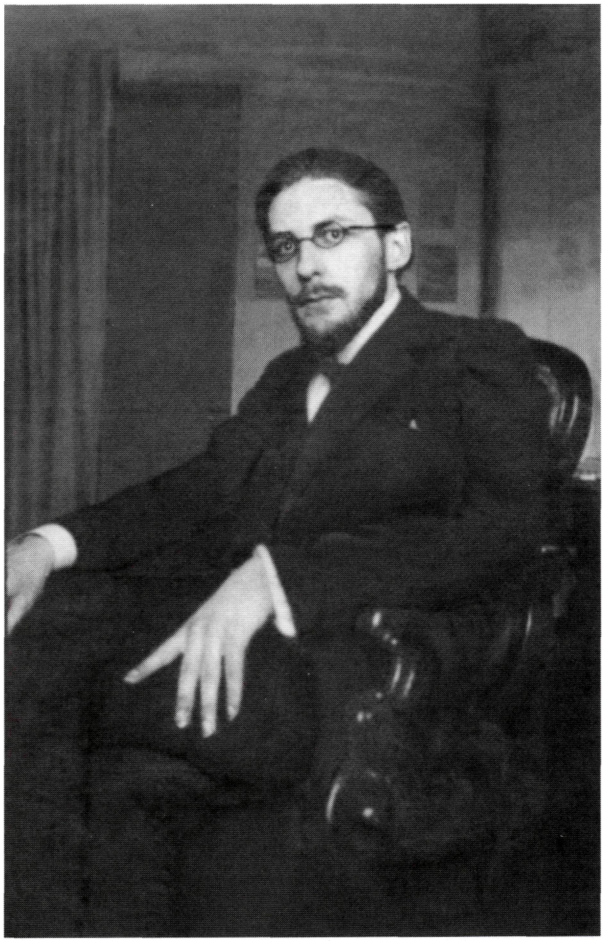
ISBN 978-5-02-026463-2

Володя Шилейко.
Нарва, фото 1893 г.

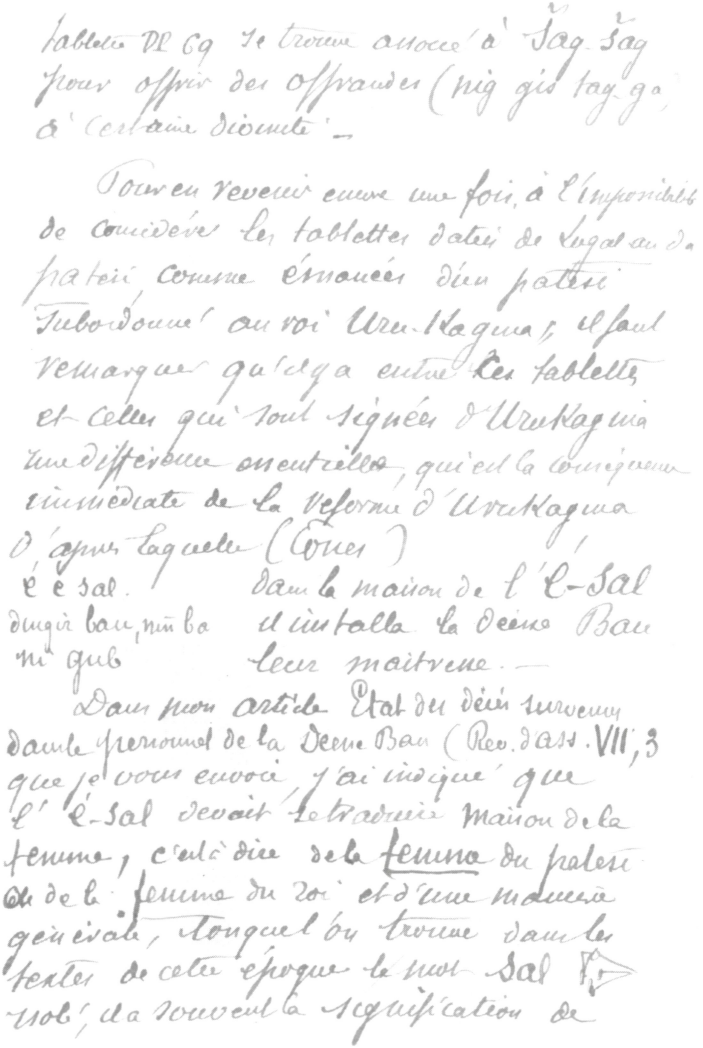
В. К. Шилейко (фрагмент фото семьи Шилейко на даче у Баньковских). Начало 1910-х гг.



В. К. Шилейко.
Рисунок Н. Альтмана. 1910-е гг.



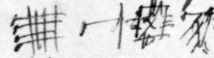
В. К. Шилейко.
Фото середины 1910-х гг.



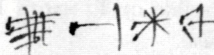
Фрагмент письма Ф. М. Аллотт де ла Фюи В. К. Шилейко от 13 июля 1912 г. Публикуется впервые.

La femme du patesi ou du roi, cette observation très importante m'a permis de traduire des textes que personne n'avait compris

Il résulte de la réforme d'Urukagina que l'é-gal dont il est parlé dans les textes de Lagal anda, ne figure plus dans ceux d'Urukagina, et si l'on compare les grandes tablettes de jouissance signées de Bar-nam-tar-ri de Sag-sag; le mien personnel qui est mentionné comme la propriété de Bar-nam-tar

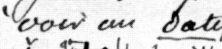


devient sous Urukagina la propriété de Bau



C'est ainsi que votre tablette n°N 86, ne peut être d'Urukagina , elle est de Lagal anda , le gal dam kar du patesi (Lagal anda) acheté au gal dam kar de la maison de la femme de la statue qui est payée en orge.—

Je ne vois par la dessin ci-contre que vous trouvez à voir un datet dans la tablette de Tschatschaff



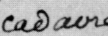
nig šu a | pa te si ka kam | Offrandes ou redevances destinées au patesi

à en li tazzi, p. de Lagash
pour le ki a nag
on les a apportées

Открытка Ф. Тюро-Данжена В. К. Шилейко от 13 марта 1914 г.
Публикуется впервые.

13 Mars 1914

Cher Monsieur,

J'ai renvoyé les épreuves à l'impri-
merie. Vous recevrez prochaine-
ment les épreuves en pages-
En ce qui concerne Nik. n°162, il
me semble que c'est la traduction
que vous proposez en second qui
est la bonne, c'est-à-dire « 1 mouton
est mort ; son cadavre ( =)
à l'É-MU a été porté ; sa peau Amar-
Ezine le cordonnier l'a emportée. »[xx]

Veuillez me croire, cher
Monsieur, votre tt dévoué

F. Thureau-Dangin

x Sic et non pour qui est démonstratif
xx C'est certainement votre première lecture
ba-tésn qui est la vraie

V.

Въ одни ворота́ ее ввелъ-и выводитъ, снимаетъ тіару большую съ ея головы:
„Зачѣмъ, привратникъ, снимаешь тіару большую съ моей головы?"
—„Входи, госпожа: у Царицы земли такіе законы."

Въ другія ворота ее ввелъ-и выводитъ, снимаетъ подвѣски съ ея ушей:
„Зачѣмъ, привратникъ, снимаешь подвѣски съ моихъ ушей?"
—„Входи, госпожа: у Царицы земли такіе законы."

Въ третьи ворота ее ввелъ-и выводитъ, снимаетъ ожерелья съ шеи ея:
„Зачѣмъ, привратникъ, снимаешь ожерелья съ шеи моей?"
—„Входи, госпожа: у Царицы земли такіе законы."

Въ четвертыя ворота ее ввелъ-и выводитъ, снимаетъ солнца съ груди ея:
„Зачѣмъ, привратникъ, снимаешь солнца съ груди моей?"
—„Входи, госпожа: у Царицы земли такіе законы."

Въ пятыя ворота ее ввелъ-и выводитъ, снимаетъ поясъ родильный съ чреселъ ея:
„Зачѣмъ, привратникъ, снимаешь поясъ родильный съ чреселъ моихъ?"
—„Входи, госпожа: у Царицы земли такіе законы."

Въ шестыя ворота ее ввелъ-и выводитъ, снимаетъ запястья съ ея рукъ и ногъ:
„Зачѣмъ, привратникъ, снимаешь запястья съ моихъ рукъ и ногъ?"
—„Входи, госпожа: у Царицы земли такіе законы."

Въ седьмыя ворота ее ввелъ-и выводитъ, снимаетъ платье стыда съ ея тѣла:
„Зачѣмъ, привратникъ, снимаешь платье стыда съ моего тѣла?"
—„Входи, госпожа: у Царицы земли такіе законы."

Литературный архив М. Л. Лозинского

Страница перевода «Хождения Иштар».
Рукопись. Петербург, 1917 г. Из семейного архива Лозинских.
Публикуется впервые.

В. К. Шилейко.
Рисунки С. А. Краевской. 1917 г. Акварель.

Участники Первой Всероссийской конференции археологов.
Третий справа в третьем ряду стоит В. К. Шилейко.
Петроград, 6 августа 1919 г. Фото.

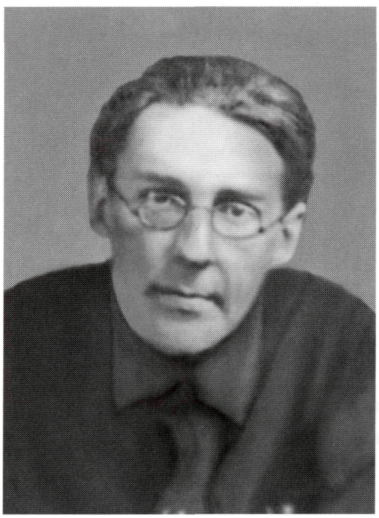
Рисунок В. К. Шилейко (шуточное обращение Тапа к М. Горькому). 1919 г.
Фонд Музея Анны Ахматовой в Фонтанном доме (КП 12978).
Публикуется впервые.

В. К. Шилейко.
Рисунок Н. Нерадовского на заседании ГАИМК. 9 января 1922 г. Карандаш.

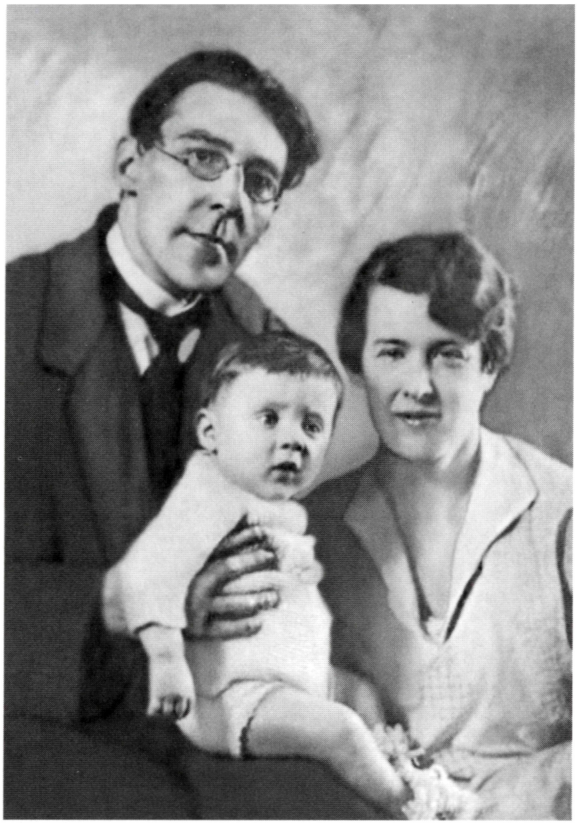
В. К. Шилейко.
Рисунок на заседании ГАИМК.
22 июля 1922 г. Карандаш.

В. К. Шилейко и сенбернар Тапа.
Рисунок М. В. Фармаковского. 1923 г.
Карандаш.

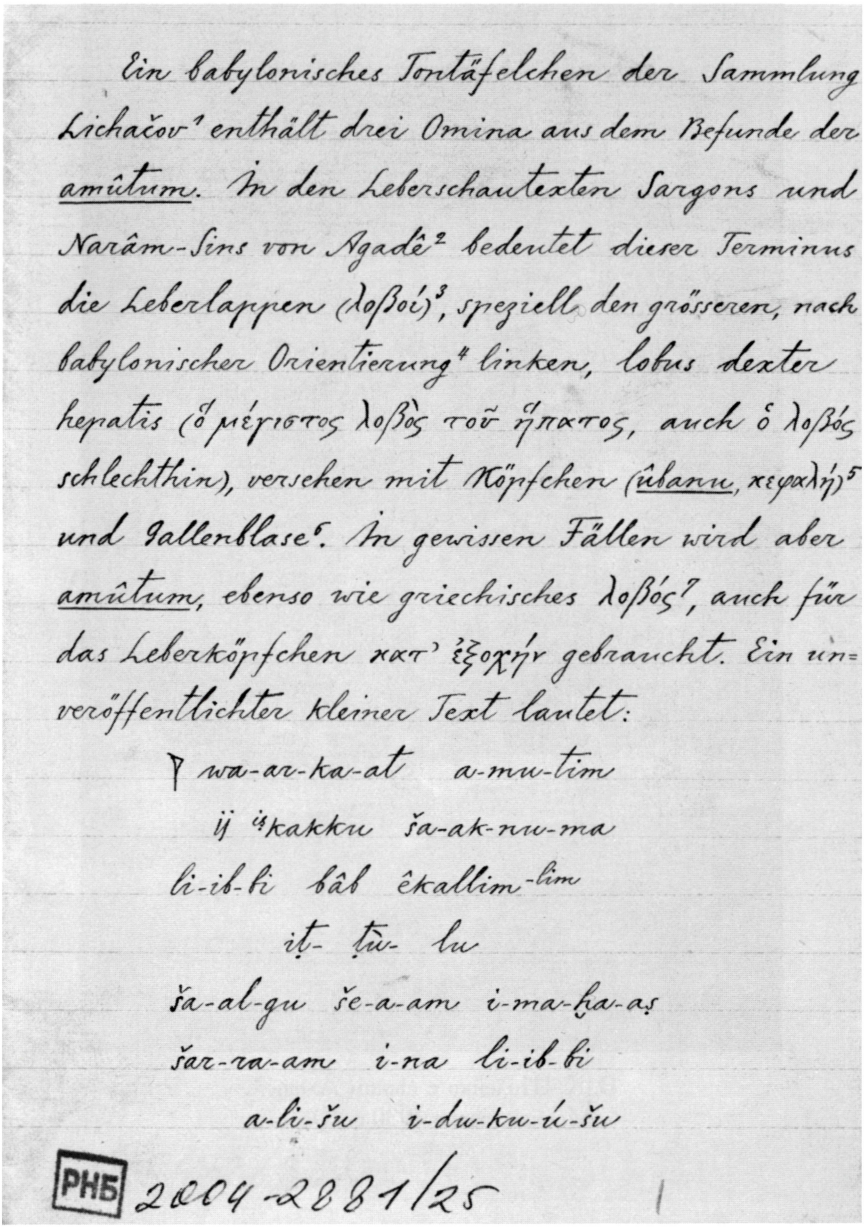
А. А. Ахматова.
Фото М. Наппельбаума.
Петроград, 1921 г.



В. К. Шилейко.
Фото 1927 г. (пропуск ГМИИ).



В. К. Шилейко и В. К. Андреева с сыном Алешей.
Москва, 1928 г. Фото.



Ein babylonisches Tontäfelchen der Sammlung Lichačov[1] enthält drei Omina aus dem Befunde der amûtum. In den Leberschautexten Sargons und Narâm-Sins von Agadê[2] bedeutet dieser Terminus die Leberlappen (λοβοί)[3], speziell den grösseren, nach babylonischer Orientierung[4] linken, lobus dexter hepatis (ὁ μέγιστος λοβὸς τοῦ ἥπατος, auch ὁ λοβός schlechthin), versehen mit Köpfchen (ubanu, κεφαλή)[5] und Gallenblase[6]. In gewissen Fällen wird aber amûtum, ebenso wie griechisches λοβός[7], auch für das Leberköpfchen κατ' ἐξοχήν gebraucht. Ein unveröffentlichter kleiner Text lautet:

1 wa-ar-ka-at a-mu-tim
ij ⁴kakku ša-ak-nu-ma
li-ib-bi bâb êkallim-lim
iṭ- ṭu- lu
ša-al-gu še-a-am i-ma-ḫa-aṣ
šar-ra-am i-na li-ib-bi
a-bi-šu i-du-ku-ú-šu

РНБ 2004-2881/25

Черновик одной из последних статей В. К. Шилейко.
Москва, 1928 г. ОР РНБ.
Публикуется впервые.

В. К. Шилейко с сыном Алешей.
Москва, весна 1930 г. Фото.

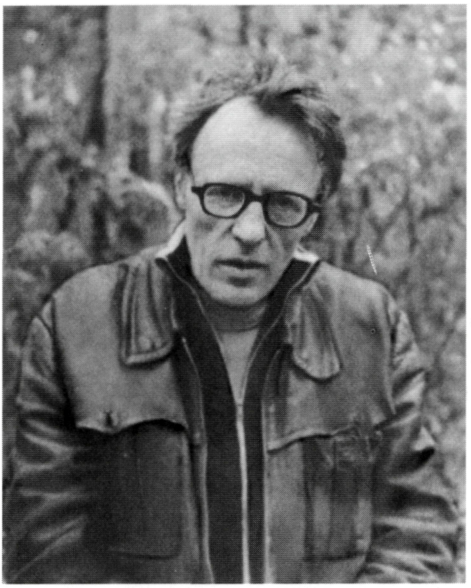
1. Греко-вавилонские фрагменты.
2. Саргон и Эрим.
3. Династия Чиле.
4. Печать Гиль-Нинлиль.
5. Письмо к вавилонским ишуррентам.
6. Чаши из Суз.
7. Амулет против поллюара.

Перспективы:
1. Жив ли Ситтин.
2. Печать Артаксеркса.

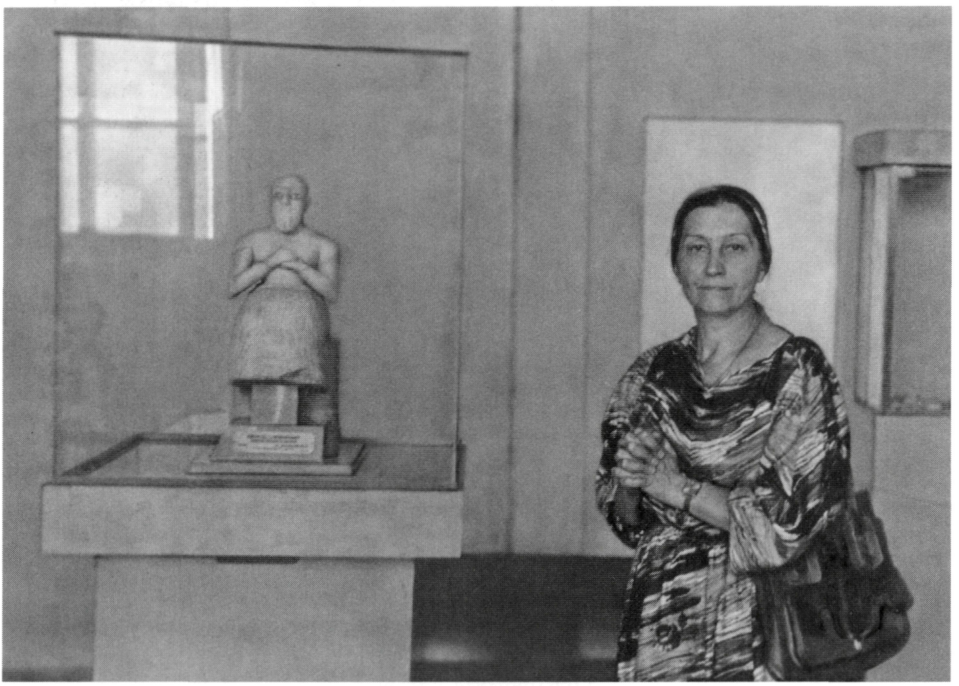
Приступаю за обработку
таблеток из Перекука.

РНБ
2004-2881/30

Записка с планом будущих работ.
Москва, 1930 г. ОР РНБ.
Публикуется впервые.



А. В. Шилейко.
Фото 1970-х гг.



Т. И. Шилейко в шумерском зале Лувра.
Париж, 1980 г. Фото.